

ISSN 2411-1503

МИНИСТЕРСТВО НАУКИ И ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ РФ

Алтайский государственный университет
Алтайский государственный краеведческий музей

СОХРАНЕНИЕ И ИЗУЧЕНИЕ КУЛЬТУРНОГО НАСЛЕДИЯ АЛТАЙСКОГО КРАЯ

Сборник научных статей

Выпуск XXVI

Барнаул

Издательство
Алтайского государственного
университета
2020

УДК 902(571.150)(08)
ББК 63.48(2Рос-4Алт)я431
С689

Ответственный редактор:
А.А. Тишкин

Редакционная коллегия:
*Н.В. Вакалова, В.В. Горбунов, С.П. Грушин,
Т.С. Паршикова, В.П. Семибратов, Н.Н. Серегин,
Т.В. Тишкина, О.Г. Филиппова, Я.В. Фролов*

С689 **Сохранение и изучение культурного наследия Алтайского края** [Текст] : сборник научных статей / отв. ред. А.А. Тишкин. – Барнаул : Изд-во Алт. ун-та, 2020. – Вып. XXVI. – 342 с.
ISSN 2411-1503

Издание содержит статьи, подготовленные на основе материалов докладов XXVI Всероссийской научно-практической конференции (с международным участием) «Сохранение и изучение культурного наследия Алтая». Рассматриваются различные вопросы, связанные с проблемами изучения и сохранения памятников археологии, истории, архитектуры и этнографии, а также с использованием объектов наследия в музейной деятельности и в сфере культурного туризма. Данный выпуск посвящен 135-летию со дня рождения выдающегося отечественного исследователя Сергея Ивановича Руденко.

УДК 902(571.150)(08)
ББК 63.48(2Рос-4Алт)я431

ISSN 2411-1503

© Оформление. Издательство Алтайского государственного университета, 2020

СОДЕРЖАНИЕ

РАЗДЕЛ 1. К 135-ЛЕТИЮ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ С.И. РУДЕНКО

<i>Киреев С.М.</i> Обзор материалов о деятельности С.И. Руденко в Горном Алтае в собрании Национального музея Республики Алтай им. А.В. Анохина	7
<i>Филиппова О.Г.</i> Материалы о С.И. Руденко в коллекциях Алтайского государственного краеведческого музея (Россия)	16

РАЗДЕЛ 2. ИЗУЧЕНИЕ АРХЕОЛОГИЧЕСКИХ ПАМЯТНИКОВ И НАХОДОК

<i>Вальков И.А., Папин Д.В., Федорук А.С.</i> Костяной тупик с поселения эпохи поздней бронзы Бурла-3	
<i>Головченко Н.Н., Дьяков Н.Р., Савко С.А.</i> Результаты обследования русловой отмели Федуловской протоки Оби в окрестностях памятника Кислянский Рыбак-1 в 2019 г.	
<i>Горбунов В.В.</i> Сопроводительные захоронения животных на могильнике Иня-1 в Барнаульском Приобье	
<i>Дашковский П.К., Ожиганов А.Н., Шершнева Е.А.</i> Предварительные итоги изучения кургана №32 на могильнике Чинета-II в Северо-Западном Алтае	
<i>Илюшин А.М.</i> Материалы исследований на поселении Мусохраново-ба в Касьминском археологическом микрорайоне	
<i>Киреев С.М., Тишкин А.А.</i> Новые поступления случайных находок в археологические фонды Национального музея Республики Алтай им. А.В. Анохина	
<i>Кирюшин К.Ю., Гайдученко Л.Л., Макаревич Ш.</i> Вторые фаланги крс со следами деформаций в материалах поселения Новоильинка-VI (Северная Кулунда)	
<i>Кирюшин К.Ю., Тишкин А.А., Онников А.В.</i> Коллекция керамики с поселения Рубцовское из собраний МБУК «Краеведческий музей» г. Рубцовска	
<i>Ковалевский С.А.</i> Использование мотива «сетка» в орнаментации ирменской посуды	
<i>Константинов Н.А., Степанова Е.В.</i> Изучение периферии Пятого пазырыкского кургана в 2017–2019 гг.	
<i>Котеньков С.А., Соловьёв Д.С., Тимофеев А.А.</i> Археологические исследования на бугре «Семибугры-I» в Камызякском районе Астраханской области в 2019 году	

<i>Кукушкин И.А., Дмитриев Е.А., Кукушкин А.И.</i> Федоровские захоронения могильника Талдинский-1	
<i>Кунгуров А.Л.</i> Археологические находки около с. Черемшанка Ельдовского района Алтайского края	
<i>Кунгуров А.Л., Кунгурова О.Ф.</i> Исследование многослойных археологических комплексов Верхнего Причумышья: Степь-Чумыш (маслозавод)	
<i>Лихачева О.С.</i> К вопросу о хронологической атрибуции двух бронзовых кинжалов из Бийского краеведческого музея	
<i>Миклашевич Е.А., Бове Л.Л.</i> Новые материалы по древнейшим наскальным изображениям Курман-Тау (юго-восточный Алтай)	
<i>Му Ц.</i> Керамические сосуды из памятника пазырыкской культуры Тувасицун на территории Синьцзяна (Китай)	
<i>Пилипенко С.А.</i> К вопросу об атрибуции берестяных нашивок из погребения №17 могильника Кудыргэ	
<i>Поздин С.В.</i> Результаты выявления археологических памятников на территории Топчихинского района в 2019 году	
<i>Савко И.А., Чумов Т.Е.</i> Новые памятники археологии близ сел Новоалейское и Верх-Алейка	
<i>Сайберт В.О., Грушин С.П., Вальков И.А.</i> Охранные работы на памятнике МГК-2/6-3 в 2018 году (предварительные результаты)	
<i>Серегин Н.Н.</i> К вопросу о статусе людей старшей возрастной группы в обществе раннесредневековых тюрок Центральной Азии	
<i>Серегин Н.Н., Васютин С.А.</i> Некоторые результаты разведочных работ в Центральном Алтае (по материалам исследований А.С. Васютина)	
<i>Серегин Н.Н., Радовский С.С.</i> Случайная находка раннесредневекового стремени в Тальменском районе Алтайского края	
<i>Серегин Н.Н., Филиппович Ю.А.</i> Новая находка раннего пластинчатого стремени	
<i>Ситников С.М., Сафронов М.А.</i> Отдельные результаты археологического исследования в Чарышском районе Алтайского края летом 2019 г.	
<i>Сотникова С.В.</i> Парные разнополюые погребения эпохи поздней бронзы: интерпретация в свете письменных и антропологических источников	
<i>Стяжкина О.В.</i> Открытие и история изучения Шибинского кургана	

- Судейменов М.Г., Илюшин А.М.* Коллекция сабель из фондов Гурьевского городского краеведческого музея
- Тишкин А.А.* Крупные курганы в Алейском районе Алтайского края
- Тишкин А.А., Идэрхангай Т.-О. и др.* Обзор результатов исследований в Северной и Западной Монголии совместными экспедициями Алтайского и Улаанбаторского университетов
- Тишкин А.А., Мунхбаяр Ч.* Фрагмент миниатюрного металлического зеркала из южной части Монгольского Алтая: рентгенофлюоресцентный анализ и проблемы изучения «случайных» находок
- Тишкин А.А., Пластеева Н.А., Саблин М.В.* Osteологические коллекции лошадей из археологических памятников Алтая в зоологическом институте РАН
- Тишкин А.А., Фролов Я.В.* Металлические находки с территории г. Заринска, Заринского и Кытмановского районов Алтайского края: датировка и рентгенофлюоресцентный анализ
- Фролов Я.В., Тишкин А.А.* Крупные курганы в Мамонтовском районе Алтайского края
- Шалахов Е.Г.* Археологическое наследие Волго-Ветлужского междуречья: проблемы охраны и использования

РАЗДЕЛ 3. ИЗУЧЕНИЕ ПАМЯТНИКОВ ИСТОРИИ И АРХИТЕКТУРЫ. МУЗЕЙНАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ И ЭТНОГРАФИЯ

- Бейсенов А.З.* Чингистау. Размышления у старой зимовки Абая
- Бейсенов А.З., Шашенов Д.Т., Дуйсенбай Д.Б.* Кызылшилик, зимовка семьи Хасена Акаева
- Бородовский А.П., Горохов С.В.* К вопросу о локализации Малышевской слободы
- Гребенникова Т.Г., Пьянзина Е.О.* Особенности организации первых археологических музеев на юге России в XIX в.
- Калашиников Д.С., Ситников С.М.* Определение имени владельца нагрудного знака выпускника Горного института из захоронения Нагорного кладбища г. Барнаула
- Кошелев А.В.* К истории строительства здания управляющего Томским имением Алтайского округа ведомства Кабинета Его Императорского Величества в п. Ново-Николаевском
- Тадина Н.А., Иркитова А.А., Черляков И.Г., Ябыштаев Т.С.* О практиках возрождённого бурханизма

Тишкина Т.В. Государственному художественному музею Алтайского края 60 лет	
Целищева М.А. «Высшая начальная школа им. И.С. Тургенева» – история учебного городского здания начала XX в.	
Целищева М.А. Памятник архитектуры «Поликлиника», 1940-х гг. в Барнауле – история общественного здания в формах советского неоклассицизма	
Целищева М.А., Дышлюк М.А. «Купеческий особняк» в Барнауле – памятник архитектуры конца XIX в.: история и современное использование	
Ябыштаев Т.С. Проблема соблюдения родовых традиций у алтайцев в современных условиях	
Список сокращений	

РАЗДЕЛ 1. К 135-ЛЕТИЮ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ С.И. РУДЕНКО

УДК 902:069(571.151)

С.М. Киреев

*Национальный музей Республики Алтай им. А.В. Анохина,
Горно-Алтайск, Россия*

ОБЗОР МАТЕРИАЛОВ О ДЕЯТЕЛЬНОСТИ С.И. РУДЕНКО В ГОРНОМ АЛТАЕ В СОБРАНИИ НАЦИОНАЛЬНОГО МУЗЕЯ РЕСПУБЛИКИ АЛТАЙ ИМ. А.В. АНОХИНА

В статье представлены новые материалы из фондов и архива Национального музея Республики Алтай им. А.В. Анохина, характеризующие научные исследования С.И. Руденко в Горном Алтае во все периоды его работы в регионе, начиная с 1924 до 1954 г. Среди них – книги с автографами ученого, предметы из раскопок впускных погребений малого Пазырыкского кургана и кургана Башадар. В фонде музея хранятся графика и работы маслом супруги С.И. Руденко Н.М. Руденко и ее сестры В.М. Сунцовой, в которых отражены моменты раскопок и экспедиционного быта. Дополнительная информация содержится в письмах участников экспедиций А.А. Гавриловой, А.Н. Глухова, Н.М. Руденко, археологов Л.А. Евтюховой, Л.Л. Барковой. Одним из уникальных экспонатов является доставленный в музей в 2019 г. внешний сруб из Пятого Пазырыкского кургана, раскопанного С.И. Руденко в 1949 г.

Ключевые слова: Горный Алтай, археология, С.И. Руденко, Пазырык, Национальный музей Республики Алтай им. А.В. Анохина.

DOI: 10.14258/2411-1503.2020.26.1

В 2020 г. исполнилось 135 лет со дня рождения знаменитого ученого – археолога, этнографа, географа и антрополога Сергея Ивановича Руденко. Основные заслуги С.И. Руденко состоят в открытии и исследовании больших мерзлотных курганов скифского времени в Горном Алтае. Свои первые работы в регионе он начал в 1924–1925 гг., совершив обширные разведывательные экспедиции и наметив места будущих исследований, проводя отдельные раскопки. К этому времени относится открытие Пазырыкских курганов и других важных памятников. Под общим руководством С.И. Руденко в 1927 г. отрядом М.П. Грязнова раскопан большой Шибинский, а в 1929 г. – Первый Пазырыкский курган. В последующем, в 1947–1954 гг., изучены четыре Пазырыкских, два Башадарских, два Туэктинских больших курганов, Усть-Канская пещерная палеолитическая стоянка, а также ряд других археологических памятников различных эпох. В заледеневших погребениях найдены многие сотни уникальных предметов из тканей, войлока, кожи, меха, дерева, металлов. Обнаружены одежда, украшения, конское снаряжение, утварь, предметы вооружения, быта и культа. Зафиксированы великолепные образцы искусства V–IV вв. до н.э., исследованы многие стороны

жизни древнего общества скифского времени, его хозяйство, ремесла, технологические приемы, духовная культура, верования [Бородаев, 1986; Кирюшин, Тишкин, Шмидт, 2004; Шмидт, 2004; Тишкина, 2010].

Но ученый был тесно связан не только с древностями Алтая, но и с руководством региона, его общественностью, и, конечно же, с местным музеем, называвшимся в разные времена Улалинским, Ойротским, Ойрот-Туринским, Горно-Алтайским, а ныне – Национальным музеем Республики Алтай им. А.В. Анохина (далее – НМРА). Эти контакты нашли отражение в различных материалах, хранящихся в его собрании (археологические и этнографические экспонаты, архивные данные). Как отметил А.А. Тишкин [2004, с. 8], «несмотря на то, что уже накоплено много сведений о деятельности С.И. Руденко, предстоит еще долгая и кропотливая работа с многочисленными источниками, хранящимися в различных архивах». Как бы в подтверждение этого в 2015 г. автором была опубликована статья «Новые сведения о пребывании С.И. Руденко в Горном Алтае в 1924 году» [Киреев, 2015, с. 25–27]. В основу ее легли хранящиеся в архиве республиканского музея дневниковые записи будущего исследователя народов Северного Кавказа В.И. Левина, опись находок, переданных в Антропологический музей МГУ, карандашные рисунки девяти найденных предметов и его письмо в Ойротский краеведческий музей. Это было первое посещение Алтая С.И. Руденко, поставившего перед собой достаточно обширный круг исследований. «В задачи возглавляемой мною Алтайской экспедиции этнографического отдела Русского музея, начавшей свои исследования в 1924 г., входило, помимо изучения современного коренного населения Алтая, обследование археологических памятников этой области» [Руденко, 1952, с. 5–6]. И так случилось, что С.И. Руденко, только что приехавший в с. Улала (ныне г. Горно-Алтайск), в течение 6–8 июля 1924 г. принял непосредственное участие в оказании консультаций и методической помощи В.И. Левину, проводившему на окраине села археологические раскопки курганов скифского времени, которые получили впоследствии название «Алферовский могильник» [Суразаков, 1982, с. 130–136; Киреев, 2015, с. 25–27]. Во время своего первого посещения Горного Алтая С.И. Руденко 8 июля побывал в местном краеведческом музее, созданном в 1918 г., и подарил первый том своей работы «Башкиры. Опыт этнологической монографии», изданной в 1916 г. Эта книга с автографом автора «Улалинскому музею с пожеланиями от автора, 8 июля 1924 г.» хранится в библиотеке НМРА. Второй том, также с дарственной надписью, датирован 1925 г., следующим приездом на Алтай.

Ученым впоследствии, во время последующих многочисленных экспедиций в Горный Алтай не прекращались разнообразные взаимоотношения и связи с населением, общественностью области, в том числе с краеведческим музеем. В фондах НМРА хранятся два интересных экспоната, связанных с раскопками в 1929 г. М.П. Грязновым Первого

Пазырыкского кургана. Это акварельный рисунок сотрудника музея, археолога Г.П. Сергеева и фото участников экспедиции А.В. Анохина, Г.И. Гуркина, А.И. Терентьевой, А.И. Новикова. Обе работы датированы 1930 г. В этом году работала комплексная Алтайская экспедиция «Общества изучения Сибири и ее производительных сил». В состав ее входили А.И. Новиков – и.о. директора музея, Н.И. Арбузова – научный сотрудник музея, А.И. Терентьева, А.Г. Данилин, Л.Е. Каруновская – ученые-этнографы из Ленинграда, Г.И. Чорос-Гуркин и А.В. Анохин. В ходе экспедиции в Элекмонарском, Шебалинском, Онгудайском, Улаганском, Турочакском районах исследованы археологические памятники, полезные ископаемые, красящие и лекарственные растения, местонахождения целебных источников и велся сбор этнографических материалов [Белекова, электр. рес.]. Некоторые из участников в ходе экспедиции посетили раскопанный за год до этого Первый Пазырыкский курган. На акварели и фото хорошо видно деревянное сооружение из бревен, устроенное для просушки останков лошадей, изъятых из кургана [Грязнов, Комарова, 2002, с. 94].

Возобновившиеся после длительного перерыва работы С.И. Руденко на раскопках Второго – Пятого Пазырыкских курганов в 1947–1949 гг. также оставили определенный след в архивах и фондах НМРА. Позднее, в 1962 г., музеем Ленинградским отделением Института археологии АН СССР, благодаря инициативе директора Л.А. Давыдовой и при активном посредничестве А.А. Гавриловой, были переданы материалы из впускного погребения малого Пазырыкского кургана, датированного XVIII–XIX вв. (инв. №5777). В книге поступлений НМРА имеется запись: «Раскопки С.И. Руденко 1949 г. 8 малого Пазырыкского кургана. Переданы Ленинградским институтом археологии в 1962 г.». В погребении обнаружены следующие предметы: бусы стеклянные (105 ед.), бисер (269 ед.), монеты китайские медные (9 ед.), бляхи ажурные медные (4 ед.), фрагменты глиняного сосуда. Предметы из железа: струг, наконечник стрелы, нож, два котла во фрагментах, три кольца, пряжка, стремя, пластинки. Также в описи отмечены материалы их органики: остатки предметов из кожи, шелка, шерсти. Часть предметов из этого погребения выставлена в экспозиции музея.

В художественном фонде НМРА имеется 56 авторских копий и подлинников графических работ жены ученого Н.М. Сунцовой-Руденко и ее сестры В.М. Сунцовой, принимавших постоянное участие в экспедициях С.И. Руденко. Это такие сюжеты: устройство полевого лагеря (рис. 1) и быта участников экспедиции, моменты раскопок (рис. 2), обработка полученных материалов, пейзажи Пазырыка и Башадара. Среди них также подлинники 23 графических портретов рабочих, участвовавших в раскопках жителей с. Балыктуюль (рис. 3).

Нина Михайловна Сунцова-Руденко родилась 7 апреля 1904 г. Она окончила Всероссийскую академию художеств (1921–1926 гг.) по отделению графики. Художник-график, живописец, член Союза художников

СССР. В 1925 г., будучи студенткой, участвовала в Алтайской экспедиции С.И. Руденко. И по окончании полевого сезона в том же году вышла за него замуж. В 1930 г. С.И. Руденко был арестован по обвинению в антисоветской деятельности, и Нина Михайловна, записанная в следственных документах как «домохозяйка», отправляется с ним в ссылку. В 1947–1949 гг. и в начале 1950-х гг. Н.М. Руденко принимала участие в раскопках Пазырыкских, Башадарских и Туэктинских курганов. Ею и ее сестрой Верой Михайловной Сунцовой, также имевшей художественное образование, выполнены многочисленные рисунки обнаруженных в погребениях вещей, впоследствии опубликованных в монографиях С.И. Руденко. Кроме этого, ими сделаны зарисовки моментов раскопок курганов, видов расположенных рядом поселков и строящихся в Горном Алтае хозяйственных объектов.

Рис. 1. Н.М. Сунцова-Руденко. Лагерь экспедиции в долине Пазырык. 1949 г.

Нам удалось записать воспоминания уроженца с. Балыктуюль, расположенного недалеко от урочища Пазырык, И.И. Ортоңулова, заслуженного художника России, которой в 1949 г., будучи подростком, часто присутствовал на раскопках Пятого Пазырыкского кургана. Там он впервые увидел холсты, кисти и краски у сестер Н. и В. Сунцовых, их работы, зарисовки. Это определило его дальнейшую судьбу. Поистине драматичным является рассказ о попытке усыновления мальчика семьей Руденко. Воспоминания оставили неизгладимые впечатления в душе будущего живописца и уже в наше время воплотились в его романтической картине «Лагерь С.И. Руденко на Пазырыке», написанной в 2016 г. (рис. 4).

Рис. 2. Н.М. Сунцова-Руденко.
Разборка III кургана Пазырык

Рис. 3. В.М. Сунцова.
Доярка с фермы.

Рис. 4. И.И. Ортогулов. Лагерь С.И. Руденко на Пазырыке. 2016 г.

В 1950 и 1954 гг. С.И. Руденко были организованы экспедиции по раскопкам больших курганов Башадара и Туэкта. Об участии сотрудников музея в его экспедициях археолог писал: «В 1950 и 1954 гг. в Центральном Алтае экспедициями Института истории материальной культуры Академии наук СССР под моим руководством производились раскопки в бассейне р. Урсула, левого притока р. Катунь, в Онгудайском районе Горно-Алтайской автономной области. В 1950 г. раскопаны два больших кургана на р. Караколе, притоке р. Урсула, близ аила Кулода. В раскопках принимали участие Н.Н. Новоуспенский, С.Н. Погодин, Н.М. Руденко, В.М. Сунцова и И.С. Чевалков. В 1954 г. производились раскопки двух больших курганов в долине р. Урсула, у с. Туэкта, в которых принимали участие И.М. Павлюченко, Н.М. Руденко, В.М. Сунцова и П.Е. Тадыев. В том же году отрядом А.А. Гавриловой при участии Л.А. Давыдовой и М.А. Сабуровой был доследован большой Катандинский курган, раскопанный В.В. Радловым в 1865 г., но вскрытый им не полностью» [Руденко, 1960, с. 5]. И.С. Чевалков и Л.А. Давыдова являлись сотрудниками музея, П.Е. Тадыев был зав. сектором истории Горно-Алтайского института истории, языка и литературы. Хранящиеся в музее дневники и документы Л.А. Давыдовой также дополняют нашу тему новыми сведениями и нюансами.

Среди работ Н. и В. Сунцовых того периода имеются графические листы и работы маслом. Из вещественного материала наш музей обладает несколькими предметами из основного и впускного погребений второго Башадарского кургана, поступившими в 1950 г.: деревянная фигурка головы пантеры, деревянные резные украшения (седельные и уздечные подвески), два бронзовых гвоздя, трубка, железное стремя, наконечник стрелы (случайная находка) [Суразаков, 1977, с. 89]. В 1950-е гг. С.И. Руденко был достаточно известным ученым, и в Горном Алтае его изыскания и авторитет имели большое значение. В архиве музея имеются сведения о выступлениях С.И. Руденко перед общественностью. Среди них рисунки, выполненные карандашом и тушью учеником Г.И. Гуркина художником С.А. Астрой, на них запечатлен С.И. Руденко, выступающий с лекцией в Горно-Алтайске в 1954 г. В 1970-х гг. возникла достаточно оживленная переписка Горно-Алтайского краеведческого музея по вопросам, связанным с обновлением экспозиции археологии, и в связи с этим с археологическими исследованиями С.И. Руденко в Горном Алтае.

В архивном собрании музея хранятся письма, адресованные вдове С.И. Руденко Н.М. Сунцовой-Руденко, А.А. Гавриловой, Л.Н. Глушкову (А.Н. Глухов), Л.А. Евтюховой, Л.Л. Барковой, письма в ГИМ, Государственный Эрмитаж, Ленинградский архив АН СССР. Все эти ученые активно откликнулись на просьбу музея, о чем свидетельствуют данные архивных материалов. Особенно дружественной была переписка с А.А. Гавриловой и Л.Н. Глуховым. Из этих писем, кроме чисто прак-

тического решения пополнения будущей экспозиции качественными копиями материалами и экспонатами, можно извлечь пусть и небольшую, но достаточно интересную информацию как о С.И. Руденко, так и о членах его экспедиции.

Национальный музей Республики Алтай им. А.В. Анохина всегда являлся хранителем традиций Пазырыка. В трех залах устроена экспозиция пазырыкской культуры. Музей постоянно занимается пропагандой такого наследия, проводя различные выставки и мероприятия. В 2017 г. прошла выставка «Раскопки Пазырыкских курганов: как это было», организованная по материалам фондов НМРА, Государственного Эрмитажа (ГЭ), Института истории материальной культуры (ИИМК) РАН, Государственного музея истории, литературы, искусства и культуры Алтая (ГМИЛИКА). На выставке были представлены редкие фотографии из архива ИИМК РАН, графические работы Н.М. и В.М. Сунцовых, личные вещи семьи С.И. Руденко, рукописи М.П. Грязнова и С.И. Руденко из фондов ГМИЛИКА. Дополняли выставку знаковые экспонаты пазырыкской и синхронной ей бырянской культур скифского времени из собрания НМРА.

В ходе мероприятий Всероссийской культурной акции «Ночь искусств», проходившей в НМРА 4 ноября 2018 г., состоялась презентация проекта президентского гранта «Реконструкция древней музыки и музыкального инструментария „Скифская арфа V–IV вв. до н.э.“» и были представлены шесть вариантов реконструкций струнного музыкального инструмента, остатки которого найдены в 1947 г. экспедицией под руководством С.И. Руденко во Втором Пазырыкском кургане. Один из реконструированных инструментов скифской арфы работы мастера А. Чурупова подарен музею и выставлен в экспозиции пазырыкской культуры. В ноябре 2018 г. в НМРА в год его 100-летия в рамках проекта «Наследие кочевников» прошла презентация реконструированного войлочного ковра из Пятого Пазырыкского кургана. Восстановлением ковра занималась ассоциация народных художественных промыслов Республики Алтай «Алтайский войлок». Организация создана в целях сохранения и популяризации культурного наследия Горного Алтая, народных промыслов и ремесел. Мастера ассоциации являются победителями всероссийских и международных конкурсов. Проект «Наследие кочевников» стал победителем второго этапа конкурса президентских грантов в 2017 г. Реконструированный ковер был передан в дар Национальному музею Республики Алтай имени А.В. Анохина.

К 90-летию юбилею начала раскопок Пазырыкских курганов в НМРА была организована выставка «Пазырык: мировое археологическое открытие XX века». На ней представлены подлинные предметы пазырыкской культуры, архивные фотографии Института истории материальной культуры РАН, рисунки супруги С.И. Руденко – художницы Н.М. Сунцовой-Руденко и ее сестры В.М. Сунцовой. На них запечатле-

ны моменты раскопок курганов, консервации, обработки и исследования полученных материалов, трудовые будни, обустройство и быт полевого лагеря археологической экспедиции. В ходе открытия выставки состоялась презентация и передача Национальному музею внешнего сруба из Пятого Пазырьковского кургана размерами 7×4 м и высотой 2 м, обнаруженного экспедицией С.И. Руденко в 1949 г. и оставленного им в раскопанном погребении в связи с невозможностью доставки в Ленинград огромного объекта. Спустя 70 лет это бревенчатое сооружение было извлечено из кургана в ходе работ совместной экспедиции ГЭ и Горно-Алтайского государственного университета (ГАГУ). Руководством, сотрудниками музея, ведущими специалистами и реставраторами России разработан план его консервации и реставрации. Для этого проведен целый ряд последовательных и повторяющихся операций, приобретены специальные материалы и подготовлено помещение для проведения обработки, консервации, частичной реставрации и сборки сруба. В начале декабря 2019 г. группой реставраторов и специалистов ГЭ и Института археологии и этнографии СО РАН при участии сотрудников музея и ГАГУ поведена сборка сруба, его первичная реставрация и консервация (рис. 5). На следующих этапах работы со срубом будет проведена его полная реставрация и, как итог, музеефикация, когда объект может быть представлен для осмотра посетителями. Сруб является неисчерпаемым источником для научных исследований пред-

Рис. 5. Команда по сборке и консервации сруба. Декабрь 2019 г.

ставителями не только исторических, но и естественных направлений мировой науки. В начале 2020 г. специалистами лаборатории биологического контроля и защиты ГЭ проведено микологическое исследование наружного сруба Пятого Пазырыкского кургана. Было определено состояние микрофлоры древесины и выработаны рекомендации по сохранению объекта.

Таким образом, фонды и архив Национального музея Республики Алтай им. А.В. Анохина хранят разнообразные вещественные и документальные источники, отражающие практически все этапы деятельности С.И. Руденко, его коллег и работ археологических экспедиций ученого в Горном Алтае в течение длительного периода. Эти материалы могут существенно дополнить некоторые факты в биографии известного ученого, установить его связи и контакты с местными жителями, общественностью, провинциальными учеными и работниками культуры. Музей активно использует свой фонд для широкой пропаганды и дальнейшего исследования открытий ученого.

Библиографический список

Белекова Э.А. А.В. Анохин и краеведческое движение в Горном Алтае // Сайт Национального музея Республики Алтай им. А.В. Анохина. URL: <http://www.musey-anohina.ru/index.php/ru/posetitelyam/150-let-anokhinu-a-v-v-2019-g/item/952-a-v-anokhin-i-kraevedcheskoe-dvizhenie-v-gornom-altae>.

Бородаев В.Б. С.И. Руденко и Горный Алтай // Скифская эпоха Алтая. Барнаул, 1986. С. 3–9.

Грязнов М.П., Комарова М.Н. Пазырык. Разговор, услышанный 20 лет спустя // Степи Евразии в древности и средневековье. СПб., 2002. Кн. 1. С. 91–96.

Киреев С.М. Новые сведения о пребывании С.И. Руденко в Горном Алтае в 1924 году // Интеграция археологических и этнографических исследований. Барнаул, 2015. С. 25–27.

Кирюшин Ю.Ф., Тишкин А.А., Шмидт О.Г. Жизненный путь Сергея Ивановича Руденко // Жизненный путь, творчество, научное наследие Сергея Ивановича Руденко и деятельность его коллег. Барнаул, 2004. С. 9–21.

Руденко С.И. Горно-Алтайские находки и скифы. М.; Л., 1952. 268 с.

Руденко С.И. Культура населения Центрального Алтая в скифское время. М.; Л., 1960. 360 с.

Тишкин А.А. Предисловие // Жизненный путь, творчество, научное наследие Сергея Ивановича Руденко и его коллег. Барнаул, 2002. С. 6–8.

Тишкина Т.В. Археологические исследования на Алтае (1860–1930-е гг.). Барнаул, 2010. 288 с.

Суразаков А.С. Об археологических исследованиях в Горном Алтае // Археология и этнография Алтая. Барнаул, 1982. С. 121–136.

Суразаков А.С. Некоторые материалы эпохи раннего железа из Горного Алтая // Известия лаборатории археологии. Горно-Алтайск, 1977. №2. С. 85–91.

Шмидт О.Г. Археологические исследования Сергея Ивановича Руденко // Жизненный путь, творчество, научное наследие Сергея Ивановича Руденко и его коллег. Барнаул, 2004. С. 61–84.

S.M. Kireev

Anokhin National Museum of the Altai Republic, Gorno-Altaiisk, Russia

**REVIEW OF THE MATERIALS ON THE ACTIVITY
OF S.I. RUDENKO IN THE ALTAI MOUNTAINS
IN THE COLLECTION OF ANOKHIN NATIONAL
MUSEUM OF THE REPUBLIC OF ALTAI**

The article presents new materials from the collections and archives on the scientific research of S.I. Rudenko in the Altai Mountains between 1924 and 1954 stored in Anokhin National Museum of the Altai Republic. These are books signed by scientists, objects from the excavations of small burial mounds of Payryk and Bashadar. The Museum's collection contains graphics and works made in oil by the wife of S.I. Rudenko and her sister V.M. Suntsova reflecting the moments of excavation and expedition life. Additional information can be derived from the letters of the expedition participants A.A. Gavrilova, L.N. Glukhov, N.M. Rudenko; archaeologists L.A. Evtuykhova and L.L. Barkova. An important exhibit is log house made of wood from a barrow Pazyryk 5 mound, which was excavated by S.I. Rudenko in 1949. In 2019, the log cabin was delivered to Anokhin National Museum of Altai Republic. A.V.

Key words: Altai mountains, archaeology, S.I. Rudenko, Pazyryk, Anokhin National Museum of the Altai Republic.

УДК 069(571.150)

О.Г. Филиппова

Алтайский государственный краеведческий музей, Барнаул, Россия

**МАТЕРИАЛЫ О С.И. РУДЕНКО В КОЛЛЕКЦИЯХ
АЛТАЙСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО
КРАЕВЕДЧЕСКОГО МУЗЕЯ (Россия)**

Статья подготовлена к 135-летию со дня рождения выдающегося отечественного исследователя Сергея Ивановича Руденко. Перечислены учреждения России, в фондах которых хранятся музейные предметы, документы, фотографии и иные свидетельства материальной культуры, связанные с личностью ученого. Перечисляются музеи Алтайского края, в фондах которых в настоящее время хранятся предметы, связанные с биографией и деятельностью С.И. Руденко. Впервые приводится обзор музейной коллекции, хранящейся в Алтайском государственном краеведческом музее, описывается история ее формирования в 1980–1990-е гг. Дается описание музейного собрания, включающего в себя личный документ, автобиографии и фотографии ученого разных лет, негативы черно-белых фотографий, цветные литографии, выполненные Ниной Михайловной Руденко (Сунцовой) в ходе археологических экспедиций в Горном Алтае в разные годы. Определено значение коллекции для использования в экспозиционно-выставочной деятельности учреждения.

Ключевые слова: музей, коллекция, археология, Сергей Иванович Руденко.

DOI: 10.14258/2411-1503.2020.26.2

Сергей Иванович Руденко – выдающийся отечественный исследователь XX в. Перу ученого принадлежит более 140 публикаций как в гуманитарных, так и естественно-научных отраслях знаний. В область его научных интересов в разные годы жизни входили вопросы археологии, этнографии, антропологии, географии и гидрологии [Кирюшин, Тишкин, Шмидт, 2004, с. 9].

Широкий спектр научных интересов Сергея Ивановича связывал его в разные годы с множеством научных институтов, высших учебных заведений, центральных музеев России, различных комиссий и других организаций, в которых он осуществлял свою трудовую деятельность. Во многих из них сейчас имеются как персональные архивные фонды, посвященные его деятельности, так и архивные материалы о С.И. Руденко в составе других фондовых собраний. Наиболее значимые из них сосредоточены в следующих учреждениях: архив Института истории материальной культуры Российской академии наук в Санкт-Петербурге, архив Российского этнографического музея в Санкт-Петербурге, Государственный архив Томской области, Санкт-Петербургский филиал архива Российской академии наук.

Археологические и этнографические коллекции, полученные ученым в ходе многолетних экспедиций в различных точках России, хранятся как в ведущих федеральных музеях – Государственном Эрмитаже, Российском этнографическом музее, так и в музеях на уровне субъектов Федерации в различных городах России.

Автором публикации в течение ряда лет изучались различные источники, связанные с жизнью и научной деятельностью Сергея Ивановича Руденко в Барнауле, Томске, Санкт-Петербурге. Разнообразие информационных ресурсов по данному вопросу, в том числе размещенных в настоящее время в открытом доступе, весьма широко: фотографии, документы, письма, отчеты и многое другое. Не являются исключением и музейные собрания Алтайского края, что вполне закономерно, так как наиболее известные археологические исследования ученый проводил именно на Алтае. Впервые приехав в 1924 г. на Алтай в качестве руководителя Алтайской экспедиции, он еще много лет возвращался сюда для продолжения своих исследований. Уже в первый год экспедиции исследователем была зафиксирована группа больших курганов с каменной насыпью, расположенных на высоком Улаганском плоскогорье в долине Пазырык, на правом берегу р. Ян-Улаган [Руденко, 1931, с. 25]. Исследование этого и других памятников скифской эпохи Горного Алтая в послевоенные годы принесло С.И. Руденко мировую славу и признание в науке. Труды ученого по данной теме широко публиковались в России и за рубежом. Изучение древнейшей истории Алтая было одним из ведущих аспектов многогранной научной деятельности профессора. Ученый всей душой любил Алтай и посвятил его изучению лучшие годы своей жизни. Десятки различных археологических памятников в широ-

ком хронологическом диапазоне были открыты и изучены экспедициями С.И. Руденко в 1920-е, 1940–1950-е гг. [Шмидт, 2004, с. 66–81].

Материальные свидетельства активной научной и экспедиционной деятельности Сергея Ивановича хранятся, пожалуй, в десятках музейных собраний в разных уголках России. Есть они и в Алтайском крае.

В настоящее время можно отметить три музея, в фондах которых хранятся те или иные материалы, связанные с С.И. Руденко. Среди них – Государственный музей истории литературы, искусства и культуры Алтая (далее – ГМИЛИКА) в г. Барнауле, в фондах которого выделено отдельное тематическое собрание «Археологические экспедиции С.И. Руденко на Алтае», включающее 569 ед. хр.; Бийский краеведческий музей им. В.В. Бианки, в фонды которого была передана часть археологических находок из Пазырыкских и Туэктинских курганов Горного Алтая [Филиппова, 2015], и Алтайский государственный краеведческий музей.

В настоящей публикации остановимся на обзоре материалов, хранящихся в фондах крупнейшего хранителя музейных коллекций в Алтайском крае – Алтайском государственном краеведческом музее (далее – АГКМ) в г. Барнауле. В ходе работы с фондовым собранием удалось выяснить следующую информацию.

Первая передача предметов в фонды АГКМ относится к 1984 г. В книге поступлений основного фонда №23 под номером «АГКМ ОФ 14511» (дата записи 18.06.1984) зафиксирована передача «12 цветных литографий с изображением пейзажей Горного Алтая, раскопок Пазырыкских курганов, интерьеров экспедиционных жилищ, жителей Горного Алтая, виды промышленных строек. Литографии выполнены художницей Сунцевой-Руденко Ниной Михайловной (1904–1982 гг.)». При этом указано, что согласно акту №71 от 14.06.84 работы художницы проданы музею ее сестрой Сунцевой Верой Михайловной, 1909 г.р., за 480 рублей. Предметы были включены в коллекцию «Графика» под номерами «П 6984–6995». Известно, что супруга Сергея Ивановича Руденко Нина Михайловна Руденко (в девичестве Сунцова) окончила высшие художественно-технические мастерские, где она обучалась с 1921 по 1926. С 1925 г. она принимала участие в экспедициях Сергея Ивановича Руденко на Алтае, во время которых зарисовывала не только археологические находки, полученные в результате раскопок, но и выполняла цветные зарисовки горных пейзажей, сюжетов из жизни экспедиционного лагеря, отдельных моментов изучения курганов археологами. Обращает на себя внимание ошибка в учетной документации в одной букве фамилии Нины Михайловны – «Сунцева», а не «Сунцова», которая при последующем оформлении документов по передаче уже не повторялась.

Следующие поступления в фонд АГКМ состоялись в 1986 г., когда согласно Акту №113 от 27.05.1986 в фонд были переданы следующие предметы: «Справка биографическая об археологе Руденко С.И.»

в двух экземплярах, один из которых был включен в основной фонд под номером «АГКМ ОФ 14722/3, П-8041» (машинопись на 4 л., 1958 г.), вторая – в научно-вспомогательный фонд под номером «АГКМ НВФ 5841/2» (рукописный вариант биографической справки на 6 л., 1986 г.). В учетной документации музея в качестве источника передачи данных материалов указывается Бородаев В.Б., на тот момент сотрудник Дома пионеров Центрального района г. Барнаула. Известно, что барнаульский историк и краевед Вадим Борисович Бородаев в 1980-е гг. вел переписку с Верой Михайловной Сунцовой, сестрой жены С.И. Руденко Нины Михайловны, и собирал материалы о Сергее Ивановиче. Часть этой переписки хранится в фондах другого музея – ГМИЛИКА. Так, в одном из своих писем В.М. Сунцовой, датированном 21 января 1985 г. (ГМИЛИКА. КП. 214/57), В.Б. Бородаев благодарит Веру Михайловну за присланную ему «машинную автобиографию С.И. Руденко», а уже в следующем письме от 10 февраля 1985 г. (ГМИЛИКА. КП. 214/58) он сообщает Вере Михайловне о том, что автобиографию он перепечатал и направляет ей обратно. Возможно, именно эта копия в машинописном варианте и попала в фонды АГКМ уже в следующем, 1986 году.

В этом же акте зафиксирована передача четырех негативов, выполненных с портретов С.И. Руденко в разные годы. Среди последних особый интерес представляет негатив, выполненный с хорошо известного и не раз опубликованного портрета ученого, на оборотной стороне которого имеется надпись: «Руденко С.И., советский ученый, археолог, этнограф. Фоторепродукция с рисунка худ. Верейского (1950–1960-е гг.)». Георгий Семенович Верейский (1886–1962) – известный советский график и живописец, народный художник РСФСР (1962), лауреат Сталинской премии второй степени (1946), действительный член Академии художеств СССР. Мастер советской графики, Георгий Семенович приобрел известность в первую очередь как портретист. В галерее выполненных им портретов – известные деятели советского искусства, культуры, науки. Его произведения находятся во многих музейных и частных собраниях, в том числе в Государственной Третьяковской галерее, Государственном Русском музее, Государственном музее изобразительных искусств им. А.С. Пушкина, на Алтае – в собрании Государственного художественного музей Алтайского края. Сам Георгий Семенович 12 лет был хранителем отдела гравюры в Эрмитаже. Портрет С.И. Руденко выполнен художником в 1954 г. в технике литографии и в настоящее время хранится в Нижнетагильском музее изобразительных искусств. Автолитография портрета С.И. Руденко в фонды музея поступила в 1962 г., незадолго до ухода из жизни самого автора и еще при жизни портретируемого лица – Сергея Ивановича Руденко. В учетных документах Нижнетагильского музея изобразительных искусств указан автор данного портрета – Георгий Семенович Верейский, но не указана личность портретируемого.

По информации, предоставленной сотрудниками данного музея, авторская литография поступила в фонды в соответствии с Приказом Министерства культуры РСФСР от 18 октября 1962 г. №1108 и Акта передачи от 21 ноября 1962 г.* Пополнение музейных собраний областных и краевых художественных музеев работами ведущих художников РСФСР из обменного фонда произведений, существовавшего при Министерстве культуры РСФСР в советское время, было стандартной практикой. Скорее всего, именно так поступила авторская литография портрета С.И. Руденко в г. Нижний Тагил с другими портретами художника Г.С. Верейского, хранящимися и сейчас в собрании музея. Портрет С.И. Руденко включен в Государственный каталог Музейного фонда Российской Федерации под номером 12652932 и доступен к просмотру.

Негатив, выполненный с портрета, как и другие предметы, зафиксированные в акте №113 от 27 мая 1986 г. АГКМ, переданы в фонд музея заведующей отделом досоветской истории АГКМ Э.М. Медниковой, которая вместе с материалами об С.И. Руденко передала небольшую подборку материалов о других известных археологах – М.П. Грязнове, А.П. Окладникове.

Не стоит забывать и о том, что именно в 1986 г. в г. Барнауле состоялась конференция по теме «Скифская эпоха Алтая», которая посвящалась 100-летию со дня рождения Сергея Ивановича Руденко. Мероприятие проходило на базе Алтайского государственного университета, а обложку сборника «Скифская эпоха Алтая» украшает все тот же портрет ученого, выполненный Г.С. Верейским. Возможно, часть материалов, посвященных С.И. Руденко, сформирована по результатам проведенной конференции.

Следующее пополнение фондов АГКМ, связанных с С.И. Руденко, произошло в 1992 г., когда В.М. Сунцова передала в музей следующие материалы: черно-белые фотографии ученого в разные годы; пропуск профессора в Государственный Эрмитаж; чернильный прибор, подаренный на 80-летие от Института истории материальной культуры; цветные и черно-белые таблицы к иллюстрациям монографии С.И. Руденко «Культура населения Горного Алтая в скифское время», изданной в 1953 г. [Руденко, 1953].

Среди поступлений 1992 г. особый интерес вызывает черно-белый сюжетный фотоснимок «С.И. Руденко на раскопках в Карелии» (АГКМ. ОФ. 16092/2) (рис.). Фотография интересна тем, что на ней Сергей Иванович запечатлен в полевых условиях, когда ему уже было более 75 лет. Лаборатория археологических технологий Ленинградского отделения Института археологии АН СССР (ныне ИИМК РАН), которую с декабря 1953 г. возглавлял доктор технических наук, профессор С.И. Ру-

* Автор публикации выражает признательность сотрудникам Нижнетагильского музея изобразительных искусств за предоставленную информацию о музейном предмете.

денко, в 1961–1962 гг. организовала Ленинградскую неолитическую экспедицию для изучения неолитической стоянки Вьюн, находящейся в Сосновском районе Ленинградской области. Описание памятника и результаты, полученные в ходе работ экспедиции, были доложены Сергеем Ивановичем 17 мая 1967 г. на заседании Отделения этнографии Географического общества СССР и опубликованы уже после смерти ученого [Руденко, 1970, с. 38–59].

Фотоснимок черно-белый, сюжетный «С.И. Руденко на раскопках в Карелии», 1960-е гг., фонд АГКМ

Интересен тот факт, что под руководством Сергея Ивановича именно на этом памятнике были апробированы перспективные естественно-научные методы исследований при проведении археологических изысканий, в том числе: радиоуглеродный метод датирования, позволяющий установить абсолютную датировку памятника; метод вызванной поляризации, позволяющий в ходе магнитной съемки определить границы культурного слоя на памятнике до проведения земляных работ. В ходе детального исследования стоянки Вьюн, проведенного сотрудниками Лаборатории археологической технологии ЛО ИА АН СССР при участии Ленинградского университета (ныне СПбГУ), а также специального геофизического отряда во главе с научным сотрудником Института методики и техники разведки Г.С. Франтовым, подтвердилась возможность вполне успешного применения методов естественных наук и для наиболее ранних археологических памятников [Руденко, 1970, с. 38–59].

В 1993 г. в фонды АГКМ поступило семь негативов, связанных с С.И. Руденко, что зафиксировано в актах №202 и №204 от 13 дека-

бря 1993 г. Все они являются пересъемкой с подлинников фотографий, предоставленных В.М. Сунцовой и возвращенных ей обратно. Интерес представляют пять негативов с контрольными отпечатками фотографий (АГКМ. НФ. 1538/1–5), выполненных в экспедиции 1949 г. Автором снимков указан Николай Николаевич Новоуспенский, кандидат искусствоведения, член Союза художников СССР, муж В.М. Сунцовой, участник археологических экспедиций в Горном Алтае под руководством С.И. Руденко в послевоенный период. В кадр попали такие бытовые ситуации экспедиционной жизни, как кладка печи, обед у шатра, выезд рабочих на раскоп на легендарной «полоторке», лагерь археологов в снегу. Все они передают особенности условий проживания и работы участников экспедиций Сергея Ивановича Руденко в Горном Алтае. Другие два негатива (АГКМ. НФ. 1539/1; АГКМ. НФ. 1539/2), подлинники которых хранятся в фондах ГМИЛИКА, уже опубликованы автором в 2004 г. [Жизненный..., 2004, с. 144–145].

Таким образом, в настоящее время автором публикации выявлено в фондах Алтайского государственного краеведческого музея свыше 50 единиц хранения основного фонда, связанных с личностью Сергея Ивановича Руденко. Формирование происходило в разные годы, начиная с 1984 и заканчивая 1993 г. Небольшое по количеству предметов собрание вместе с тем представляет определенный интерес для исследователей и может быть использовано при создании экспозиций и выставок музея, связанных с историей отечественной науки в XX в. и изучением археологического прошлого Алтая. Так, уже в 2012 г. часть материалов данной коллекции была представлена посетителям музея на выставке «Избранники Клио», посвященной Году российской истории.

Библиографический список

Жизненный путь, творчество, научное наследие Сергея Ивановича Руденко и деятельность его коллег. Барнаул, 2004. 148 с.

Кирюшин Ю.Ф., Тишкин А.А., Шмидт О.Г. Жизненный путь Сергея Ивановича Руденко // Жизненный путь, творчество, научное наследие Сергея Ивановича Руденко и деятельность его коллег. Барнаул, 2004. С. 9–21.

Руденко С.И. «Скифское» погребение Восточного Алтая // СГАИМК. 1931. №2. С. 25–31.

Руденко С.И. Культура населения Горного Алтая в скифское время. М.; Л., 1953. 402 с.

Руденко С.И. Опыт применения методов естественных наук к исследованию неолитических памятников // Доклады отделений и комиссий Географического общества. 1970. Вып. 15. С. 38–59.

Филиппова О.Г. Археологические коллекции профессора С.И. Руденко в Бийском краеведческом музее им. В.В. Бианки // Интеграция археологических и этнографических исследований: сборник научных трудов. Барнаул, 2015. С. 62–65.

Шмидт О.Г. Археологические исследования Сергея Ивановича Руденко // Жизненный путь, творчество, научное наследие Сергея Ивановича Руденко и деятельность его коллег. Барнаул, 2004. С. 61–84.

O.G. Filippova

Altai State Museum of Regional Studies, Barnaul, Russia

**MATERIALS ABOUT S. I. RUDENKO IN THE COLLECTIONS
OF THE ALTAI STATE MUSEUM OF REGIONAL STUDIES**

The article was prepared for the 135th anniversary of the birth of the outstanding Russian researcher Sergei Rudenko. The author lists Russian institutions in whose collections museum objects, documents, photographs and other evidence of material culture related to the personality of the researcher are stored. All museums of the Altai Region which also contain different volumes and composition of museum collections on this topic are marked. Among them are The State Museum of History of Literature, Art and Culture of Altai, Biyskiy Local History Museum named after V.V. Bianki and Altai State Local History Museum. The publication gives the first review of the museum collection held in Altai State Local History Museum, describing the history of its formation in the 1980s and 1990s. A description of the museum collection is given, which includes a personal document, autobiographies and photographs of the scientist of different years; negatives of black and white photos; coloured lithographs performed by Nina Rudenko (Suntsova) during archaeological expeditions in the Altai Mountains in different years. The value of the collection is defined for use in the exposition activity of the institution.

Key word: museum, collection, archaeology, Sergei Ivanovich, Rudenko.

РАЗДЕЛ 2. ИЗУЧЕНИЕ АРХЕОЛОГИЧЕСКИХ ПАМЯТНИКОВ И НАХОДОК

УДК 903.4(571.150)

И.А. Вальков¹, Д.В. Папин^{1,2}, А.С. Федорук¹

¹Алтайский государственный университет, Барнаул, Россия;

²Институт археологии и этнографии СО РАН, Новосибирск, Россия

КОСТЯНОЙ ТУПИК С ПОСЕЛЕНИЯ ПОЗДНЕЙ БРОНЗЫ БУРЛА-3

Статья посвящена результатам изучения костяного тупика из челюсти КРС с поселения эпохи поздней бронзы Бурла-3. Представлена реконструкция технологической цепочки изготовления предмета. Формулируются выводы об использовании в этом процессе большинства известных для такого типа орудий модификаций. Анализируется проблема выбора исходного сырья для изготовления тупиков. Приведены данные трасологического анализа, поднимается также вопрос о функциональном назначении костяных тупиков и их роли в хозяйстве эпохи поздней бронзы. Приводятся аналогии с синхронных по времени комплексов степного и лесостепного Алтая и сопредельных территорий.

Ключевые слова: Эпоха поздней бронзы, степной Алтай, Бурла-3, коженное дело, костяные орудия, тупик.

DOI: 10.14258/2411-1503.2020.26.3

Поселение Бурла-3 расположено в Хабаровском районе Алтайского края и представляет собой один из наиболее перспективных для изучения комплексов эпохи поздней бронзы на территории Кулундинской степи [Кирюшин и др., 2013, с. 214]. В процессе раскопок памятника в 2013–2015 и 2018 гг. была получена коллекция керамической посуды, демонстрирующая сочетание местных саргаринско-алексеевских традиций (лепная керамика) и круговой посуды, имеющей аналогии в позднебронзовых поселениях Средней Азии и Казахстана [Папин и др., 2018, с. 315]. Предметом настоящей статьи является костяной тупик, найденный на данном памятнике. Тупик обнаружен в 2015 г. в раскопе, расположенном на краю террасы р. Бурлы. На данном участке изучено 203 кв. м площади поселения, что позволило исследовать ряд объектов, связанного, по всей видимости, с производством круговой керамики: теплотехническое сооружение для обжига сосудов, кострище открытого типа, не менее двух крупных ям, заполненных отходами производства (фрагменты круговой и лепной керамики, шлаки, спекшаяся глина), а также крупные участки скопления тех же материалов. В одном из таких скоплений, располагавшемся в метре от печи, и были обнаружены фрагменты рассматриваемого костяного изделия. находка сразу обратила на себя внимание, поскольку, в отличие от подавляющей массы единовременных поселений региона, на поселении Бурла-3 находки костей крайне немногочисленны (в коллекции 2013–2015, 2018 гг. их около 800 единиц, в то время как керамики

более 6000 фрагментов), а обнаруженный предмет – единственное изделие из кости, найденное за вышеуказанный период.

Тупик представлен тремя отдельными фрагментами. Два фрагмента стыкуются друг с другом. Третий (беззубый край) относится к рассматриваемому орудию с высокой долей вероятности. Тупик является единственным экземпляром костяных орудий в коллекции памятника. При этом можно отметить, что при раскопках поселения была получена представительная остеологическая коллекция, сформированная из пищевых (кухонных) отходов [Клименко, Папин, Федорук, 2016, с. 218]. Сохранность костей в целом можно оценивать как удовлетворительную, однако немалая часть остеологического материала подверглась разрушению поверхности, что затрудняет выявление орудий и трасологический анализ.

Несмотря на указанные обстоятельства, тупик с поселения Бурла-3 позволяет реконструировать особенности технологии изготовления орудий данного типа на территории Алтая в эпоху поздней бронзы. Аналогичные предметы исследовались по материалам памятников Жарково-3 [Федорук, Вальков, 2015] и Советский Путь-1 [Кунгурова, Ситников, 1999; Ситников, 2015 с. 106]. Находки тупиков из челюстей КРС известны также для поселений Калиновка-II, Рублево-VI. Данный тип изделий, по-видимому, играл важную роль в функционировании кожевенного производства.

Следует отметить, что костяные орудия, именуемые «тупиками», являются своеобразной визитной карточкой позднебронзовых поселений Евразии. Идея использования таких орудий из левых половин нижних челюстей крупных копытных животных, впрочем, уходит еще в палеолитическую эпоху [Рафикова, Федоров, Усачук, 2019, с. 92]. Уже на заре бронзового века тупики из челюстей распространяются на широкой территории от Восточной Европы (находки с территориями Словении, Венгрии, Чехии, Украины) до Казахстана [Chouke, 2013, с. 7]. Есть свидетельства использования таких предметов, изготовленных из челюстей лошади, на энеолитическом поселении Новоильинка-VI [Кирюшин, Гайдученко, 2016, с. 35] в Кулундинской степи. В единственном экземпляре тупик из челюсти лошади был найден на поселении эпохи ранней бронзы Кольванское-I, а также два таких орудия происходят с еще одного раннебронзового поселения Березовая Лука [Грушин, 2008, рис. 30.-3, 4]. Как считает А. Чойк (А. Chouke), такие инструменты изготавливались из челюстей крупного рогатого скота, лошади и благородного оленя в зависимости от доступности того или иного материала [Chouke, 2013, с. 7]. Однако результаты изучения остеологического материала свидетельствуют о существенном преобладании костей лошади на поселении Бурла-3, при том что для изготовления тупика выбрана челюсть КРС. И если единственный тупик с поселения Бурла-3 не может считаться достаточным доказательством такой обусловленности, то, учитывая более представительные коллекции тупиков с поселений

поздней бронзы Жарково-3 и Рублево-VI, где также фиксируется преобладающая роль лошади в хозяйстве [Кирюшин и др., 2010, с. 120], можно с уверенностью говорить об иной причине выбора в качестве сырья именно челюстей КРС (функциональная или технологическая необходимость, влияние неких традиций). Впрочем, тупики из челюстей лошади также известны на указанных выше поселениях поздней бронзы, но в гораздо меньшем количестве. В этой связи вопрос отбора сырья для рассматриваемого типа орудий пока остается открытым.

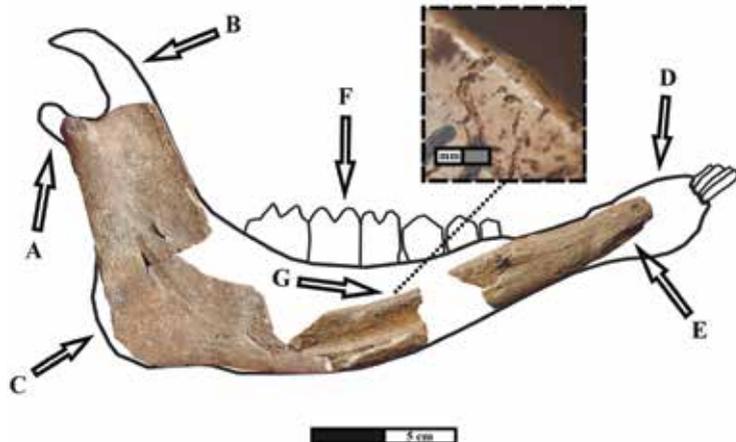
Технология изготовления таких предметов достаточно детально разработана в литературе. Наиболее полно технологическая цепочка отражена в работах А.Н. Усачука [2013] и В.В. Килейникова [1989]. Рассматриваемый тупик интересен тем, что позволяет проследить практически все применявшиеся для производства таких орудий у племен эпохи бронзы степного и лесостепного Алтая модификации. Пожалуй, исключением являются просверленные отверстия, встреченные на нескольких экземплярах с поселения Жарково-3.

Исследуемый тупик изготовлен из левой ветви нижней челюсти КРС. Именно левые ветви преимущественно использовались в качестве заготовок для таких орудий. Впрочем, существуют примеры не только изготовления тупиков из правых половин нижней челюсти, но и «зеркальной» обработки правых половин под левые, когда у правого тупика вырезалась не медиальная (внутренняя) сторона тела челюсти, а внешняя (латеральная). Такие примеры известны на поселении поздней бронзы Жарково-3, а в особенно большом количестве – на поселении Кент в Центральном Казахстане [Усачук, Варфоломеев, 2013, с. 221].

Хотя процесс изготовления тупиков довольно прост и, согласно экспериментальным данным, занимал не более получаса [Килейников, 1989, с. 122], он тем не менее отличался четко выработанной последовательностью операций, каждый элемент которой имел функциональную необходимость. В рассматриваемом тупике реализованы следующие технологические операции (*буквенные обозначения соответствуют обозначениям на рисунке*):

- 1) удалены мышелковый (А) и венечный (В) отростки;
- 2) срезан и выровнен с помощью ножа челюстной угол и вся торцевая часть (С);
- 3) обрезан (обломан/обрублен?) резцовый край (D);
- 4) беззубый край подрезан в нижней части для оформления «рукояти» (E);
- 5) извлечены зубы и срезан альвеолярный край (F);
- 6) образовавшийся рабочий край заострен с помощью ножа (G).

При обработке использовалось рубящее орудие (топор, кельт), а также металлический нож. Рубящим орудием выполнялись такие операции как удаление мышелкового и венечного отростков (там сохранились следы рубки) а также, вероятно, удаление зубов и беззубого края, вырубка

Костяной тупик с поселения Бурла-3 со схемой исходной заготовки и указанием зон обработки

альвеолярного края. Ножом выполнялась «зачистка» обрубленных частей, а также заострение рабочего края. Впрочем, описанная технологическая цепочка лишь одна из нескольких разновидностей близких по своему содержанию моделей изготовления тупиков. Нередки случаи, когда сохранялись отрезки или режцовый край или обрезалась челюстная ветвь. Варьируется и глубина вырубki/вырезки рабочего края.

Вопрос о функциональном назначении таких предметов также достаточно подробно освещался в литературе. С.А. Семенов [1968, с. 161–162, рис. 53], анализировавший тупики с поселения Ирмень, определял их как орудия для размягчения шкур и волосогонки. Основатель трасологического метода предполагал, что при изготовлении таких орудий зубы не удалялись, а наоборот, использовались для сгонки волос со шкур. Их удаление происходило лишь после истирания и расшатывания. Стоит отметить, что это предположение никак не подтверждается на материалах с памятников степного и лесостепного Алтая. Для нас очевиден факт того, что зубы удалялись изначально, а рабочий край тщательно оформлялся. В дальнейшем высказывались различные точки зрения относительно функционального назначения таких предметов. Среди предположительных функций назывались обработка шкур и кож (мездрение, мягчение, волосогонка), разделение растительных волокон льна и конопли, серпов для травы, разделителей сухожилий и др. [Бородовский, 1989, с. 59–60]. Тем не менее большинство изученных трасологическим методом тупиков к настоящему времени интерпретируются как орудия кожевенного производства [Килейников, 2009; Усачук, 2013; Усачук, Файзулин, 2016; Панковский, 2010; Федорук, Вальков, 2015; и др.].

Следы утилитарного износа на тупике с поселения Бурла-3 сохранились только на одном из фрагментов, но именно он и являлся фактически центром рабочего края. Износ типичен для большинства таких орудий и предстал в основном заполировкой, образовавшейся от контакта с мягким, малоабразивным материалом. Линейные следы сформированы слабо. Рассматриваемый тупик предположительно применялся для мездрения и разминания (разбивки, размягчения) шкур. Рабочая кромка, подверженная наибольшему износу и задействованная в мездрении и мягчении шкур, оказывалась у таких орудий достаточно короткой и занимала только срединную зону альвеолярного края [Панковский, 2010, с. 43] Вариант использования рассматриваемого тупика для удаления волосяного покрова можно исключить ввиду отсутствия абразивных линейных следов. Особенности различий в характере микроповерхности тупиков при использовании их для волосогонки и мездрения были наглядно показаны с помощью экспериментов В.В. Килейниковым [2009, с. 106–107, рис. 7]. Исследователь также обратил внимание на то, что зачастую тупики имеют достаточно тупой рабочий край, но, тем не менее, были эффективны в удалении мездры, которая не подрезалась, а как бы «задиралась» [Килейников, 2009, с. 107]. Степень износа анализируемого предмета нельзя назвать высокой, но очевидно, что тупик использовался в работе в течение продолжительного времени. Интенсивность износа таких орудий еще предстоит уточнить. Как считает А.Н. Усачук, фрагменты тупиков после поломки изделия нередко использовали как одноручное кожевенное орудие [Усачук, 2013, с. 332; Усачук, Файзуллин, 2016, с. 129]. Однако на бурлинском тупике признаков дальнейшего использования фрагментов после поломки орудия не зафиксировано.

Таким образом, костяное изделие с поселения Бурла-3 можно рассматривать как тупик, использовавшийся в кожевенном деле для удаления мездры и размягчения кожи. Несмотря на фрагментарность изделия, оно позволяет полностью реконструировать технологический процесс производства, а также установить функциональное назначение по следам утилизации. Имеющиеся на сегодняшний день источники свидетельствуют о том, что в эпоху бронзы и переходное к раннему железному веку время тупики из челюстей являлись наиболее эффективными и распространенными скорняжными орудиями. Ввиду своей доступности и простоты изготовления они долгое время успешно конкурировали с металлическими инструментами.

Библиографический список

Бородовский А.П. К вопросу об использовании костяных орудий из ветвей нижних челюстей с зубами крупного рогатого скота (по материалам эпохи бронзы и раннего железа из Новосибирского Приобья) // Археологические исследования в Сибири. Барнаул, 1989. С. 59–60.

Грушин С.П. Поселение эпохи бронзы Березовая Лука: реконструкция системы жизнеобеспечения // Известия Алтайского государственного университета. 2008. №4/2. С. 22–35.

Килейников В.В. Орудия труда Лукьяновского поселения эпохи поздней бронзы // Проблемы археологического изучения Доно-Волжской лесостепи. Воронеж, 1989. С. 119–126.

Килейников В.В. Обработка шкур и выделка кожи у населения эпохи бронзы в лесостепном Подонье // Археология восточноевропейской лесостепи. Воронеж, 2009. С. 96–113.

Киришин К.Ю., Гайдученко Л.Л. Изделия из кости в материалах первого горизонта поселения эпохи энеолита Новоильинка-VI // Теория и практика археологических исследований. 2016. №3 (15). С. 25–43.

Киришин Ю.Ф., Косинцев П.А., Папин Д.В., Федорук А.С. Вопросы хозяйственной деятельности населения степного Обь-Иртышья в эпоху поздней бронзы // Хозяйственно-культурные традиции Алтая в эпоху бронзы. Барнаул, 2010. С. 112–127.

Киришин Ю.Ф., Папин Д.В., Федорук А.С., Редников А.А., Федорук О.А. Проблема изучения памятников «бурлинского типа» эпохи поздней бронзы на территории степного Алтая // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. Новосибирск, 2013. Т. XIX. С. 212–215.

Клименко М.Ю., Папин Д.В., Федорук А.С. Osteологический комплекс поселения эпохи поздней бронзы Бурла-3 // Известия Алтайского государственного университета. 2016. №2 (90). С. 215–219.

Кунгурова Н.Ю., Ситников С.М. Материальная культура древних жителей поселения Советской Путь-1 // Древности Алтая. Известия лаборатории археологии. Горно-Алтайск, 1999. С. 46–53.

Панковский В.Б. Новые данные о костяной индустрии тшинецкого культурного круга // Археологічні пам'ятки Фастівщини. Прес-музей №26–27. Фастів, 2010. С. 42–50.

Папин Д.В., Федорук А.С., Демин М.А., Редников А.А. Бурла-3: новые данные о бурлинском типе памятников // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. Новосибирск, 2018. Т. XXIV. С. 315–318.

Рафикова Я.В., Федоров В.К., Усачук А.Н. Коллекция изделий из кости и рога поселения Ново-Байрамгулово-1 // Вопросы археологии Поволжья. Самара, 2019. Вып. 7. С. 86–150.

Семенов С.А. Развитие техники в каменном веке. Л., 1968. 361 с.

Ситников С.М. Культура саргаринско-алексеевского населения лесостепного и степного Алтая. Барнаул, 2015. 254 с.

Усачук А.Н. Костяные изделия поселения Устье I // Древнее Устье: укрепленное поселение бронзового века в Южном Зауралье. Челябинск, 2013. С. 331–362.

Усачук А.Н., Варфоломеев В.В. Костяные и роговые изделия поселения Кент (предварительный результат трасологического и функционально-типологического анализа) // Бегазы-дандыбаевская культура Степной Евразии. Алматы, 2013. С. 218–227.

Усачук А.Н., Файзуллин И.А. Костяные изделия Токского и Покровского поселений эпохи поздней бронзы в Западном Оренбуржье // Археологические памятники Оренбуржья. Оренбург, 2016. Вып. 12. С. 127–148.

Федорук А.С., Вальков И.А. Орудия кожевенного производства поселения Жарково-3 // Известия Алтайского государственного университета. 2015. №4/2(88). С. 229–234.

Choyke A.M. Hidden Agendas: Ancient Raw Material Choice for Worked Osseous Objects in Central Europe and Beyond // From these Bare Bones: Raw Materials and the Study of Worked Osseous Materials. Oxford, 2013. P. 1–13.

I.A. Valkov¹, D.V. Papin^{1,2}, A.S. Fedoruk¹

¹Altai State University, Barnaul, Russia;

²Institute of Archaeology and Ethnography SB RAS, Novosibirsk, Russia

**BONE SCRAPER FROM THE LATE
BRONZE AGE SETTLEMENT BURLA-3**

The article is devoted to the results of studying the bone scraper from the jaw of cattle from the settlement of the Late Bronze Age Burla-3. The reconstruction of the technological chain of the object has been presented. The conclusions have been made about the use in this process of most of the modifications known for this type of guns. The paper analyses the problem of the choice of raw material for the bone scraper production. The data of the trasological analysis are presented, the question is also raised about the functional purpose of the bone scraper and their role in the economy of the Late Bronze age. Analogies are given from synchronous complexes of the steppe and forest-steppe Altai and adjacent territories.

Key words: Late Bronze Age, steppe Altai, Burla-3, leatherworking, bone tools, bone scraper.

УДК 902(571.150)

Н.Н. Головченко, Н.Р. Дьяков, С.А. Савко

*Алтайский государственный педагогический университет,
Барнаул, Россия*

**РЕЗУЛЬТАТЫ ОБСЛЕДОВАНИЯ РУСЛОВОЙ ОТМЕЛИ
ФЕДУЛОВСКОЙ ПРОТОКИ ОБИ В ОКРЕСТНОСТЯХ
ПАМЯТНИКА КИСЛЯНСКИЙ РЫБАК-1 В 2019 Г.**

В статье публикуются результаты мониторинга разрушающейся части поселенческого комплекса одинцовской культуры 2-й половины IV – V в. н.э. Кислянский Рыбак-1 (Тальменский район, Алтайский край), проведенного студенческим археологическим отрядом Алтайского государственного педагогического университета в полевой сезон 2019 г. Отмечается значительное разрушение прибрежной кромки памятника по сравнению с результатами предыдущих наблюдений (М.П. Карпов, 2014 г.; В.О. Сайберт, 2016 г.), вызванное активными экзогенными процессами, происходящими под воздействием Федуловской (Повалихинской) протоки р. Оби. Рассматриваются выявленные переотложенные фрагменты керамики в количестве 64 единиц, наибольший интерес среди которых представляют несколько фрагментов венчиков, орнаментированных рядом ямочных вдавлений и оттиском «гребенчатого» штампа.

Ключевые слова: Тальменский район, мониторинг, поселение, Кислянский Рыбак-1, одинцовская культура.

DOI: 10.14258/2411-1503.2020.26.4

Сохранение и изучение историко-культурного наследия – одно из важнейших направлений деятельности современного археологического

сообщества. Основным инструментом, позволяющим проводить эффективную работу по сохранению наследия, является постоянный мониторинг состояния памятников.

Круг задач, решаемых мониторингом объектов историко-культурного наследия, включает выявление факторов риска, фиксацию их воздействия на памятник, оценку текущего состояния объекта и определение тенденции динамики общего его состояния. Главным условием успешности мониторинговых наблюдений является их системность.

Памятники археологии, наряду с иными объектами культурного наследия, подвергаются с течением времени воздействию разнообразных факторов риска, которые могут быть подразделены по генезису на естественные и антропогенные. Среди естественных факторов риска для археологического наследия одними из наиболее значимых, в силу того что множество памятников приурочены к рекам, являются экзогенные процессы, связанные с деятельностью рек: абразия берегов, водная эрозия, наводнения и изменения русла, оползни и солифлюкция.

Результатам наблюдений за воздействием описанных природных процессов на объект археологии – поселение Кислянский Рыбак-1 посвящена настоящая работа.

Поселение Кислянский Рыбак-1 расположено в 3,5–3,9 км от поселка Кислуха (и в 3 км от устья р. Кислухи), входящего в состав Повалихинского сельсовета Первомайского района Алтайского края. По своей дислокации данный объект входит в ряд археологических памятников, простирающихся по коренной надпойменной террасе правого берега Оби, в числе которых – поселения и городища археологического комплекса Малый Гоньбинский Кордон (МГК) [Сайберт, 2017, с. 45].

Поселение открыто в 2014 г. М.П. Карповым. На площади памятника, часть которого ныне занята территорией санатория «Обские Пльсы», им выявлено 15 объектов археологического наследия (жилищные западины, курган и др.). Автором отчета отмечено, что ежегодное углубление берега достигает 0,3–1 м, в связи с чем происходит осыпание культурного слоя и структурных объектов поселения [Карпов, 2015, с. 24].

В 2016 г. памятник обследован Тальменским археологическим отрядом Алтайского государственного университета под руководством В.О. Сайберт [2017, с. 44–48], в ходе чего произведены сборы подъемного материала на краю осыпающейся террасы, представленные фрагментами керамики и одним скребком.

Площадка, на которой располагается поселение, находится на оконечности боровой террасы высотой 20–25 м, примыкающей к устью обской протоки, огибающей широкую старичную пойму. Ширина протоки, которая местными жителями именуется Федуловской, а современными географическими интернет-сервисами – Повалихинской, достигает 200–230 м.

Осенью 2019 г. активистам студенческого научного клуба и сотрудникам Верхнеобского археологического отряда Алтайского государственного педагогического университета удалось осмотреть площади русловой отмели в окрестностях обозначенного памятника, зафиксировать полученные объектом историко-культурного наследия разрушения и обнажившиеся на дне обмелевшей к осени протоки материалы (рис. 1). GPS-координаты контрольных точек обнаружения материала: N–5328.515 E–08339.682, N–5329.0000 E–08340.650, N–5329.006 E–08340.837.

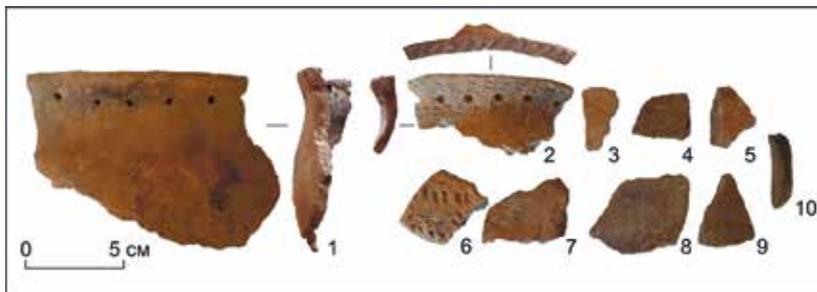

Рис. 1. Подъемный материал с памятника Кислянский Рыбак-1, переотложенный на русловой отмели

Собранный в 2019 г. материал состоит из 64 фрагментов керамики, из них шесть экземпляров с орнаментом, и одного каменного отщепы (рис. 1.-10). Выявленные находки представлены в основном неорнаментированной керамикой со средней температурой обжига. Наиболее интересными являются два фрагмента слабопрофилированных венчиков разных сосудов (рис. 1.-1, 2). Первый украшен рядом ямочных вдавлений. Второй – рядом вдавлений и косым «гребенчатым» штампом, нанесенным в том числе и по венчику (рис. 1.-2). Аналогичная по приемам исполнения коллекция керамики была собрана в ходе работ под руководством В.О. Сайберт [2017, с. 44–48] и определена как характерная для начальных этапов одинцовской культуры, датируемых 2-й половиной IV – V в. н.э.

Участниками мониторинга 2019 года была осмотрена вся кромка берега террасы и сопредельная территория, что позволило сопоставить современное состояние памятника с состоянием, зафиксированным на топографическом плане памятника, составленном М.П. Карповым (рис. 2). Результаты данного сравнения показали значительное углубление берега на расстоянии 3–3,5 м, вследствие чего разрушению подвергся ряд зафиксированных в 2014 г. объектов. Обследование восточной части террасы по направлению к поселку Кислянский Рыбак и устьевым зонам рек Кислухи и Повалихи позволило выявить ряд не зафик-

сированных М.П. Карповым объектов (западин), также расположенных в зоне, непосредственно примыкающей к линии обрыва.

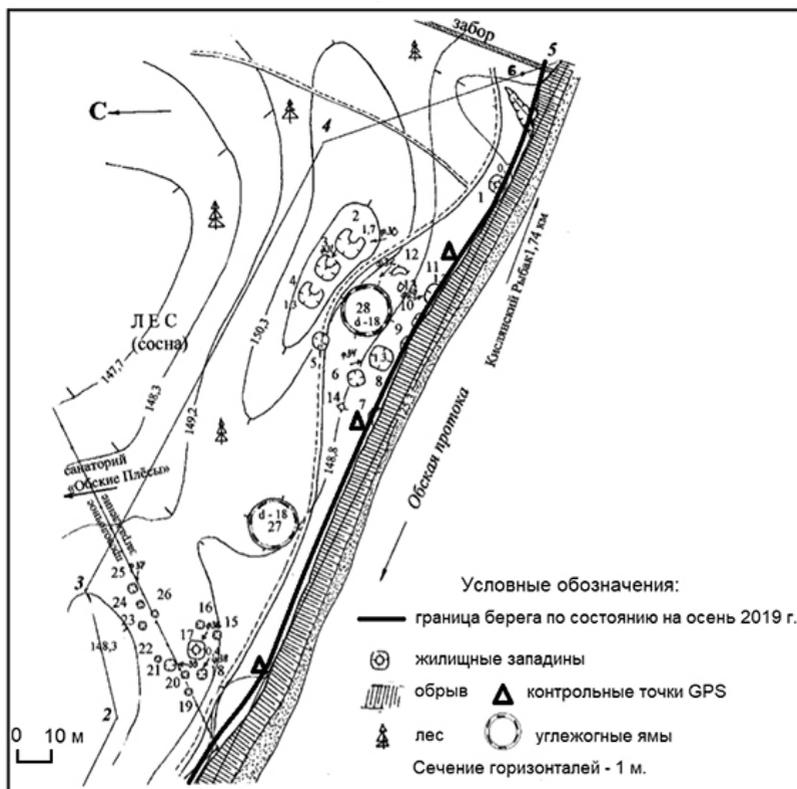

Рис. 2. Топографический памятник поселения Кислянский Рыбак-1 с указанием современной береговой границы

Результаты долговременного (пять лет) и системного наблюдения за разрушающимся под природным воздействием объектом историко-культурного наследия показывают быстроту данного процесса, в связи с чем актуализируется необходимость полевого исследования хотя бы части рассматриваемого комплекса.

Библиографический список

- Карпов М.П. Археологическое исследование в Бийском и Первомайском районах Алтайского края в 2014 г.: Отчет. Барнаул, 2015. 56 с.
- Сайберг В.О. Результаты археологической разведки в Тальменском районе Алтайского края в 2016 г. // Сохранение и изучение культурного наследия Алтайского края. 2017. №23. С. 44–48.

N.N. Golovchenko, N.R. Dyakov, S.A. Savko

Altai State Pedagogical University, Barnaul, Russia

**RESULTS OF THE SURVEY OF THE RUSLOVO SHOAL
ON THE FEDULOVSKAYA STREAM
OF THE OB NEAR THE KISLYANSKY RYBACK-1 SITE IN 2019**

The article publishes the results of monitoring the collapsing part of the settlement complex of the Odintsovo culture in the second half of the 4th – 5th centuries AD, Kislyansky Ryback-1 (Tal'mensky district, Altai Region), conducted by the students' archaeological unit of Altai State Pedagogical University in the field season of 2019. The destruction of the coastal edge of the site is much more considerable than the destruction noted before (M.P. Karpov, 2014; V.O. Saybert, 2016), which is due to the active exogenous processes associated with the activities of the Fedulovskaya (Povalikhinsky) stream of the River Ob. Identified redeposited fragments of ceramics in the amount of 64 units have been considered, among which the most interesting are several fragments of corollas ornamented with a series of embossings and impressions of a “comb-shaped” stamp.

Key words: Tal'mensky district, monitoring, settlement, Kislyansky rybak-1, Odintsovo culture.

УДК 903.5(571.150)

В.В. Горбунов

Алтайский государственный университет, Барнаул, Россия

**СОПРОВОДИТЕЛЬНЫЕ ЗАХОРОНЕНИЯ ЖИВОТНЫХ
НА МОГИЛЬНИКЕ ИНЯ-1 В БАРНАУЛЬСКОМ ПРИОБЬЕ**

Работа выполнена при финансовой поддержке РФФ, проект №16-18-10033 «Формирование и эволюция систем жизнеобеспечения у кочевых социумов Алтая и сопредельных территорий в поздней древности и средневековье: комплексная реконструкция»

Рассматриваются материалы погребального памятника 2-й половины VIII – 1-й половины IX в., в котором встречено значительное число захоронений лошадей, овец, коров и собак. Приводятся сведения о вариантах их размещения в курганах и могилах, о расположении относительно человека и друг друга, о количестве животных в конкретных объектах и о наличии с ними сопроводительного инвентаря. На основе статистических данных показано, что основную роль в погребальном обряде играла лошадь, которая сопровождала большую часть мужских и почти половину женских могил. Вторым по значению животным была собака, которая могла дополнять погребения с лошадьми, так и служить единственным сопроводительным животным. Овца и корова использовались только в качестве дополнительных животных в конских захоронениях. Число животных в одной могиле в большинстве случаев отражает имущественное и социальное положение умерших людей. Наличие лошадей, овец и коров, с одной стороны, и собак – с другой, связано с разными этнокультурными традициями.

Ключевые слова: раннее Средневековье, сросткинская культура, курган, погребение, лошади, собаки.

DOI: 10.14258/2411-1503.2020.26.5

Курганный могильник Иня-1 находится возле одноименного села в Шелаболихинском районе Алтайского края, к северо-западу–западу от г. Барнаула (расстояние по прямой 67 км). Он расположен в пойме правого берега р. Обь, на левом берегу ее притока р. Иня и занимает участок нижней береговой террасы высотой 4 м. Памятник начал исследоваться А.П. Уманским в 1951 и 1959 гг. Затем работы на нем были продолжены С.В. Неверовым в 1989–1990 гг. и автором в 1998 и 2000 гг. Всего здесь раскопано 29 из 37 курганов, составляющих некрополь [Уманский, 1970, с. 45, 48; Ефремов, 1990, с. 42–43; Горбунов, 2000, с. 285; Горбунов, Кунгуров, Тишкин, 2001, с. 213]. Курганы состояли из земляных насыпей округлой или овальной формы, под которыми находилось от одной до четырех могил. При наличии нескольких погребений они чаще всего располагались в ряд. Большинство могильных ям снабжались деревянными перекрытиями, иногда двойными, с поперечным и продольным слоем бревен, горбылей или досок. На многих перекрытиях сохранились следы кострищ. В изголовье, реже вокруг могил вкапывались деревянные столбы. На дно могильных ям устанавливались деревянные рамы или укладывались берестяные подстилки и конверты. Всего в 29 курганах исследовано 52 могилы, из которых 50 совершенно по способу труположения и две – по способу трупосожжения. Все погребения сооружены для одного человека. Несмотря на то что значительное число могил (19) подверглось ограблению, в них осталось довольно много вещей, а часть костей от скелетов людей и животных сохранили свое первоначальное положение. Это позволяет использовать данные таких объектов при анализе погребального обряда и вещевого комплекса в различных статистических выборках.

Типологический анализ инвентаря позволяет датировать памятник Иня-1 2-й половиной VIII – 1-й половиной IX в. Его нижняя граница определяется находками в могилах трех монет: тюркешской (735–742 гг.), арабской (760–761 гг.) и китайской (732–759 гг.) [Неверов, Горбунов, 2001, с. 176; Горбунов, Кунгуров, Тишкин, 2001, рис. 27]. По особенностям погребального обряда курганный могильник Иня-1 относится к сросткинской археологической культуре и отражает ранний этап ее развития, когда на территории Лесостепного Алтая происходило формирование новой общности путем взаимодействия местного самодийского населения с пришлыми тюркскими племенами [Горбунов, 2011, с. 20–21].

Могильник Иня-1 отличает большое количество и разнообразие сопроводительных захоронений животных, среди которых лошадь, собака, овца, корова. Варианты их использования в рамках курганного и могильного пространства, а также расположение относительно человека и друг друга, на наш взгляд, представляют самостоятельный научный интерес.

Самыми многочисленными являются захоронения лошадей, сопровождающие умерших людей. В этих могилах человек лежал вытянуто на спине головой на восток (чаще с отклонением к северу, реже – к югу) в более узкой и мелкой части ямы. Лошадь укладывалась в углубленной и расширенной части ямы, в ногах человека, на животе с подогнутыми ногами. Голова лошади была ориентирована в одну сторону с человеком и размещалась вдоль левой ноги хозяина, иногда доходя до его левой руки. На памятнике встречено 19 могил с ингумацией и одна с кремацией в сопровождении одной лошади. В последнем случае конструкция могилы не имела существенных отличий, просто на месте тела умершего человека лежал инвентарь и кальцинированные кости.

Пять могил с ингумацией содержали захоронения двух лошадей, уложенных в углубленной части ямы параллельно друг другу. При этом одна лошадь была крупнее, а вторая мельче. Согласно определениям А.В. Гальченко, сделанным по трем курганам, крупные лошади – это взрослые особи в возрасте 6–8 лет, а мелкие – подростки в возрасте около года. Именно голова взрослой лошади в этом случае была ближе к человеку. В могиле с ингумацией кургана №14 оказалось сразу три полных скелета лошадей. Лошадь меньших размеров (подросток) лежала между двух слоев перекрытия, над ямой с двумя взрослыми лошадьми. В кургане №28 рядом с основным погребением по обряду ингумации с лошадью находилась небольшая дополнительная яма с захоронением жеребенка.

Многие из лошадей, помещенных в могилы, были взнузданы. Об этом говорят железные удила (с железными, роговыми и деревянными псалиями), находившиеся у них во рту. Такая ситуация зафиксирована в 12 объектах. Еще в двух погребениях удила лежали рядом с лошадью и в одной грабленой могиле они присутствовали. Часть лошадей была не только взнуздана, но и оседлана, о чем говорит наличие подпружных пряжек (8 могил – во всех по одной), и стремян (11 могил – в неграбленных всегда пара, в грабленных иногда одно). Их взаимная встречаемость дает следующую картину: в шести могилах найдены только удила, в четырех – удила и стремяна, в трех – удила с подпружной пряжкой, в трех – стремяна, в двух – удила, подпружная пряжка и стремяна, в двух – подпружная пряжка и стремяна, в одной – подпружная пряжка. В могиле-1 кургана №2 помимо этих предметов сохранился тлен от деревянного ленчика с лукой и войлочного чепрака [Уманский, 1970, с. 52]. Только в одном захоронении, у ноги лошади, найдена цурка. О наличии в конской экипировке уздечных и седельных ремней свидетельствуют находки соответствующей функциональной и декоративной гарнитуры: пряжки, тренчики, наконечники, бляхи накладки и подвески, тройники, обнаруженные в 10 захоронениях.

В могилах с двумя лошадьми, как правило, экипирована только взрослая особь. Однако в могиле кургана №26 на скелетах и взрослого коня, и подростка найдены предметы снаряжения. Особенно информа-

тивной оказалась могила из кургана №14, где на скелете одной из взрослых лошадей кроме удила с псалиями и стремян был найден полный комплект бронзовых украшений и функциональных предметов (103 экз.) на ремни узды, повода и седла [Панюков, 1990, с. 46]. Среди погребений без лошадей только в могиле-1 кургана №1 (кремация) и могиле-2 кургана №19 (ингумация) были предметы конского снаряжения.

В конской части погребений кроме снаряжения для верховой езды попадался также инвентарь, связанный непосредственно с человеком. Это керамические сосуды, поставленные либо на перекрытие, либо положенные рядом с лошастью, железные тесла в районе ее спины, видимо, притороченные к седлу. В одном случае на спине лошади лежал берестяной колчан со стрелами, а в другом – вдоль ее правого бока железный меч.

Помимо сопроводительных захоронений отдельные колотые кости лошадей зафиксированы во многих курганных насыпях в качестве остатков поминальной тризны. В одиночной могиле с кремацией найдены позвонки лошади, а на перекрытиях трех могил с ингумацией, уже содержащих захоронения лошадей, лежали конские черепа, позвонки и ребра этих животных.

Вторая по численности группа сопроводительных захоронений – это собаки, скелеты которых обнаружены в 11 курганах. Самый распространенный вариант – расположение собаки на перекрытии могилы, на левом боку, головой в одну сторону с человеком. Лишь один раз животное лежало по антитезе, черепом на запад. В семи могилах собаки дополняли захоронения лошадей, находясь на перекрытии над ними, и один раз – рядом с перекрытием у конской части ямы с южной стороны. В четырех могилах с ингумацией собаки были единственным сопроводительным животным, располагаясь на перекрытии в ногах человека, и один раз – рядом с перекрытием в области ног человека с южной стороны. В кургане №7 (кремация с лошастью) и кургане №28 (ингумация с лошастью) обнаружены отдельные захоронения собак, которые находились сбоку, на некотором расстоянии от основных погребений.

Сопроводительные захоронения овец только дополняли могилы, содержащие лошадей. В двух из них скелеты овец лежали поверх конских, головами в одну сторону с ними и с человеком. В могиле-1 кургана №16 овца располагалась справа от конского скелета, при той же ориентации. На перекрытии шести могил (пять с лошадьми и одна без) обнаружены отдельные кости овец, а в кургане №14 юго-восточнее основного погребения зафиксировано скопление костей овцы, перекрытое несколькими плахами. Кроме этого, колотые кости овец встречены в насыпях многих курганов.

В могиле-1 кургана №19 вместе с двумя лошадьми находилось захоронение телят двухмесячного возраста (определение А.В. Гальченко). Еще в двух могилах с двумя и одной лошастью лежали похожие

скелеты. Все телята располагались справа от скелета лошади, частично под ним, головой в ту же сторону.

Суммируя данные по могильнику Иня-1, можно отметить, что захоронения животных находились в 22 курганах и сопровождали погребения 30 человек. Только в семи курганах такие захоронения отсутствовали, хотя отдельные кости лошади и овцы встречались и там.

Определить пол и возраст людей, которых сопровождали животные, в силу плохой сохранности многих скелетов удалось далеко не для всех объектов [Уманский, 1970, с. 50–62; Поздняков, 2006, с. 21, табл. III–IV]. Однако данные о составе инвентаря в могилах, с учетом имеющихся определений, позволяют довольно точно провести половозрастное разграничение и остальных погребенных. Так, только в мужских могилах есть предметы вооружения и наборные пояса, которые ни разу не встречены в женских и детских погребениях. Всего на памятнике раскопано 25 мужских, 18 женских и девять детских могил, считая и погребения с кремациями (по инвентарю оба мужские).

Рассмотрим, как распределяются сопроводительные захоронения животных среди этих объектов, учитывая отдельные захоронения животных вместе с захоронениями в основных могилах.

Мужских погребений с лошастью – 7, с лошастью и собакой – 4, с лошастью и овцой – 2, с лошастью, собакой и теленком – 1, с двумя лошадьми – 1, с двумя лошадьми и собакой – 1, с двумя лошадьми и овцой – 1, с двумя лошадьми, собакой и теленком – 1, с собакой – 2, без животных – 5.

Женских погребений с лошастью – 3, с лошастью и собакой – 1, с двумя лошадьми и собакой – 1, с двумя лошадьми и теленком – 1, с тремя лошадьми – 1, с собакой – 1, без животных – 10.

Детских погребений с лошастью – 1, с собакой – 1, без животных – 7.

Таким образом, сопроводительные захоронения животных в наибольшей степени характерны для мужских погребений. Среди женских погребений они составляют немного меньше половины и наиболее редки среди детских погребений. По общему количеству животных, захороненных с одним человеком, также лидируют мужские могилы (4), но по количеству лошадей – женские (3).

Следует отметить, что погребения с животными (прежде всего с лошадьми) содержат более богатый инвентарь, чем погребения без них. Его качество и количество больше в тех могилах, где больше и животных. Однако есть и одно исключение. Так, в женской могиле-1 кургана №19 (с двумя лошадьми и теленком) из инвентаря были только нож и сосуд, лошади снаряжения не имели. Несмотря на это главным сопроводительным животным на Ине-1, безусловно, является лошадь. В тех курганах, где присутствуют погребения с лошастью и без нее, как правило, первые занимают центральное положение, а вторые – крайнее.

Ближайшие аналогии захоронениям животных с могильника Иня-1 можно найти в памятниках одинцовской и тюркской культур. Так, захоронения собак известны на одинцовских памятниках 2-й половины VI – 1-й половины VII в. Осинки (могила-37) и Страшный Яр-1 (могила-1) из Лесостепного Алтая. Здесь эти животные сопровождаются погребения по обряду одиночной ингумации, располагаясь в ногах человека [Савинов, Новиков, Росляков, 2008, с. 14–15, табл. X.-3; Горбунов, Тишкин, Фролов, 2017, с. 107, рис. 1.-2]. Захоронения лошадей, сопровождающие погребения с ингумацией, характерны для всех собственно тюркских памятников Центральной и Средней Азии, а вот сочетание лошадей, овец и коров более всего представлено в объектах Минусы и Тувы 2-й половины VI – X в., среди которых встречается и вариант размещения в ногах человека [Худяков, 2004, с. 24–37; Древние тюрки..., 2013, с. 43–45, 77]. Поэтому традицию захоронения с человеком собаки можно связать с местной самодийской средой, а традицию захоронения с человеком лошади (овцы, коровы) – с пришлыми тюркскими племенами.

Библиографический список

- Горбунов В.В. Исследование курганного могильника Иня-1 в Лесостепном Алтае // Археологические открытия 1998 года. М., 2000. С. 285–286.
- Горбунов В.В., Кунгуров А.Л., Тишкин А.А. Раскопки курганов на Алтае // Археологические открытия 2000 года. М., 2001. С. 212–214.
- Горбунов В.В. Тюрко-самодийское взаимодействие в VIII–IX вв. на юге Западной Сибири (по материалам могильника Иня-1) // Труды III (XIX) Всероссийского археологического съезда. Т. II. СПб.; М.; Великий Новгород, 2011. С. 19–21.
- Горбунов В.В., Тишкин А.А., Фролов Я.В. Редкое погребение одинцовской культуры на памятнике Страшный Яр-1 в Барнаульском Приобье // Культуры и народы Северной Евразии: взгляд сквозь время. Томск, 2017. С. 106–110.
- Древние тюрки в Центральной Туве (по материалам работ Саяно-Тувинской экспедиции). СПб., 2013. 232 с.
- Ефремов С.А. Курганы 1 пол. VIII в. н.э. у с. Иня Алтайского края // Палеоэтнология Сибири. Иркутск, 1990. С. 42–43.
- Неверов С.В., Горбунов В.В. Сросткинская культура (периодизация, ареал, компоненты) // Пространство культуры в археолого-этнографическом измерении. Западная Сибирь и сопредельные территории. Томск, 2001. С. 176–178.
- Панюков В.И. Сбруя верхового коня сросткинской культуры (реконструкция и датировка) // Палеоэтнология Сибири. Иркутск, 1990. С. 45–47.
- Поздняков Д.В. Палеоантропология населения юга Западной Сибири эпохи средневековья (вторая половина I – первая половина II тыс. н.э.). Новосибирск, 2006. 136 с.
- Савинов Д.Г., Новиков А.В., Росляков С.Г. Верхнее Приобье на рубеже эпох (басандайская культура). Новосибирск, 2008. 424 с.
- Уманский А.П. Археологические памятники у села Иня // Известия Алтайского отдела географического общества Союза ССР. Вып. 11. Барнаул, 1970. С. 45–74.
- Худяков Ю.С. Древние тюрки на Енисее. Новосибирск, 2004. 152 с.

V.V. Gorbunov

Altai State University, Barnaul, Russia

**ACCOMPANYING ANIMAL BURIALS AT THE INYA-1
BURIAL GROUND IN THE BARNAUL OB REGION**

The article considers the materials of the funerary monument of the second half of the 8th – first half of the 9th century, which contains a significant number of burials of horses, sheep, cows and dogs. The information is provided about the options for their placement in mounds and graves, about the location relative to the person and each other, about the number of animals in specific objects and the presence of accompanying equipment with them. Based on statistical data, it is shown that the main role in the funeral rite was played by a horse, which accompanied most of the male and almost half of the female graves. The second most important animal was the dog, which could both complement burials with horses, and serve as the only accompanying animal. Sheep and cows were only used as additional animals in horse burials. The number of animals in one grave, in most cases, reflects the property and social status of the deceased people. The presence of horses, sheep and cows on the one hand and dogs on the other is associated with different ethnocultural traditions.

Key words: Early Middle Ages, Srostki culture, barrow, burial, horses, dogs.

УДК 903.53(571.50)

П.К. Дашковский, А.Н. Ожиганов, Е.А. Шершнева

Алтайский государственный университет, Барнаул, Россия

**ПРЕДВАРИТЕЛЬНЫЕ ИТОГИ ИЗУЧЕНИЯ КУРГАНА №32
НА МОГИЛЬНИКЕ ЧИНЕТА-II В СЕВЕРО-ЗАПАДНОМ АЛТАЕ**

Работа выполнена при финансовой поддержке РФФИ и Администрации Алтайского края по теме «Памятники Чинетинского археологического микрорайона на Алтае: культурно-историческая интерпретация артефактов и возможности использования полученных результатов в туристическом кластере региона» (№19-49-220002), а также РФФИ и Министерства культуры, образования и спорта Монголии по теме «Этнорелигиозные и социальные процессы как факторы межкультурного взаимодействия населения в трансграничном пространстве Алтая, Тувы и Монголии: история и современность» (№19-59-44002)

В статье представлены результаты раскопок кургана №32 на могильнике Чинета-II, который входит в состав Чинетинского археологического микрорайона. Указанный памятник расположен на левом берегу р. Иня недалеко от с. Чинета Красношековского района Алтайского края. В ходе раскопок кургана №32 было обнаружено ограбленное погребение женщины. Она была уложена в деревянную погребальную конструкцию в вытянутом положении на спине и ориентирована головой на запад. Несмотря на ограбление погребения, удалось обнаружить развал керамического сосуда и две железные заколки с наверхиями, покрытыми золотой фольгой. Зафиксированные признаки ориентации

и положения умершего в могиле не являются в полной степени классическими для памятников пазырыкской культуры Горного Алтая. В то же время аналогичные традиции положения и ориентации умершего в могиле зафиксированы при раскопках курганов пазырыкского времени как в Северо-Западном, так и других районах Алтая. Указанные особенности отражают определенные процессы межкультурного взаимодействия кочевников в регионе в скифскую эпоху. В рамках сравнительно-исторического подхода курган №32 могильника Чинета-II датирован предварительно концом IV – III в. до н.э.

Ключевые слова: Алтай, скифская эпоха, погребальный обряд, кочевники.

DOI: 10.14258/2411-1503.2020.26.6

Курганный могильник Чинета-II входит в состав Чинетинского археологического микрорайона, который расположен в окрестностях с. Чинета в Краснощековском районе Алтайского края. Указанный могильник зафиксирован в восточной части второй надпойменной террасы на левом берегу р. Иня (левый приток Чарыша) в 1–1,4 км к юго-юго-востоку от с. Чинета. В настоящее время на некрополе выявлены объекты скифской эпохи, тюркской, кыргызской и сросткинской культур [Дашковский, 2015; 2017а; и др.]. В данной публикации приводится информация о результатах изучения кургана №32, относящегося к скифскому времени.

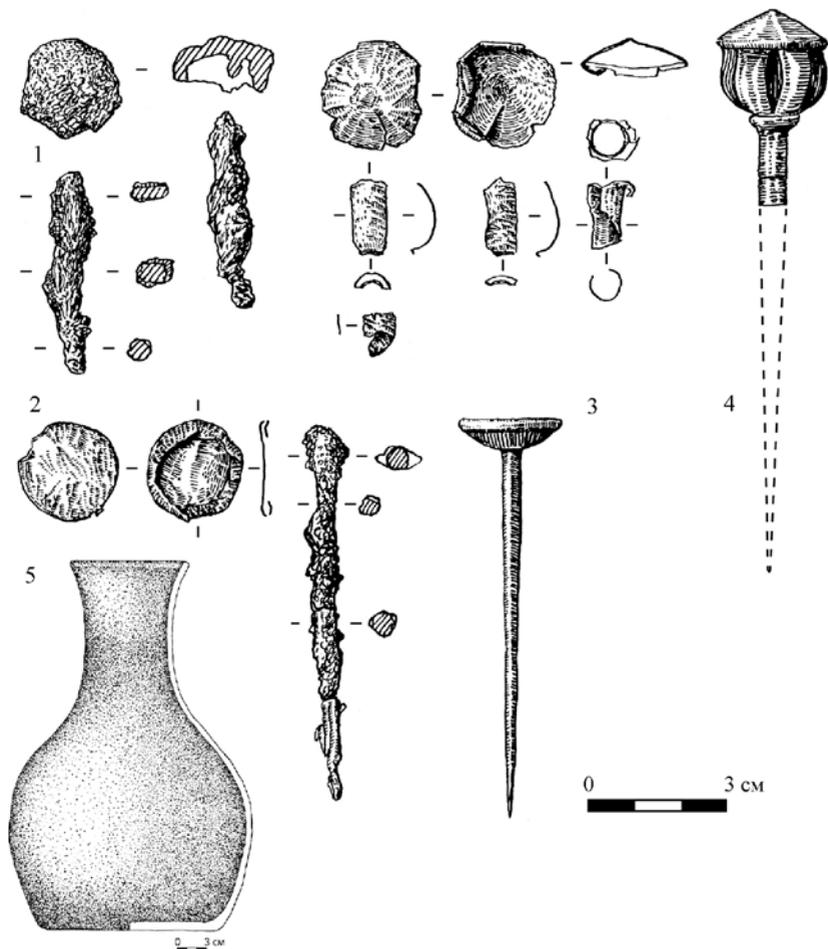
Курган №32 располагался в центральной части некрополя Чинета-II. Насыпь сооружения до момента раскопок на уровне современной поверхности почти никак не выделялась. Диаметр каменной насыпи объекта, сложенной из камней в 1–2 слоя, составлял с севера на юг 6,25 м, а с запада на восток – 5,5 м. Высота сооружения достигала 0,5 м, а с учетом слоя грунта – 0,6 м. Сама насыпь состояла из речной гальки средних размеров, которая была уложена в 1–2 слоя поверх земляной насыпи, сооруженной на уровне древнего горизонта.

Под насыпью кургана выявлена могильная яма. Она имела на уровне древнего горизонта размеры 3,65×1,73×1,82 м. Глубина могилы от отметки нулевого репера – 2,29 м, от уровня древнего горизонта – 1,82 м. Далее в описании глубины указаны от нулевого репера. На глубине 1,69–1,88 м выявлен деревянный сруб в два венца хорошей сохранности, который был установлен на дне могилы. Длина продольных плах достигала 2,8 м, поперечных – 1,3 м. Средняя ширина плах 15–25 см. При этом продольные плахи перекрывали поперечные. Сруб сверху был перекрыт настилом из плах, две из которых в центральной части конструкции частично сохранились. Следует отметить, что в отличие от многих других курганов скифского времени, изученных в пределах Чинетинского археологического микрорайона, в данном объекте деревянная внутримогильная конструкция в виде сруба сохранилась хорошо. Вдоль южной, западной и восточной стенок сруба на глубине от 1,62 до 2,13 м зафиксирована обкладка из крупных и средних камней. Между северной стенкой могилы и сруба в центральной части выявлен только один крупный камень.

Внутри сруба обнаружено погребение женщины, которое было, вероятно, сильно потревожено в древности. В нетронутом положении сохранились только частично кости ног. Это позволяет сделать вывод, что умершая, вероятно, была уложена в вытянутом положении на спине и ориентирована головой на запад. Часть костей, преимущественно позвонки и ребра, оказалась смещена к восточной стенке сруба. В этой же части погребения найдены две железные заколки, покрытые золотой фольгой. Череп человека выявлен на глубине в средней части южной стенки сруба. В юго-западном углу сруба выявлен развал керамического сосуда. В 0,2 м к северо-востоку от него находилась ритуальная пища – кости барана.

Из сопроводительного инвентаря особый интерес представляют железные заколки (рис.). Первая железная заколка имела длину железного стержня 8,2 см. Навершие заколки было в виде шляпки диаметром 2 см, сверху покрытой фольгой. Вторая заколка оказалось более плохой сохранности. Первоначальная длина железного стержня составляла, вероятно, 10 см. Наверху заколку венчала шаровидная головка из фольги с орнаментами, покрытая конусовидным навершием также из фольги. Диаметр шаровидной головки – 2,2 см. Необходимо отметить, что железные, а также бронзовые, заколки с различными типами наверший встречаются не очень часто в погребениях кочевников скифской эпохи Горного Алтая. По подсчетам исследователей на начало XXI в. было известно около 50 таких предметов [Кирюшин, Степанова, 2004, с. 86]. С учетом раскопок курганов пазырыкской культуры на могильниках Ханкаринский дол и Чинета-II в Северо-Западном Алтае [Дашковский, 2016; 20176], количество таких предметов составляет около 60 экземпляров. В частности заколки с шаровидным навершием обнаружены в кургане №9 могильника Юстыд-XIII [Кубарев, 1991, с. 111, рис. LXII.-5], в кургане №3 и №9 могильника Малталу-IV [Кубарев, 1992, с. 94–95, рис. XLII.-8; XLIX.-5], в курганах №4, 6, 15 могильника Ханкаринский дол [Дашковский, 2016; и др.].

Близкого шаровидного типа заколки известны и в памятниках каменной культуры Алтая, в частности в кургане №12 (могила-8), №15 (могила-3) могильника Новотроицкое-I [Шульга, Уманский, Могильников, 2009, с. 215, рис. 15.-15, с. 224, рис. 24.-2; Могильников, 1997, с. 77–78, рис. 57.-1–2], в кургане №19 (могила-15) могильника Рогозиха-I [Уманский, Шамшин, Шульга, 2005, с. 24, рис. 42.-3; 53.-5], курган №1 (могила-2) могильника Иня-3 [Горбунов, Тишкин, Фролов, Дашковский, 2011, с. 103, рис. 1.-1–2] и др. По мнению исследователей, наибольшее количество заколок с шаровидной головкой, покрытой золотой фольгой, в большей степени встречается в Верхнем Приобье, чем в предгорных и горных районах Алтая [Могильников, 1997, с. 78]. Отличительной особенностью заколки из кургана №32 могильника Чинета-II от аналогичных изделий из курганов пазырыкской культуры является

Инвентарь из кургана №32 могильника Чинета-II:

1–2 – железные заколки с навершиями, покрытыми золотой фольгой;

3–4 – реконструкция заколок; 5 – керамический сосуд

конусовидное навершие поверх шаровидной головки. По мнению В.А. Могильникова, указанного типа заколки появились в Верхнем Приобье в конце V – IV в. до н.э. и продолжали существовать вплоть до II в. до н.э. [Могильников, 1997, с. 78]. В то же время в некоторых районах Алтая, в частности в районе Средней Катуня, железные заколки с шаровидной головкой появляются несколько ранее – в VI–V вв. до н.э. [Кирюшин, Степанова, Тишкин, 2003, с. 85]. Кроме того, в кургане №21 могильника

Балык-Соок-I, датированного 1-й половиной VI в. до н.э., обнаружена железная заковка с грибовидным навершием, покрытая золотой фольгой [Кубарев, Шульга, 2007, с. 33, рис. 11.-5]. Навершие данной заковки отличается по форме шляпки от другой заковки из кургана №32 могильника Чинета-II. Это показывает бытование железных заковок с разной формой головок на протяжении 1-й половины VI – III в. до н.э.

Нужно обратить внимание на некоторые особенности погребального обряда, зафиксированные при раскопках кургана №32 могильника Чинета-II. Для классического погребального обряда пазырыкской культуры характерно помещение умершего в скорченном положении на правом боку и ориентация головой на восток или юго-восток. В рассматриваемом кургане №32 умерший был уложен в вытянутом положении на спине и ориентирован головой на запад. Указанные признаки погребального обряда, хотя не относятся к классическим, однако встречаются при исследовании памятников кочевников горных районов Алтая пазырыкского времени. При этом сочетание данных признаков выявлено преимущественно в районе нижнего и среднего течения р. Катунь [Тишкин, Дашковский, 2003, с. 164–167; Кирюшин, Степанова, 2004].

Кроме кургана №32 на могильнике Чинета-II раскопано еще несколько объектов, в которых также обнаружены погребения людей, уложенных в вытянутом положении на спине и ориентированных головой на запад. Такие признаки зафиксированы при раскопках курганов №16, 28 (могила-1), 30. Кроме того, в курганах №19, 22, 23, 26, 27, 34 умершие были ориентированы головой на восток (юго-восток), но уложены в вытянутом положении на спине [Дашковский, 2017б, с. 113–114]. Наличие на могильнике Чинета-II погребений, совершенных как по классическим канонам пазырыкского погребального обряда, так и с отступлениями от него, свидетельствует об определенных этнокультурных процессах в скифское время в Северо-Западном Алтае. Примечательно, например, что на указанном могильнике был раскопан курган №28, под насыпью которого выявлено две могилы, в одной из которых было погребение женщины, уложенной в вытянутом положении на спине и ориентированной головой на запад [Дашковский, Ожиганов, 2019]. Традиция размещения под насыпью двух и более могил характерна для каменной культуры Алтая, которая испытала сильное сакское влияние [Могильников, 1997; Шульга, 2003, рис. 46; и др.]. Об интенсивных процессах межкультурного взаимодействия кочевников в указанном районе свидетельствуют и различные категории инвентаря из курганов могильника Чинета-II, которые имеют аналогии в различных культурах скифской эпохи Саяно-Алтая. Примечательно, что наиболее классические признаки пазырыкской культуры зафиксированы на соседнем могильнике Ханкаринский дол [Дашковский, 2016], который расположен в той же долине, что и некрополь Чинета-II. При этом на последнем могильнике выявлено как раз больше признаков погребального обряда

и артефактов, отражающих межкультурное взаимодействие кочевников в скифо-сакский период [Дашковский, 2017б]. Таким образом, курган №32 могильника Чинета-II можно отнести к скифской эпохе Алтая и датировать предварительно концом IV – III в. до н.э. Зафиксированные особенности погребального обряда и инвентаря, вероятно, свидетельствуют об особенностях межкультурного взаимодействия кочевников в Северо-Западном Алтае.

Библиографический список

Горбунов В.В., Тишкин А.А., Фролов Я.В., Дашковский П.К. Аварийные раскопки на курганном могильнике Иня-3 // Сохранение и изучение культурного наследия Алтайского края. Барнаул, 2001. Вып. XII. С. 101–104.

Дашковский П.К. Кыргызы на Алтае в контексте этнокультурных процессов в Центральной Азии. Барнаул, 2015. 224 с.

Дашковский П.К. Могильник пазырыкской культуры Ханкаринский дол на Алтае: характеристика погребального обряда и основные направления междисциплинарных исследований // Мировоззрение населения Южной Сибири и Центральной Азии в исторической ретроспективе. Барнаул, 2016. Вып. IX. С. 42–66.

Дашковский П.К. Исследования Краснощековской археологической экспедиции на Алтае в 2001–2016 гг. // Сохранение и изучение культурного наследия Алтайского края. Барнаул, 2017а. Вып. XIII. С. 83–87.

Дашковский П.К. Результаты изучения погребального обряда кочевников Северо-Западного Алтая скифской эпохи (по материалам могильника Чинета-II) // Труды V (XXI) Всероссийского археологического съезда в Барнауле – Белокурихе. Барнаул, 2017б. С. 112–116.

Дашковский П.К., Ожиганов А.Н. Предварительные результаты исследования курганов №28 и 33 на могильнике Чинета-II в Краснощековском районе Алтайского края // Сохранение и изучение культурного наследия Алтайского края. Барнаул, 2019. Вып. XV. С. 57–62.

Кирюшин Ю.Ф., Степанова Н.Ф., Тишкин А.А. Скифская эпоха Горного Алтая. Барнаул, 2003. Ч. II: Погребально-поминальные комплексы пазырыкской культуры. 234 с.

Кирюшин Ю.Ф., Степанова Н.Ф. Скифская эпоха Горного Алтая. Барнаул, 2004. Ч. III: Погребальные комплексы скифского времени Средней Катунь. 292 с.

Кубарев В.Д. Курганы Юстыда. Новосибирск, 1991. 190 с.

Кубарев В.Д. Курганы Сайлюгема. Новосибирск, 1992. 220 с.

Кубарев В.Д., Шульга П.И. Пазырыкская культура (курганы Чуи и Урсула). Барнаул, 2007. 282 с.

Могильников В.А. Население Верхнего Приобья в середине – второй половине I тысячелетия до н.э. М., 1997. 195 с.

Тишкин А.А., Дашковский П.К. Социальная структура и система мировоззрений населения Алтая скифской эпохи. Барнаул, 2003. 430 с.

Уманский А.П., Шамшин А.Б., Шульга П.И. Могильник скифского времени Рогозиха-I на левобережье Оби. Барнаул, 2005. 204 с.

Шульга П.И. Могильник скифского времени Локоть-4а. Барнаул, 2003. 204 с.

Шульга П.И., Уманский А.П., Могильников В.А. Новотроицкий некрополь. Барнаул, 2009. 329 с.

P.K. Dashkovskiy, A.N. Ozhiganov, E.A. Shershneva

Altai State University, Barnaul, Russia

**PRELIMINARY RESULTS OF THE STUDY OF MOUND NO. 32
AT THE CHINETA-II BURIAL GROUND
IN NORTH-WESTERN ALTAI**

The article presents the results of excavations of mound No. 32 at the Chineta-II burial ground, which is part of the Chineta archaeological microdistrict. This site is located on the left bank of the Inya river near the village of Chineta in Krasnoshchekovsky district of the Altai territory. During the excavation of mound No.32, the robbed burial of a woman was discovered. She was placed in a wooden burial structure in a slumped position on her back and oriented with her head to the west. Despite the robbery of the burial, it was possible to find the remains of a ceramic vessel and two iron hairpins with pommels covered with gold foil. The recorded signs of orientation and position of the deceased in the grave are not fully classical for the sites of the Pazyryk culture of the Mountain Altai. At the same time, the same tradition of the position and orientation of the deceased in the grave was recorded during the excavations of Pazyryk burial mounds in the North-Western and other regions of Altai. These features reflect certain processes of intercultural interaction of nomads in the region in the Scythian era. As part of the comparative-historical approach, mound No. 32 of the Chineta-II burial ground is tentatively dated to the end of the 4th – 3rd centuries BC.

Key words: Altai, Scythian epoch, funeral rite, nomads.

УДК 903.4(571.17)

А.М. Илюшин

*Кузбасский государственный технический университет
имени Т.Ф. Горбачева, Кемерово, Россия*

**МАТЕРИАЛЫ ИССЛЕДОВАНИЙ
НА ПОСЕЛЕНИИ МУСОХРАНОВО-6А
В КАСЬМИНСКОМ АРХЕОЛОГИЧЕСКОМ МИКРОРАЙОНЕ**

В статье публикуются и исследуются материалы подъемных сборов и из раскопа шурфа №5 на поселении Мусохраново-6А, расположенного в долине среднего течения р. Касьмы на территории Ленинск-Кузнецкого района Кемеровской области. Описывается история открытия и исследования археологического памятника. Археологические источники исследования описываются и подвергаются сравнительно-историческому анализу с аналогичными материалами из Кузнецкой котловины. На основании сравнительного анализа делается вывод, что исследованные материалы по совокупности культурных характеристик и их преобладанию можно отнести к ирменско-большереченским и датировать их переходным временем от периода поздней бронзы к раннему железному веку.

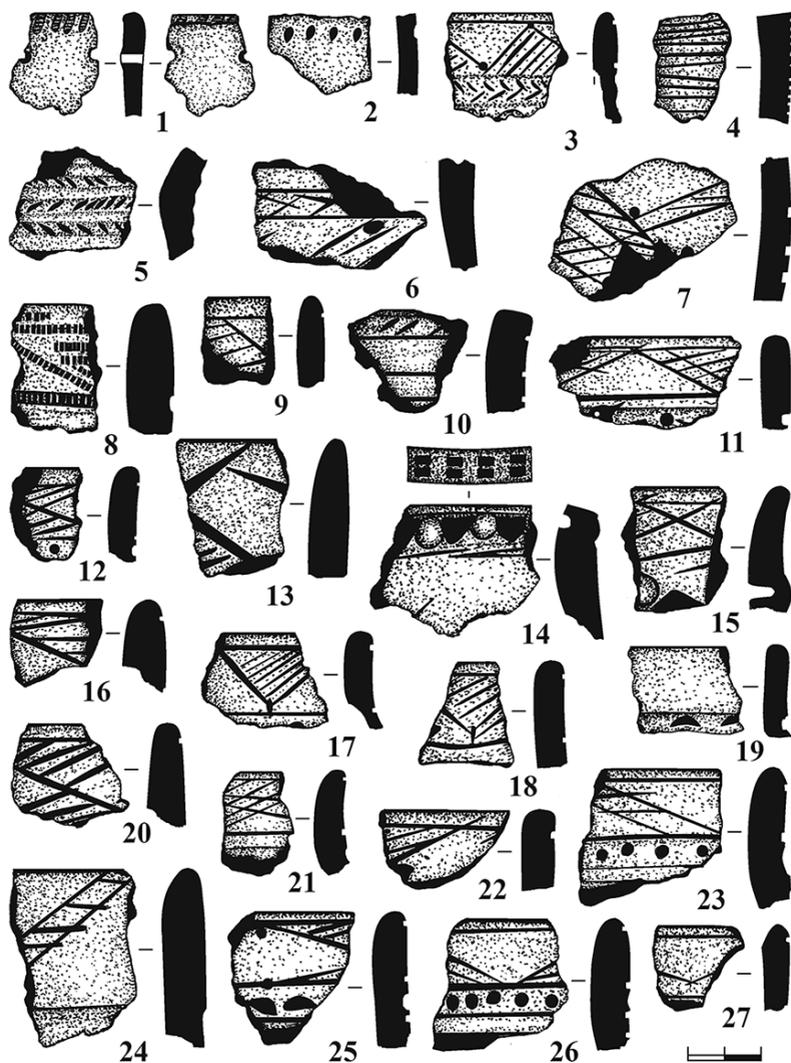
Ключевые слова: Кузнецкая котловина, Касьма, поселение, Мусохраново-6А, керамика, переходное время.

DOI: 10.14258/2411-1503.2020.26.7

Систематические полевые исследования Кузнецкой комплексной археолого-этнографической экспедиции в Касьминском археологическом микрорайоне, выделенном в 1994 г. [Илюшин, Сулейменов, 1994, с. 39–43], позволили выявить несколько десятков новых археологических памятников, информация о которых неизвестна широкой научной аудитории. Одним из таких памятников является поселение Мусохраново-6А, которое было открыто в результате археологических разведок 2009 г. [Илюшин, 2010, с. 32–33]. Предварительная и справочная информация о памятнике была введена в научный оборот, но материалы подъемных сборов и разведочных раскопов (шурфов) не публиковались [Илюшин, 2015, с. 647; Илюшин, Бутьян, 2010, с. 124–130]. Цель настоящей работы – ввести в широкий научный оборот материалы подъемных сборов и из разведочного шурфа №5 на поселении Мусохраново-6А в 2009 г. и дать их культурно-хронологическую характеристику.

Поселение Мусохраново-6А располагается на первой надпойменной террасе левого берега в долине среднего течения р. Касьмы в 0,6 км на восток–юго-восток от с. Мусохраново. Памятник открыл в 2009 г. А.М. Илюшин, обнаружив в выбросах грунта из норк животных единичные фрагменты керамической посуды (рис. 1.-1–4) и костей животных. По результатам обследования была составлена схема ситуационного плана расположения поселения, на котором было зафиксировано шесть жилищных западин разных размеров и форм. Они располагались на небольшом мысу единым массивом, вытянутым вдоль края первой надпойменной береговой террасы цепочкой с юга на север на 170 м и с запада на восток на 74 м. Этот памятник находится в 200 м на восток от ранее открытого поселения Мусохраново-6 [Ширин, 2004; Илюшин, 2008, с. 38–42; Илюшин, Сулейменов, Бутьян, 2009, с. 169–171] и по морфологическому сходству объектов изначально воспринимался как его восточная периферия. Однако четыре шурфа, заложенные между этими объектами, оказались «стерильными» на предмет наличия культурного слоя, что позволило считать эти поселения самостоятельными археологическими памятниками. Для определения границ поселения Мусохраново-6А были заложены два дополнительных шурфа: №5 и №6. В результате этих раскопок были получены новые материалы, которые позволили предварительно датировать культурный слой периодами поздней бронзы и развитого средневековья [Илюшин, Бутьян, 2010, с. 127]. В дальнейшем при описании и исследовании материалов из раскопов №5 и №6 (расстояние между ними не более 20 м) выяснилось, что они сильно различаются между собой.

Для более обоснованного датирования нижней границы и культурной привязки памятника приведем наиболее репрезентативные материалы из подъемных сборов и раскопа №5. К ним можно отнести венчики и фрагменты керамической посуды, украшенные орнаментом (рис. 1.-

Поселение Мусохраново-6А: 1–27 – фрагменты керамической посуды
(1–4 – подъемные сборы, 5–27 – шурф №5)

1–27). Среди этих находок преобладают мелкие экземпляры, но они позволяют описать и исследовать технику нанесения орнамента, форму венчиков и орнамент на уровне элементов и мотивов и сравнивать их с материалами других памятников.

При визуальном исследовании коллекции материалов из подъемных сборов и шурфа №5 (рис. 1.-1–27) складывается впечатление, что они представлены культурными традициями трех хронологических периодов – ирменским (рис. 1.-3, 5–7, 9, 11, 12, 16–18, 20–22, 27), переходным от поздней бронзы к раннему железному веку (рис. 1.-4, 8, 10, 13, 15, 23–26) и развитого средневековья (рис. 1.-1, 2, 14, 19). Однако фрагменты керамической посуды из подъемных сборов и раскопа №5, предварительно отождествляемые с материалами развитого средневековья, по новым данным могут быть отнесены к кругу археологических источников переходного времени от периода поздней бронзы к раннему железному веку.

Так, прямой по форме окончания венчик сосуда, обращенный во внешнюю сторону и украшенный параллельными линиями тычков четырехугольной формы, а ниже «жемчужинами», чередующимися с треугольными вдавлениями лопаточки и горизонтальными небольшими линиями (рис. 1.-14), имеет отдаленные аналогии на городище Маяк в материалах, относимых к большереченско-ирменскому и ирменско-большереченскому типам [Членова, 1994, рис. 49.-13; 50.-4, 5]. К этому же культурно-хронологическому пласту находок по материалу городища Маяк отнесены такие элементы орнамента на керамической посуде как насечки на венчики, штампы мелкой гребенки, ногтевые и нанесенные палочкой луннообразные вдавления и многочисленные ряды горизонтальных резных линий, а также каплевидные вдавления [Членова, 1994, рис. 49.-12, 14; 50.-4, 5, 12, 13; 51.-7, 8, 10–12; 52.-4, 12], которые зафиксированы в исследуемых материалах (рис. 1.-1, 2, 4, 19). По наличию прямых венчиков и набору элементов орнаментации керамика из Мусохраново-6А имеет аналогии среди находок, датируемых переходным временем от периода поздней бронзы к раннему железному веку, на комплексе археологических памятников Торопово-4 в долине р. Касьмы [Ковалевский, Илюшин, 2006, с. 153–158; Илюшин, Ковалевский, 2012, с. 75–80].

Совокупность этих данных позволяет констатировать, что в одном культурном слое поселения Мусохраново-6А имеются артефакты поздней бронзы ирменской культуры и переходного периода от поздней бронзы к раннему железному веку. Н.Л. Членова [1994, с. 70–84] эти материалы в Кузнецкой котловине по совокупности культурных характеристик и их преобладанию называла ирменско-большереченскими, подчеркивая начальную фазу переходного периода от эпохи бронзы к эпохе железа. Следуя этой логике, по культурной составляющей исследованные материалы можно характеризовать аналогичным образом, а во временном интервале, основываясь на новых материалах, датировать их переходным временем от периода поздней бронзы к раннему железному веку.

Библиографический список

Илюшин А.М. Отчет об археологических разведках Кузнецкой комплексной археолого-этнографической экспедиции в 2008 году на территории Кемеровской области. Кемерово, 2008. 220 с.

Илюшин А.М. Отчет об археологических разведках Кузнецкой комплексной археолого-этнографической экспедиции в 2009 году на территории Кемеровской области. Кемерово, 2010. 152 с.

Илюшин А.М. Исследования Кузнецкой комплексной археолого-этнографической экспедиции в 2010–2012 гг. // Археологические открытия 2010–2013 годов. М., 2015. С. 647.

Илюшин А.М., Бутьян В.А. Археологические разведки Кузнецкой комплексной археолого-этнографической экспедиции в 2009 году // Профессиональное образование и социогуманитарное знание: тенденции и проблемы. Кемерово, 2010. С. 124–130.

Илюшин А.М., Ковалевский С.А. Комплекс древних поселений в долине реки Касьмы. Кемерово, 2012. 212 с.

Илюшин А.М., Сулейменов М.Г. Комплекс археологических памятников в долине реки Касьма // Археологические микрорайоны Западной Сибири. Омск, 1994. С. 39–43.

Илюшин А.М., Сулейменов М.Г., Бутьян В.А. Результаты полевых разведок Кузнецкой комплексной археолого-этнографической экспедиции в 2008 году // Вестник КузГТУ. 2009. №3. С. 165–179.

Ковалевский С.А., Илюшин А.М. Материалы переходного времени и раннего железного века из комплекса поселений Торопово-4 // Вестник Кузбасского государственного технического университета. 2006. №1. С. 153–158

Членова Н.Л. Памятники конца эпохи бронзы в Западной Сибири. М., 1994. 170 с.

Ширин Ю.В. Охранные археологические работы в исторической зоне «Кузнецк» и на юге Кемеровской области в 2003 году. Новокузнецк, 2004.

Ширин Ю.В. Охранные археологические работы в исторической зоне «Кузнецк» и на юге Кемеровской области в 2003 г. Новокузнецк, 2004. // Архив ИАМ «Кузнецкая крепость». Ф. 3. Оп. 3. Д. 26/27.

A.M. Ilyushin

Gorbachev Kuzbass State Technical University, Kemerovo, Russia

THE STUDIES ON THE SETTLEMENT MUSOKHRANOVO-6A IN KOSMINSKA ARCHAEOLOGICAL DISTRICT

The article publishes and researches materials from excavation of pit No. 5 on the Musokhranov-6A settlement, located in the valley of the middle course of Kasma on the territory of the Leninsk-Kuznetsky district, in the Kemerovo region. The history of the discovery and research of the archaeological site has been described. The archaeological sources of the study have been described and subjected to comparative historical analysis with similar materials from the Kuznetsk basin. Based on the comparative analysis, it is concluded that the studied materials on the set of cultural characteristics and their predominance can be attributed to the Irmenskaya and Bolsherechenskaya cultures and date them to the transition time from the late Bronze age to the early Iron age.

Key words: Kuznetsk basin, Kasma, settlement, Musokhranovo-6A, ceramics, transition time.

УДК 069:902(571.151)

С.М. Киреев¹, А.А. Тишкин²

¹Национальный музей Республики Алтай им. А.В. Анохина,
Горно-Алтайск, Россия;

²Алтайский государственный университет, Барнаул, Россия

НОВЫЕ ПОСТУПЛЕНИЯ СЛУЧАЙНЫХ НАХОДОК В АРХЕОЛОГИЧЕСКИЕ ФОНДЫ НАЦИОНАЛЬНОГО МУЗЕЯ РЕСПУБЛИКИ АЛТАЙ ИМ. А.В. АНОХИНА

Работа выполнена при частичной финансовой поддержке РФН
(проект №16-18-10033 «Формирование и эволюция систем жизнеобеспечения
у кочевых социумов Алтая и сопредельных территорий
в поздней древности и средневековье: комплексная реконструкция»)

На всех этапах деятельности Национального музея Республики Алтай им. А.В. Анохина его археологические фонды пополняли случайные находки из разных районов Алтая. Среди них часто встречаются такие экземпляры, которые не обнаруживались при исследовании погребально-поминальных, поселенческих и других комплексов. В статье вводятся в научный оборот древние металлические изделия разной сохранности, обнаруженные на территории Онгудайского и Улаганского районов Республики Алтай. Дается краткое описание шести наконечникам стрел (пяти втульчатым и одному черешковому). Представлена также характеристика цельнометаллического ножа и указан химический состав сплава, из которого он изготовлен. Завершает обзор находка проколки. Сделаны предварительные культурно-хронологические определения публикуемым материалам. Эта небольшая коллекция дополняет имевшиеся сведения. Особое значение найденные предметы имеют для характеристики бийкенской археологической культуры аржано-майэмирского времени.

Ключевые слова: Алтай, Национальный музей Республики Алтай им. А.В. Анохина, случайные находки, наконечники стрел, нож, проколка.

DOI: 10.14258/2411-1503.2020.26.8

Среди нескольких десятков археологических предметов, случайно обнаруженных на территории Республики Алтай и поступивших в последние годы в Национальный музей Республики Алтай им. А.В. Анохина (НМРА), несомненно, важной представляется небольшая коллекция металлических изделий – восемь единиц, переданная в музей в 2014 г. Основной задачей данной статьи является введение в научный оборот сведений об этих древних изделиях с указанием предварительной культурно-хронологической идентификации.

Металлический наконечник стрелы (НМРА, инв. №12715/ 3615) обнаружен в 1,5 км к северу от с. Чибит Улаганского района. Его длина составляет 3,9 см, ширина – 1,4 см, толщина – 0,6 см (рис. 1.-1). Наконечник втульчатый, двухлопастной, имеет асимметрично-ромбический абрис пера и немного выступающую втулку. Окончание острия сбито и слегка загнуто, вероятнее всего, после попадания в твердую поверх-

ность. Данный показатель в определенной мере подтверждает случайный характер находки. Лопасти пера доходят почти до основания втулки. По краям у них заметны небольшие рельефные ребра, а в верхней части – следы заточки. Втулка широкая, открытая, внутри – подконической формы, округлая в сечении. В нижней части ее (с одной из сторон) имеются два отверстия, возможно, для дополнительного крепления наконечника к древку стрелы. Аналогичные изделия были довольно широко распространены в аржано-майэмирское время на территории Западной и Южной Сибири, а также Восточного Казахстана и западнее [Степи..., 1989; Степная полоса..., 1992]. Они в основном датируются в хронологических рамках VIII–VII вв. до н.э. и немного шире [Иванов, 1987, с. 8, рис. 2.-6; Кочеев, 1995, рис. 1.-7; Кирюшин, Тишкин, 1997, с. 61–62, рис. 60.-10; Чугунов, 2000, с. 227; Кочеев, 2001, рис. 4; Грушин и др., 2009, с. 91–95; Тишкин, Кунгуров, Лихачева, 2014, рис. 2 и 4, с. 109; и др.]. На Алтае аналогичные экземпляры найдены в курганах бийкенской археологической культуры [Тишкин, 2007; 2011, рис. 3.-18, 21, 6.-6, 9-37].

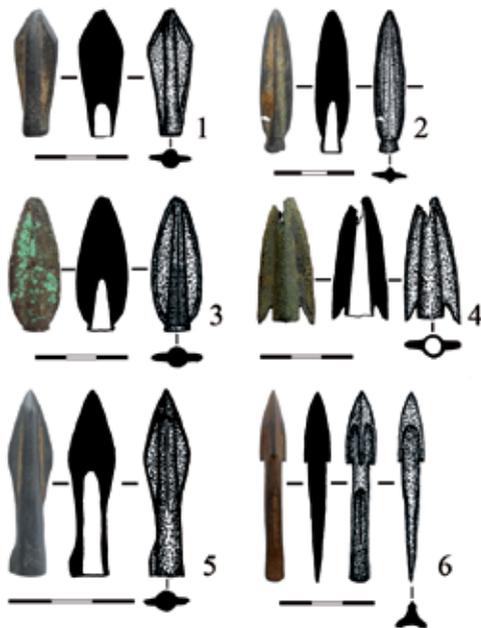

Рис. 1. Случайные находки наконечников стрел на территории Республики Алтай (иллюстрация подготовлена С.М. Киреевым)

Следующий металлический наконечник стрелы (НМРА, инв. №12711/3609) найден около с. Белый Бом Онгудайского района в пещере «с высоким потолком». Его длина составляет 5,1 см, ширина – 1,2 см,

толщина – 0,6 см (рис. 1.-2). Наконечник втульчатый двухлопастной, имеет удлинено-листовидный абрис пера. Острие также притуплено из-за попадания в твердую поверхность. Лопаста пера узкие, они плавно закругляются и доходят почти до основания втулки. С обеих сторон наконечника имеются вертикально проходящие по центру ребра жесткости (нервюры). Втулка внутри конической формы, округлая в сечении, слегка расширяется у основания. Отверстие для крепления наконечника к древку стрелы повреждено. При этом пострадали втулка и одна из лопастей. Это изделие отличается от находок наконечников стрел «раннескифского» времени [Кочеев, 1995; Кирюшин, Тишкин, 1997; и др.]. Более крупные прототипы их известны на территории юга Западной Сибири в период поздней бронзы [Иванов, 1987, рис. 2; Грушин и др., 2009, с. 91–95; Тишкин, Фролов, 2015]. Поэтому предварительно ограничим датировку экспоната концом II – началом I тыс. до н.э. до дальнейшего выяснения.

Из пещеры «с высоким потолком» около с. Белый Бом Онгудайского района происходит еще один металлический наконечник стрелы (НМРА, инв. №12711/3609). Его длина составляет 3,6 см, ширина – 2,4 см, толщина – 0,6 см (рис. 1.-3). Наконечник втульчатый, имеет листовидную форму абриса пера. Острие сбито, как у предыдущих находок. Втулка выступающая, в сечении округлая, с обеих сторон наполовину украшена орнаментом. Отверстие в ней подконической формы. Лопаста пера дугообразные, плавно закругляющиеся и доходят почти до основания втулки. По краям видны следы заточки, хотя в целом изделие сильно покрыто окислами. По всей втулке от оформленного ободком основания до острия просматривается нервюры. С одной стороны имеется небольшое отверстие для крепления наконечника к древку стрелы. Представленное изделие дополняет число двухлопастных наконечников стрел с Алтая и сопредельных территорий, датируемых «раннескифским» временем: конец VIII – середина VI в. до н.э. [Кочеев, 1995, рис. 1; Кирюшин, Тишкин, 1997, рис. 60.-11, 13; Грушин и др., 2009, с. 94; и др.].

Наконечник стрелы (НМРА, инв. №12712/3612) с отсутствующей верхней частью найден в окрестностях с. Иня Онгудайского района. Его размеры: длина 3,4 см, ширина – 1,5 см, толщина – 0,6 см (рис. 1.-4). Наконечник втульчатый, покрыт окислами. Лопаста пера имеют дугообразный абрис. Они плавно закругляются и опускаются ниже основания втулки, образуя шипы. Втулка округлая в сечении, внутри конической формы и доходила почти до острия. Как и предыдущий, этот наконечник имеет свои особенности, но аналогичен изделиям указанного периода.

Относительно крупный наконечник стрелы (НМРА, инв. №12713/3613) обнаружен около с. Малая Иня Онгудайского района. Его длина составляет 4,2 см, ширина – 1 см, толщина – 0,7 см. Наконечник втульчатый, двухлопастной. Боевая часть имеет симметрично-ромбическую форму и доходит до середины втулки. Острие и половина пера были хорошо заточены. Втулка крупная, округлая в сечении, внутри

подконической формы. Нервюра фиксируется с двух сторон только на части древкодержателя. У основания втулки имеется часть одного шипа. Представленное изделие является довольно распространенным типом наконечников, особенно в степной зоне Евразии [Степная полоса..., 1992]. Некоторые экземпляры известны далеко на западе в памятниках VII–VI вв. до н.э. [Степи..., 1989, табл. 31 и др.]. На Алтае в материалах бийкенской культуры подобные наконечники единичны [Кирюшин, Тишкин, 1997, рис. 60.-12].

Последний металлический наконечник стрелы (НМРА, инв. №12714/3614) из рассматриваемой серии найден на пашне около с. Иня Онгудайского района. Его длина составляет 6,1 см, ширина – 0,9 см, толщина – 0,8 см (рис. 1.-6). Наконечник черешковый, трехлопастной, с трехгранной боевой частью, которая ближе к сводчатой форме. Лопасты образованы неглубокими выемками на боковых гранях. У основания они как бы обрезаны под острым углом к черешку. Черешок длинный, у пера он круглый в сечении, а ниже уплощенный и заостренный к окончанию. Такие наконечники не часто, но встречаются на территории Западной и Южной Сибири, маркируя памятники 2-й половины VII – начала VI в. до н.э. [Завитухина, 1966, рис. 2.-20, 21; Членова, 1967, табл. 12; Чугунов, 2000, 2011, рис. 29; и др.]. Аналогичный предмет был обнаружен почти полностью застрявшим в позвонке мужчины, погребенного в Центральном Казахстане [Tur and et., 2016, Fig. 2–4]. Известны они и в других местах Степной полосы Евразии [Степная полоса..., 1992].

В целом следует подтвердить ранее сделанный вывод о том, что предметов вооружения в памятниках бийкенской археологической культуры обнаружено мало. Из недавних раскопок отметим курган №1 комплекса Айры-Таш-1, где из четырех наконечников стрел всего один оказался металлическим [Мамадаков, Кунгуров, Тишкин, 2016, рис. 5.-8]. Поэтому публикуемые случайные находки дополняют имеющуюся немногочисленную информацию.

Цельнометаллический нож был обнаружен в долине р. Айгулак (правый приток Чуи) в Онгудайском районе. Его длина составляет 21 см, ширина – до 1,8 см, толщина – 0,5 см (рис. 2.-1). Клинок ножа в сечении треугольный, имеет длину 11,5 см и слегка выгнутый обух. Лезвие вогнутое, немного деформированное, видны следы заточки и зазубрины в ходе использования. Острие ножа закруглено. Ближе к рукояти клинок расширяется. Рукоять прорезная, имеет длинное сквозное отверстие, сомкнутое посередине. На ней имеются два ряда выпуклых горизонтальных насечек, по три в каждом ряду. На рукояти сохранились остатки литейного шва. Навершие ножа кольцевидное, овальной формы. Аналогичные изделия в материалах Алтая авторам статьи не известны. Подобная форма характерна для поздней бронзы и переходного периода от эпохи бронзы к раннему железному веку. Ближайшие многочисленные ножи с овальным кольцевым навершием найдены на

территории соседней Хакасии [Членова, 1967, 1972]. Наличие прорезной рукояти больше характерно для кинжалов пазырыкской культуры [Кирюшин, Степанова, 2004, рис. 16–19], хотя такая особенность отмечена в аржано-маймировское время [Грушин и др., 2009, с. 107, рис. 18.-8, 9]. С помощью портативного рентгенофлуоресцентного спектрометра «INNOV-X SYSTEMS» ALPHA SERIES™ (модель Альфа-2000, производство США) осуществлено определение химического состава металла, из которого изготовлено найденное изделие. Получены следующие результаты на участке, где были удалены поверхностные окислы (тест №11019-02-2020): Cu (медь) – 98,18%; As (мышьяк) – 0,98%; Ni (никель) – 0,54%; Pb (свинец) – 0,3%. Эти показатели позволяют заключить, что нож медный. Остальные элементы могут рассматриваться в качестве характерных рудных примесей.

Рис. 2. Нож и проколка из Онгудайского района Республики Алтай
(иллюстрация подготовлена авторами совместно)

Металлическая проколка найдена в окрестностях с. Иня Онгудайского района у подножья горы Хрустальная. Она представляет собой удлиненный стержень длиной 10,2 см (рис. 2.-2). В верхней части оформлено округлое утолщение (навершие) диаметром 0,9 см. Ниже, около основания, сечение стержня круглое, но далее оно имеет четырехгранную форму и постепенно сужается к заостренному концу. У основания навершия имеется литейный шов. Рассматриваемое изделие (проколка или шило) могло быть изготовлено на разных этапах древней истории Алтая. Прямых аналогий этому орудию труда пока найти не удалось.

В заключение следует отметить, что необходимо продолжить изучение представленных находок. Особое значение будет иметь определение химического состава сплава этих древних предметов.

Библиографический список

Грушин С.П., Папин Д.В., Позднякова О.А., Тюрина Е.А., Федорук А.С., Хаврин С.В. Алтай в системе металлургических провинций энеолита и бронзового века. Барнаул, 2009. 160 с.

Завитухина М.П. Курганы у села Быстриянского в Алтайском крае (по раскопкам С.М. Сергеева в 1930 г.) // Археологический сборник Государственного Эрмитажа. 1966. Вып. 8. С. 60–77.

Иванов Г.Е. Вооружение племен лесостепного Алтая в раннем железном веке // Военное дело древнего населения Северной Азии. Новосибирск, 1987. С. 6–27.

Кирюшин Ю.Ф., Степанова Н.Ф. Скифская эпоха Горного Алтая. Ч. III: Погребальные комплексы скифского времени Средней Катуни. Барнаул, 2004. 292 с.

Кирюшин Ю.Ф., Тишкин А.А. Скифская эпоха Горного Алтая. Ч. I. Культура населения в раннескифское время. Барнаул, 1997. 232 с.

Кочеев В.А. Бронзовые двухлопастные наконечники стрел из Горного Алтая // Гуманитарные науки в Сибири. 1995. №3. С. 95–97.

Кочеев В.А. Оружейный комплекс раннескифского времени Горного Алтая (проблема реконструкции военного дела) // Древности Алтая. 2001. №7. С. 110–120.

Мамадаков Ю.Т., Кунгуров А.Л., Тишкин А.А. Раскопанный курган бийкенской культуры на памятнике Айры-Таш-1 в устьевой зоне Урсула (Алтай) // Теория и практика археологических исследований. 2016. №1 (13). С. 7–18.

Степи европейской части СССР в скифо-сарматское время. М., 1989. 464 с.

Степная полоса азиатской части СССР в скифо-сарматское время. М., 1992. 494 с.

Тишкин А.А. Этапы развития бийкенской культуры Алтая // Теория и практика археологических исследований. Барнаул, 2007. Вып. 3. С. 146–158.

Тишкин А.А. Бийкенская культура Алтая аржано-майэмирского времени: содержание и опыт периодизации // Terra Scythica. Новосибирск, 2011. С. 272–290.

Тишкин А.А., Кунгуров А.Л., Лихачева О.С. Рентгенофлюоресцентный анализ металлических наконечников стрел аржано-майэмирского времени с поселения Боровое-III (Верхнее Приобье) // Теория и практика археологических исследований. 2014. №2 (10). С. 96–111.

Тишкин А.А., Фролов Я.В. Рентгенофлюоресцентный анализ наконечников стрел из археологического собрания МКУК «Районный историко-краеведческий музей им. В.М. Комарова» (с. Волчиха, Алтайский край) // Археология Западной Сибири и Алтая: опыт междисциплинарных исследований. Барнаул, 2015. С. 144–147.

Членова Н.Л. Хронология памятников карасукской эпохи. М., 1972. 248 с.

Членова Н.Л. Происхождение и ранняя история племен тагарской культуры. М., 1967. 300 с.

Чугунов К.В. Бронзовые наконечники стрел скифского времени Тувы // Мировоззрение. Археология. Ритуал. Культура. СПб., 2000. С. 213–238.

Чугунов К.В. Аржан-2: Реконструкция этапов функционирования погребально-поминального комплекса и некоторые вопросы его хронологии // Российский археологический ежегодник. 2011. №1. С. 262–335.

Tur S.S., Svyatko S.V., Beisenov A.Z. and Tishkin A.A. An Exceptional Case of Healed Vertebral Wound with Trapped Bronze Arrowhead: Analysis of a 7th–6th c. BC Individual from Central Kazakhstan // International Journal of Osteoarchaeology. 2016. Vol. 26, Issue. 4. P. 740–746.

S.M. Kireev¹, A.A. Tiskhin²

¹Anokhin National Museum of the Republic of Altai, Gorno-Altaysk, Russia;

²Altai State University, Barnaul, Russia

**NEW ARRIVALS OF RANDOM FINDS
IN THE ARCHAEOLOGICAL FUNDS OF ANOKHIN
NATIONAL MUSEUM OF THE REPUBLIC OF ALTAI**

At all stages of the activity of Anokhin National Museum of the Republic of Altai, random finds from different regions of the Altai replenished the archaeological funds. Among them, there are often such specimens that were not found during the study of funeral and memorial, settlement and other complexes. The article introduces into scientific circulation ancient metal products of different preservation found on the territory of the Ongudaysky and Ulagansky districts of the Altai Republic. A brief description of the six arrowheads (five vulgatum and one stemmed). The characteristic of an all-metal knife is also presented and the resulting chemical composition of the alloy from which it is made is indicated. The review is completed by finding a puncture. Preliminary cultural and chronological definitions are made for the published materials. This small collection complements the available information. The found objects are of particular importance when describing the Biiken archaeological culture of the Arzhano-Mayemir period.

Key words: Altai, national Museum of the Republic of Altai named after A.V. Anokhin, random finds, arrowheads, knife, puncture.

УДК 903.4(571.150)

К.Ю. Кирюшин¹, Л.Л. Гайдученко², Ш. Макаревич³

¹Алтайский государственный университет, Барнаул, Россия;

²Челябинский государственный университет, Челябинск, Россия;

*³Институт доисторической и раннеисторической археологии
Кильского университета, Киль, Германия*

**ВТОРЫЕ ФАЛАНГИ КРУПНОГО
РОГАТОГО СКОТА СО СЛЕДАМИ ДЕФОРМАЦИЙ
В МАТЕРИАЛАХ ПОСЕЛЕНИЯ НОВОИЛЬИНКА-VI
(Северная Кулунда)**

В результате изучения археологических коллекций поселения Новоильинка-VI (Северная Кулунда) и анализа контекста их нахождения выдвинуто предположение о существовании у энеолитического населения Северной Кулунды производящего типа хозяйства, основанного на «меридиональном» кочевании.

В пользу выдвинутого предположения свидетельствует находка в материалах первого культурного горизонта памятника 45 вторых фаланг КРС, из которых восемь экземпляров (17,8%) имеют следы деформации от перегрузок. Следы хорошо заметны невооруженным глазом, для выявления не требуют специального оборудования, фиксируются в виде уплотненных наростов неправильной губчатой-складчатой формы на боковой поверхности вторых фаланг КРС.

Фиксируемые деформации на вторых фалангах КРС являются свидетельством наличия у энеолитического населения Северной Кулунды колесного транспорта, в котором КРС использовался в качестве тягловых животных.

Эти находки на данный момент являются наиболее ранними на территории юга Западной Сибири.

Ключевые слова: крупный рогатый скот, вторые фаланги, следы деформаций, меридиональное кочевание.

DOI: 10.14258/2411-1503.2020.26.9

В 2013 г. в Хабаровском районе Алтайского края выявлено поселение Новоильинка-VI [Кирюшин, 2013]. В 2014 г. на поселении исследовано 96 кв. м [Кирюшин, 2015]. В площадь раскопа полностью попало жилище эпохи энеолита (№1). Хорошо выделяются два горизонта: 1 – период, когда котлован жилища использовался как место, куда выбрасывали мусор и пищевые отходы (финальный энеолит); 2 – период функционирования жилища (ранний – развитый энеолит). В площадь раскопа попали еще две жилища: №2 в восточной части раскопа и №3 в южной. Жилище №2, скорее всего, синхронно жилищу №1 и относится к эпохе финального энеолита, а №3 – к более позднему времени (финальный энеолит – ранняя бронза). Между жилищами №1, 2 и 3 выявлены следы легких наземных конструкций, которые датируются более ранним временем (неолит – ранний энеолит) [Кирюшин, 2016]. Для первого горизонта жилища №1 поселения Новоильинка-VI получены четыре радиоуглеродные даты, выполненные в разных лабораториях: 4290±95 л. т.н. (СОАН-9042), 4320±100 л. т.н. (СОАН-9043), 4210±80 (IGAN-5312), 4190±90 (IGAN-5311) [Кирюшин, 2017].

В материалах первого горизонта жилища №1 поселения Новоильинка-VI выделяются две большие группы посуды: 1 – орнаментированная в отступающе-накольчатой технике и рядами ямок; 2 – декорированная отпечатками гребенчатого штампа и рядами ямок [Кирюшин, 2017]. Небольшая группа посуды декорирована только рядами ямок. Две первые группы сосудов примерно равны по количеству сосудов в каждой. Среди археологических коллекций первого горизонта жилища №1 поселения Новоильинка-VI присутствуют единичные фрагменты керамики большемысского облика [Кирюшин Ю.Ф., Кирюшин К.Ю., 2015].

Обнаруженные находки костей животных (более 30 000) позволяют уверенно говорить о производящем характере экономики населения памятника [Гайдученко, Кирюшин, 2014]. Видовой и анатомический состав остеологической коллекции соответствует таковым энеолитических памятников степного Казахстана и Алтая. Крупный рогатый скот (КРС) первого горизонта поселения Новоильинка-VI, как и на других памятниках ботайского хозяйственно-культурного типа (ХКТ), представлен длиннорогой формой.

Исследования остеологических коллекций поселения Новоильинка-VI были продолжены Ш. Макаревич. Был проведен сбор биометрических данных о первой и второй фалангах КРС с целью установления размеров

тела животного. Десять образцов кости КРС и шесть образцов зубов были проверены на ДНК. Анализы указывают как на T2 ближневосточную домашнюю линию крупного рогатого скота, так и на линию C, связанную с восточными азиатскими турами. Были взяты также образцы костей крупного рогатого скота и лошадей для анализа изотопов углерода и азота. Первоначальные анализы показывают, что КРС демонстрируют значительно более высокие значения изотопов азота относительно лошадей.

В процессе исследования первого горизонта поселения Новоильинка-VI собрана очень выразительная серия изделий из кости и костей со следами обработки [Кирюшин, Гайдученко, 2016]. В материалах первого горизонта поселения Новоильинка-VI сделана также серия находок костей КРС со следами деформаций на которых стоит остановиться более подробно.

В материалах первого культурного горизонта памятника обнаружено 45 вторых фаланг КРС (рис. 1), восемь из них (17,8%) имеют следы деформации от перегрузок (рис. 2). Следы хорошо заметны невооруженным глазом, для выявления не требуют специального оборудования, фиксируются в виде уплотненных наростов неправильной губчатоскладчатой формы на боковой поверхности вторых фаланг КРС.

В процессе исследований остеологических коллекций поселения Новоильинка-VI Ш. Макаревич были рассмотрены кости КРС со следами деформаций. Были отобраны образцы для подробного изучения появления тракционной патологии.

В естественной среде обитания животные с подобными патологиями не встречаются. Уже на ранних стадиях изменения костной структуры животные не в состоянии выжить (быстро становятся добычей хищников). Подобные изменения фиксируются только у домашних животных, которые либо содержатся в стойле (мало двигаются), либо испыты-

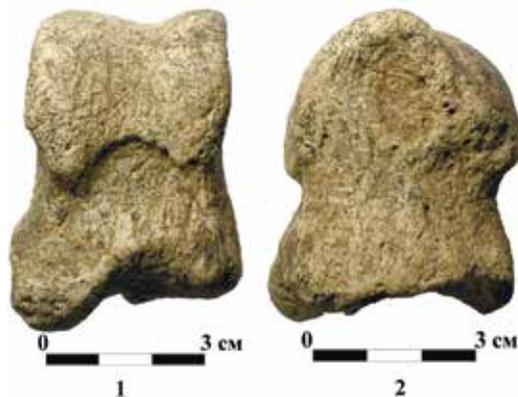

Рис. 1. Вторые фаланги КРС без следов деформации

Рис. 2. Вторые фаланги КРС со следами деформаций

тывают перегрузки (тягловые животные). Второй вариант наиболее реалистичен и вполне соответствует контексту археологического материала.

Результаты исследований 2013–2015 гг. позволили сделать вывод, что материалы первого горизонта поселения Новоильинка-VI по большей части представляют собой бытовой мусор, а второго горизонта – демонстрирует иную картину [Кирюшин, Ситников, Шабанова, 2015]. В хозяйственных ямах жилища №2 второго горизонта обнаружены «приклады» – наборы каменных, костяных орудий и керамические сосуды, скорее всего, преднамеренно оставленные древним населением. Среди каменных орудий встречаются довольно крупные, массивные, некоторые археологически целые [Кирюшин, 2019, рис. 2.11-17]. На территории Кулундинской степи отсутствуют выходы камня, необходимого для изготовления орудий. Люди вынуждены были приносить камень издалека, и нет никаких сомнений, что каменные орудия имели для них немалую ценность. Объяснить обнаруженную картину можно только тем, что люди уходили в места, где камень был в избытке и нести его с собой не было смысла. На Казахском мелкосопочнике много выходов качественного поделочного камня. Приходя весной в Кулунду, люди приносили с собой с Иртыша каменные орудия, а осенью, возвращаясь обратно, оставляли их в жилищах до следующего сезона.

Анализ археологического материала позволил выдвинуть предположение, что в эпоху энеолита скотоводческое население Кулундинской степи с наступлением тепла передвигалось от Иртыша к Оби, а осенью – в обратном направлении. Причем в силу специфических условий режима увлажнения Кулундинской степи (увлажнение распределяется по территории Кулунды зонально, изменяясь не только по широте, но и по долготе, в основном с запада на восток) сезонные перекочевки могли быть не «меридиональными» с юга на север, а смещены в направлении

с юго-запада на северо-восток. Тем более что это направление совпадает с ориентацией р. Бурлы. Долина этой реки являлась пространством, комфортным для передвижения скотоводов со стадами – рядом с пресной водой. В условиях Кулундинской степи с большим количеством озер с соленой и щелочной водой это могло быть важным фактором, привлекающим древнее население.

В научной литературе неоднократно отмечалось, что в эпоху энеолита увеличивается мобильность населения в направлениях с востока на запад и с запада на восток. Есть все основания полагать, что фиксируемые деформации на вторых фалангах КРС являются свидетельством наличия у энеолитического населения Северной Кулунды колесного транспорта, в котором КРС использовался в качестве тягловых животных. Эти находки на данный момент являются наиболее ранними на территории юга Западной Сибири. Кроме того, эти находки являются подтверждением выдвинутого ранее предположения о существовании «меридионального» кочевания у энеолитического населения Северной Кулунды.

Выводы о производящем характере экономики населения поселения Новоильинка-VI [Гайдученко, Кирюшин, 2014] были подтверждены в процессе исследования пригаров на внутренней поверхности сосудов [Гайдученко, Кирюшин, 2016]. В результате были сделаны выводы о большой значимости молочных продуктов в рационе древних «новоильинцев», что опосредованно указывает на обитаемость поселения в теплый период года, когда молокопродуктивность скота наиболее высока [Гайдученко, Кирюшин, 2016, с. 61]. Наличие молочной пищи у древних «новоильинцев» было подтверждено в результате анализа пригаров на внутренней поверхности сосудов, выполненного Ш. Макаревич.

Находки, сделанные на поселении Новоильинка-VI, сложно переоценить. Особая их ценность заключается в том, что деформации на вторых фалангах КРС можно увидеть невооруженным взглядом. Это надежный маркер наличия домашнего крупного рогатого скота у древнего населения, доступный для выявления в процессе археологических раскопок и камеральной обработки остеологических коллекций. Возможность самому увидеть признаки, свидетельствующие о наличии домашних животных (КРС) в остеологических коллекциях, не полагаясь на мнение специалистов-палеозоологов, является важным этапом, позволяющим отойти от субъективности в оценке археологического материала. Можно констатировать, что находки вторых фаланг КРС со следами деформаций являются объективным свидетельством наличия домашних животных (КРС) у энеолитического населения Северной Кулунды.

Библиографический список

Гайдученко Л.Л., Кирюшин К.Ю. Новые остеозоологические материалы из раскопок энеолитического поселения Новоильинка-VI в Кулунде // Маргулановские чтения – 2014. Алматы ; Павлодар, 2014. С. 421–427.

Гайдученко Л.Л., Кирюшин К.Ю. Пригары из керамических сосудов поселения Новоильинка-VI в Северной Кулунде (предварительное сообщение) // Сохранение и изучение культурного наследия Алтайского края. Барнаул, 2016. Вып. XXII. С. 58–62.

Гайдученко Л.Л., Кирюшин К.Ю. Кости КРС со следами деформаций в материалах первого горизонта поселения Новоильинка-VI (Северная Кулунда) // Ботайская культура и другие энеолитические памятники Центральной Азии. Алматы, 2019. С. 19–20.

Кирюшин К.Ю. Поселение Новоильинка-VI – новый памятник энеолита Кулунды // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. Новосибирск, 2013. Т. XIX. С. 202–206.

Кирюшин К.Ю. Керамика поселения Новоильинка-VI (по результатам исследований 2013–2014 гг.) // Известия Алтайского государственного университета. 2015. №4/1 (88). С. 149–156.

Кирюшин К.Ю. Культурная принадлежность поселенческих комплексов энеолита Северной Кулунды // Труды V(XXI) Всероссийского археологического съезда в Барнаул – Белокурихе. Барнаул, 2017. Т. I. С. 227–232.

Кирюшин К.Ю. Морфолого-орнаментальные группы керамики с поселения эпохи энеолита Новоильинка-III в Северной Кулунде // Археология, этнография и антропология Евразии. 2015. №1 (61). С. 25–36.

Кирюшин К.Ю. Ранняя древность (энеолит и ранняя бронза). Энеолит Кулундинской степи // История Алтая. Т. 1: Древнейшая эпоха, древность и средневековье. Барнаул; Белгород, 2019. С. 107–113.

Кирюшин К.Ю., Гайдученко Л.Л. Изделия из кости в материалах первого горизонта поселения эпохи энеолита Новоильинка-VI // Теория и практика археологических исследований. 2016. №3 (15). Барнаул, 2016. С. 25–43.

Кирюшин К.Ю., Ситников С.М., Шабанова О.Н. Материалы второго горизонта жилища №2 поселения Новоильинка-VI (предварительные итоги исследования) // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. Новосибирск, 2015. Т. XXI. С. 253–257.

Кирюшин Ю.Ф., Кирюшин К.Ю. Большемысский комплекс поселения Новоильинка-VI // Археология Западной Сибири и Алтая: опыт междисциплинарных исследований. Барнаул, 2015. С. 164–169.

K.Yu. Kiryushin¹, L.L. Gaiduchenko², C. Makarewicz³

¹Altai State University, Barnaul, Russia;

²Chelyabinsk State University, Chelyabinsk, Russia;

*³Institute of Prehistoric and Early Historical Archaeology,
University of Kiel, Kiel, Germany*

SECOND PHALANXES OF CATTLE WITH THE TRACES OF DEFORMATION IN THE MATERIALS OF THE NOVOYLINKA-VI SETTLEMENT (North Kulunda)

As a result of studying the archaeological collections of the Novoilinka-VI settlement (Northern Kulunda) and analyzing the context of their location, it was suggested that the Eneolithic population of Northern Kulunda had a producing type of economy based on “meridional” nomadic movement.

The hypothesis is supported by the finding in the materials of the first cultural horizon of the site of forty-five second phalanges of cattle, of which eight specimens (17.8%) have traces of deformation caused by overloading. The traces are clearly visible with the naked eye; they do not require special equipment for detection, and are marked in the form of compacted growths of irregular spongy-folded shape on the lateral surface of the second phalanges of cattle.

Fixed deformations on the second phalanges of cattle prove the presence of wheeled transport in the Eneolithic population of North Kulunda in which cattle were used as draft animals.

These findings are currently the earliest in the south of Western Siberia.

Key words: cattle, second phalanges, traces of deformation, meridional nomading.

УДК 903(571.150):069

К.Ю. Кирюшин¹, А.А. Тишкин¹, А.В. Онников²

¹*Алтайский государственный университет, Барнаул, Россия;*

²*Бийское отделение РГО, Рубцовск, Россия*

КОЛЛЕКЦИЯ КЕРАМИКИ С ПОСЕЛЕНИЯ РУБЦОВСКОЕ ИЗ СОБРАНИЙ КРАЕВЕДЧЕСКОГО МУЗЕЯ Г. РУБЦОВСКА

В статье представлена коллекция керамики с поселения Рубцовское из собраний Краеведческого музея г. Рубцовска, полученная в результате сборов. Коллекция керамики музея насчитывает 104 экз. Большая часть из них – неорнаментированные фрагменты стенок (66 экз.), венчиков (7 экз.) и днище плоскостенного сосуда (1 экз.). Керамика поселения Рубцовское декорирована отпечатками гребенчатого штампа; наколами каплевидной, подтреугольной и круглой формы; отпечатками отступающей палочки с элементами накалывания (отступающе-наколычатая керамика); отпечатками веревочки; прочерченными линиями; рядами ямок. В составе анализируемой коллекции керамики выделяются три группы, различающиеся по составу формовочных масс. Культурной (этнографической) традицией технологии гончарства данного памятника является использование глин или илов, содержащих большое количество обломочного материала и дресвы как специальной добавки.

Ключевые слова: поселение Рубцовское, неолит, керамика, дресва, формовочная масса, культурные традиции технологии гончарства.

DOI: 10.14258/2411-1503.2020.26.10

Поселение Рубцовское зафиксировано на небольшой песчаной гриве в 1,5 км к северу от Змеиногорского тракта и примерно в 2,2 км к востоку от правого берега современного русла Аляя (левого притока Оби), между дачным поселком и восточным берегом оз. Дерябинского [Тишкин, 1995, с. 32, рис. 1]. Памятник открыт в мае 1991 г. А.В. Онниковым при осмотре грунта обваловки водопровода и шламопровода. Часть памятника попала под дачные участки, но на оставшейся территории имеются возможности для проведения археологических исследований [Тишкин, Кирюшин, Шмидт, 2016, с. 55, рис. 2]. Осенью 1992 г.

одним из авторов статьи у геодезического знака №5033 был заложен разведочный раскоп площадью 20 кв. м [Тишкин, 1995, с. 30]. Исследования на памятнике были продолжены в 2000 г. А.В. Шмидтом, который вскрыл участок площадью 68 кв. м, размеченный вплотную к предыдущему разведочному раскопу [Тишкин, Кирюшин, Шмидт, 2016, с. 58]. До этого и в последующее время А.В. Онников осуществлял сборы подъемного материала на разрушенной части поселения и на поверхности размываемого грунта обваловки водопровода и шламопровода. В результате всех указанных работ коллекция каменных артефактов достигла 3248 экз. В настоящее время это одно из представительных собраний, полученных с археологического объекта на территории юга Западной Сибири.

Обнаруженные на поселении фрагменты керамики и часть каменных артефактов уже становились предметом научного изучения [Кунгуров, Онников, Тишкин, 1999; Тишкин, Кирюшин, Шмидт, 2016; 2018]. В частности, были сделаны выводы, что керамические коллекции поселения Рубцовское занимают особое положение в общем массиве данных по неолиту и энеолиту Алтайского региона и в них сочетаются орнаментальные традиции, связанные с разными культурными образованиями юга Западной Сибири указанного периода времени [Тишкин, Кирюшин, Шмидт, 2016].

Данная публикация посвящена анализу коллекции керамики, хранящейся в собрании МБУК «Краеведческий музей» г. Рубцовска. Она была передана в это учреждение А.В. Онниковым в 2015 г. и насчитывает 104 экз. Большая часть из них – неорнаментированные фрагменты стенок (66 экз.), венчиков (7 экз., рис. 1.-1) и днище плоскодонного сосуда (1 экз., рис. 1.-12). На внутренней и внешней поверхности семи фрагментов стенок и у одного венчика невооруженным взглядом прослеживаются отпечатки шерсти или волоса (рис. 1.-1; 2.-1). Один венчик орнаментирован насечками (рис. 1.-2). В составе теста большинства фрагментов визуально просматриваются остроугольные фрагменты каменной размерами от нескольких долей миллиметра до 5–7 мм (рис. 2.-2).

Пять фрагментов керамики орнаментированы отпечатками гребенчатого штампа (рис. 1.-3, 7, 8), три – отпечатками короткого гребенчатого штампа, образовывавшего ряды «елочки» (рис. 1.-3, 7), и два – рядами «шагающей гребенки» (рис. 1.-8), выполненными длинным штампом. Среди этих находок можно выделить часть венчика, декорированного с внешней поверхности рядами «елочки» с помощью отпечатков гребенчатого штампа (рис. 1.-3). Срез венчика с внутренней стороны этого сосуда оформлен такими же отпечатками.

Наколами каплевидной, подтреугольной и круглой формы украшены восемь фрагментов стенок и два венчика (рис. 1.-4–5, 10; 2.-4, 6). Первый венчик имеет утолщение по срезу 6 мм (при толщине стенок 4 мм), хорошо профилирован и отогнут наружу (рис. 1.-4; 2.-5). Орнамент состоит из горизонтальных рядов ямок, которые выполнены орнаментиром конической формы (рис. 2.-5). Ямки имеют диаметр и глу-

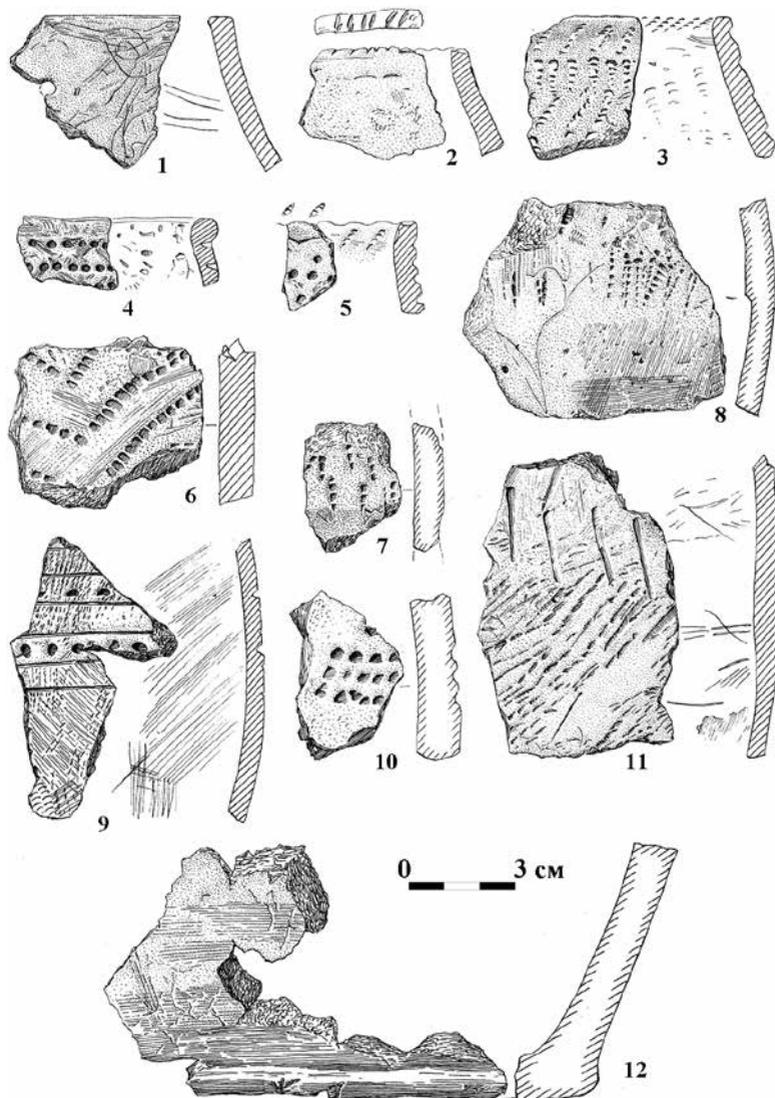

Рис. 1. Поселение Рубцовское. Керамика из собраний Краеведческого музея г. Рубцовска (рисунки подготовлены А.Л. Кунгуровым)

бину около 2 мм. Тесто фрагмента однородное (рис. 2.-5). Визуально просматриваются частицы (окатанные песчинки) размерами в первые доли миллиметра. Второй венчик, несмотря на небольшие размеры, до-

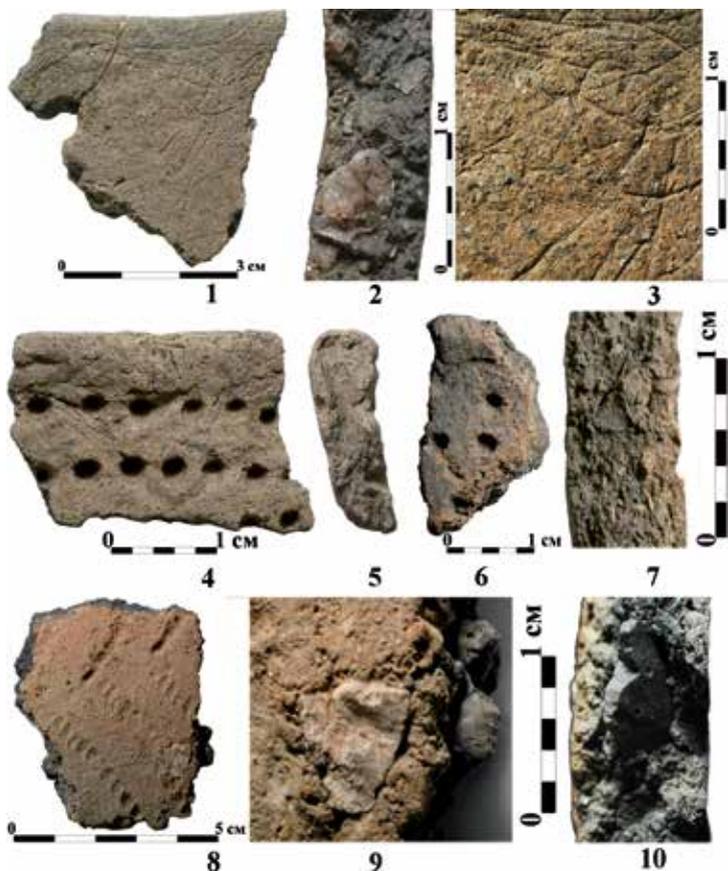

Рис. 2. Поселение Рубцовское. Макросъемка отдельных фрагментов (выполнена К.Ю. Кирюшиным)

вольно выразителен (рис. 1.-5). Внешняя поверхность сосуда декорирована волнистой линией по срезу венчика и ямками (рис. 2.-6). Срез венчика и внутренняя поверхность по срезу украшены отпечатками короткого гребенчатого штампа (рис. 1.-5). В составе теста визуально просматриваются остроугольные и окатанные фрагменты камней размерами от нескольких долей миллиметра до 1,5–2 мм (рис. 2.-6). Керамика, орнаментированная наколами различной формы, довольно широко представлена в сборах с поселений юго-западных районов Алтайского края [Кирюшин Ю.Ф., Кирюшин К.Ю., 2016].

Отпечатками отступающей палочки с элементами накальвания (отступающе-накольчатая керамика) декорированы 3 экз. Один из фраг-

ментов мелкого размера украшен отпечатками отступающей палочки, образующими прямую линию, а другой – волнистую. Наиболее важен фрагмент стенки сосуда, декорированный отпечатками, которые образовали ряды «елочки» (рис. 1.-6; 2.-8). В составе теста визуально просматриваются остроугольные фрагменты камня размерами от нескольких долей миллиметра до 8–10 мм (рис. 2.-9, 10). Сосуд с аналогичной орнаментальной техникой обнаружен в материалах неолитического поселения Северной Кулунды Новоильинка-III [Кирюшин, Ситников, 2013, с. 210, рис. 2.-2]. При этом необходимо отметить, что ряды «елочки» у этой емкости были разделены рядами ямок.

У четырех фрагментов на внешней поверхности хорошо фиксируются отпечатки веревочки. На одном они сочетаются с ямками. Еще четыре фрагмента мелкого размера украшены прочерченным орнаментом. Отпечатками прочерченного орнамента, образующими сеточку, украшена маленькая часть венчика.

Обращает на себя внимание фрагмент стенки сосуда, на котором горизонтальные прочерченные линии и ряды ямок нанесены поверх отпечатков «шагающей гребенки» (рис. 1.-9). На его внутренней поверхности хорошо видны следы заглаживания. В составе теста визуально просматриваются остроугольные и окатанные фрагменты камней размерами от нескольких долей миллиметра до 1,5–4 мм.

Довольно выразителен керамический обломок, на котором прочерченные линии, образующие ряды вертикальной «елочки», нанесены поверх отпечатков веревочки (рис. 1.-11). В составе теста визуально просматриваются остроугольные фрагменты камней размерами от нескольких долей миллиметра до 4–6 мм. На внутренней поверхности заметны отпечатки шерсти или волоса животных.

В составе анализируемой коллекции керамики можно выделить три группы, визуально различающиеся по составу формовочных масс.

Первая группа – к ней относится фрагмент венчика (рис. 1.-4; 2.-5), у которого в составе теста визуально просматриваются очень маленькие частицы (окатанные песчинки).

Вторая группа – на внутренней и внешней поверхности, а также в сломках находятся остроугольные и окатанные фрагменты камней размерами от нескольких долей миллиметра до 1,5–4 мм (рис. 2.-2, 7). В геологии дресва определяется как грубая естественная обломочная порода, продукт выветривания, с размером частиц от 1 до 10 мм, а остроугольный конгломератный песок встречается в природных глинах горных и предгорных районов и в составе «горных» илов [Цетлин, 2017, с. 74–75]. В нашем случае остроугольный материал встречается вместе с окатанными частицами. Необходимы специальные исследования по выявлению источников исходного сырья, использованного древними мастерами для изготовления рассматриваемой керамической посуды. На данном этапе можно указать, что находки с такими особенностями

формовочных масс в той или иной степени фиксируются в составе всех орнаментальных групп рассматриваемой коллекции (исключение составляет венчик сосуда, рис. 2.-4, 5). Поэтому вполне логичным может выглядеть предположение, что эта специфика керамической коллекции поселения связана с характером исходного сырья.

Третья группа – в составе теста визуально просматриваются остроугольные фрагменты камней размерами от нескольких долей миллиметра до 8–10 мм (рис. 2.-9, 10). В археологической литературе сформировался несколько иной подход к определению понятия «дресва». Дресва рассматривается в качестве искусственной добавки, которая формируется следующим образом: горные породы сначала целенаправленно обжигаются в огне, потом резко охлаждаются и дробятся, а затем получившаяся крошка калибруется [Цетлин, 2017, с. 74]. Очень похоже, что в целом ряде случаев такая искусственная добавка (дресва) использовалась при изготовлении керамической посуды, обломки которой найдены на памятнике Рубцовское.

В неолитических горизонтах поселения Тыткескень-II от раннего до финального неолита у керамики, орнаментированной отпечатками гребчатого штампа, прослеживается специфичная культурная традиция в виде использования волоса животных в качестве армирующей добавки [Кирюшин, Кирюшин, Глушков, 2012]. В материалах энеолита Северной Кулунды (например, памятники Новоильинка-III и Новоильинка-VI) в составе формовочной массы керамики, орнаментированной отпечатками «отступающей палочки» с элементами накальвания (отступающе-накольчатая керамика), широко использовался пух птицы [Кирюшин, Степанова, 2016]. Подобные культурные традиции технологии гончарства очень выразительны, специфичны и в вопросах реконструкции этнокультурных процессов на территории юга Западной Сибири могут иметь не менее важную роль, чем форма и орнаментация керамической посуды.

Использование дресвы в той или иной степени прослеживается во всей керамике поселения Рубцовское из коллекций Краеведческого музея г. Рубцовска (исключение составляет один венчик). Можно уверенно констатировать, что культурной традицией технологии гончарства данного памятника является использование глин или илов, содержавших большое количество обломочного материала и дресвы как специальной добавки.

Как уже отмечалось, в керамике поселения Рубцовское сочетаются различные орнаментальные традиции, связанные с разными культурными образованиями неолита и энеолита юга Западной Сибири [Тишкин, Кирюшин, Шмидт, 2016, с. 66]. В археологической литературе различия в составе формовочных масс керамики традиционно рассматриваются, как результат культурного взаимодействия разных групп населения.

Ранее было предложено «именовать неолитический комплекс „левобережного“ лесостепного и степного Алтая рубцовской культурой» [Кунгуров, Онников, Тишкин, 1999]. Дальнейший анализ продуктов

первичного расщепления из коллекций 1991–2000 гг. позволил сделать вывод, что основная часть коллекции каменных артефактов поселения Рубцовское относится к периодам раннего и развитого неолита [Тишкин, Кирюшин, Шмидт, 2018]. В рассматриваемом собрании присутствуют материалы энеолита, а отдельные артефакты могут датироваться финальным неолитом – ранним энеолитом.

Результаты изучения коллекций керамики из собраний Краеведческого музея г. Рубцовска в целом совпадают с ранее выдвинутыми предположениями. Можно констатировать, что основная ее часть изготовлена носителями одной культурной традиции. Отдельные фрагменты оставлены иными представителями. Причины такого смешения могут быть различными. Не вызывает сомнений необходимость решения обозначенных проблем на более обширном фактическом материале. Керамические коллекции поселения Рубцовское занимают особое положение в общем массиве данных по неолиту и энеолиту Алтайского региона [Тишкин, Кирюшин, Шмидт, 2016]. При этом стоит отметить, что окончательное решение проблем, обозначенных в статье, невозможно без продолжения раскопок на поселении Рубцовское и дальнейшего изучения всей совокупности данных.

Остается надеяться, что проделанная работа окажется полезной для сотрудников МБУК «Краеведческий музей» г. Рубцовска, материалы памятника обретут место в экспозиции.

Библиографический список

Кирюшин К.Ю., Степанова Н.Ф. Керамика эпохи энеолита с поселения Новоильинка-III (Северная Кулунда) // Археология, этнография и антропология Евразии. Т. 44, №3. 2016. С. 101–110. DOI: 10.17746/1563-0110.2016.44.3.101-110.

Кирюшин К.Ю., Кирюшин Ю.Ф., Глушков И.Г. Использование волоса животных в гончарной традиции неолитических комплексов поселения Тыткескень-2 // Археология, этнография и антропология Евразии. 2012. №4. С. 41–50.

Кирюшин К.Ю., Ситников С.М. Исследование поселения Новоильинка-III в 2012–2013 годах // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. Т. XIX. Новосибирск, 2013. С. 207–211.

Кирюшин Ю.Ф., Кирюшин К.Ю. Керамика боборыкинского облика с поселений юго-западных районов Алтайского края // Теория и практика археологических исследований. 2016. №2 (14). С. 7–23. DOI:10.14258/tpai(2016)2(14).-01.

Кунгуров А.Л., Онников А.В., Тишкин А.А. Каменная индустрия эпохи неолита с поселения Рубцовское // Проблемы неолита-энеолита юга Западной Сибири. Кемерово, 1999. С. 58–63.

Комарова М.Н. Неолит Верхнего Приобья // КСИИМК. 1956. Вып. 64. С. 93–103.

Тишкин А.А. Поселение Рубцовское в пойме р. Алей // Сохранение и изучение культурного наследия Алтайского края. Вып. V, ч. 2. Барнаул, 1995. С. 30–35.

Тишкин А.А., Кирюшин К.Ю., Шмидт А.В. Керамика поселения Рубцовское-I (долина Алея, юг Западной Сибири) // Теория и практика археологических исследований. 2016. №4 (16). С. 60–73. DOI: 10.14258/tpai(2016)4(16).-06.

Тишкин А.А., Кирюшин К.Ю., Шмидт А.В. Техника первичного расщепления камня на поселении Рубцовское (юг Западной Сибири) // Теория и практика археологических исследований. 2018. №1 (21). С. 68–88. DOI: 10.14258/tpai(2018)1(21).-06.

Цетлин Ю.Б. Керамика. Понятия и методы историко-культурного подхода. М., 2017. 346 с.: ил.

Шмидт А.В. Неолит Приобского плато: автореф. дис. ... канд. ист. наук. Барнаул, 2005. 24 с.

K.Yu. Kiryushin¹, A.A. Tishkin¹, A.V. Onnikov²

¹*Altai State University Barnaul, Russia;*

²*Biysk Branch of RGS, Rubtsovsk, Russia*

COLLECTION OF CERAMICS FROM THE RUBTSOVSKOE SETTLEMENT FROM THE COLLECTIONS OF THE RUBTSOVSK MUSEUM OF LOCAL HISTORY

The article presents a collection of ceramics from the Rubtsovskoe settlement from the collections of the Rubtsovsk Museum of Local History. The collection of ceramics Museum totals 104 copies. Most of them are unornamented fragments of the walls (66 specimens), corollas (7 specimens) and the bottom of the flat-bottomed vessel (1 specimen). The ceramics of the Rubtsovskoye settlement is decorated with: prints of a ridged stamp; teardrop-shaped, sub-triangular and round punctures; of a retreating stick with pricking elements (retreating stroke-ornamented ceramics); prints of a rope; drawn lines; lines of round-shaped punctures. The cultural (ethnographic) tradition of the technology of pottery of this site is the use of clays or silts containing a large amount of debris and rotted rocks as a special additive.

Key words: Rubtsovskoe settlement, Neolithic, ceramics, broken stone temper, rotted rocks, cultural traditions of pottery technology.

УДК 902

С.А. Ковалевский

*Кузбасский государственный технический университет
им. Т.Ф. Горбачева, Кемерово, Россия*

ИСПОЛЬЗОВАНИЕ МОТИВА «СЕТКА» В ОРНАМЕНТАЦИИ ИРМЕНСКОЙ ПОСУДЫ

Статья посвящена изучению роли мотива «сетка» в орнаментации керамики ирменской культурно-исторической общности юга Западной Сибири. Показано, что этот орнаментальный мотив использовался преимущественно для декорирования зоны венчика ирменской ритуальной посуды, реже – зоны плечиков и тулова. Выявлены вариации использования мотива «сетка», применявшегося не только в классическом виде, но и для заполнения орнаментального фона различных геометрических фигур, а также для образования более сложных композиций. Выдвинуто предположение об андронидном происхождении данного

мотива, а также отмечено его появление уже в поздней андроновской орнаментации. Сравнительный анализ ирменской орнаментации различных территорий распространения ирменской культурно-исторической общности показал более частое использование мотива «сетка» населением Верхнего Приобья. Это может являться аргументом в пользу предположения о его местном, андронидном происхождении.

Ключевые слова: Верхнее Приобье, ирменская культурно-историческая общность, мотив, орнаментация, погребально-поминальные памятники.

DOI: 10.14258/2411-1503.2020.26.11

Орнаментальный мотив «сетка» достаточно часто использовался для декорирования керамической посуды ирменской культурно-исторической общности юга Западной Сибири. Мотив представляет собой наложение друг на друга косых линий, выполненных, как правило, техникой прочерчивания. Вариации сетчатых мотивов имеют достаточно широкое распространение на территории Евразии. Вместе с тем интерес представляет их происхождение (применительно к ирменским древностям), а также распространение и региональная специфика.

Ранее нами был осуществлен сравнительный анализ орнаментации [Ковалевский, 2010, с. 128–142] всего массива (527 экз. из 31 памятника) ирменской погребально-поминальной посуды различных регионов распространения исследуемой общности. Анализ показал, что мотив «сетка», как правило, использовался для декорирования зоны венчика (13,1%) и лишь изредка встречен в зонах плечика и тулова.

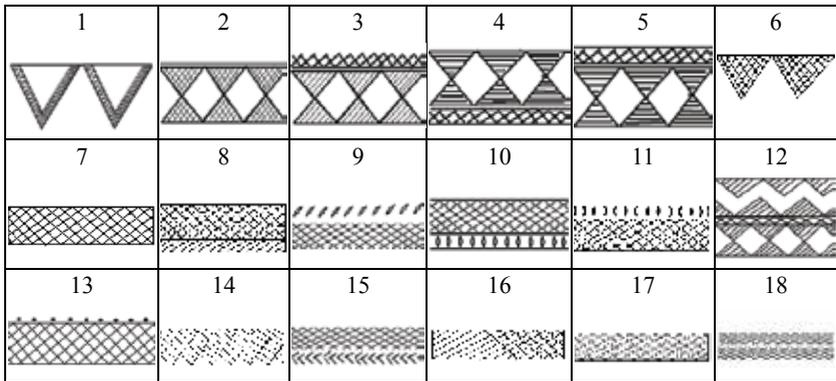
Данный мотив известен на всех территориях, где проживало ирменское население. Для декорирования зоны венчика преимущественно использовались простые сетчатые пояса, зафиксированные на ирменской посуде из 24 могильников (табл. 1.-7). Изредка пояски «сеток» дублировались в пределах орнаментальной зоны (табл. 1.-18). Все другие вариации данного мотива единичны (табл. 1.-1–6, 8–17). Так, выступая в качестве ведущего мотива зоны шейки, «сетка» могла обрамляться заштрихованными лентами (Ордынское-I, Танай-VII), рядами насечек (Камень-I, МГК-I/5, Новотроицкое-I, Танай-VII), ямок (Камень-I), «елочными» узорами (Боровянка-XVII, Пьяново). Пояски «сеток» использовались и сами в виде обрамления треугольников, соединенных вершинами (Плотинная-I, V, Заречное-I), либо в качестве разделителя двух орнаментальных геометрических мотивов (Титово). Практиковалось и использование сетчатого мотива для заполнения геометрических фигур (МГК-I/5, Сапогово-I, Танай-VII, ЕК-II/5, Камень-I, Милованово-I). В единичных случаях «сетка» выполнялась гребенчатым штампом (Плотинная-I, ЕК-II/5). Есть и случаи нанесения «нестандартных» сеток (Староалейка-II).

Зона плечика, а часто и тулова ирменских сосудов также изредка украшалась мотивами и композициями с использованием «сетки». Однако, в отличие от орнаментации зоны венчика, здесь

«сетка» в «чистом», классическом виде, без дополнительного декорирования использовались сравнительно редко (табл. 2.-20). В других случаях (табл. 2.-1-4, 7, 9, 11, 16-19) пояски «сеток» сочетались в данной орнаментальной зоне с лентами зигзага (Новотроицкое-I, Ильинка, Плотинная-V, Заречное-I) либо свисающими треугольниками (Плотинная-I, V, Фирсово-XIV, Милованово-I, Титово). Изредка «сетка» дублировалась (Камень-I) либо сочеталась с рядом ямок или насечек (Кытманово-I, Танай-VII).

Таблица 1

Использование мотива «сетка» на ирменской погребально-поминальной керамике юга Западной Сибири (зона венчика)

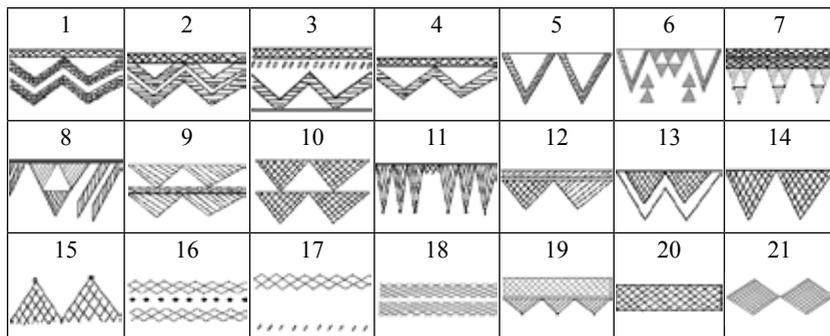

Могильники: 1 – МГК-I/5; 2 – Камень-I, Сапогово-I, Танай-VII; 3, 5 – Плотинная-I; 4 – Плотинная-V, Заречное-I; 6 – Милованово-I, ЕК-II/5; 7 – Плотинная-I, Камышенка, Фирсово-XIV, Новотроицкое-I, Суртайка-I, БЕ-IV, МГК-I/5, Телеутский Взвоз-I, Кытманово-I, Ильинка, Преображенка-III, Боровянка-XVII, погребение из Павлодара, Камень-I, Чёрное озеро-I, ЕК-II, Иштан, Журавлёво-III, -IV, Сапогово-I, Пьяново, Танай-I, -VII, Заречное-I; 8 – Ордынское-I, Танай-VII, Крохалёвка-XIII; 9 – Камень-I; 10 – Новотроицкое-I, Танай-VII; 11 – МГК-I/5, Камень-I; 12 – Титово; 13 – Камень-I; 14 – Староалейка-II; 15 – Боровянка-XVII, Пьяново; 16 – Фирсово-I, Шабаново-I, Мельничихин Лог-I, Плотинная-I; 17 – Плотинная-I, ЕК-II/5; 18. МГК-I/5

Использовалась она и для заполнения внутреннего пространства геометрических фигур (табл. 2.-1, 5, 6, 8, 10, 12-15, 21), преимущественно треугольников, обращенных вершинами вниз (Плотинная-I, Змеёвка, Камышенка, Староалейка-I, Фирсово-XIV, МГК-I/5, Камень-I, Милованово-I, Ордынское-I, ЕК-II/5, Сапогово-I, Танай-VII), редко – треугольников, обращенных вершинами вверх (Боровянка-XVII), ромбов (Суртайка-I, Камень-I), зигзагов (Новотроицкое-I, Плотинная-I) либо сочетания зигзагов и треугольников (ЕК-II/5).

Таблица 2

Использование мотива «сетка» на ирменской погребально-поминальной керамике юга Западной Сибири (зона плечика и тулова)

Могильники: 1 – Новотроицкое-I; 2 – Ильинка; 3, 7 – Плотинная-V;
 4 – Новотроицкое-I, Заречное-I; 5 – Плотинная-I; 6, 13 – ЕК-II/5;
 8 – Камышенка; 9 – Титово; 10 – Плотинная-I, Змеевка, Староалейка-II,
 Милованово-I, Ордынское-I, ЕК-II/5; 11, 12 – Фирсово-XIV; 14 – Плотинная-I,
 МГК-I/5, Камень-I, Сапогово-I, Танай-VII; 15 – Боровянка-XVII;
 16 – Кытманово-I; 17 – Танай-VII; 18 – Камень-I; 19 – Плотинная-I,
 Милованово-I; 20 – Телеутский Взвоз-I, МГК-I/5, Камень-I,
 Журавлёво-IV, Сапогово-I, Танай-VII; 21 – Камень-I, Суртайка-I

Анализ распространения мотива «сетка» в различных регионах проживания ирменского населения выявил, что наиболее часто таким образом декорировались венчики погребально-поминальных сосудов Алтайского и южной части Новосибирского Приобья (16%). Роль «сеток» в орнаментации посуды несколько снижается в Томском Приобье (около 10,6%) и Кузнецкой котловине (6,8%). На барабинской посуде «сетки» единичны (1,7%).

Зона плечика и тулова ирменских сосудов декорировалась «сеткой» достаточно редко. Сетчатые мотивы фиксируются на территории Верхнего Приобья (4,2%), а также Кузнецкой котловины (2,8%). Вместе с тем использование «сетки» для заполнения внутреннего пространства геометрических фигур было известно и на других территориях (Томское Приобье, Омское Прииртышье).

Имеющийся анализ орнаментации ирменской поселенческой керамики, на первый взгляд, вполне сопоставим с данными из погребально-поминальных памятников. Так, наибольшее распространение «сетчатой» орнаментации, как и в случае с погребальной посудой, приходится на территорию Верхнего Приобья (пос. Чучка-VII, Ирмень-I, Речкуново-III) [Матвеев, 1993, с. 115–117; Шамшин, 1985, с. 129–147]. Однако ситуация с поселениями не столь однозначна: наряду с Верхним

Приобьем, которое традиционно считается центром формирования ирменской культуры (общности), «сетка» достаточно характерна и для поселенческой керамики «периферийных» регионов ее распространения, например Омского Прииртышья, Томского Приобья, нижнего и среднего Притома, что также требует своего объяснения.

Таким образом, анализ ирменской орнаментации (на примере погребально-поминальной посуды) демонстрирует, что наиболее часто сетчатые мотивы использовались на территории Верхнего Приобья, что видимо следует связывать с влиянием т.н. андронидных культур (еловской, корчажкинской и древностей быстрого типа).

По замечанию А.Б. Шамшина, мотив «сетка» бытовал на территории Верхнего Приобья с позднеандроновского времени [Шамшин, 1997, с. 327, рис. 1.-52]. Однако широкое распространение сетчатой орнаментации (зачастую в сочетании с рядами ямок) знаменует становление и развитие традиций постандроновских культурных образований.

В свое время Н.Л. Членова [1981, с. 17, 18] выделила еловскую керамику с сетчатой орнаментацией в симанский тип и локализовала в районе протоки р. Оби, а именно Симана, указав, что в подавляющем большинстве других районов еловской культуры такая керамика не встречается. А.В. Матвеев [1993, с. 105, табл. VIII], давая характеристику выделенного им раннего этапа ирменской культуры, также показал существенное значение «сетки» в орнаментации быстрого керамики. Значимая роль «сетки» в орнаментации отмечалась специалистами и для других регионов юга Западной Сибири (Алтайское Приобье, Северо-Восточное Присалаирье).

Таким образом, «сетка», являясь достаточно распространенным мотивом на ирменской посуде, имеет вероятно андронидное происхождение, восходя к орнаментальным традициям культурных образований Верхнего Приобья (и сопредельных регионов), сложившихся на основе взаимодействия андроновских и автохтонных традиций.

Библиографический список

Ковалевский С.А. Традиции орнаментации керамики из погребально-поминальных комплексов ирменской культурно-исторической общности юга Западной Сибири (опыт сравнительного анализа) // Хозяйственно-культурные традиции Алтая в эпоху бронзы. Барнаул, 2010. С. 128–142.

Матвеев А.В. Ирменская культура в лесостепном Приобье. Новосибирск, 1993. 182 с.

Членова Н.Л. Связи культур Западной Сибири с культурами Приуралья и Среднего Поволжья в конце эпохи бронзы и начале эпохи раннего железного века // Проблемы Западно-Сибирской археологии. Эпоха железа. Новосибирск, 1981. С. 4–42.

Шамшин А.Б. Поселение Речкуново-III – новый памятник эпохи поздней бронзы Верхнего Приобья // Алтай в эпоху камня и раннего металла. Барнаул, 1985. С. 129–147.

S.A. Kovalevsky

Gorbachev Kuzbass State Technical University, Kemerovo, Russia

**THE USE OF THE “GRID” MOTIVE
IN THE ORNAMENTATION OF THE IRMEN UTENSILS**

The article studies of the role of the “grid” motive in the ornamentation of ceramics of the Irmen cultural and historical community of the South of Western Siberia. It is indicated that this ornamental motive was used primarily for decorating of the crown zone of the Irmen ritual utensils, less often – the zone of shoulders and trunk. Variations have been identified in the use of the “grid” motive applied not only in classical form, but also to fill the ornamental background of various geometric figures, and to form more complex compositions. The assumption about the andronoid origin of this motive is put forward and its appearance in the Late Andronian ornamentation is also noted. The comparative analysis of the Irmen ornamentation of various territories of distribution of the Irmen cultural and historical community showed more frequent use of the “grid” motive by the population of the Upper Ob River area. This may be an argument in favor of the assumption of its local, andronoid origin.

Key words: Upper Ob River area, Irmen cultural and historical community, motive, ornamentation, burial and funeral sites.

УДК 903.53«638»

Н.А. Константинов¹, Е.В. Степанова²

¹*Горно-Алтайский государственный университет, Горно-Алтайск, Россия;*

²*Государственный Эрмитаж, Санкт-Петербург, Россия*

**ИЗУЧЕНИЕ ПЕРИФЕРИИ ПЯТОГО
ПАЗЫРЫКСКОГО КУРГАНА В 2017–2019 гг.**

Исследование проведено при поддержке гранта РФФИ №18-09-00709

В работе представлены результаты исследований периферии Пятого пазырыкского кургана, осуществленных совместной экспедицией Горно-Алтайского государственного университета и Государственного Эрмитажа в 2017–2019 гг. В ходе работ с северной, северо-западной и восточной стороны кургана №5 были зафиксированы следы 12 кострищ, пять выкладок-лучей, радиально расходящихся в стороны от насыпи кургана, каменная выкладка этнографического времени, расчищены плиты кромлеха и задернованные края насыпи кургана с развалом крепицы. Особенности планиграфического расположения и обнаруженные находки позволяют утверждать о том, что часть зафиксированных кострищ может быть связана с проведением поминальных обрядов, проводившихся при погребении подростка в небольшом кургане №7. В одном кострище найдены железоплавильные шлаки, что позволяет допустить проведение каких-то действий, связанных с железодельным производством на территории погребально-поминального комплекса.

Ключевые слова. Пазырык, пазырыкская культура, скифское время, периферия кургана, кострище, прокол.

DOI: 10.14258/2411-1503.2020.26.12

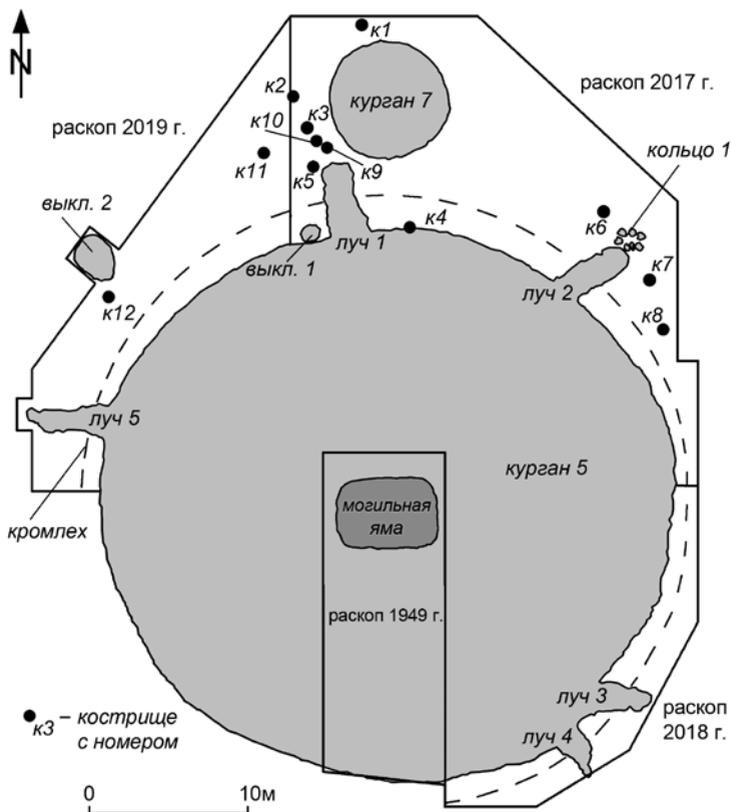
Пазырыкский могильник находится в 1,5 км к востоку от юго-восточной окраины села Балыктуюль в урочище Пазырык на правом берегу реки Большой Улаган в Восточном Алтае. Могильник стал широко известным в археологической среде благодаря уникальным находкам скифского времени, сохранившимся в условиях подкурганной мерзлоты. Памятник был открыт в 1924 г., а основные работы, направленные на исследование пяти «царских» курганов могильника, были проведены в 1929 и 1947–1949 гг. ленинградскими археологами С.И. Руденко [1953] и М.П. Грязновым [1950]. После раскопок больших курганов С.С. Сорокин [1977] и А.М. Илюшин [1987; 1990, с. 117; 1992] в разные годы проводили изучение небольших объектов памятника, относящихся к разным периодам раннего железного века и средневековья.

В 2017 г. силами совместной экспедиции Горно-Алтайского государственного университета и Государственного Эрмитажа в южной части могильника возобновлены археологические работы. Объектом исследования стал курган №5, погребение которого было изучено в 1949 г., и участки его периферии, непосредственно прилегающие к насыпи. В первый год проведены работы на участке, прилегающем к насыпи кургана №5 с северной и северо-восточной стороны [Константинов и др., 2018а]. В следующем году осуществлены работы на юго-восточной околокурганной территории и начато повторное изучение могильной ямы [Константинов и др., 2018б]. В 2019 г. завершены работы в могильной яме и проведена зачистка северо-западного участка периферии [Константинов и др., 2019]. В ходе исследования ближайшей периферии кургана №5 зафиксирован ряд объектов, связанных с разными этапами функционирования археологического комплекса: выкладки-лучи, радиально расходящиеся от насыпи кургана, этнографическая (?) каменная выкладка у северной насыпи, зафиксированы следы 12 кострищ, расчищены плиты ограды-кромлеха (рис.). Изучение периферии кургана еще продолжается, в этой статье будут представлены результаты работ 2019–2017 гг.

Кострища. На площади зачистки периферии с северо-западной, северной и северо-восточной стороны кургана №5 было зафиксировано 12 прокалов. Кострища располагались следующим образом. Три прокала находились у северо-восточного луча по линии С–Ю с небольшим отклонением; шесть прокалов было с северной, западной и юго-западной стороны кургана №7; одно кострище находилось у северной насыпи кургана №5. В 2019 г. один прокол зафиксирован в нескольких метрах к западу от кургана №7 и еще один прокол был обнаружен у небольшой овальной выкладки, находящейся к северо-западу от кургана №5.

Из всех кострищ, зафиксированных на исследуемых участках, только три имели обкладку камнями – кострища 3, 5 и 6. Кострище 5 отличается тем, что кроме обкладки оно, вероятно, было заложено камнями. Под камнями в этом кострище найдены фрагменты обожженных костей животных. В кострище 7 находились железоплавильные шлаки.

Грунт под зафиксированными кострищами был прокален на разную глубину – от 1–2 до 13 см, что говорит о различии в интенсивности горения разных костров [Нестерова, 2015, 48].

Расположение зафиксированных в 2017–2019 гг. объектов у насыпи кургана №5 Пазырыкского могильника

Назначение кострищ, судя по всему, также было различным. Обожженные кости животных, найденные в кострище 5, вероятно, свидетельствуют о ритуальном характере этого костра. Находки кусочков шлака в кострище 7 могут говорить, с одной стороны, о хозяйственной металлургической деятельности на территории памятника. С другой стороны, находки шлака в кострище рядом с погребальными конструкциями могут указывать на ритуальное значение металлургической деятельности.

Следы кострищ наряду с находками фрагментов керамики и костей животных в межкурганном пространстве и в насыпях курганов исследователи обычно связывают с поминальными обрядами и тризнами [Руденко,

1960, с. 325; Киреев, 1999]. Изредка прокалы фиксируются рядом с погребальными сооружениями булан-кобинской культуры гунно-сарматского времени [Магтренин, Шелепова, 2007, с. 87]. В раннем средневековье у курганов также фиксируются поминальные каменные кладки и кольца со следами кострищ и костей животных. Однако на тюркских памятниках такие объекты фиксировались с восточной стороны [Кубарев, 2005, с. 16]. Очевидно, огонь использовался и в другие периоды. Кроме всего прочего, огонь, как правило, воспринимался в качестве посредника между человеком и духами [Дыренкова, 1927, с. 71]. Использование огня в погребально-поминальном цикле «пазырыкцев» и населения последующих эпох было необходимым для кормления души умершего или «обожествленных душ предков» [Суразаков, 1994, с. 74; Ульянов, 2002, с. 21–22].

Южная часть Пазырыкского могильника, планиграфическим центром которой является курган №5, включает в себя разнообразные и разновременные объекты, из которых мы видим, что памятник функционировал как минимум со скифского времени и до этнографического времени. В связи с этим встает вопрос о времени функционирования кострищ, следы которых зафиксированы в ходе раскопок. Скопление кострищ с западной и юго-западной сторон кургана №7 можно связать с обрядами поминального цикла, совершавшимися во время похорон и поминок подростка [Руденко, 1953, с. 40–41], захороненного в этом небольшом кургане. Расположение поминальников в виде каменных колец и выкладок к западу от погребальных конструкций характерно как для царских, так и для рядовых погребально-поминальных комплексов скифского времени Алтая [Суразаков, 1988, с. 119–120; Кубарев, 1987, с. 11–12; 1991, с. 22–24; 1992, с. 11–13; Полосьмак, 1994, с. 17; Соенов, 2003, с. 38–39; Кубарев, Шульга, 2007, с. 53; и др.]. Расположенные к западу от пазырыкских курганов поминальники обычно содержали следы кострищ, кости животных, фрагменты керамики. Некоторые из рассматриваемых кострищ также включали подобные находки: по западному и северному краям кургана №7 вблизи кострища 3 были обнаружены фрагменты керамики, а в кострище 5 найдены женные кости животных. Проблема датирования остальных кострищ нуждается в дальнейшей разработке.

Выкладки-лучи. Наибольший интерес представляют выкладки-лучи – семь каменных выкладок вытянутой формы, радиально расходящихся от насыпи кургана 5, отмеченных на плане и в описании С.И. Руденко [1953, с. 28, рис. 3]. Подобные конструкции не характерны для курганов пазырыкской культуры, хотя в отдельных случаях в какой-то степени аналогичные сооружения фиксируются исследователями [Кубарев, Кочеев, 1983, с. 91, рис. 8]. В 2017–2019 гг. пять выкладок-лучей были зачищены, одна северная выкладка-луч (луч 1) была исследована с частичным разбором каменной наброски. Изучение выкладок-лучей будет продолжено в будущем полевом сезоне, однако уже сейчас можно отметить некоторые закономерности в конструкции этих объектов. Выяснилось, что выклад-

ки неоднородны: в части, расположенной вблизи насыпи кургана, они плотно выложены двумя слоями камней, а на другой половине сложены одним слоем относительно разрозненных камней. На конце северо-восточной выкладки-луча (луч 2) было зафиксировано кольцо, сложенное из плоских и окатанных камней, диаметром 2,2 м. При зачистке дернового слоя в северной части кольца зафиксированы небольшие древесные угли. Никаких других находок не зафиксировано.

Современная выкладка. Находилась с юго-западной стороны северной выкладки-луча 1 у края насыпи кургана №5. Выкладка была слабо задернованной, имела округлую форму и была сложена из плитняка. Размеры 2×2,2 м. Под выкладкой никаких объектов не было зафиксировано, за исключением фрагмента тонкой жерди, находившегося непосредственно под камнями на погребенной почве. Восточная часть этой выкладки перекрывала отвал 1949 г., что говорит о том, что она связана либо с деятельностью лагеря С.И. Руденко, располагавшегося неподалеку, либо это следы каких-то ритуальных действий, проводившихся местными жителями после раскопок 1949 г.

Кромлех. Вокруг насыпи кургана №5 прослеживается кромлех – ограда из вертикально вкопанных плит. До проведения земляных работ слабо прослеживались лишь отдельные задернованные плиты. Часть плит, судя по всему, утрачена. После проведения зачистки участка с северной и северо-восточной сторон кургана №5 стало ясно, что ограда, видимо, первоначально была сплошной. Несмотря на то что даже после зачистки части плит не оказалось на месте, плит было выявлено гораздо больше, чем фиксировалось до раскопок. Многие плиты зафиксированы под дерном поваленными и обломанными. Ограда-кромлех проходит вокруг кургана на расстоянии 1,5–2 м от края насыпи.

Исследования на Пазырыкском могильнике показывают перспективность изучения околокурганного пространства на погребально-поминальных комплексах Алтая скифского времени.

Библиографический список

- Грязнов М.П. Первый Пазырыкский курган. Л., 1950. 92 с.
Дыренкова Н.П. Культ огня у алтайцев и телеут // Сборник МАЭ. Т. VI. Л., 1927. С. 63–78.
Илюшин А.М. Исследования на Пазырыке // Археологические открытия 1985 года. М., 1987. С. 241–242.
Илюшин А.М. Хронология и периодизация ритуальных курганов Горного Алтая // Охрана и использование археологических памятников Алтая. Барнаул, 1990. С. 117–119.
Илюшин А.М. Планиграфия могильника Пазырык // Проблемы сохранения, использования и изучения памятников археологии Алтая. Горно-Алтайск, 1992. С. 67–68.
Киреев С.М. Тризны и тризновая керамика майминских погребений раннего железного века // Древности Алтая. Известия лаборатории археологии. Горно-Алтайск, 1999. С. 92–99.

Константинов Н.А., Степанова Е.В., Урбушев А.У., Васильева Н.А., Шаблави-на Е.А., Эбель А.В., Куюков Р.В. Работы на Пазырыкском могильнике в 2017 году // Полевые исследования на Алтае, в Прииртышье и Верхнем Приобье (археология, этнография, устная история). 2017 год. Горно-Алтайск, 2018а. Вып. 13. С. 30–34.

Константинов Н.А., Мыльников В.П., Степанова Е.В., Васильева Н.А. По-левое исследование внутримогильных конструкций Пятого Пазырыкского кур-гана на Алтае (предварительное сообщение) // Проблемы археологии, этногра-фии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. Новосибирск, 2018б. Т. XXIV. С. 275–279.

Константинов Н.А., Мыльников В.П., Слюсаренко И.Ю., Степанова Е.В., Васильева Н.А. Завершение полевого исследования внутримогильной кон-струкции Пятого Пазырыкского кургана // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. Новосибирск, 2019. Т. XXV. С. 415–424.

Кубарев В.Д. Курганы Уландрыка. Новосибирск, 1987. 302 с.

Кубарев В.Д. Курганы Юстыда. Новосибирск, 1991. 190 с.

Кубарев В.Д. Курганы Сайлюгема. Новосибирск, 1992. 220 с.

Кубарев В.Д., Кочеев В.А. Курганы урочища Бураты // Археологические исследования в Горном Алтае в 1980–1982 гг. Горно-Алтайск, 1983. С. 90–108.

Кубарев В.Д., Шульга П.И. Пазырыкская культура (курганы Чуи и Урсу-ла). Барнаул, 2007. 282 с.

Кубарев Г.В. Культура древних тюрок Алтая (по материалам погребаль-ных памятников). Новосибирск, 2005. 400 с.

Матренин С.С., Шелепова Е.В. Материалы по изучению ритуальных со-оружений кочевников Горного Алтая II в. до н.э. – V в. н.э. (булан-кобинская культура) // Изучение историко-культурного наследия народов Южной Сибири. Горно-Алтайск, 2007. Вып. 5. С. 84–90.

Нестерова М.С. Очаги в поселенческих комплексах эпохи бронзы и ранне-го железного века Западной Сибири: дис. ... канд. ист. наук. Т. 1. Новосибирск, 2015. 212 с.

Полосьмак Н.В. «Стережущие золото грифы» (ак-алахинские курганы). Новосибирск, 1994. 125 с.

Руденко С.И. Культура населения Горного Алтая в скифское время. М.; Л., 1953. 402 с. 120 табл.

Руденко С.И. Культура населения Горного Алтая в скифское время. М.; Л., 1953. 402 с. 120 табл.

Руденко С.И. Культура населения Центрального Алтая в скифское время. М.; Л., 1960. 360 с. 128 табл.

Соенов В.И. Раскопки поминальных сооружений на пазырыкском могиль-нике Усть-Кырлык-II // Древности Алтая. Горно-Алтайск, 2003. №11. С. 38–44.

Сорокин С.С. Погребения эпохи великого переселения народов в районе Пазырыка // АСГЭ. Вып. 18. Л., 1977. С. 57–67.

Суразаков А.С. Горный Алтай и его северные предгорья в эпоху раннего железа. Проблемы хронологии и культурного разграничения. Горно-Алтайск, 1988. 165 с.: ил.

Суразаков А.С. Погребальный обряд пазырыкцев // Археология Горного Алтая. Барнаул, 1994. С. 71–74.

Ульянов В.И. Роль огня в погребальной практике ранних ираноязычных ко-чевников Урало-Поволжья: автореф. дис. ... канд. ист. наук. Екатеринбург, 2002. 25 с.

N.A. Konstantinov¹, E.V. Stepanova²

¹Gorno-Altai State University, Gorno-Altai, Russia;

²State Hermitage Museum, St. Petersburg, Russia

**STUDYING THE PERIPHERY
OF THE FIFTH PAZYRYK MOUND IN 2017–2019**

The paper presents the results of studies on periphery of Pazyryk Barrow No. 5 which were carried out by a joint expedition of the Gorno-Altai State University and the State Hermitage in 2017–2019. In the course of work from the northern, northwestern, and eastern side of mound No. 5, traces of 12 bonfires, five lay-ups radially diverging to the sides of the mound, stone laying of ethnographic time were recorded; cromlech slabs and sod edges of the mound with the collapse of crepe were cleared. Based on the peculiarities of the planigraphic location and the discovered finds, some of the bonfires recorded may be associated with funeral rites held during the burial of a teenager in a small mound No 7. Iron melting slags were found in one bonfire, which allows some actions related to ironmaking to be carried out in the territory of the funeral-memorial complex.

Key words: Pazyryk, Pazyryk culture, Scythian time, periphery of the burial mound, fireplace.

УДК 902(470.46)

С.А. Котеньков¹, Д.С. Соловьёв², А.А.Тимофеев³

¹Институт океанологии им. П.П.Ширишова РАН, Астрахань, Россия;

²ООО «Археоцентр», Астрахань, Россия;

³ГБУК АО «Астраханский музей-заповедник», Астрахань, Россия

**АРХЕОЛОГИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ
НА БУГРЕ СЕМИБУГРЫ-I В КАМЫЗЯКСКОМ РАЙОНЕ
АСТРАХАНСКОЙ ОБЛАСТИ В 2019 ГОДУ**

Работа выполнена при финансировании ООО «Археоцентр»

В полевом сезоне 2019 г. на юге волжской дельты проводились археологические разведки по маршрутам экспедиций Л.Н. Гумилёва, был проведен мониторинг ранее выявленных археологических объектов. В ходе работ на одном из ранее исследованных бэровских бугров были обнаружены аббасидский дирхем конца VIII в. и джучидские монеты 1-й половины XIV в., части бронзовых поясных наборов. Выявленные фрагменты кухонной столовой лепной керамики с горизонтальным линейным, линейно-волнистым орнаментом, а также круговой столовой посуды покрытой лощением, находят прямые аналогии в материалах салтово-маяцкой культуры и на городищах хазарского времени Дагестана VIII–X вв. Полученные данные позволяют уточнить границы археологического объекта и предположить, что в его окрестностях располагались грунтовый могильник и разновременные поселения эпохи Хазарского Каганата и золотоордынского времени. Найденные фрагменты шлака и бракованной керамики свидетельствуют о наличии на поселении в хазарское время

гончарного производства. Эти находки позволяют открыть новую страницу в истории заселения волжской дельты.

Ключевые слова: дельта Волги, грунтовый могильник, средневековое поселение, фрагменты керамики, бронзовая пряжка.

DOI: 10.14258/2411-1503.2020.26.13

В 2019 г. экспедиция Астраханского отделения Русского географического общества проводила археологические исследования южной части Волжской дельты на бэровском бугре Семибугры-I, расположенном на территории Камызякского района Астраханской области (рис. 1). Исследования проводились в рамках проекта РГО «Маршрутами Льва Гумилёва: в поисках Хазарии», цель которого – изучение и сохранение археологических памятников, обнаруженных ученым в степных и дельтовых районах Нижнего Поволжья [Котеньков, 2019, с. 195].

Цель данной статьи – ввести в научный оборот новые данные о заселении волжской дельты в эпоху Хазарского Каганата.

В отношении рельефа обследуемая местность представляет собой пойменную равнину с естественными природными возвышенностями – бэровскими буграми, сложными косо залегающими чередующимися слоями супеси и суглинки.

Археологические исследования в окрестностях с. Семибугры, в междуречье рек Болда и Большая Черная, были начаты Л.Н. Гумилёвым [1962, с. 3–4; 1963, с. 7] в 1962–1963 гг. На бугре Сарай-тобе и в урочище Собачья Тоня им были обнаружены фрагменты лепных сероглиняных и красноглиняных сосудов и разрушенное погребение с западной ориентировкой костяка. В 2004 г. на бугре Хуторском Е.М. Пигарёвым [2005, с. 18] производились охранные раскопки, где он обнаружил частично сохранившееся мусульманское средневековое погребение. В 2006 г. О.С. Поповой [2007, с. 12] обследованы три бэровских бугра, на них обнаружены грунтовый могильник и местонахождение, датирующиеся периодом от раннего железного века до средневековья. В этом же году в 2006 г. Е.А. Пальцевым [2007, с. 1–18] исследованы девять бугров, на которых выявлены разновременные грунтовые могильники, поселения и местонахождения – от эпохи раннего железного века до средневековья. Обнаруженная исследователем на бугре Семибугры-I красноглиняная круговая керамика была им датирована XIII–XIV вв. и этот бугор был обозначен как поселение золотоордынского времени [Пальцев, 2007, с. 12].

Бугор Семибугры-I представляет собой возвышенность естественного происхождения, вытянутую по линии ЮВ–СЗ, расположенную в 4000 м к востоку–юго-востоку от с. Семибугры, на правом берегу реки Болда. Высота бугра – 7 м, длина – около 800 м, ширина – около 350 м. В восточной части вершины бугра выявлен могильник, разрушенный земляными работами середины XX в.

Фрагменты керамики встречаются повсеместно, как на вершине, склонах и подошве бугра, так и во все стороны на удалении от него на

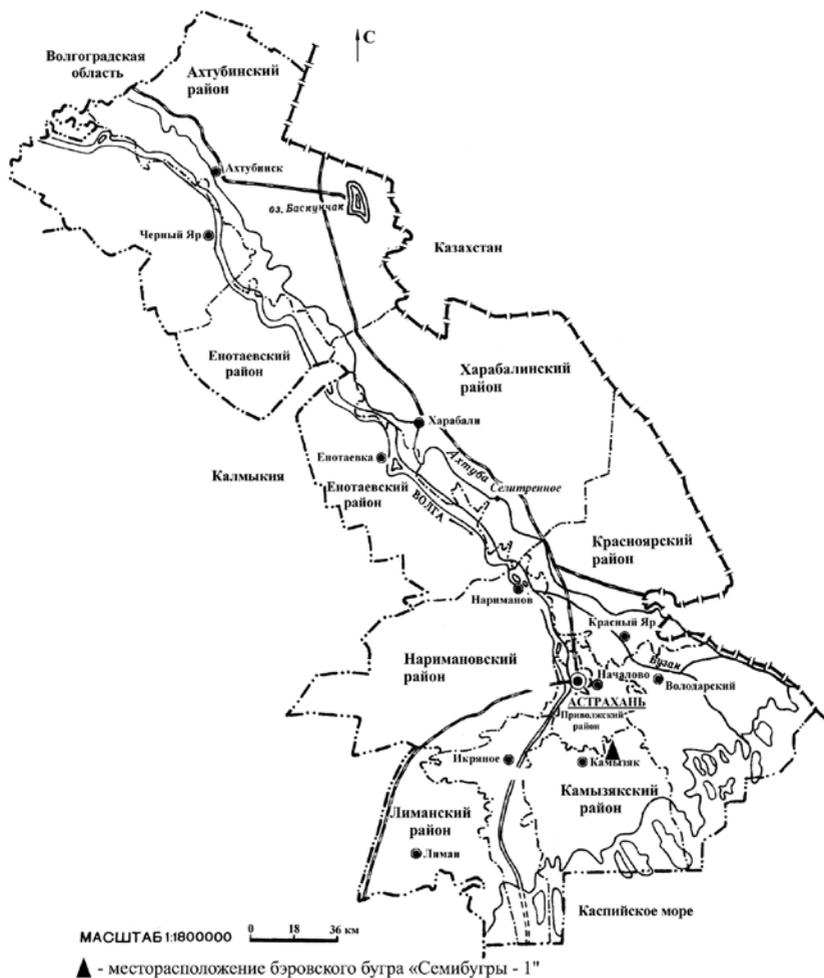

Рис. 1. Карта Астраханской области с указанием места расположения бэзовского бугра Семибугры-1

200–300 м. Общая площадь распространения подъемного материала по дневной поверхности составляет около 1 кв. км. В процессе сбора подъемного материала была получена довольно представительная коллекция керамики, незначительную часть которой составляют фрагменты красноглиняной круговой керамики золотоордынского времени. Наибольшая часть керамических материалов представлена фрагментами керамики двух типов.

1-й тип – фрагменты кухонной лепной посуды с горизонтальным линейным и линейно-волнистым орнаментом. Тесто керамики хорошо промешанное, с примесью песка, толченной ракушки и органики, обжиг равномерный, черепок в изломе серый либо черный. Венчики сосудов сильно отогнуты.

2-й тип – фрагменты столовой посуды. Представлен сероглиняной и небольшим количеством красноглиняной лепной керамики с доводкой на гончарном круге медленного вращения. Тесто керамики с примесью мелкого песка, хорошо промешанное, обжиг ровный. Черепок на изломе большинства фрагментов серого либо серо-бурого цвета. Поверхность фрагментов стенок сосудов покрыта лощением, одинарными либо двойными желобками-канелюрами, налепами валика с нанесенной на него косой насечкой палочкой либо пальцевыми вдавлениями, рядами косых наколов, зачастую расположенных между желобками-канелюрами. Венчики сосудов имеют оформленный слив. Ручки уплощенные, в местах прикреплений стык произведен через «шип». Аналогичные типы сосудов встречаются как среди посуды на городищах хазарского времени в Дагестане, так и на керамических комплексах салтово-маяцкой культуры [Плетнева, 2000, с. 121–123; Афанасьев, 2013, с. 13, 14]. Среди прочих предметов обнаружены: бронзовый оконечник ремня с орнаментом из 12 сходящихся колец, расположенных в ряд, фрагмент изделия из белого металла с растительным орнаментом в виде трилистника и расходящимися позади него влево и вправо

Рис. 2. Предметы, обнаруженные на бугре Семибугры-I:

1 – серебряный дирхем (реверс, аверс);

2 – бронзовая пряжка с обоймой

ветвями, уплощенная бронзовая пряжка с обоймой, украшенные по боковым частям фестонами (рис. 2).

Было обнаружено также пять монет: Аббасидский наместник Северной Африки, Йазид ибн Хатим, [ал-’Аббасийа], 160–170-е гг. X. Дирхем (рис. 2); Золотая Орда. Хан Джанибек, Сарай ал-Джедида, последняя цифра года обломана, 746–747 гг. X. Данг; Золотая Орда. Хан Узбек, Сарай, 726 г. X. Пул («Сокол»); Золотая Орда. Хан Узбек, Сарай, 2-я половина 710-х гг. X. Пул («Барс вправо»); Золотая Орда. Хан Джанибек, Сарай ал-Джедида, 743–750 гг. X. Пул («Двуглавый орел»).

Материалы, обнаруженные в ходе археологических разведок, произведенных в окрестностях бугра Семибугры-I, позволили уточнить границы археологического объекта и предпо-

жить, что на данном бугре располагались могильник и поселения первоначально хазарского, а впоследствии золотоордынского времени. Обнаруженные шлаки керамического производства с включениями брака столовых керамических сосудов (тип 2), фрагменты бракованной керамики и ошлакованный кирпич наводят на мысль, что на поселении в хазарское время было развито гончарное производство.

Нумизматический материал позволяет определить хронологические рамки существовавших здесь поселений с конца VIII в. и до 1-й половины XIV в., что позволяет удревнить время возникновения поселений в дельте реки Волги.

Библиографический список

Афанасьев Г.Е. Кухонная посуда салтово-маяцкой культуры – этномаркирующий признак? // Российская археология. 2013. №3. С. 13–25.

Гумилёв Л.Н. Отчет по Астраханской археологической экспедиции Государственного Эрмитажа 1962 года // Архив ИА РАН. Р-1. №2575.

Гумилёв Л.Н. Отчет по Астраханской археологической экспедиции Государственного Эрмитажа 1963 года. Пояснительная записка к историко-географической схеме «Волжская Хазария VI–XII вв.» // Архив ИА РАН. Р-1. №2784, а.

Котеньков С.А. Вклад Л.Н. Гумилёва в археологическое изучение Нижнего Поволжья. // Археология как жизнь. Памяти Евгения Павловича Мыськова. Волгоград, 2019. С. 187–195.

Пальцев Е.А. Отчет об археологических разведках в Камызякском районе в 2006 году // Фонд археологии Астраханского государственного объединенного историко-архитектурного музея-заповедника.

Пигарёв Е.М. Отчет об археологических исследованиях на бугре «Хуторской» Камызякского района Астраханской области в 2004 году // Фонд археологии Астраханского государственного объединенного историко-архитектурного музея-заповедника.

Плетнева С.А. Очерки хазарской археологии. М. : Мосты культуры, 1999. 375 с.

Попова О.С. Отчет об археологических разведках на территории Камызякского района Астраханской области в 2006 году // Фонд археологии Астраханского государственного объединенного историко-архитектурного музея-заповедника.

S.A. Kotenkov¹, D. S. Solovjov², A.A. Timofeev³

¹*Shirshov Institute of Oceanology of RAS, Astrakhan, Russia;*

²*ООО “Archaeocenter”, Astrakhan, Russia;*

³*“Astrakhan Museum-Reserve”, Astrakhan, Russia*

ARCHAEOLOGICAL RESEARCH ON THE SEMIBUGRI-I HILLOCK IN THE KAMYZYAKSKY DISTRICT OF THE ASTRAKHAN REGION IN 2019

In the field season of 2019, in the south of the Volga delta, archaeological explorations were carried out along the routes of the expeditions of L.N. Gumilyov, monitoring of previously identified archaeological sites was carried out. In the course

of work on one of the previously studied the Baer mounds, the Abassid dirham of the late 8th century was discovered along with the Jochid coins of the 1st half of the 14th centuries and parts of bronze belt sets. The revealed fragments of the kitchen dining stucco ceramics with a horizontal linear, linear-wavy ornament as well as circular tableware covered with glossing find direct analogies in the materials of the Saltovo-Maytskoj culture and in the fortifications of the Khazar time of Dagestan of the 8th – 10th centuries. The data obtained during the studies make it possible to clarify the boundaries of the archaeological site and assume that in its vicinity there was a subsoil burial ground and various settlements of the Khazar Kaganat and Golden Horde times. The found fragments of slag and defective ceramics indicate the presence of pottery production in the settlement in the Khazar time. These findings may open a new page in the history of the settlement of the Volga delta.

Key words: Volga Delta, subsoil burial ground, medieval settlement, fragments of ceramics, bronze buckle.

УДК 903(574)

И.А. Кукушкин, Е.А. Дмитриев, А.И. Кукушкин

*Сарыаркинский археологический институт
при КарГУ им. Е.А. Букетова, Караганда, Казахстан*

ФЕДОРОВСКИЕ ЗАХОРОНЕНИЯ МОГИЛЬНИКА ТАЛДИНСКИЙ-1

Работа выполнена при финансовой поддержке КН МОН РК
(проект AP05131774 «Исследование этнокультурных процессов
на территории Сарыарки и сопредельных регионов в эпоху бронзы»)

В статье рассматриваются результаты исследований трех курганов с повышенным социальным статусом могильника Талдинский-1 (Шетский район, Карагандинская область), в которых выявлены шесть захоронений в каменных ящиках. Полученный материал, представленный горшковидными плавно профилированными сосудами и серьгой с раструбом, а также погребальная обрядность характерны для памятников федоровской культуры. Неординарным явлением следует считать каменно-земляную насыпь одного из курганов. С учетом полученного материала ставится под сомнение факт фиксации на ряде погребальных комплексов Центрального Казахстана неполного сожжения. Радиоуглеродные определения, выполненные с применением ускорительной масс-спектрометрии, позволяют датировать федоровские памятники региона в рамках XVII – 1-й половины XV в. до н.э., с возможным удревнением нижней границы до 2-й половины XVIII в.

Ключевые слова: федоровская культура, эпоха бронзы, Центральный Казахстан.

DOI: 10.14258/2411-1503.2020.26.14

Начало изучению федоровских (термин был предложен позднее [Сальников, 1948]) памятников в Центральном Казахстане было положено более 80 лет назад раскопками на могильнике Дандыбай [Рыков,

1935, с. 45–51]. Однако в то время акцентированное внимание привлекли нетривиальные материалы мавзолея позднего бронзового века [Грязнов, 1952], а полная публикация результатов работ на комплексах развитой бронзы [Телятникова, 2011] затянулась на долгие годы. В настоящее время накоплен довольно представительный материал, полученный из более чем 250 захоронений, исследованных в составе порядка 40 некрополей [Дмитриев, Кукушкин, 2020, табл. 1], не считая материалов поселений.

В рамках данной статьи предлагается обратиться к предварительным результатам раскопок трех высокостатусных погребальных комплексов (сооружения №1–3) федоровской культуры в долине р. Талды, проведенных в 2019 г. экспедицией Сарыаркинского археологического института. Памятник находится в Шетском районе Карагандинской области, в 93 км юго-восточнее областного центра, в 5 км восточнее мавзолея Сенкибай-батыра, в 3,4 км северо-северо-западнее сопки Сарыоба, в 3,5 км западнее пос. Жанажурт и занимает относительно ровную площадку на левобережье указанной реки. На погребальном поле визуально зафиксировано 41 сооружение эпохи бронзы.

Сооружение №1 до раскопок представляло собой курган диаметром 15 м, высотой до 0,7 м, в полах которого визуально фиксировались края плит двух вписанных друг в друга оград. В процессе снятия насыпи обнаружены фрагменты керамики от придонной части одного сосуда (рис. 1.-5). Подкурганная площадка после расчистки состояла из внешней ограды округлой формы диаметром 10 м, сооруженной из вертикально установленных с некоторым наклоном внутрь гранитных плит, укрепленных массивными каменными подпорками, и внутренней, возведенной практически вплотную к двум захоронениям. Если возле погребения №1 использовалась строительная кладка до 3–4 рядов высотой, то у погребения №2 ограждение состояло из вертикально врытых плит, причем установленных несколько выше материкового слоя и основания северной части ограды.

Погребение №1 (северное) – каменный ящик размерами 1,9×1,23×1,02 м, ориентированный по линии З–В, в засыпке которого фиксировались разрозненные фрагменты керамики от одного сосуда (рис. 1.-1), а у дна – кальцинированные кости и нетронутая огнем нижняя челюсть человека, под которыми местами отмечен органический тлен фиолетового цвета (подстилка).

Погребение №2 (южное) – каменный ящик подтрапециевидной в плане формы, размерами 2×1,32-1,47×1 м, ориентированный по линии ЮЗ–СВ, с частично сохранившимся каменным перекрытием над северо-восточной и северной частью могилы. В процессе выборки заполнения встречались разрозненные человеческие останки двух индивидов, о чем свидетельствует наличие трех пяточных костей. Вещевой инвентарь представлен металлической серьгой с колоковидным растру-

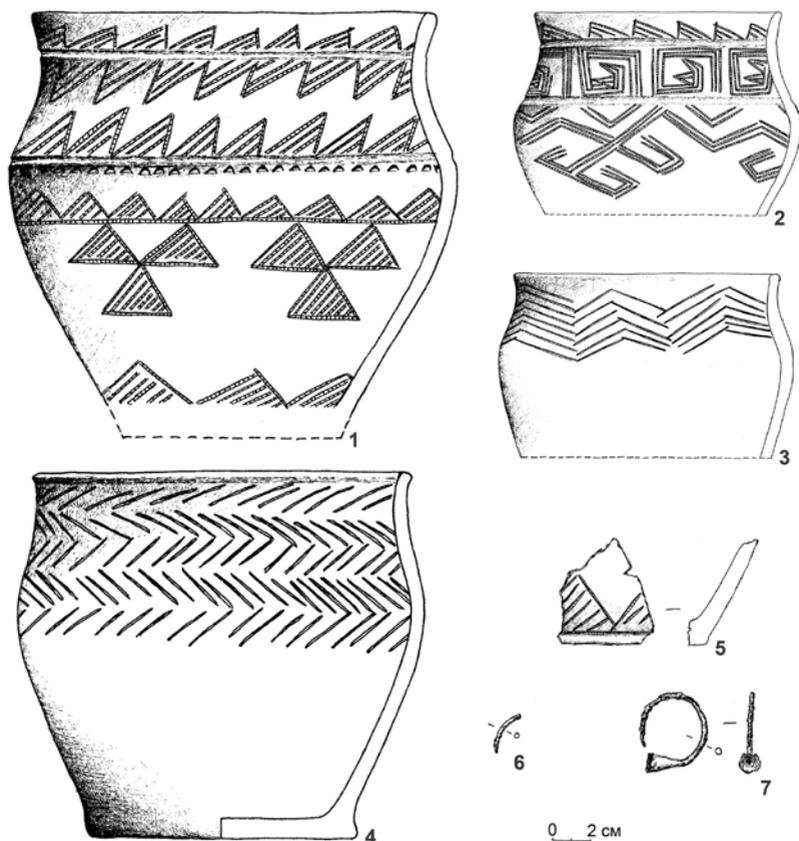

Рис. 1. Керамический комплекс и металлические изделия могильника Талдинский-1: 1–5 – керамика; 6–7 – металл

бом (рис. 1.-7), фрагментом проволоки (рис. 1.-6) (возможно, обломок второй серьги) и металлической подвески в 1,5 оборота.

Сооружение №2 до раскопок представляло собой земляной курган диаметром 14,2 м, высотой до 0,35 м, в насыпи которого отмечены края плит ограждения. После снятия насыпи на подкурганной площадке выявлена разрушенная ограда, маркированная в основном подпорочными камнями. Судя по редко сохранившимся плитам, она состояла из вертикально установленных, с некоторым наклоном внутрь, плит. Предполагаемый диаметр составлял 8–9 м. В центральной части сооружения были выявлены два каменных ящика.

Погребение №1 (северное) представляло собой полностью перекрытый гранитными плитами каменный ящик размерами

1,9×1,16×1,05 м, ориентированный по линии ЮЗ–СВ. На дне могилы расчищено нетронутое захоронение. Умерший был уложен в скорченном положении на левом боку и ориентирован головой на запад. Кости туловища частично потревожены. В изголовье, в западном углу могилы был отмечен керамический сосуд (рис. 1.-4).

Погребение №2 (южное) – каменный ящик размерами 2,2×0,97–0,93×1,1 м, ориентированный по линии ЮЗ–СВ. При выборке заполнения могилы зафиксированы разрозненные человеческие кости и боковина керамического сосуда (рис. 1.-2). Нетронутое положение сохранили кости левой руки, что позволяет говорить о том, что умерший был уложен на левом боку и ориентирован в западном направлении.

Сооружение №3 (рис. 2) до раскопок представляло собой каменно-земляной курган диаметром 14 м, высотой до 1 м, в насыпи которого выступали края плит кольцевой ограды. В северной части объекта зафиксирована современная грабительская воронка, обнажившая камни и плиты внутренней конструкции погребального комплекса. По окружности, у основания насыпи отмечено несколько крупных западин, из которых брался грунт для возведения кургана. В процессе снятия насыпи в западной половине внутриоградного пространства на глубинах 0,15–0,3 м были обнаружены неорнаментированные фрагменты керамики, по меньшей мере от трех сосудов. В центральной части сооружения под дерном выявлено добавочное захоронение более позднего времени.

Необходимо подчеркнуть одну редкую особенность кургана: насыпь состояла из сплошного слоя мелких и средних по размеру камней. Выявленный панцирь не связан с более поздним впускным захоронением, так как стратиграфическая ситуация в периферийной яме ясно показывает, что он располагается на материке и сверху перекрыт затеками черного грунта, образовавшегося по мере руинирования кургана бронзового века.

После снятия насыпи на подкурганной площадке были расчищены две вписанные друг в друга ограды, сооруженные разными строительными приемами. Так, внешняя ограда диаметром 9,5 м имела округлую в плане форму и состояла из вертикально установленных с некоторым наклоном внутрь плит высотой до 1,2 м, врытых в специально подготовленную в материковом слое канавку.

Вторая ограда размерами 6×6 м, комбинированная, была возведена из камней, уложенных строительной кладкой до четырех рядов высотой и имела близкую к квадратной в плане форму, со скругленными углами. Причем восточная часть состояла из вертикально поставленных плит. Ширина стенок ограды до 0,5 м, высота до 0,55 м. Она была возведена на глинистой подсыпке мощностью 0,1–0,2 м.

В центральной части кургана выявлены два погребения, представлявшие собой каменные ящики. С западной и северной стороны погребения №1 отмечены остатки третьей ограды, возможно, окаймлявшей

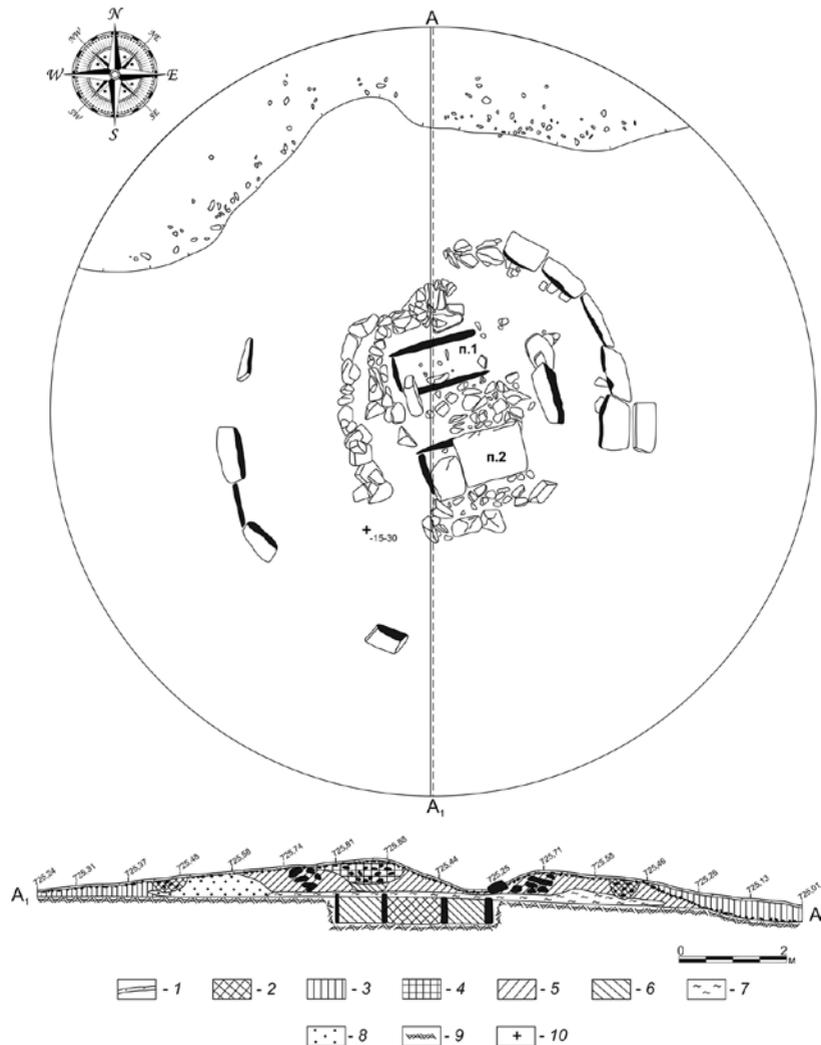

Рис. 2. План и профиль сооружения №3 могильника Талдинский-1:
 1 – дерн; 2 – коричневый слой; 3 – черный слой; 4 – темно-коричневый слой;
 5 – светло-коричневый слой; 6 – заполнение могилы; 7 – глинистый слой;
 8 – коричневый слой с примесью глины; 9 – материк; 10 – фрагменты керамики

его. Она также была возведена методом строительной кладки, имела высоту в сохранившейся части до 0,6 м. Между захоронениями обнаружена вертикально поставленная стела размерами 1,2×0,35×0,3 м.

Погребение №1 (северное) – каменный ящик из трех гранитных плит, размерами 1,85×1,3 м, глубиной 1 м, ориентированный по линии ЮЗ–СВ. При выборке заполнения могилы фиксировались разрозненные останки двух взрослых индивидов (второй представлен коленной чашечкой), а также пяточная кость крупного животного и неорнаментированный фрагмент керамики.

Погребение №2 (южное) – каменный ящик из четырех гранитных плит, размерами 1,75×1,2 м, глубиной 1 м, ориентированный по оси ЮЗ–СВ. Большая площадь погребения имела гранитное перекрытие. В захоронении расчищены разрозненные человеческие останки и фрагменты керамики от одного сосуда (рис. 1.-3).

Таким образом, исследованные сооружения представляют собой земляные курганы диаметром 14–15 м с «монументальными» внешними каменными оградами, состоящими из вертикально врытых крупных гранитных плит с некоторым уклоном внутрь. Они значительно выделяются параметрами на фоне близлежащих рядовых погребальных комплексов. Их параметры и особенности надмогильных конструкций типичны для высокостатусных федоровских погребальных комплексов. Подобные сооружения исследованы на могильниках Аксу-Аюлы-II, Ортау-II, Байбала-II [Маргулан и др., 1966, с. 164–182], Бельасар [Маргулан, 1979, с. 46–50], Атасу-I, Мыржик-I [Кадырбаев, Курманкулов, 1992, с. 105–108, 119–120], Аккойтас-V [Байтанаев и др., 2014, с. 663–665], Сухое Озеро-I [Максименков, 1978, с. 17–19], Синеглазово, Сухомосово, Федорово, Нурбаково, Туктубаево [Сальников, 1967; Дурылин, 1927, с. 56–71], Урефты-I [Стефанов, Корочкова, 2006, с. 55], Бесоба [Кукушкин, Дмитриев, 2017] и Шерубай-I [Кукушкин, Дмитриев, 2018].

Наличие каменного панциря, покрывавшего сооружение №3, – неординарное явление среди федоровских памятников. Его связь с добавочным захоронением опровергается стратиграфией окологурганной ямы, из которой брался необходимый грунт для возведения насыпи. Подобный случай известен на федоровском могильнике Аккойтас-V [Байтанаев и др., 2014, с. 663], а также некрополе Байкожа, керамический комплекс которого, к сожалению, не позволяет однозначно определить его культурную принадлежность, однако некоторые особенности погребальной архитектуры известны в позднеандроновской и бегазы-дандыбаевской среде [Дмитриев и др., 2018].

Захоронения памятника совершены в каменных ящиках, перекрытием которых служили гранитные плиты. Ориентированы преимущественно по линии ЮЗ–СВ (5 сл.) и единично – в меридиональном направлении.

Довольно интересно, что в каждом сооружении присутствовали две погребальные камеры, что, впрочем, нередкое явление для высокостатусных федоровских курганов и отмечено на могильниках Урефты-I

[Стефанов, Корочкова, 2006, с. 55], Аксу-Аюлы-II [Маргулан и др., 1966, с. 166–167], Бесоба [Кукушкин, Дмитриев, 2017]. Причем разновременность в их устройстве фиксируется либо по различным приемам возведения внутренней ограды (Бесоба, Талдинский-1), либо благодаря их впускному характеру (Бесоба). Дополнительным аргументом является различная ориентировка могил.

В сооружении №3 между западными половинами погребений выявлена стена. В федоровских комплексах вертикально установленные объекты располагаются на подкурганых площадках, у курганов и в могилах (Бугулы-1 [Маргулан и др., 1966, с. 63, 65], Аккойтас [Байтанаев и др., 2014, с. 663], Аир-Тау [Куш, 1989, с. 228], Юрман-1 [Савинов, Бобров, 1995, с. 88], Ланин Лог [Рахимов, 1968] и т.д.). Более подробно известные случаи и их семантика были рассмотрены в отдельных работах [Бобров, 1992; Сотникова, 2014].

Преобладающим обрядом в способе обращения с телом умершего на некрополе является труположение, отмеченное в пяти захоронениях. В качестве исключения единично зафиксирована кремация. Причем в погребении №1 сооружения №1 помимо кальцинированных костей обнаружена необожженная челюсть. Однако, по нашему мнению, утверждать о неполном сожжении преждевременно, так как появление нетронутой огнем кости, вероятно, объясняется разграблением обоих захоронений кургана. Данный вывод, видимо, верен и для некоторых других известных случаев (Бельасар, Канаттас) [Оразбаев, 1959, с. 65–67, 71], где также находились пары потревоженных захоронений. Бесспорные факты неполной кремации немногочисленны и известны в погребениях могильников Тартас-1 (Барабинская лесостепь) [Ковыршина, 2014, с. 188], Еловка-2 (Верхнее Приобье) [Матюшенко, 2004, с. 166] и Канаттас [Маргулан и др., 1966, с. 78].

Обнаруженная на могильнике Талдинский-1 серьга с раструбом является своего рода визитной карточкой федоровской культурной традиции, о чем свидетельствуют многочисленные подобные находки на территории Казахстана и Южной Сибири [Аванесова, 1991, с. 50–52].

Керамический комплекс памятника представлен семью сосудами, четыре из которых реконструированы. Они имеют горшковидную форму, округлое плечо и покрыты геометрическим орнаментом, выполненным зубчатым штампом или протаскиванием гладкого чекана, и отражают характерные особенности федоровской гончарной традиции [Кузьмина, 2008, с. 161–162]. Различные комбинации треугольников и меандровидные фигуры в том или ином сочетании широко известны во всем ареале распространения данной культуры (подробнее см. [Ковтун, 2016]).

В вопросе датировки исследованных сооружений представляется возможным обратиться к шести радиоуглеродным AMS-определениям, полученным для федоровских захоронений Центрального Казахстана,

частично опубликованным ранее [Бейсенов и др., 2014, с. 169; Кукушкин, Дмитриев, 2018]. Они показывают довольно хорошую синхронность и позволяют конкретизировать хронологические рамки культуры в пределах XVII – 1-й половины XV в. до н.э., с возможным удревнением нижней границы до 2-й половины XVIII в.

Библиографический список

Аванесова Н.А. Культура пастушеских племен азиатской части СССР (по материалам металлических изделий). Ташкент, 1991. 200 с.

Байтанаев Б.А., Ахатов Г.А., Казизов Е.С. Культво-погребальный комплекс Каракойтас и Аккойтас «Долины батыров» // Восхождение к вершинам археологии. Алматы, 2014. С. 659–668.

Бейсенов А.З., Варфоломеев В.В., Касеналин А.Е. Памятники бегазы-дандыбаевской культуры Центрального Казахстана. Алматы, 2014. 192 с.

Бобров В.В. К проблеме вертикально установленных объектов в погребениях эпохи бронзы Сибири и Казахстана // Северная Евразия от древности до средневековья. СПб., 1992. С. 54–57.

Грязнов М.П. Памятники карасукского этапа в Центральном Казахстане // Советская археология. 1952. Т. XVI. С. 149–182.

Дмитриев Е.А., Кукушкин А.И. Обзор истории изучения могильников федоровской культуры в Центральном Казахстане // Степная Евразия в эпоху бронзы: культуры, идеи, технологии. Т. 2. Челябинск, 2020 (в печати).

Дмитриев Е.А., Кукушкин А.И., Шохатаев О.С. Работы на могильнике Байкожа (Каркаралинский район, Карагандинская область) // Модернизация общественного сознания и казахстанские новые гуманитарные науки. Караганда, 2018. С. 165–166.

Дурылин С.Н. Челябинские курганы // Сборник материалов по изучению Челябинского округа. Кн. 1. Челябинск, 1927. С. 56–71.

Кадырбаев М.К., Курманкулов Ж.К. Культура древних скотоводов и металлургов Сары-Арки (по материалам Северной Бетпак-Далы). Алма-Ата, 1992. 247 с.

Ковтун И.В. Андроновский орнамент (морфология и мифология). Казань, 2016. 547 с.

Ковыршина Ю.Н. Изучение андроновских (федоровских) кремаций на могильнике Тартас-1 (некоторые методические аспекты) // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. Новосибирск, 2014. С. 187–190.

Кузьмина Е.Е. Классификация и периодизация памятников андроновской культурной общности. Актобе, 2008. 358 с.

Кукушкин И.А., Дмитриев Е.А. Итоги работ на могильнике бронзового века Бесоба // Археологическое наследие Центрального Казахстана: изучение и сохранение. Алматы, 2017. С. 196–210.

Кукушкин И.А., Дмитриев Е.А. Результаты исследований могильника Шерубай-1 андроновской (федоровской) культуры Центрального Казахстана // Археология, этнография и антропология Евразии. 2018. Т. 46, №4. С. 42–48.

Куц Г.А. Могильник Аир-Тау в Восточном Казахстане // Маргулановские чтения. 1989. С. 227–228.

Максименков Г.А. Андроновская культура на Енисее. Л., 1978. 191 с.

Маргулан А.Х. Бегазы-дандыбаевская культура Центрального Казахстана. Алма-Ата, 1979. 360 с.

Маргулан А.Х., Акишев К.А., Кадырбаев М.К., Оразбаев А.М. Древняя культура Центрального Казахстана. Алма-Ата, 1966. 436 с.

Матющенко В.И. Еловский археологический комплекс. Часть вторая. Еловский II могильник. Доирменские комплексы. Омск, 2004. 468 с.

Оразбаев А.М. Памятники эпохи бронзы Центрального Казахстана // Труды Института истории, археологии и этнографии АН КазССР. 1959. Т. 7. С. 59–74.

Рахимов С.А. Андроновская стоянка и могильник на р. Сыде // КСИА. 1968. Вып. 114. С. 70–75.

Рыков П.С. Работы в совхозе «Гигант» (Караганда) // Археологические работы Академии на новостройках в 1932–1933 гг. М.; Л., 1935. С. 40–68.

Савинов Д.Г., Бобров В.В. Курганы андроновской культуры могильника Юрман-1 в Западной Сибири // Археологические вести. 1995. №4. С. 83–90.

Сальников К.В. К вопросу о стадиях в памятниках андроновской культуры Зауралья // Первое Уральское археологическое совещание. Молотов, 1948. С. 21–26.

Сальников К.В. Очерки древней истории Южного Урала. М., 1967. 408 с.

Сотникова С.В. Андроновские (федоровские) погребения с кремацией и вертикально установленными объектами (по материалам юга Западной Сибири) // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. Тамбов, 2014. №10 (48): в 3 ч. Ч. III. С. 189–194.

Стефанов В.И., Корочкова О.Н. Урефты I: зауральский памятник в андроновском контексте. Екатеринбург, 2006. 160 с.

Телятникова Н.В. Архивные материалы о могильнике Дандыбай // Маргулановские чтения – 2011. Астана, 2011. С. 146–150.

I.A. Kukushkin, E.A. Dmitriev, A.I. Kukushkin

*Buketov Saryarkinsk Archaeological Institute at KarSU,
Karaganda, Kazakhstan*

FEDOROVO BURIAL GROUNDS OF THE TALDINSKY BURIAL SITE-1

The article discusses the results of studies of 3 mounds of the Taldinsky-1 burial ground (the Shetsky district of the Karaganda region). These mounds were of increased social status and contained 6 graves in stone boxes. The resulting material represented by pot-like smoothly profiled vessels and a bell earring, along with the funeral rituals are characteristic of the Fedorovo culture sites. A stone-earthen mound of one of the mounds should be considered an extraordinary phenomenon. The material obtained casts doubts on the fact of incomplete burning at a number of burial complexes of Central Kazakhstan. Radiocarbon determinations made with the use of accelerator mass spectrometry allowed dating the Fedorovo sites of the region in the framework of the 17th – the first half of the 15th centuries BC, with the possible aging of the lower border until the second half of the 18th century.

Key words: the Fedorovo culture, the Bronze Age, Central Kazakhstan.

УДК 902.2(571.150)

А.Л. Кунгуров

Алтайский государственный университет, Барнаул, Россия

АРХЕОЛОГИЧЕСКИЕ НАХОДКИ ОКОЛО С. ЧЕРЕМШАНКА ЕЛЬЦОВСКОГО РАЙОНА АЛТАЙСКОГО КРАЯ

Статья посвящена публикации археологических материалов, собранных в 50–90-х гг. XX в. на отменях, антропогенных и природных разрушениях берегов р. Чумыша в окрестностях с. Черемшанка Ельцовского района Алтайского края. Большая часть артефактов, обнаруженных местными жителями, ранее хранилась в музее с. Победа Целинного района, а после его упразднения – в музее археологии и этнографии АлтГУ. Основное количество находок относится к различным периодам палеолита. Кроме каменных орудий в коллекции присутствует уникальный шлифованный кинжал, изготовленный из ребра бизона. По мнению первооткрывателя черемшанского археологического комплекса, директора музея с. Победа П.Ф. Рыженко, часть каменных артефактов происходит из взорванной в 1960-х гг. пещеры, расположенной на северо-восточной левобережной окраине с. Черемшанка. Кроме находок каменного века из данного региона известна керамика раннего железного века и подшлифованный каменный пест. Поселения, откуда происходят данные предметы, были идентифицированы в ходе работ археологической экспедиции АлтГУ в 1990-х гг.

Ключевые слова: Археология, Верхнее Причумышье, Салаир, пещера, находка, артефакт, каменное орудие, скол, керамика, наконечник стрелы, кинжал, палеолит, ранний железный век, быстринская культура, датировка.

DOI: 10.14258/2411-1503.2020.26.15

Комплекс разновременных находок около с. Черемшанка Ельцовского района Алтайского края был впервые зафиксирован в 60-х гг. XX в. краеведом из с. Победа П.Ф. Рыженко. Данный регион расположен на восточном изгибе «локтя» долины реки Чумыш, которая здесь протекает практически на юг. Далее она упирается в отрог Кивдинского массива Салаирского кряжа, и река изменяет свой бег на противоположный, практически на север (рис. 1). В описываемом регионе распространены возвышенные дренированные (элювиальные) ландшафты, граничащие на востоке с низкогорными эрозионно-денудационными лесными. Распространены пологоувалистые пенеппенизированные низкогорья с мощным покровом дефлюкционных суглинков. В географическом районировании это Уруно-Ненинский район Салаирской провинции Кузнецко-Салаирской области страны Горы Южной Сибири [Алтайский край, с. 151].

Поводом для осмотра местности стала находка уникального палеолитического кинжала, изготовленного из ребра бизона [Кунгуров, 2005]. Петр Федорович осмотрел также две разрушенные пещеры и обнаружил еще две целых. В дальнейшем они получили наименование Черемшанские пещеры 1–3 (на северо-восточной окраине) и 4 (на южной окраине села). Разрушение пещер осуществили в 60-х гг. прошлого века местные жители с помощью взрывников из Кузбасса. Ими планировалось

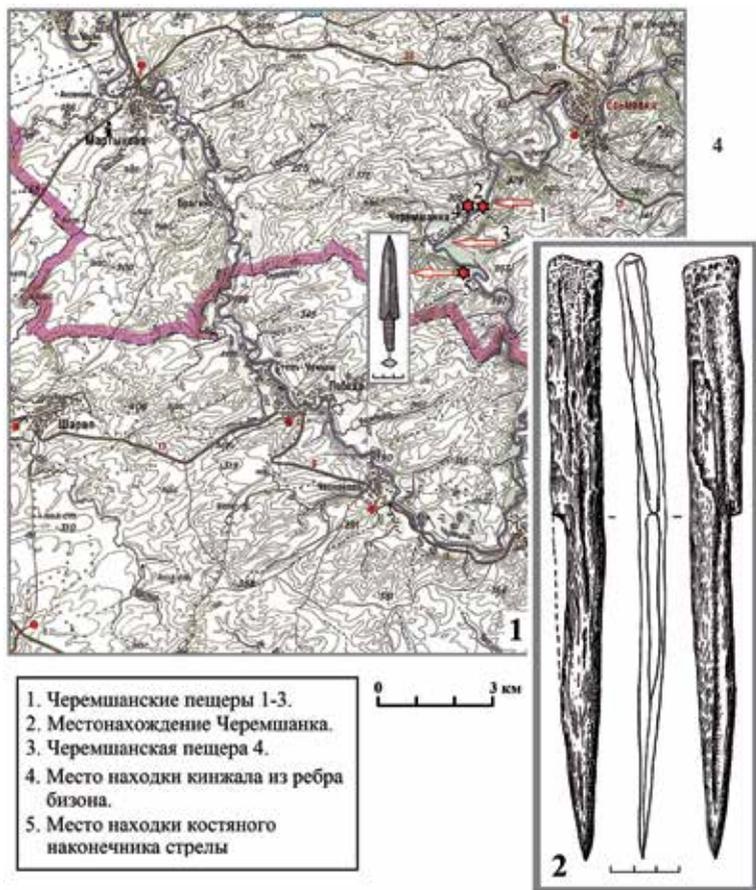

Рис. 1. 1 – расположение комплекса находок около с. Черемшанка Ельцовского района Алтайского края; 2 – кинжал из ребра бизона, найденный на северо-восточной окраине села

развертывание на базе разваленных известняковых скал производство извести. Однако рассчитали местные «предприниматели» все неверно, поэтому скальный массив, в котором находились карстовые полости, просто осел, распавшись на многотонные глыбы. Обе разрушенные пещеры расположены на левом берегу р. Чумыш, только одна на северо-восточной окраине с. Черемшанка, а другая – напротив южной окраины. На отмели Чумыша перед разрушенной пещерой 1 кроме костяного кинжала в разное время было собрано большое количество каменных орудий, преимущественно леваллуазского облика. Это место получило наименование местонахождение Черемшанка (рис. 1.-1).

Наиболее ранний комплекс каменных изделий представлен значительной коллекцией изделий (50 артефактов), демонстрирующих по технике расщепления и обработки два хронологических комплекса. Среднепалеолитический материал демонстрирует характерную технику расщепления и орудийный набор. Нуклеусы (рис. 2.-1-3), сколы с остатками фасетиро-

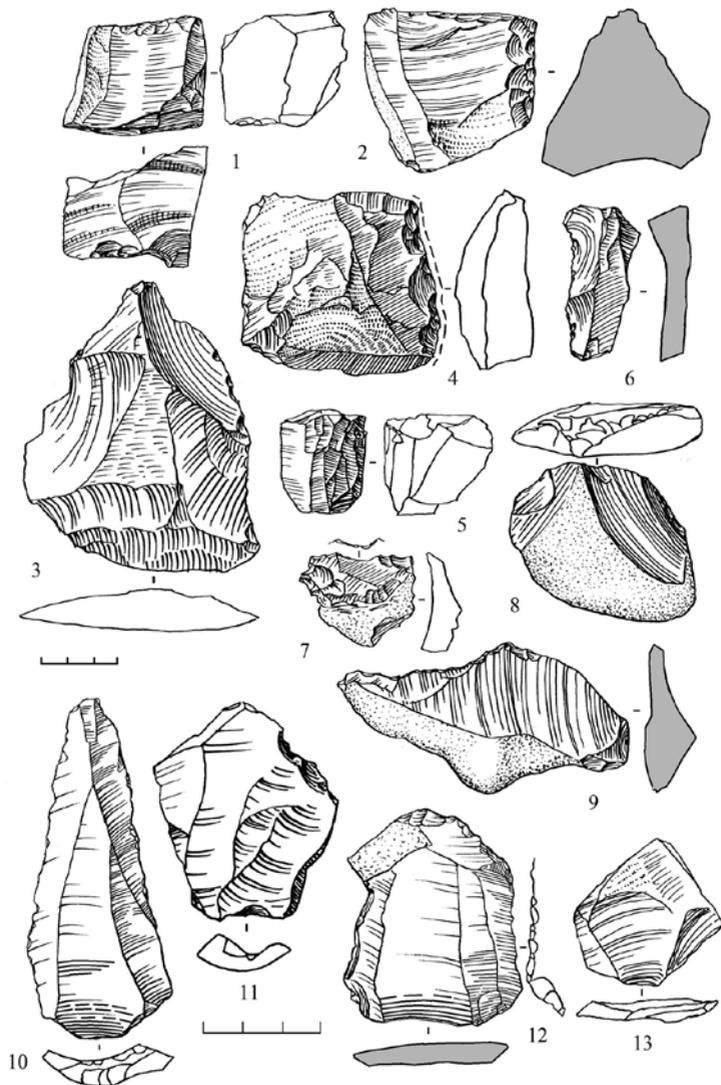

Рис. 2. Каменные изделия из местонахождения Черемшанка

ванных площадок (рис. 3), в том числе характерных треугольных форм (рис. 2.-10-13), убедительно показывают мустьерский характер индустрии. Орудийный набор местонахождения Черемшанка также имеет достаточно ранний облик и представлен архаичными дорсальными скреблами (рис. 4.-1-3), орудиями зубчатых форм с двусторонней обработкой (рис. 4.-4), бифасиальными изделиями (рис. 4.-5) и изделиями высокой формы (рис. 4.-6). Часть артефактов сложно отнести к какому-либо периоду каменного века,

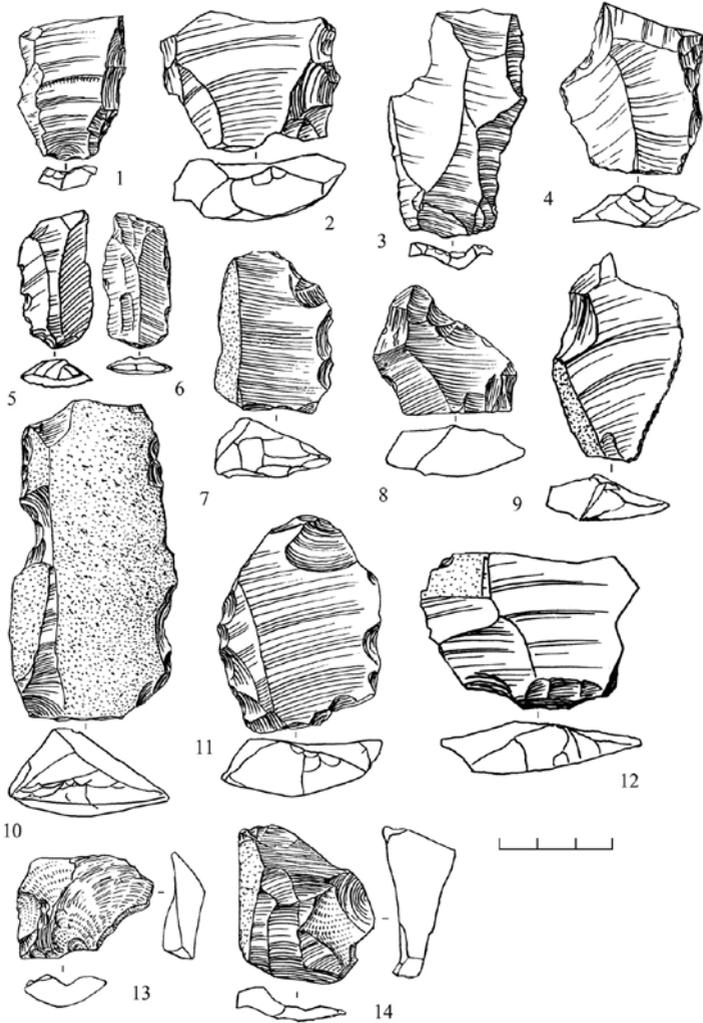

Рис. 3. Местонахождение Черемшанка. Каменные сколы

так как они не являются выразительными, – отщепы и галечные обломки с краевой ретушью или оббивкой (рис. 2.-7-9; 4.-8). Присутствует также небольшой комплекс верхнепалеолитического облика – призматический нуклеус (рис. 2.-5), реберчатый скол (рис. 2.-6), крупный резец на нуклеидном сколе (рис. 4.-7). Самой интересной находкой является верхнепалеолитический костяной кинжал – немного изогнутое в профиль изделие с оббитой сколами и подшлифованной рукоятью длиной 12–13 см. Заостренный

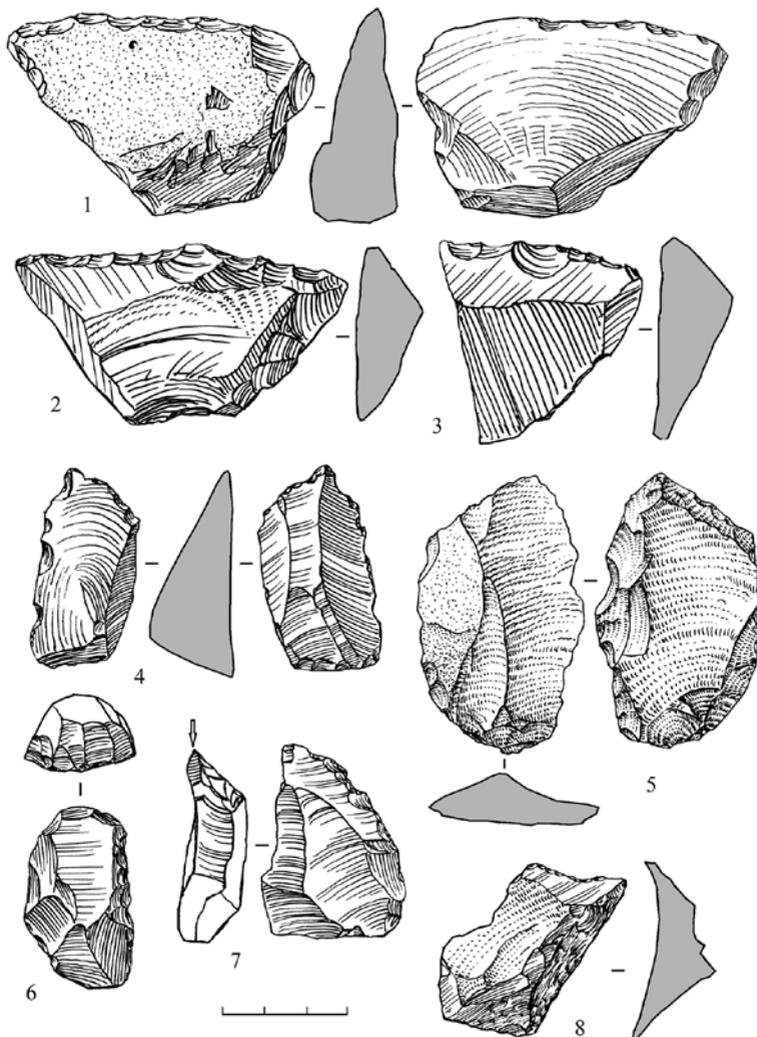

Рис. 4. Местонахождение Черемшанка. Каменные орудия

уплощенно-овальный в сечении клинок сужается к концу и предназначен для колющего удара (рис. 1.-2). Вдоль лезвия проходят два фасовых желобка – естественный и оформленный резцом. Искусственный желоб имеет неровные параметры и многочисленные царапины от срывающегося во время работы по его моделированию каменного инструмента. Сохранность изделия свидетельствует о его первоначальном «аллювиальном» захоронении (видимо, был утоплен охотником в процессе покола).

На кромках левого и правого борта долины на северо-восточной окраине Черемшанки в антропогенных разрушениях (карьеры, силосные траншеи) обнаружены обломки керамики раннего железного века, локализовать которые в поселения в тот период времени не удалось. Видимо, к этому же комплексу раннего железа относится и находка в 1970-х гг. костяного черешкового наконечника стрелы (рис. 1.-1). Памятники этого времени по берегам Чумыша в Ельцовском районе известны [Ширин, 2005].

К сожалению, стратифицированных объектов в окрестностях Черемшанки пока не зафиксировано.

Библиографический список

- Алтайский край. Атлас. Т. 1. М.; Барнаул, 1978. 222 с.
Кунгуров А.Л. Костяные изделия палеолитического времени из стоянок и местонахождений северных предгорий Алтая // Теория и практика археологических исследований. Барнаул, 2005. Вып. 1. С. 60–69.
Ширин Ю.В. Новое в археологии Ельцовского района // Сохранение и изучение культурного наследия Алтая. Барнаул, 2005. Вып. XIV. С. 206–209.

A.L. Kungurov

Altai State University, Barnaul, Russia

ARCHAEOLOGICAL FINDS NEAR THE CHEREMSHANKA VILLAGE IN THE YELTISOVSKY DISTRICT OF THE ALTAI REGION

The article is devoted to the publication of archaeological materials collected in the 50–90s of the 20th century on the shallows, anthropogenic and natural destruction of the banks of the Chumysh River in the neighborhood of the Cheremshanka village in the Yel'tsovsky District, Altai Region. Most of the artifacts discovered by local residents were previously stored in the museum of the Pobeda village in the Tselinny district, and after its abolition in the Museum of Archaeology and Ethnography of Altai State University. The main number of finds relates to different periods of the Paleolithic. In addition to stone tools, the collection has a unique polished dagger, made of buffalo ribs. According P.F. Ryzhenko who was the discoverer of the Cheremshansky archaeological complex and the director of the museum in the Pobeda village, part of the stone artifacts comes from a cave blown up in the 60s of the 20th century, located on the north-eastern left-bank outskirts of the Cheremshanka village. In addition to the finds of the Stone Age, ceramics of the Early Iron Age and a polished stone pestle are known from this region. The settlements where these objects originated from were identified during the work of the archeological expedition of Altai State University in the 90s of the 20th century.

Key words: Archaeology, Upper Prichumyshie, Salair, cave, find, artifact, stone gun, chipped, ceramics, arrowhead, dagger, paleolithic, the Early Iron Age, Bystryanskaya culture, dating.

УДК 902.2(571.150)

А.Л. Кунгуров¹, О.Ф. Кунгурова²

¹Алтайский государственный университет, Барнаул, Россия;

²Финансовый университет при правительстве Российской Федерации
(Барнаулский филиал), Барнаул, Россия

ИССЛЕДОВАНИЕ МНОГОСЛОЙНЫХ АРХЕОЛОГИЧЕСКИХ КОМПЛЕКСОВ ВЕРХНЕГО ПРИЧУМЫШЬЯ: СТЕПЬ-ЧУМЫШ (МАСЛОЗАВОД)

В работе публикуются материалы многослойного археологического памятника, расположенного на юго-восточной окраине с. Степь-Чумыш Целинного района Алтайского края. Наименование объекта связано с расположением в непосредственной близости от него сельского завода по переработке молока. Памятником занят цокольный мыс левого берега р. Чумыш. Мыс имеет существенные антропогенные и природные разрушения. На поверхности разбит каменный карьер, используемый при дорожном строительстве. В его осыпях на протяжении 70–90-х гг. XX в. местные жители находили обломки керамической посуды различных эпох, которые передавали в сельский краеведческий музей с. Победа. Оконечность мыса в различные периоды времени подвергалась разрушению рекой Чумыш (наиболее активно – в 40–60-х гг. XX в.). Артефакты из данных антропогенных разрушений рассеивались по отмелям Чумыша, а в периоды паводков оказывались на огородах жителей села. Все находки также передавались в музей с. Победа, директором которого являлся П.Ф. Рыженко. В 80–90-х гг. XX в. памятник обследован экспедицией АлтГУ. Были дополнительно зафиксированы материалы каменного века.

Ключевые слова: Верхнее Причумышье, Салаир, поселение, керамика, пест, ранний железный век, быстринская культура, датировка.

DOI: 10.14258/2411-1503.2020.26.16

Памятник, получивший наименование Степь-Чумыш (Маслозавод), расположен на восточной окраине с. Степь-Чумыш Целинного района Алтайского края. Им занят песчаниково-сланцевый цокольный мыс левого берега р. Чумыш высотой 21 м над урезом воды (210 м над у.м.). Ландшафт данного отрезка левобережья Верхнего Причумышья возвышенный дренированный (элювиальный) – холмисто-увалистая эрозионно-денудационная предгорная равнина, перекрытая толщей лессовидных суглинков и лессов. Распространены остепненные луга с травяными березовыми колками. Кромка борта долины рассечена многочисленными субпараллельными балками, занятыми травяными березовыми байрочными лесами. По физико-географическому районированию это яминский район Заобской правобережной подпровинции Верхнеобской провинции Западно-Сибирской страны [Алтайский край, с. 151].

Многослойное поселение было открыто в 1960-х гг. местным краеведом П.Ф. Рыженко. На протяжении нескольких десятилетий он проводил сборы керамики в разрушениях мыса, на котором был заложен каменный карьер для дорожного строительства. Кроме этого, мыс в 40–

50-х гг. XX в. интенсивно подмывался водами Чумыша. Поэтому часть случайных находок с отмелей и поймы западнее мыса, поступивших в музей с. Победа, которым руководил П.Ф. Рыженко, скорее всего, происходят из разрушений культурного слоя (рис. 1; 2). В 1986 г. А.Л. Кунгуров совместно с П.Ф. Рыженко осмотрел мыс, занятый памятником, и обнаружил в осыпях карьера кроме материалов эпохи бронзы и раннего железного века каменные изделия эпохи палеолита и мелкие призматические пластины неолитического облика [Кунгуров, 1986; 1997]. Таким образом, можно с достаточной долей уверенности выделить на памятнике следующие культурно-хронологические комплексы: эпоха палеолита, неолит, ранний и развитый бронзовый век, ранний железный век.

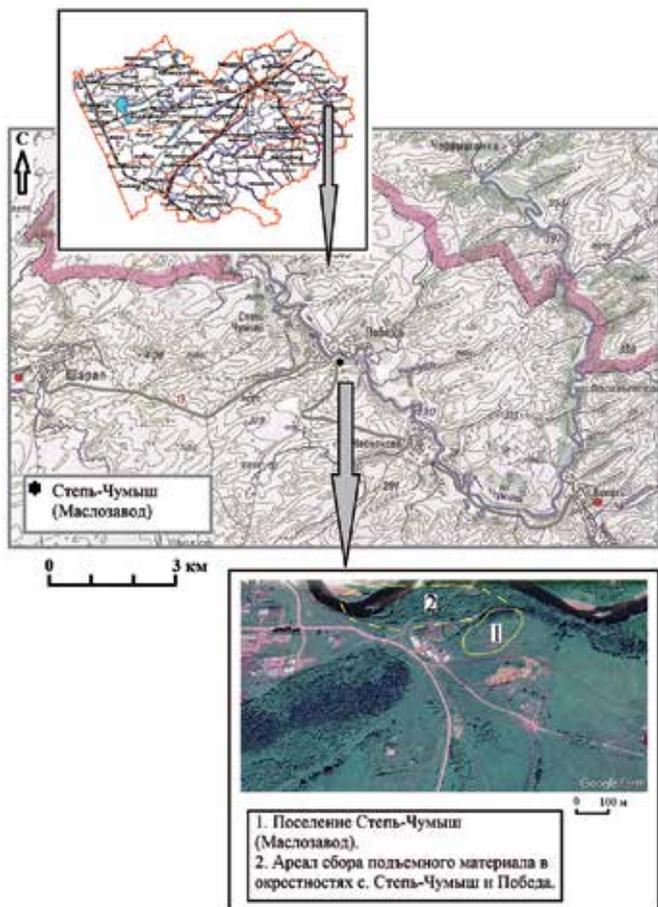

Рис. 1. Расположение многослойного памятника Степь-Чумыш (Маслозавод)

Эпоха палеолита представлена только достаточно крупными характерными сколами. Два из них обнаружены на отмели Чумыша западнее природных разрушений мыса (рис. 2.-1, 2), а два других – в осыпи карьера. Более мелкий пластинчатый отщеп подобран в осыпи (рис. 2.-4), более крупный извлечен из верхней части лессовидного суглинка, перекрывающего цоколь мыса (рис. 2.-5). Более точную датировку данным артефактам дать нельзя.

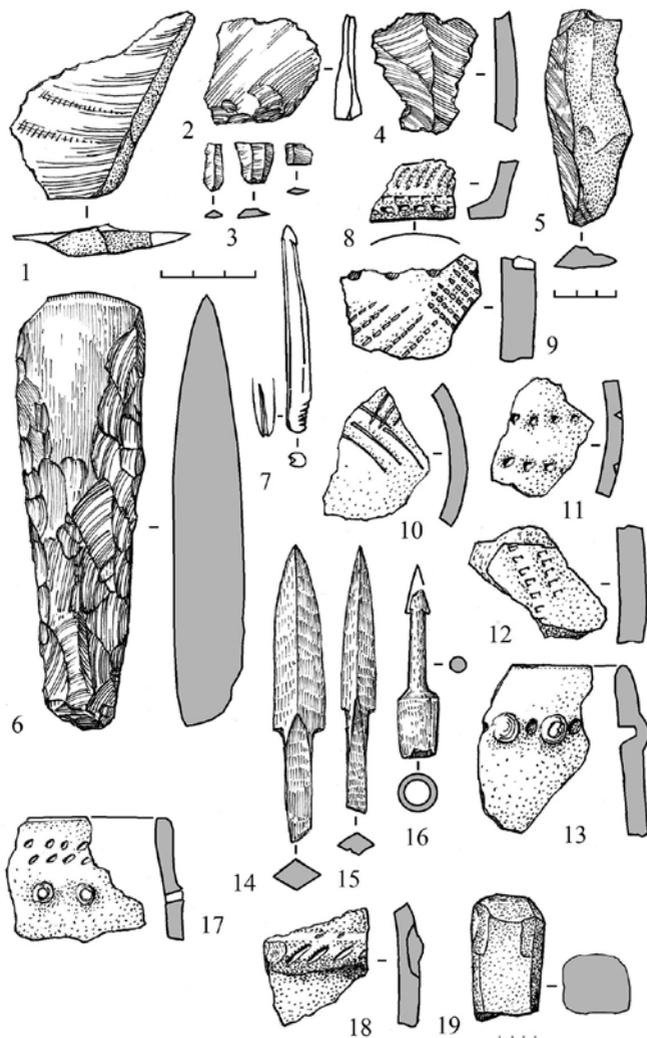

Рис. 2. Многослойное поселение Степь-Чумыш (маслозавод). Подъемный материал из разрушения на мысе (3-5, 9-13, 17-19) и восточнее памятника

Эпоха неолита иллюстрируется тремя предметами, характерными для корначакской культуры VI тыс. до н.э. [Кунгуров, Горбунов, 2001]. Из разрушений подошвы гумусового слоя извлечены мелкие призматические пластины (рис. 2.-3). На пойменных огородах, примыкавших ранее к мысу с запада, местными жителями были найдены шлифованный топор с бифасиальной обработкой (рис. 2.-6) и утяжелитель составного рыболовного крючка (рис. 2.-7).

Материалы **раннего и развитого бронзового века** представлены только сборами небольших фрагментов характерной керамики из осипей карьера. По всей видимости, к елунинской культуре можно отнести придонную часть и обломок стенки сосудов, украшенных гребенчатым орнаментом и ямками (рис. 2.-8, 9). Для андроновской культуры, поселений и могильников которой в окрестностях сел Степь-Чумыш и Победа очень много [Кунгуров, 2005], характерны фрагменты посуды, украшенные «елочкой», нанесенной гладким штампом (рис. 2.-10), рядами «семечковидных» наколов (рис. 2.-11) и наклонными оттисками гребенчатого штампа (рис. 2.-12).

Ранний железный век (быстрянская культура; 2-я половина I тыс. до н.э.) представлен наибольшим количеством находок. Прежде всего, это обломки не менее 30 сосудов, каменный пест с подшлифовкой (рис. 2.-19), две черешковых (рис. 2.-14, 15) и один втульчатый ярусный (рис. 2.-16) наконечники стрел [Кунгуров, Горбунов, 2001]. Все наконечники стрел обнаружены местными жителями на отмелях Чумыша западнее и ниже по течению реки от мыса. Сосуды представлены горшковидными и баночными формами закрытого типа. Орнаментация керамики характерна для скифского времени Верхнего Причумышья. Представлен чистый жемчужник (рис. 3.-10, 19), жемчужник с разделителем – ямки, оттиски гладкого штампа в разных сочетаниях (рис. 2.-13; 3.-1, 2, 16, 17), жемчужник с рядами оттисков различной формы выше и ниже строки орнамента (рис. 2.-17; 3.-18, 24, 25). Вторая составляющая орнаментальных мотивов специфична именно для быстрянской культуры. Это налепные валики, рассеченные наклонными и перекрещивающимися оттисками гладкого и гребенчатого штампа (рис. 2.-18; 3.-7-9, 20-22). Столь же характерными для раннего железного века региона являются сосуды, украшенные «чистыми» ямками и ямками с другими элементами декора (рис. 3.-11-15, 23, 26).

Настоящая статья вводит в научный оборот еще один многослойный разновременный памятник Верхнего Причумышья, наряду с уже опубликованными комплексами Усть-Васихи-2 и Усть-Шамони-1 [Кунгуров, Кунгурова, 2019]. Недавний осмотр местности показал, что активное антропогенное и природное разрушение объекта прекратилось, карьеры и осыпи полностью задерновались и сохранность памятника можно признать удовлетворительной. К сожалению, исследовательских работ на поселении, кроме осмотра обнажений, не проводилось, поэтому часть выводов о его характере следует считать предварительными.

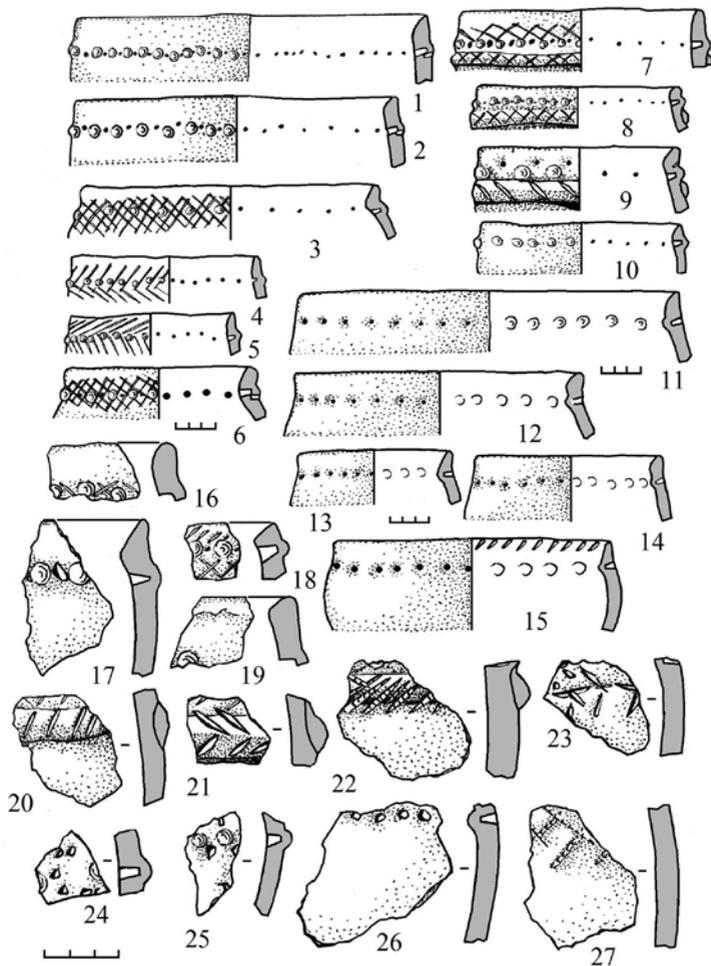

Рис. 3. Керамика раннего железного века (быстринская культура) из разрушений на многослойном поселении Степь-Чумыш (Маслозавод)

Библиографический список

- Алтайский край. Атлас. Т. 1. М.; Барнаул, 1978. 222 с.
Кунгуров А.Л. Палеолитические находки в предгорьях Алтая // Памятники древних культур Сибири и Дальнего Востока. Новосибирск, 1986. С. 66–69.
Кунгуров А.Л. Памятники железного века верхнего Причумышья // Алтайский сборник. Барнаул, 1997. Вып. XVIII. С. 221–240.
Кунгуров А.Л. Археологические памятники и находки в Целинном районе // Полевые исследования в Верхнем Приобье и на Алтае. Барнаул, 2005. Вып. 1. С. 5–41.

Кунгуров А.Л., Горбунов В.В. Случайные находки с Верхнего Чумыша (по материалам музея с. Победа) // Проблемы изучения древней и средневековой истории. Барнаул, 2001. С. 111–126.

Кунгуров А.Л., Кунгурова О.Ф. Исследование многослойных разнокультурных комплексов Верхнего Причумышья: Усть-Шамониха-I // Теория и практика археологических исследований. 2019. №1 (25). С. 7–15.

A.L. Kungurov¹, O.F. Kungurova²

¹*Altai State University, Barnaul, Russia;*

²*Financial University under the Government of the Russian Federation (Barnaul Branch), Barnaul, Russia*

**THE RESEARCH OF MULTI-LAYERED ARCHAEOLOGICAL
COMPLEXES OF THE UPPER PRICHUMYSHYE:
STEPPE-CHUMYSH (BUTTER PLANT)**

The work is devoted to publication of materials of a multilayer archaeological site located on the southeastern outskirts of the village of Steppe-Chumysh in the Tselinny district, Altai Territory. The name of the object is associated with a rural milk processing plant located nearby. The site occupies the basement cape of the left bank of the Chumysh River. The cape has significant anthropogenic and natural destruction. A stone quarry used in road construction is located on the surface. During the 70–90s of the 20th century, locals found fragments of ceramic dishes of various eras in its screens, which were transferred to the local history museum of Pobeda village. At various time periods, the tip of the cape was destroyed by the Chumysh River (most actively in the 40–60s of the 20th century). Artifacts from these anthropogenic destructions were scattered across the sandbanks of the Chumysh, and during flood periods they appeared in the gardens of villagers. All finds were also transferred to the museum in the village of Pobeda, whose director was P.F. Ryzhenko. In the 80–90s of the 20th century, the site was examined by the AltSU expedition. Stone Age materials were r as well.

Key words: Upper Prichumyshie, Salair, settlement, ceramics, beater, Early Iron Age, Bystryanskaya culture, dating.

УДК 903.226+069.02:908(571.150)

О.С. Лихачева

Барнаул, Россия

**К ВОПРОСУ О ХРОНОЛОГИЧЕСКОЙ АТРИБУЦИИ
ДВУХ БРОНЗОВЫХ КИНЖАЛОВ
ИЗ БИЙСКОГО КРАЕВЕДЧЕСКОГО МУЗЕЯ**

Хронологическая и культурная атрибуция предметов, в особенности являющихся случайными находками, является одной из важных задач археологии, поскольку определяет круг изделий, характеризующих ту или иную эпоху. Наиболее значима эта процедура для предметов из музейных экспозиций, так как они формируют у людей, не являющихся специалистами, представление о древ-

ней истории какого-либо региона. В рамках данной работы нами рассматриваются два кинжала, хранящиеся в Бийском краеведческом музее, и уточняются вопросы, связанные с их датировкой. На основе аналогий воссоздаются несохранившиеся детали изделий. Дается их подробное морфологическое описание и типологический анализ, что ранее не осуществлялось. На основании последнего период их бытования может быть определен «раннескифским» временем.

Ключевые слова: кинжал, вооружение, «раннескифское время», Лесостепной Алтай, Горный Алтай, клинковое оружие.

DOI: 10.14258/2411-1503.2020.26.17

Установление датировки тех или иных предметов является одной из основных задач археологии, поскольку время бытования конкретных типов инвентаря определяет облик изучаемой эпохи в целом и конкретной культуры в частности. Выявление хронологических позиций тем более актуально для изделий, экспонируемых в музеях, где эта информация становится доступной широкому кругу людей, не являющихся специалистами в этой области, а значит, формирует их представление о древней истории региона. В рамках данной статьи нами рассматриваются два кинжала из Бийского краеведческого музея им. В.В. Бианки. На момент нашего ознакомления с представленными там материалами они располагались в разделе «Эпоха бронзы» (под номером 11). Именно этот факт обратил на себя внимание и побудил нас обратиться к их подробному анализу. Ранее данные кинжалы уже публиковались [Членова, 1976, с. 38–39, табл. 6.-1, 4; Кирюшин, Кунгуров, Казаков, 1992, с. 12, рис. 10.-3; Папин, Федорук, 2009, рис. 18.-6]. Несмотря на это, некоторые моменты, связанные с особенностями их строения, остались открытыми как из-за достаточно беглого описания, так и из-за низкого качества приводимых прорисовок, поэтому сначала остановимся на их морфологическом анализе.

Оба изделия изготовлены из цветного металла (бронза). Первый кинжал происходит из с. Катанда (кол. 812/10). Изделие покрыто темной патиной. Клинок кинжала обломлен, но, судя по тому, что лезвия начинают плавно сходиться сразу у его основания, он имел треугольный абрис. По центру боевой части проходит ярко выраженная нервюра, представляющая собой тонкий выпуклый валик.

Абрис черена у рассматриваемого экземпляра близок к вытянутой трапеции. В поперечном сечении он имеет овальную форму. Черен декорирован тонким выпуклым валиком, который спиралевидно «закручивается» вокруг этой детали, образуя от верха до основания 11 завитков. Основание черена значительно расширяется в нижней части и имеет дуговидный изгиб в месте соединения с клинком. С учетом разной толщины этих деталей такая конструкция хорошо маркирует место их сочленения, имитируя составное изделие («ложносоставной» по терминологии Н.Л. Членовой). По краям образуемая череном «арка» выступает за пределы клинка, формируя небольшие лопасти протоперекрестия.

Своеобразна и форма навершия у рассматриваемого кинжала. В целом по своему принципу оно может быть отнесено к так называемым «грибовидным». Но если у большинства изделий общая форма навершия близка к полусфере, то в данном случае «шляпка» уплощенная. У рассматриваемого экземпляра имеется одна дополнительная функциональная деталь – петля между навершием и череном, предназначенная, скорее всего, для крепления темляка (рис. 1).

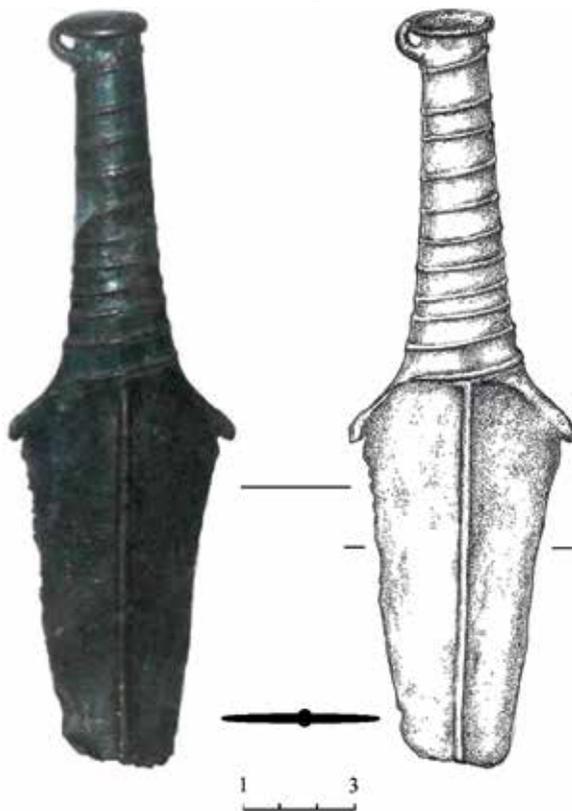

Рис. 1. Бронзовый кинжал из с. Катанда

Второе изделие (б/н) является случайной находкой из района г. Бийска Мочище. Он покрыт зеленой патиной, в одном месте она сбита из-за современного повреждения. Поверхность изделия во многих местах неровная, что связано с особенностями отливки. Кинжал имеет клинок треугольного абриса. Характерной особенностью боевой части этого экземпляра является широкая нервюра по центру, которая выглядит как продолжение черена и сужается параллельно лезвиям, завершаясь плав-

ным закруглением, немного не доходя до острия клинка. Поверхность ее слегка покатая, в сечении близкая к двояковыпуклой линзе. Переход от нервюры к участку с лезвиями плавный. Общая форма сечения клинка представляет собой овал с отходящими от него с двух сторон узкими треугольниками.

Общий абрис черена у рассматриваемого экземпляра близок к вытянутому прямоугольнику, но имеется незначительное расширение в нижней части. Поперечное сечение также представляет собой вытянутый прямоугольник. Никаких дополнительных функциональных или декоративных элементов у кинжала нет (рис. 2).

Более сложно определяются такие признаки, как форма перехода черена в клинок и форма навершия. Первое, судя по сохранившимся частям, еще не оформилось окончательно и может трактоваться как протоперекрестие. На это указывает отсутствие таких частей этой детали, как спинка и основание в месте перехода черена в клинок. В то же время с одной стороны читаются остатки частично обломленной лопасти. С другой стороны этот элемент полностью утрачен.

От навершия сохранилась лишь часть основания, которое представляет собой более узкую и тонкую пластину в верхней части черена. По центру эта пластина имеет небольшой прогиб. По всей вероятности, видимо, из-за этого в ранних публикациях форма навершия реконструировалась как кольцевидная. На наш взгляд, это маловероятно. У всех хорошо сохранившихся кинжалов, проис-

Рис. 2. Бронзовый кинжал с Мочища (г. Бийск)

ходящих с территории Лесостепного и Горного Алтая, не встречается такая комбинация признаков, как протоперекрестие и кольцевидное навершие. При подобном оформлении перехода черена в клинок чаще встречается навершие зооморфной или полусферической формы [Членова, 1976, табл. 6.-7, 9–12]. На наш взгляд, сохранившаяся деталь выполняла роль переходника-соединителя между череном и полусферическим навершием.

Перейдем к датировке рассматриваемых изделий. Бронза начинает использоваться для изготовления короткоклинкового оружия на Ближнем Востоке, а также в Восточной Европе и Южной Сибири еще с III тыс. до н.э. [Степанова, 1993, с. 97; Горелик, 2003, табл. III.-5–8; XII.-8; Клочко, 2006, рис. 10.-6–1]. Но если в первых двух регионах она используется до нач. I тыс. до н.э., то в Южной Сибири кинжалы из бронзы используются вплоть до III в. до н.э. [Тереножкин, 1961, рис. 90; Горелик, 2003, табл. VI.-77]. В Горном Алтае первые бронзовые кинжалы фиксируются в материалах афанасьевской культуры IV – 1-й половинной III тыс. до н.э. [Степанова, 1993, с. 95, рис. 1.-2; Кирюшин, Грушин, Папин, Тюрина, Федорук, 2009, с. 118; Тюрина, Грушин, 2009, табл. I.-28–29]. В свою очередь, на территории Лесостепного Алтая их появление связано с носителями елунинской культуры и относится к концу III тыс. до н.э. – 1-й трети II тыс. до н.э. [Кирюшин, Малолетко, Тишкин, 2005, с. 141, рис. 69.-2–3].

Треугольный абрис клинка среди бронзовых изделий встречается наиболее часто и фиксируется уже у первых ближневосточных кинжалов IV–III тыс. до н.э. [Горелик, 2003, с. 15, табл. III.-5–8; XII.-8]. Он характерен для изделий из Восточной Европы и Средней Азии с момента появления и на протяжении всего времени их бытования [Кузьмина, 1966, табл. VII.-3–5; VIII.-1–5; Клочко, 2006, рис. 10.-6–10]. В рассматриваемом регионе первые экземпляры с подтреугольным клинком встречены на поселениях XII–VIII вв. до н.э. Рублево-VI [Шамшин, Папин, Мерц, 2000, с. 9, рис. 3.-1, 4].

Такая деталь, как протоперекрестие, является, на наш взгляд, одним из важных хронологических маркеров для клинкового оружия и определяет границу между комплексом вооружения культур эпохи бронзы и оружием ранних кочевников. Данная деталь встречается у клинкового оружия рубежа II–I тыс. до н.э. из Китая, Монголии и Казахстана, а также у изделий, происходящих с Урала и из Восточной Европы и датироваемых VIII–VII вв. до н.э. [Членова, 1976, табл. 8.-1–2, 4–6; 9.-1–4; Варенов, 1997, рис. 1.-5–6; 2.-2.-18–21; Худяков, Эрдэнэ-Очир, 2011, рис. 22.-1, 3]. Слабо выраженное протоперекрестие с узкими лопастями, как у образца из с. Катанда, которое в литературе нередко называют «шипастным», представлено у серии кинжалов из Монголии. Это изделия из Улангомского могильника, а также две случайных находки, датироваемые X–VIII вв. до н.э. и VIII–VI вв. до н.э. [Новгородова, 1989,

с. 261, рис. 1–2; Худяков, Эрдэне-Очир, 2011, рис. 37.-2; Эрдэнэчулуун, Эрдэнэбаатар, 2011, с. 304–305, с. 313, 339]. Более развитое протоперекрестие с выраженными лопастями подпрямоугольного абриса, как у образца с Мочища, встречается у изделия из Забайкалья, датированного VI в. до н.э. [Горелик, 2003, табл. VIII.-54].

Полусферическое, или, как его порой называют, «грибовидное» навершие наиболее рано фиксируется у кинжалов XVI–XV вв. до н.э. с Ближнего Востока [Горелик, 2003, табл. IV.-35]. Впоследствии такая форма широко встречается у изделий XII–VI вв. до н.э. из Минусинской котловины, Восточного Казахстана и Южного Зауралья [Членова, 1976, табл. 1.-3а–6, 21–22; 2.-10–13; Таиров, 2007, рис. 46.-3, 12–13]. Встречается она у биметаллических экземпляров киммерийского типа VIII–VII вв. до н.э. [Горелик, 2003, табл. VIII.-3–8, 9–13]. Для Лесостепного и Горного Алтая такая форма навершия наравне с протоперекрестием является важным показателем формирования новых военных традиций. У кинжала из с. Катанда навершие имеет нестандартную, уплощенную форму, которая находит аналогии среди изделий VIII–VI вв. до н.э. из Монголии и «раннесакских» образцов VII–VI вв. до н.э. [Таиров, 2007, рис. 48.-9–10; Эрдэнэчулуун, Эрдэнэбаатар, 2011, с. 313]. Стоит отметить, что кинжалы с сочетанием вышеуказанных признаков (протоперекрестие и полусферическое навершие) хорошо известны по изображениям на так называемых «оленных» камнях [Новгородова, 1989, с. 186, рис. 15–16, 20–23, 30–32; Худяков, Эрдэне-Очир, 2011, рис. 18.-15–16].

Кинжал из с. Катанда имеет еще три дополнительных признака, на которых стоит остановиться отдельно. Небольшая петля, вероятно, для крепления темляка, расположенная под навершием, есть у кинжала XIII–XI вв. до н.э., а также у ножей IX–VII вв. до н.э. и V–III вв. до н.э. из Монголии [Эрдэнэчулуун, Эрдэнэбаатар, 2011, с. 304–305, 309, 312]. Изображение кинжала с такой деталью есть и на одном из «оленных» камней [Худяков, Эрдэне-Очир, 2011, рис. 18.-17]. Особый интерес представляет узор в виде имитации обмотки на черене рассматриваемого изделия. Эта деталь в сочетании с оформлением четкого перехода в месте сочленения клинка и черена, а также тонкой нервюрой по центру клинка встречается у изделия из Второго Каракольского клада, датированного началом I тыс. до н.э. [Винник, Кузьмина, 1981, с. 49, рис. 1]. По всей вероятности, кинжал из с. Катанда сочетает в себе черты, продолжающие традиции позднего бронзового века, что выражается в его декоре, и новые тенденции в развитии комплекса вооружения, связанные уже с «раннескифскими» образцами, о чем свидетельствует наличие у него протоперекрестия, а также форма навершия. Что касается тонкой валикообразной нервюры на клинке, то данный признак появляется у бронзовых образцов очень рано и встречается на протяжении всего времени их бытования [Горелик, 2003, табл. III.-3; XII.-16–17, 25, 42]. Видимо, из-за того, что данный тип является «переходным», он не

находит полностью идентичных аналогий. Общая его датировка, исходя из аналогий признакам, может определяться, на наш взгляд, VIII в. до н.э. Стоит отметить, что в Бийском краеведческом музее хранится еще один кинжал, происходящий из с. Катанда, со слабо оформленным протоперекрестием и полусферическим навершием, датировку которого исследователи также определяют «раннескифским» временем [Тишкин, Папин, 1998, с. 180, рис. 2].

Особенностью изделия, найденного в г. Бийске, является широкая нервюра по центру клинка. Ранее всего такой признак фиксируется у изделий кобанской культуры XIII–XII вв. до н.э. [Козенкова, 1995, с. 50–51, табл. IX.-1–4]. Широкое распространение он получает уже в более позднее время. Так, подобная форма клинка известна у кинжалов VII–VI вв. до н.э. являющихся случайными находками и относящимися к «раннесакскому» кругу изделий [Таиров, 2007, рис. 46.-10; 48.-10]. На рассматриваемой территории другие образцы с таким признаком исследователи датируют 2-й половиной VIII – VII в. до н.э. для Лесостепного и 1-й третьей I тыс. до н.э. для Горного Алтая [Иванов, 2005, с. 76, рис. 1; Соенов, Эбель, 1995, с. 57]. Типологическая датировка данного изделия может определяться VII в. до н.э.

Таким образом, оба изделия по времени своего бытования, безусловно, относятся к «раннескифскому» времени. И несмотря на то, что один кинжал еще сохраняет некоторые признаки, восходящие к традициям бронзового века, в целом они представляют собой совершенно новые тенденции, связанные с распространением комплекса вооружения ранних кочевников. Следовательно, демонстрация их в рамках эпохи бронзы является, на наш взгляд, некорректной.

Библиографический список

Варенов А.В. «Карасукские» ножи и кинжалы из восточного Туркестана: находки, аналогии, контакты, проблемы // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. Новосибирск, 1997. Т. III. С. 170–175.

Винник Д.Ф., Кузьмина Е.Е. Второй каракольский клад Киргизии // КСИА. М., 1981. Вып. 167. С. 48–51.

Горелик М.В. Оружие древнего Востока (IV тысячелетие – IV в. до н.э.). СПб., 2003. 336 с.

Иванов Г.Е. Два бронзовых кинжала раннескифского времени из Степного Алтая // Западная и Южная Сибирь в древности. Барнаул, 2005. С. 72–76.

Кирюшин Ю.Ф., Кунгуров А.Л., Казаков А.А. Город Бийск. Памятники археологии // Бийск, Бийский район. Памятники истории и культуры. Бийск, 1992. С. 7–47.

Кирюшин Ю.Ф., Малолетко А.М., Тишкин А.А. Березовая Лука – поселение эпохи бронзы в Алейской степи. Барнаул, 2005. Т. 1. 288 с.

Козенкова В.И. Оружие, воинское и конское снаряжение племен кобанской культуры (систематизация и хронология) западный вариант // САИ. В2–5. Вып. 4. М., 1995. 166 с.

Кузьмина Е.Е. Металлические изделия энеолита и бронзового века в Средней Азии // САИ. М., 1966. Вып. В4-9. 150 с.

Новгородова Э.А. Древняя Монголия. (Некоторые проблемы хронологии и этнокультурной истории). М., 1989. 384 с.

Папин Д.В., Федорук А.С. Поздний период бронзового века и переходное время от бронзового к раннему железному веку // Алтай в системе металлургических провинций энеолита и бронзового века. Барнаул, 2009. С. 75–121.

Соенов В.И., Эбель А.В. Случайные находки бронзовых изделий // Известия лаборатории археологии. Горно-Алтайск, 1995. №1. С. 54–59.

Степанова Н.Ф. Исследования у с. Элекманар // Охрана и изучение культурного наследия Алтайского края. Барнаул, 1993. Ч. 1. С. 94–97.

Таиров А.Д. Кочевники Урало-Казахстанских степей в VII–VI вв. до н.э. Челябинск, 2007. 274 с.

Тереножкин А.И. Предскифский период на днепровском правобережье. Киев, 1961. 248 с.

Тюрина Е.А., Грушин С.П. Эпоха энеолита (афанасьевский маталлокомплекс) // Алтай в системе металлургических провинций энеолита и бронзового века. Барнаул, 2009. С. 7–23.

Худяков Ю.С., Эрдэнэ-Очир Н. Военное дело древних кочевников Монголии (II тысячелетие – III век до н.э.). СПб., 2011. 172 с.

Членова Н.Л. Карасукские кинжалы. М., 1976. 204 с.

Шамшин А.Б., Папин Д.В., Мерц В.К. Исследование поселений эпохи поздней бронзы в Южной Кулунде // Востокведные исследования на Алтае. Барнаул, 2000. Вып. II. С. 5–20.

Клочко В.І. озброєння та війська справа давнього населення України (5000–900 рр. до Р.Х.). К., 1996. 337 с. (на укр. яз.).

Эрдэнэчулуун П., Эрдэнэбаатар Д. Небесный меч: Культура бронзовых изделий от бронзового века до империи Хунну. Улан-Батор, 2011. 496 с. (на монг. яз.).

O.S. Likhacheva

Barnaul, Russia

ON THE ISSUE OF CHRONOLOGICAL ATTRIBUTION OF TWO BRONZE DAGGERS FROM THE BIYA MUSEUM OF LOCAL LORE

Chronological and cultural attribution of items is an important task of archaeology. It helps determine the range of products for each specific era. This procedure is most important for items from museum expositions, as they form an idea of the ancient history of the region for people who are not specialists. In the article we consider two daggers stored in the Biysk Museum of Local Lore. We clarify the issues of their dating and cultural identity. In addition, on the basis of analogies, details of these products that have not come down to us are replicated. Their detailed morphological description and typological analysis are given. Based on the latter, the period of their existence can be determined by the “early Scythian” time.

Key words: dagger, weapons, “early Scythian time”, forest- Steppe Altai, Mountain Altai, bladed weapons.

УДК 902/904(571.1/.5)

Е.А. Миклашевич¹, Л.Л. Бове²

¹Музей-заповедник «Томская Писаница», Кемерово;

²Институт археологии РАН, Москва, Россия

НОВЫЕ МАТЕРИАЛЫ ПО ДРЕВНЕЙШИМ НАСКАЛЬНЫМ ИЗОБРАЖЕНИЯМ КУРМАН-ТАУ (юго-восточный Алтай)

В статье представлены история открытий древнейших наскальных изображений на памятнике Курман-Тау в Кош-Агачском районе Республики Алтай и результаты недавних исследований авторов. Современные методики документирования наскального искусства позволили уточнить некоторые детали ранее опубликованных изображений и выявить новые. Теперь на памятнике насчитывается девять плоскостей с древнейшими рисунками, которые выполнены в техниках выбивки, росписи краской и гравировки и включают образы дикого быка, дикой лошади, оленя, горного козла. По стилю эти изображения сопоставимы с древнейшими петроглифами других памятников Алтая, а также Минусинской котловины и Монголии; датировка этого пласта пока точно не установлена, но наиболее вероятен их неолитический возраст. Статья сопровождается иллюстрациями, демонстрирующими новые материалы и примененные методы документирования.

Ключевые слова: наскальное искусство, документирование, древнейший пласт, Алтай.

DOI: 10.14258/2411-1503.2020.26.18

Гора Курман (Курман-Тау) расположена в Чуйской степи в юго-восточной части Горного Алтая, в 15 км к югу от районного центра Кош-Агач и в 4 км к востоку от горы Жалгыз-Тобе, где находится один из самых известных памятников наскального искусства Алтая. На скальных выходах Курман-Тау также имеется немало петроглифов, хотя и не в такой концентрации, как на Жалгыз-Тобе. Гора вытянута на 1,2 км с юго-запада на северо-восток, петроглифы находятся на разных участках в отрогах ее северной части, а те плоскости, о которых говорится в статье, локализируются на самой северной оконечности, на небольшом возвышении (рис. 1.-1).

О том, что на горе Курман есть наскальные рисунки, исследователям было известно давно, но памятник не считался ярким, полного его документирования никто не проводил. В 1992 г. В.Н. Елин [1993] обследовал местонахождение, произвел выборочное копирование и отнес петроглифы Курман-Тау к эпохе бронзы, раннескифскому, скифскому, древнетюркскому и новому времени. Опубликованные им рисовки нескольких выбитых и гравированных сцен невыразительны и внимания к памятнику не привлекли. Ситуация изменилась, когда В.Д. Кубарев [2000] обнаружил две плоскости с крупными контурными изображениями быков, оленей и «лосеподобных» фигур (рис. 1.-2,

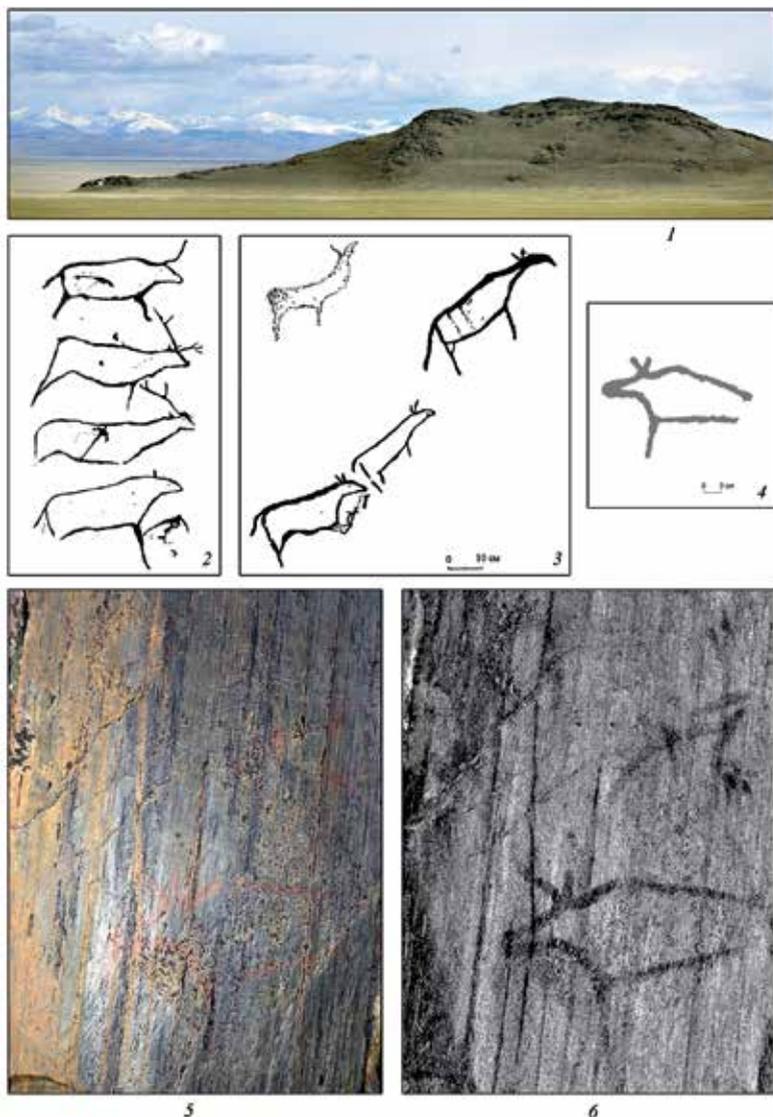

Рис. 1. 1 – Курман-Тау, общий вид, съемка с северо-запада, обозначено местонахождение древнейших рисунков; 2, 3 – плоскости, обнаруженные В.Д. Кубаревым (по: [Кубарев, 2000]); 4 – выполненное краской изображение, обнаруженное Г.В. Кубаревым (по: [Кубарев, 2003]); 5 – фотография того же изображения (2017 г.) с усилением насыщенности красного цвета; 6 – пигментная карта, полученная по этой фотографии по методу А.С. Солодейникова

3), выполненных в характерном стиле, известном по многим другим памятникам Южной Сибири, что позволило ему высказать предположение, что эти «рисунки, возможно, самые древние в петроглифах Чуйской степи», и датировать их в пределах эпохи энеолита – ранней бронзы. В ряде последующих работ В.Д. Кубарев [2004; 2007 и др.] неоднократно рассматривал эти изображения из Курман-Тау в кругу аналогичных петроглифов других памятников Российского и Монгольского Алтая. Придерживаясь мнения, что древнейшие наскальные рисунки Алтая относятся к эпохе неолита (крупные контурные фигуры оленей Куюзского грота и Калбак-Таша), но большинство все же – к энеолиту или ранней бронзе, исследователь сомневался, куда отнести изображения Курман-Тау. По стилю они явно вписывались в неолитический, с его точки зрения, пласт, однако смущало присутствие образа быка, который ему представлялся характерным для энеолита – бронзы; в итоге была обозначена такая датировка: конец IV – начало III тыс. до н.э. [Кубарев, 2004, с. 236].

Еще раз внимание к памятнику было привлечено, когда на одной из плоскостей Курман-Тау, зафиксированных В.Д. Кубаревым (рис. 1.-2), Г.В. Кубарев [2003, с. 386, 387, рис. 4] рядом с выбитыми рисунками обнаружил изображения, выполненные краской (рис. 1.-3). Это было очень значимое открытие, так как на Алтае до того не были известны рисованные наскальные изображения, за исключением Турочакской писаницы на р. Бия и рисунков на каракольских плитах из погребений. Исследователь установил, что здесь изображен лось без рогов или «лосеподобная фигура», которая наибольшее сходство обнаруживает с подобными же фигурами Ярминского порога и Шишкинской писаницы в Восточной Сибири; предположил хронологическую и культурную близость крашеного изображения с выбитыми на этой же плоскости; отнес его к эпохе энеолита – ранней бронзы, не исключив возможности и более ранней датировки; отметил, что на плоскости различимы следы других крашенных изображений [Кубарев, 2003, с. 386, 387].

Наше знакомство с наскальными рисунками Курман-Тау произошло в 2017 г., когда мы по инициативе А.А. Тишкина изготавливали для Алтайского государственного университета факсимильные копии петроглифов Алтая, в том числе выбрали для воспроизведения обнаруженную В.Д. Кубаревым плоскость с изображениями оленей и быков на горе Курман [Миклашевич, 2017, цв. рис. 2]. Кроме того, этот памятник представлял для нас большой интерес с точки зрения исследования древнейшего пласта в наскальном искусстве Южной Сибири. Параллельно с факсимильным копированием было осуществлено обследование Курман-Тау и фотодокументирование нескольких десятков выявленных плоскостей с изображениями. В данной статье мы не рассматриваем петроглифы, относящиеся к эпохе бронзы, скифского времени, средневековья и алтайские рисунки, хотя многие из них пред-

ставляют значительный интерес, а обратимся лишь к тем материалам, которые дали новую информацию для характеристики древнейших изображений памятника.

В первую очередь мы нашли обе плоскости, опубликованные В.Д. Кубаревым, и провели их документирование методом панорамной фотосъемки и последующего фотомонтажа из кадров высокой детализации. На той плоскости, где изображены четыре крупные фигуры быков и оленей (она наклонно-горизонтальная, находится на вершине небольшого возвышения в северной части горы, ориентирована на запад), уточнены контуры изображений, выявлены гравированные линии эскизов и самостоятельных рисунков. На соседних плоскостях имеются фрагменты и других изображений этого же стиля. Плоскость с «лосеподобными» фигурами располагается у подножия той же возвышенности, она вертикальная, ориентирована на север и, как отмечали В.Д. и Г.В. Кубаревы, не освещается солнцем. Для ее фотодокументирования мы использовали искусственное боковое освещение. Здесь также были выявлены фрагменты и эскизы некоторых незаконченных результатов обработки фотографий изображений, выполненных краской. Тот участок плоскости, где прослеживаются остатки красноватой краски, имеет отрицательный угол наклона в 30°, что, по видимому, и способствовало сохранению части рисованных изображений, несмотря на отсутствие естественного карниза над ними. Изображение, которое обнаружил Г.В. Кубарев, едва заметно на пестрой поверхности скалы, однако хорошо проявляется при обработке фотографий в программе Photoshop методом усиления насыщенности красного цвета и повышения контраста (рис. 1.-5). Еще более отчетливыми линии краски становятся при обработке фотографий по разработанному А.К. Солодейниковым методу пигментных карт [Solodeynikov, 2005]. Пигментная карта (рис. 1.-6) показала, что здесь изображен вовсе не безрогий лось (или лосиха) с двумя ушами, а бык с характерно изогнутым вперед небольшим рогом и одним ухом – образ, хорошо знакомый по многим другим памятникам с изображениями древнейшего пласта. На пигментной карте также видны более отчетливо, чем на скале, фрагменты других изображений, но что именно нарисовано, все же не ясно. Нарисованный краской бык пересекается с другим зооморфным изображением, выполненным редкой выбивкой. Установить последовательность перекрывания нам пока не удалось, возможно, получится это сделать с помощью микроскопа.

Совершенно аналогичное изображение быка, только более полное и выполненное выбивкой (рис. 2.-1, 2), мы нашли на одной из плоскостей, ориентированных на юг–юго-восток и расположенных на гребне того же возвышения. Рядом с ним выявлены еще одна плоскость с остатками фигуры быка и другая – с изображением оленя (рис. 2.-3, 4). Обна-

ружение петроглифов в таких условиях не совсем обычно. Дело в том, что подходящую для их нанесения гладкую патинизированную поверхность имеют в Курман-Тау, как правило, скальные выходы с западной и северо-западной ориентировкой, а каменные поверхности с восточной и юго-восточной ориентировкой представляют собой как бы обратную сторону вертикальных сланцевых напластований, интенсивно расслаивающуюся и разрушающуюся, не имеющую скальной корки и загара. Тем не менее при обследовании восточных склонов горного массива мы нашли довольно много изображений на таких, казалось бы, неподходящих поверхностях. Большинство из них трудно заметить на расстоянии, и даже вблизи без бокового освещения они практически не видны: на этих плоскостях почти нет патины, и, следовательно, нет контраста между изображением и фоном; нет скальной корки, рисунки выполнялись на более твердом субстрате, и поэтому выбивка поверхностная, часто переходящая в шлифовку; изображения малозаметны на поверхностях, которые из-за расслоения неоднородны по цвету и рельефу.

С такими особенностями мы впервые столкнулись именно в Курман-Тау, но, как это обычно бывает, однажды подмеченные поисковые признаки позволили обнаружить изображения там, где до этого их не замечали. На выявленных таким образом плоскостях зафиксированы петроглифы эпохи бронзы, изображения в стиле оленных камней и более поздние. Трудно было ожидать наличия в подобных условиях изображений древнейшего пласта, и тем не менее при подходящем освещении были замечены и они. Сохранились всего три плоскости и лишь остатки изображений на них. На photographиях (рис. 2.-1-4) можно видеть, как сильно разрушена скальная поверхность: выбивка сохранилась небольшими фрагментами, причем зачастую это даже не сама выбивка, а лишь следы ударов на участках отслоения. Вероятно, отслоение происходило и в момент нанесения изображений, от ударов инструмента. Это хорошо видно на третьей плоскости (рис. 2.-4), где фигуры быка, собственно, почти и нет, но ее контур хорошо читается по линиям утраченных фрагментов, вдоль которых прослеживаются остатки выбивки.

Эти новые изображения по стилю относятся к той же группе, что и фигуры на плоскостях, выявленных В.Д. Кубаревым. Изображения быков, которые исследователь считал одомашненными животными, что заставляло его сомневаться в принадлежности всей группы к эпохе неолита [Кубарев, 2000, с. 20; 2004, с. 236], на самом деле не имеют отношения к скотоводству. Это дикий бык – тур (*Bos primigenius*), образ которого в огромном количестве представлен в наскальном искусстве древнейшего пласта Минусинской котловины, Горного Алтая и Монголии, наряду с изображениями других диких животных – оленя, лося, медведя, кабана, дикой лошади, козерога. Объем и задачи данной публикации не позволяют нам углубиться в актуальнейшую проблему датировки этого пласта, но какова бы она ни была – палеолит?/неолит?/эне-

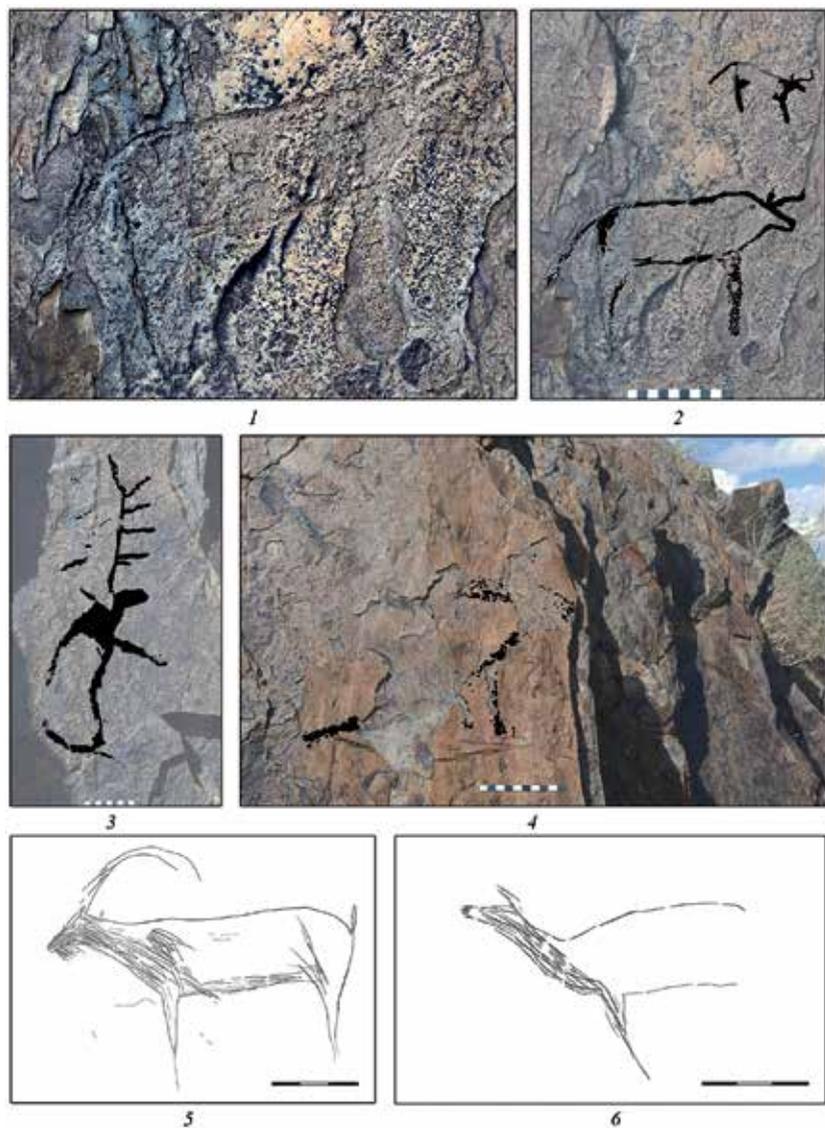

Рис. 2. Курман-Тау, изображения древнейшего пласта, обнаруженные в 2017 г.: 1–4 – выполненные выбивкой (прорисовки показаны на фоне фотографий плоскостей); 5, 6 – выполненные гравировкой

олит? – в любом случае эти изображения предшествуют эпохе бронзы и представляют первоначальный этап развития наскального искусства упомянутых регионов.

Мы предполагаем, что к этому же пласту относятся и два гравированных изображения – горного козла и оленя (рис. 2.-5, б), выявленных нами на Курман-Тау. Они находятся на двух небольших гранях недалеко от плоскости с «лосеподобными» фигурами и нарисованным краской быком. Обе грани вертикальные, ориентированы на север и как бы спрятаны в скальных расщелинах. Резные линии очень тонкие, сильно патинизированные, сами фигуры мелкие по масштабу. Манера нанесения отличается от хорошо известных гравированных изображений более поздних эпох: головы и передняя часть туловищ (а у козла еще и живот) заполнены частыми тончайшими штрихами. Отметим, что схожим образом выполнены и некоторые из редко встречающихся гравированных изображений древнейшего пласта в Минусинской котловине. Для документирования столь сложных объектов был применен метод макрофото съемки с использованием направленного искусственного освещения и последующее цифровое прорисовывание линий рисунков в программе Photoshop при сильном увеличении.

Таким образом, сейчас на горе Курман известно уже девять плоскостей с изображениями древнейшего пласта, выполненными в техниках выбивки, росписи и гравировки, представленными образами дикого быка, оленя, дикой лошади и горного козла. По стилю они сопоставимы с древнейшими петроглифами других памятников Чуйской степи и Алтая в целом, а также Минусинской котловины и Монголии.

Библиографический список

Елин В.Н. Исследования на петроглифических памятниках Курман-Тау и Бураты // *Altaica*. 1993. №2. С. 52–55.

Кубарев В.Д. Петроглифы Курман-Тау // *Древности Алтая: Известия Лаборатории археологии*. №5. Горно-Алтайск, 2000. С. 15–21.

Кубарев В.Д. Древнейшие изобразительные памятники Монголии и Алтая: проблемы хронологии и интерпретации // *Проблемы первобытной археологии Евразии: к 75-летию А.А. Формозова*. М., 2004. С. 228–242.

Кубарев В.Д. Арал-Толгой: новый памятник наскального искусства Монголии // *Археология, этнография и антропология Евразии*. 2007. №1 (29). С. 111–126.

Кубарев Г.В. Исследования в Чуйской степи (Юго-Восточный Алтай) // *Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий*. Т. IX, ч. I. Новосибирск, 2003. С. 384–388.

Миклашевич Е.А. О выставке «Наскальное искусство Южной Сибири» и работах по изготовлению факсимильных копий петроглифов Алтая // *Ученые записки музея-заповедника «Томская Писаница»*. 2017. Вып. 6. С. 31–37, 63–64.

Solodeynikov A.K. Research on the Recordings of rock paintings in the Kapova cave (Ural) // *International Newsletter On Rock Art*. 2005. №43. P. 10–14.

E.A. Miklashevich¹, L.L. Bove²

¹*“Tomskaya Pisanitsa” Museum-Reserve, Kemerovo;*

²*Institute of Archaeology RAS, Moscow, Russia*

NEW MATERIALS ON THE EARLIEST IMAGERY OF KURMAN-TAU ROCK ART SITE (South-Eastern Altai)

The paper presents a history of discoveries of the most ancient imagery of Kurman-Tau rock art site in the Kosh-Agach district of the Republic of Altai, as well as the results of recent research of the authors. Modern methods of documenting rock art have made it possible to correct some details of the previously published images and reveal new ones. The site now counts 9 panels with the earliest images, which are made in the techniques of pecking, painting and engraving, and which include figures of an aurochs, wild horse, deer and an ibex. In terms of style, these images are comparable to the earliest petroglyphs of other sites in Altai, as well as the Minusinsk Basin and Mongolia; the dating of this stratum has not yet been precisely determined, but their Neolithic age is most probable. The paper includes the illustrations showing new materials and documentation methods used.

Key words: rock art, documenting, earliest imagery, Altai.

УДК 902/904(5)

Ц. Му

Алтайский государственный университет, Барнаул, Россия

КЕРАМИЧЕСКИЕ СОСУДЫ ИЗ ПАМЯТНИКА ПАЗЫРЫКСКОЙ КУЛЬТУРЫ ТУВАСИЦУН НА ТЕРРИТОРИИ СИНЬЦЗЯНА (Китай)

На территории Синьцзян-Уйгурского автономного района Китая исследованы курганы хорошо известной пазырыкской культуры скифо-сакского времени. Полученные результаты в разном виде опубликованы на китайском языке и редко привлекаются российскими, казахстанскими и другими учеными в научных трудах по археологии. Важными индикаторами для выявления пазырыкских объектов являются основные черты погребального обряда, а также обнаруженный инвентарь, среди которого необходимо обратить внимание на керамические сосуды. Опыт такого анализа представлен в данной статье на примере изучения памятника Тувасицун, который раскапывался в 2013 г. Синьцзянским институтом археологии и культурного наследия (г. Урумчи, Китай). Приводится описание пяти курганов и зафиксированных находок. Рассматриваются пять керамических сосудов, указываются их ближайшие аналогии и обозначаются перспективы дальнейших исследований.

Ключевые слова: Синьцзян, курган, раскопки, пазырыкская культура, находки, керамические сосуды.

DOI: 10.14258/2411-1503.2020.26.19

Археологический памятник Тувасицун находится на окраине одноименного поселка у оз. Канас (уезд Бурчун, округ Алтай, Синьцзян-Уйгурский автономный район Китая). Эта территория примыкает к пограничным

зонам России, Казахстана и Монголии (рис. 1). Недалеко находится перевал, через который можно попасть на плоскогорье Укок и дальше на территорию Республики Алтай. По этой дороге с древних времен осуществлялись контакты между людьми, в том числе населением пазырыкской культуры.

В 2013 г. экспедиция Синьцзянского института археологии и культурного наследия (г. Урумчи, Китай) под руководством Ю Цзянцзюня провела раскопки на памятнике Тувасицун. Были исследованы девять курганов. Некрополь располагался на террасе р. Канас, у подножья гор. Результаты работ опубликованы в виде отчета [Ю Цзянцзюнь, 2014]. На основе анализа этих материалов и при дальнейшем их сравнении с опубликованными ранее сведениями о погребальных объектах Алтая скифского времени [Тишкин, Дашковский, 2003; Кирюшин, Степанова, Тишкин, 2003; и др.], можно сделать вывод, что пять курганов могильника Тувасицун относятся к пазырыкской культуре. Важно, что там обнаружена керамическая посуда, которая является предметом нашего изучения. К сожалению, китайским археологом опубликованы данные о глиняных изделиях только из курганов М3, М5 и М7. О других сосудах есть совсем краткие описания или только упоминание. Например, керамический сосуд из объекта М2 представлял собой горшок песочно-красного цвета с плоским дном. Он оказался разбитым. Керамика из погребения М4 была песочного цвета. Другой информации в отчете не указано.

Для отражения контекста находок керамических сосудов есть смысл дать описание исследованных курганов, опираясь на опубликованные данные [Ю Цзянцзюнь, 2014].

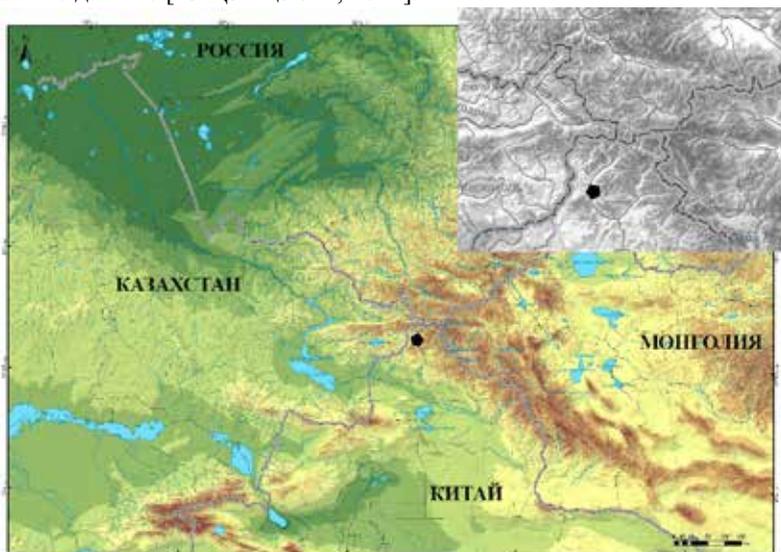

Рис. 1. Памятник Тувасицун на картах-схемах

Курган М3 (рис. 2.-I). Каменная насыпь диаметром 10 м и высотой 0,5 м сооружена из скальных обломков, гальки и песка. По ее периметру четко выделяется крепида из крупных камней. В центре хорошо выделяется западина. Могила прямоугольной формы, длиной 2,6 м, шириной 1,6 м и глубиной 1,7 м. В ней находится деревянный сруб. В северной части гробницы лежит на животе одна лошадь, головой на запад (рис. 2.-I, 1). Останки умершего человека немного потревожены, так как на них упало деревянное перекрытие. Дно сруба сделано из деревянных досок. На нем сверху, по-видимому, лежал ковер из органического материала, который уже сгнил и почернел. В могиле обнаружены следующие предметы: глиняный горшок (рис. 2.-I, 2), железный нож (рис. 2.-I, 3), золотые украшения (рис. 2.-I, 4), металлические удила и др. Керамический сосуд ручной работы имел красноватый цвет. На поверхности видны отдельные песчинки. Высота горшка, который оказался не совсем целым, составляет 18,9 см (рис. 2.-I, 2). Диаметр венчика 11 см, диаметр дна 8,2 см.

Курган М5 (рис. 2.-II). Каменная насыпь имеет диаметр 10,5 м и высоту 0,45 м. Могила длиной 2,9 м, шириной 2 м и глубиной 1,9 м. На дне ямы находится деревянный сруб, сделанный из соснового бруса. В нем похоронен человек, который лежит на спине с немного согнутыми ногами, головой на восток (с небольшим отклонением к северу). У северной стенки могилы (за срубом) оказалась захоронена целая лошадь (рис. 2.-II, 1). Передняя часть тела животного лежит на плите прямоугольной формы. Судя по всему, коня специально аккуратно уложили на живот с подогнутыми ногами. В могиле зафиксированы следующие находки: крупный глиняный кувшин (рис. 2.-II, 2), железный нож (рис. 2.-II, 3), металлическое зеркало (рис. 2.-II, 4), золотая фольга (рис. 2.-II, 5), серьги (рис. 2.-II, 6–7), удила (рис. 2.-II, 8), крестцовые кости и позвонки овцы и др. Керамический сосуд серого цвета был сделан вручную, у венчика имеется орнамент в виде зигзагов. Для его изготовления в глиняное тесто добавлялись маленькие фрагменты дробленых камней. Высота кувшина, который оказался целым, составляет 29,2 см (рис. 2.-II, 2). Диаметр венчика 9,2 см, диаметр тулова 12,3 см.

Курган М7 (рис. 2.-III). Каменная насыпь диаметром 12 м и высотой 0,35 м. Могила длиной 2,3 м, шириной 2 м и глубиной 2 м. На дне ямы – большой деревянный сруб, в северной части которого захоронена лошадь (рис. 2.-III, 1). Череп у скелета животного отсутствует. Гробница разграблена. Человеческие кости не сохранились. Зафиксированы следующие находки: глиняный сосуд (рис. 2.-III, 2), бронзовый нож (рис. 2.-III, 3), каменное изделие (рис. 2.-III, 4), кости овец и др. Горшок красного цвета был изготовлен вручную с использованием дробленых камней. Его высота 17,7 см, диаметр венчика 11,5 м и диаметр дна 8,5 см (рис. 2.-III, 2).

Представленная информация хорошо демонстрирует погребальный обряд и материальную культуру пазырыкского населения Алтая. Что касается керамической посуды, найденной на памятнике Тувасицун, то она

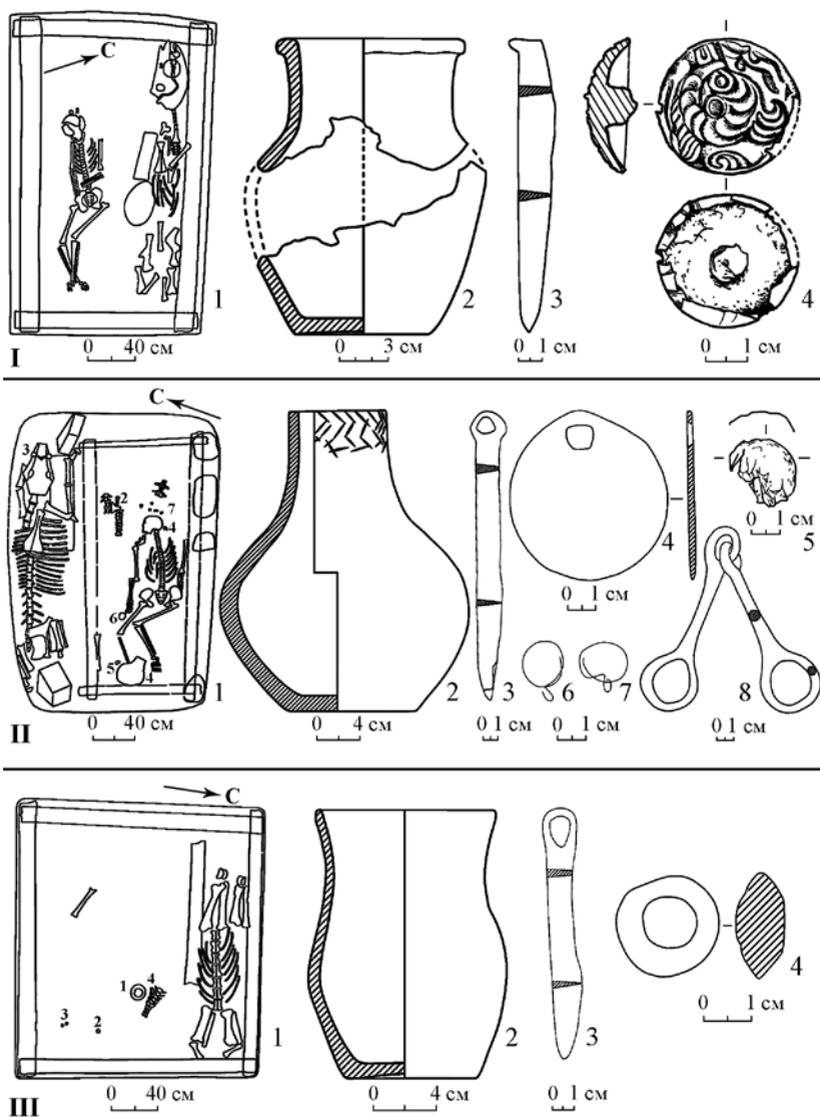

Рис. 2. Результаты раскопок памятник Тувасицун:
 I – курган М3; II – курган М5; III – курган М7

имеет аналогии среди глиняных изделий, которые подробно отражены в монографии Ю.Ф. Кирюшина и Н.Ф. Степановой [2004]. Близкие по форме и внешнему виду изделия обнаружены на комплексе памятников

Уландрык и Юстыд [Кубарев, 1987, 1991], что вполне закономерно: памятники относительно близко расположены и хорошо изучены.

Следует отметить, что погребальная керамическая посуда пазырыкской культуры очень разнообразна. Отдельные регионы имеют свои особенности, что свидетельствует о сложности состава древнего общества. В этом плане важно определить место памятников Синьцзяна и найденных там глиняных сосудов, а также найти истоки гончарных традиций. Хорошие перспективы предполагает изучение керамических изделий всей пазырыкской культуры, так как данное направление археологии еще слабо исследовано. В настоящее время коллекции найденных сосудов хранятся в музеях России, Казахстана, Китая и Монголии. Это большой объем источников. Данная статья является первым шагом для решения обозначенных и других проблем.

Библиографический список

Кирюшин Ю.Ф., Степанова Н.Ф. Скифская эпоха Горного Алтая. Ч. III. Погребальные комплексы скифского времени Средней Катуня. Барнаул, 2004. 292 с.

Кирюшин Ю.Ф., Степанова Н.Ф., Тишкин А.А. Скифская эпоха Горного Алтая. Ч. II. Погребально-поминальные комплексы пазырыкской культуры. Барнаул, 2003. 234 с.

Кубарев В.Д. Курганы Уландрыка. Новосибирск, 1987. 302 с.

Кубарев В.Д. Курганы Юстыда. Новосибирск, 1991. 270 с.

Тишкин А.А., Дашковский П.К. Социальная структура и система мировоззрений населения Алтая скифской эпохи. Барнаул, 2003. 430 с.

Ю Цзянцзюнь. Отчет о раскопках древнего кладбища Тувасизун, Канас, округ Бурчун // Древности Синьцзяна [新疆文物考古研究所, 《布尔津县喀纳斯下湖口图瓦新村古墓地发掘简报》, 《新疆文物》2014年第2期]. Урумчи, 2014. №2 (110). С. 60–74.

J. Mu

Altai State University, Barnaul, Russia

CERAMIC VESSELS FROM THE TUVASIZUN OF PAZYRYK CULTURE ON THE TERRITORY OF XINJIANG (China)

On the territory of the Xinjiang Uygur Autonomous Region of China, research was made into the burials of the well-known Pazyryk culture of the Scythian-Saka time. The various excavated materials are reported in Chinese which is rarely understood by the archaeologists in Russia, Kazakhstan, and other regions. Important indicators for identifying the cultural features of Pazyryk are the burial practices, and unearthed funerary object, among which it is necessary to pay attention to pottery vessels. From the aforementioned perspectives, this article presents an analysis of the materials of the Tuvasizun, which was excavated by the Xinjiang Institute of Cultural Relics and Archaeology (Urumqi, China) in 2013. Five burials and recorded finds are described. Five pottery vessels are considered, their closest analogies are indicated, prospects for further research are presented.

Key words: Xinjiang, burials, excavations, Pazyryk culture, finds, pottery vessels.

УДК 903.21(571.151)

С.А. Пилипенко

*Новосибирский государственный университет
экономики и управления, Новосибирск, Россия*

К ВОПРОСУ ОБ АТРИБУЦИИ БЕРЕСТЯНЫХ НАШИВОК ИЗ ПОГРЕБЕНИЯ №17 МОГИЛЬНИКА КУДЫРГЭ

Одной из задач современной археологии является не только спасение разрушающихся памятников, поиск и исследование новых или вновь выявленных и применение новых научных методов для изучения исторического прошлого средневековых кочевников периода монгольской империи, но и работа с ранее найденными артефактами, назначение которых не было определено. Данная работа посвящена вопросам определения назначения двух парных берестяных пластинок со следами прошивки из погребения №17 могильника Кудыргэ с территории Горного Алтая. Накопленный нами опыт реконструкции берестяных изделий разной степени сохранности позволяет выдвинуть предположение о принадлежности выявленных деталей к одному из женских головных уборов монгольской империи – бокке. Бокка являлась важным атрибутом не только социального и семейного (замужество) статуса, но и маркером принадлежности семьи погребенной к группе лиц, признающих верховенство власти монгольской империи.

Ключевые слова: берестяные нашивки, металлическое очелье, амулетница, бокка, средневековые кочевники, монгольская империя.

DOI: 10.14258/2411-1503.2020.26.20

Археологическое изучение территории Горного и Степного Алтая, которое началось с раскопок В.В. Радлова [1989, с. 453] во 2-й половине XIX в. и приобрело системный характер со 2-й половины XX в., продолжается и в наше время [Тишкин, 2009, с. 9]. За последние десятилетия выявлено значительное количество памятников различных исторических эпох, в том числе периода монгольского великодержавия [Тишкин, Горбунов, Казаков, 2002, с. 3]. В ходе исследования археологических памятников монгольского времени в основном изучаются погребальные комплексы. Изучаемые погребения находятся в разной степени сохранности, чаще всего они разграблены. Но при любом состоянии археологического объекта среди различных категорий инвентаря внутри погребального пространства часто встречаются обрывки бересты со следами обработки (отверстия от швов или обработанные края). С начала 2000-х гг. подобные предметы обозначают как «берестяные изделия» [Тишкин, Горбунов, Казаков, 2002, с. 3]. Их количество выросло настолько, что потребовалось выделение категории «берестяные нашивки» в разделе «детали одежды». По мнению К.Ш. Табалдиева, часть из них могла относиться к головным уборам [Тишкин, Горбунов, Казаков, 2002, с. 95–96]. На основе этого предположения и схожести конструктивных деталей часть неопознанных берестяных нашивок была нами интерпретирована как детали бокки монголо-тяньшанской или юаньской разновидности [Пилипенко, 2002, с. 85; 2019, с. 228].

Анализ находок в погребениях средневековых кочевников юга Западной Сибири позволил выявить ареал распространения бокк юаньской разновидности, охватывающий на севере Томское Приобье (мог. Басандайка) и южнее – Новосибирское и Барнаульское Приобье (мог. Крохалева-5, Телеутский Взвоз-1, Ближние Елбаны-VI) [Тишкин, Пилипенко, 2016].

Одним из погребений, в состав инвентаря которого входят неатрибутированные берестяные нашивки, является погребение №17 могильника Кудыргэ. В связи с этим считаем необходимым частично повторить здесь его описание. «В колоде (располагался. – *Прим. С.П.*) скелет женщины (пол определен по находкам) на спине, головой на север. Руки согнуты в локтях и сложены на животе. Над черепом серебряное украшение шапки с тисненым орнаментом (рис. 1.-2б); под подбородком *бисер*: голубой (1 шт.), белый (26 шт.) и синий витой (44 шт.); у правого бедра ... две *деревянные березовые палочки*, из них одна обтянута серебряной пластинкой с тисненым орнаментом, прибитой железными гвоздиками (рис. 1.-2в, в1); ... на груди *берестяной предмет* (утрачен), под ним два *берестяных кружка* (рис. 1.-2а, а1; 2.-2а), медное украшение (утрачено), *коственная бляшка* с железными шпеньками, *серебряная трубка* (утрачена)» [Гаврилова, 1965, с. 44].

Серебряное украшение головного убора из данного погребения (рис. 1.-2б1) уже становилось предметом самостоятельного исследования, в ходе которого были выявлены аналогии с территории Внутреннего Тянь-Шаня в Киргизии (рис. 1.-3в) [Тишкин, 2007, с. 157, рис. 1-4], Алтайского края из могильника Усть-Алейка-5 (рис. 1.-3а) [Тишкин, 2001, с. 127] и более поздняя находка из Воскресенского могильника Томской области (рис. 1.-3б). Известно аналогичное найденному в погребении №17 могильника Кудыргэ серебряное очелье с территории Монголии из кургана №5 могильника Таван Толгой [Эрдэнэбат, 2010, рис. 11–12], где оно также было зафиксировано *in situ* на черепе вместе с бляхой, украшавшей бокку. Если учитывать, что шелковые шапочки, сочетавшиеся с бокками, были раздельными (рис. 1.-4аб), то можно предполагать, что пластины могли нашиваться на них и служить дополнительным декором.

В 2013 г. на базе этноархеологического клуба «Кыпчак» при Новосибирском государственном университете экономики и управления были проведены эксперименты по моделированию некоторых из выявленных металлических пластин-очелий. Для моделирования использовалась баночная жесть. В ходе эксперимента были изготовлены картонные шаблоны очелий, затем контуры изделий перенесены на жестяную пластину, из которой позже они были вырезаны. Далее пластины были подвергнуты частичной обработке с рельефным тиснением основных орнаментальных мотивов с полной имитацией профильных изгибов и пробивкой отверстий для крепления к мягкой основе шапочки или другой разновидности головного убора. В процессе моделирования нам удалось получить все основные дефекты, выявленные при изучении са-

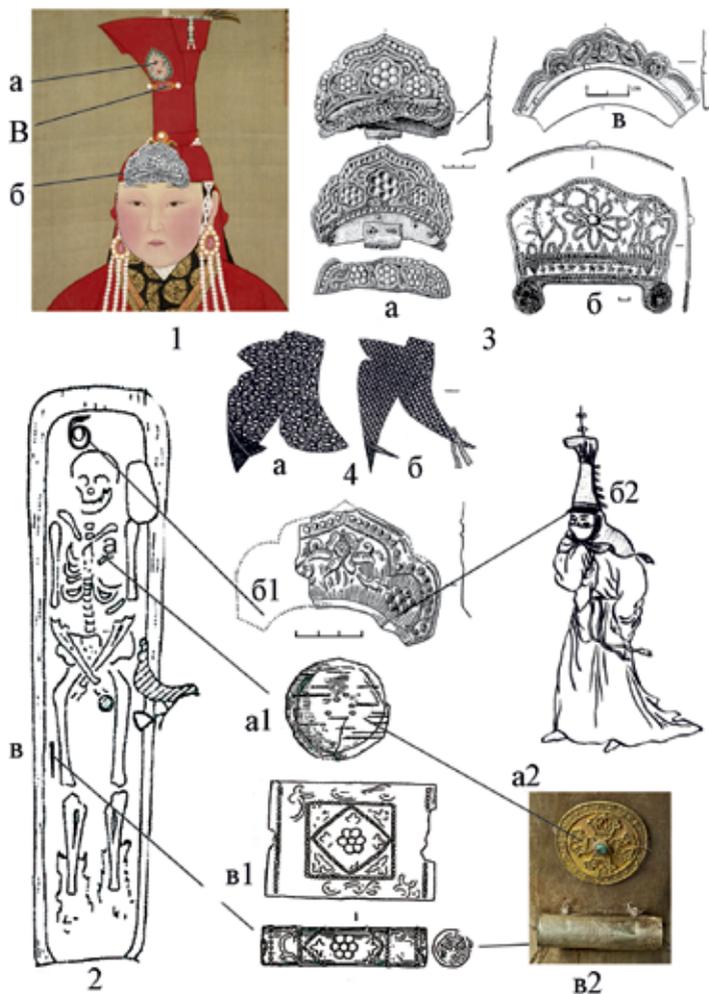

Рис. 1. Детали и изображения женских головных уборов монгольского периода: 1 – портрет Юаньской императрицы (по: [Эрдэнбат, 2010]); 2в – план погребения №17 из могильника Кудыргэ (по: [Гаврилова, 1965]); 2а1, б1, в1 – инвентарь из погребения №17 из могильника Кудыргэ (по: [Гаврилова, 1965]); 2б2 – изображение монголки с рисунка «Кочевники», Тайвань, 1-я половина X в. (по: [Хрипунов, 2012]); 2а2, в2 – элементы украшения бокки из коллекции Фонда Марджани (по: [Горелик, 2014]); 3а–в – металлические очелья женских головных уборов с территории Юга Западной Сибири и Киргизии (по: [Тишкин, 2007]); 4 – шелковые шапочки из погребений с бокками с территории Поволжья (по: [Мыськов, 1995])

мих пластин. Итогом эксперимента стало разделение выявленных пластин на две категории: а – нашивные, нижний край которых совпадает с линией лба (рис. 1.-2б1; 3б) и б – крепящиеся при помощи дополнительной пластины (рис. 1.-3а, в). Из выявленной группы металлических очелый выделяется находка из могильника Усть-Алейка-5, где присутствуют дополнительные конструктивные детали, которые позволяют восстановить способ крепления его к тканой основе головного убора (рис. 1.-3а). Очелье из Усть-Алейки-5 состоит из четырех деталей: основной пластины в форме «кокошника», козырька с отогнутым наружу краем для крепления к «кокошнику», прямоугольной контрпластины с загибом наружу под козырек и металлических шплинтов, скреплявших все воедино. При изготовлении копии козырька понадобилось изогнуть заготовку в виде полукруга. При отгибе части козырька для образования полосы, прикрепляемой к «кокошнику», понадобилось сделать два вертикальных разреза в зоне отгиба, позволяющих придать козырьку полукруглую форму. Этот нюанс объясняет причину аналогичного разрыва на отгибе козырька на оригинале. Размещение горизонтальной детали козырька на вертикальной детали «кокошника» требует пространства для крепления к головному убору. Именно для этого и оставлены участки неорнаментированного металла, местами равные по ширине пространству над козырьком, у пластин из Усть-Алейки-5 и Внутреннего Тянь-Шаня. Контрпластина с загибом из Усть-Алейки-5 позволяет восстановить лицевую часть головного убора. Все выявленные металлические пластины соответствуют размеру лба среднестатистического человека, с учетом, конечно, расстояния между висками испытуемого активиста этноархеологического клуба «Кыпчак».

Возвращаясь к способу крепления очелья из Усть-Алейки-5, мы можем предположить наличие отворота у козырька (аналогичного современной шапке-ушанке), наличие которого фиксирует выступающий вперед под металлический козырек загиб контрпластины. Концы шплинтов, выступающих с задней стороны «кокошника», позволяют предположить наличие второго, внутреннего слоя головного убора, возможно, толстой стеганой подкладки. О наличии козырьков у различных вариаций шапочек для бокс упоминал Е.П. Мыськов [1995, с. 41]. Они известны также на изображении монголки с рисунка «Кочевники» (Китай, X в.; по: [Хрипунов, 2012, табл. 17]).

Следует уделить внимание сочетанию цвета бус на бокках и других головных уборах монгольского времени. Информации пока мало, но нам представляется, что различные сочетание цветов бус в таких массовых вещах, как бокки, возможно, имеет свои временные периоды. Основным цветом бисера был белый, как мы это видим на портретах юаньских императриц (рис. 2.-1), в погребении №1 кургана 9 могильника Телеутский Взвоз-1 [Тишкин, Горбунов, Казаков, 2002, рис. 31] и бокке из коллекции Фонда Марджани [Горелик, 2014, рис. 21e]. Белый бисер также известен

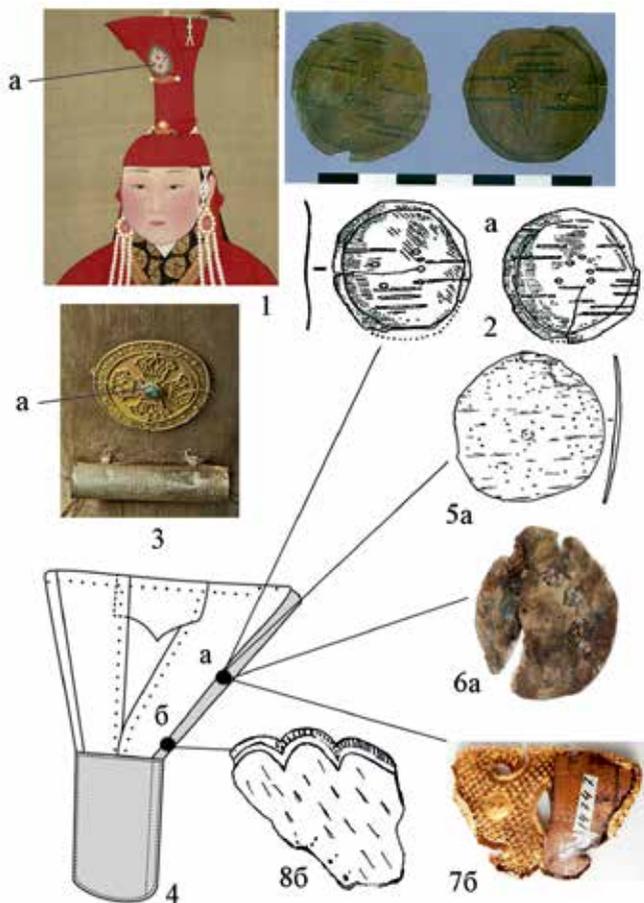

Рис. 2. Берестяные нашивки – украшения бокк: 1– портрет юаньской императрицы с обозначением размещения изучаемой берестяной нашивки (по: [Эрденбат, 2010]); 2а – берестяные нашивки из погребения №17 могильника Кудыргэ (по: [Тишкин, 2009]); 3 – круглый металлический элемент украшения бокки из коллекции Фонда Марджани (по: [Горелик, 2014]); 4 – визуальная реконструкция мест крепления берестяных нашивок к боккам с территории Монголии, юга Западной Сибири и Волгоградской области; 5а – берестяная нашивка из погребения №1 могильника Орхон-1, Монголия; 6а – берестяная нашивка из погребения №2 могильника Чандаган Тал, Монголия (по: [Эрденбат, 2010]); 7б – берестяная нашивка – каркас позолоченного украшения бокки из погребения №1 кургана №20 могильника Аксеновский (по: [Пилипенко, 2019]); 8б – берестяная нашивка из погребения №2 кургана №24 могильника Басандайка (по: [Пилипенко, 2003])

в погребениях с бокками с территории Урало-Поволжского региона. В погребении №17 могильника Кудыргэ зафиксировано сочетание синего, белого и голубого цветов. Пока стоит только отметить данный факт до получения более полной информации по этому разделу в дальнейшем.

Деревянная палочка, обитая серебряной пластинкой с орнаментом (рис. 1-2в, в1), является подвесным украшением бокки (рис. 2.-в2), имеющим многочисленные аналогии от Монголии до Поволжья [Мыськов, 2015, с. 175–180].

К берестяным деталям относятся две круглые нашивки (рис. 1.-2, а1; 2.-2а), изготовленные из одного однослойного куска бересты, снятого в весенне-летний период (май-июнь) при помощи ножа, о чем свидетельствуют неровные края деталей. Затем вдоль краев заготовок была нанесена разметка. Берестяные кружки ближе к центру имеют следы прошивки в два-три стежка. Кружки были обнаружены в районе груди покойной вместе с другим берестяным предметом, утраченным позже. Поскольку эти берестяные изделия сопровождали *медное украшение, костяная бляшка* с железными шпеньками и *серебряная трубка* [Гаврилова, 1965, с. 44], по совокупности перечисленных деталей мы можем с большой долей вероятности предполагать наличие в погребении бокки.

Медное украшение и костяная бляшка вполне могли быть частями декора лицевой части бокки (рис. 2.-1). Серебряная трубка, по нашему мнению, является вертикальным держателем плюмажа, известным по письменным источникам как «веточка» или «прутик».

Несмотря на значительное количество найденных берестяных корпусов бокк, конструктивных деталей самих перекрестий сохранилось относительно немного. Все они преимущественно деревянные. Единственное нам известное серебряное перекрестие с серебряной трубкой-прутиком происходит из кургана №20 Дорофеевского (Аксеновского II) могильника с юга Волгоградской области [Пилипенко, 2019, с. 47]. Использование серебра и золота в конструкции этого элемента упоминается также в записках Плано Карпини [1997, с. 34, 2019, с. 47]: «...А наверху имеет один длинный тонкий прутик из золота, серебра или дерева...».

Возвращаясь к берестяным округлым нашивкам, мы находим широкий круг аналогий этому типу украшения. Нашивки из бересты могли иметь различную форму в зависимости от формы самого украшения и места его размещения на поверхности берестяной основы бокки. Так, фигурная накладка бокки из погребения №2 кургана 24 могильника Басандайка (рис. 2.-4б, 8б) [Пилипенко, 2003, с. 158] украшала стык лицевой пластины капители и колонны-цилиндра. Берестяные пластинки вставлялись также внутрь золотых украшений из погребения №1 кургана 20 могильника Дорофеевский (Аксеновский II) (рис. 2.-7б).

Круглые берестяные пластины из погребения №17 могильника Кудыргэ размером 3,5 см имеют следы прошивки в центре. Судя по аналогичным бляхам из Монголии (погребение №2 могильника Чандаган

Тал) размером 3,5×4 см (бронза, серебро?) [Эрдэнэбат, 2010, с. 34] и могильника Орхон-1 размером 3,5×3,5 см (из бересты) (рис. 2.-5а), они были примерно одного размера, с той лишь разницей, что металлические кружки покрывались чеканным орнаментом, а берестяные – обшивались тканью и бисером, имитируя более дорогие из металла, повторяя их форму и размер. Деталь из погребения №2 могильника Чандаган Тал была каплевидной формы. Круглые берестяные детали украшений, судя по их размещению *in situ* в погребении №2 могильника Чандаган Тал и наличию золотой бляхи с ажурными деталями декора на лицевой стороне бокки из коллекции Фонда Марджани [Горелик, 2014, с. 171, рис. 21 п.] (рис. 2.-3а), размещались на лицевой детали капители бокки или чуть выше (рис. 2.-4а).

Таким образом, проведенный нами анализ погребального инвентаря из погребения №17 могильника Кудыргэ с территории Горного Алтая позволяет сделать ряд выводов.

1. Выявленные в погребении берестяные детали-нашивки являются основой-каркасом для лицевого украшения бокк, имеющим аналогии от Монголии до Горного Алтая.

2. Серебряное украшение в форме кокошника из погребения №17 могильника Кудыргэ было составной частью накладной шапочки с завязками сзади и могло сочетаться с берестяной основой бокки.

3. Серебряное украшение в форме кокошника с козырьком из погребения №1 могильника Усть-Алейка-5 было составной частью утепленного головного убора с металлическим козырьком, расположенным поверх отложного клапана тканого или мехового козырька. Возможно, аналогичная разновидность накладной шапочки с завязками в задней части также могла сочетаться с берестяной основой бокки.

4. Выявленная бокка была расположена в районе груди, отдельно от шапочки с серебряным кокошником или очельем.

5. По ряду признаков, возможно, она относилась к юаньской или монголо-тяньшанской разновидности бокк. На сегодняшний день она является самой южной боккой юаньской разновидности на юге Западной Сибири по линии С–Ю (Басандайка, Крохалёвка-5, Телеутский Взвоз-1, Ближние Елбаны-VI, Кудыргэ) и пока единственной на территории российского Горного Алтая.

6. Намеченная цепочка бокк юаньской разновидности в памятниках рубежа XIII–XIV вв. свидетельствует если не об их пограничном расположении вблизи предполагаемых восточных границ Золотой Орды, то о значительных зонах влияния на население восточных окраин Золотой Орды администрации Юаньской империи, предписывавшей носить бокки юаньской разновидности. Плотность выявленных находок не позволяет предполагать случайный или чересполосный характер попадания на эту территорию бокк, являвшихся символом принадлежности семьи к подданным Юаньской империи.

Библиографический список

- Гаврилова А.А. Могильник Кудыргэ как источник по истории алтайских племен. М.; Л., 1965. 145 с.
- Горелик М.В. Уникальные комплексы татарских и монгольских костюмов и аксессуаров XI–XIV вв. из частных собраний // Степи Европы в эпоху средневековья. Т. 13. Золотоордынское время. Донецк, 2014. С. 75–262.
- Мыськов Е.П. О некоторых типах головных уборов населения Золотой Орды // Российская археология. 1995. №2. С. 36–43.
- Пилипенко С.А. Монгольский головной убор из могильника Басандайка // Исторический опыт хозяйственного и культурного освоения Западной Сибири. Барнаул, 2003. С. 156–162.
- Пилипенко С.А. К вопросу о выделении монголо-тяньшаньской разновидности женского головного убора средневековых монголов «бокка» // Алтай-Саянская горная страна и история освоения ее кочевниками. Барнаул, 2007. С. 129–133.
- Пилипенко С.А. Бокка сложной конструкции из курганного могильника Телеутский Взвоз-1 в Степном Алтае (технологичный аспект) // Известия Алтайского государственного университета. 2013. №4/2 (80). С. 84–87.
- Плано Карпини Дж. Дель. История монгалов // История монгалов / Дж. дель. Плано Карпини. 3-е изд. Путешествие в Восточные страны / Г. де Рубрук. Книга Марко Поло. 4-е изд. М.: Мысль, 1997. С. 86–189.
- Пилипенко С.А., Тимофеев А.А., Корж Е.А., Котеньков С.А., Жадаева А.В. Серебряные перекрестье бокки из собрания Астраханского музея-заповедника (предварительное сообщение) // Сарыарка и Алтын Орда: время и пространство. Алматы, 2019. С. 42–52.
- Пилипенко С.А., Кригер В.А., Корж Е.А., Жадаева А.В. Об одной конструктивной детали бокк Улуса Джучи и империи Юань // Археология как жизнь. Памяти Евгения Павловича Мыськова. Волгоград, 2019. С. 225–231.
- Радлов В.В. Из Сибири: Страницы дневника. М., 1989. 749 с.
- Тишкин А.А. Предметы материальной культуры монгольского времени из разрушенного захоронения памятника Усть-Алейка-5 // Проблемы изучения древней и средневековой истории. Барнаул, 2001. С. 127–133.
- Тишкин А.А. Металлические украшения женских головных уборов монгольского времени // Алтай-Саянская горная страна и история освоения ее кочевниками. Барнаул, 2007. С. 155–159.
- Тишкин А.А. Материальная культура населения Алтая в монгольское время // Форум «Идель – Алтай»: материалы науч.-практ. конф. «Идель – Алтай: истоки евразийской цивилизации», I Междунар. конгресса средневековой археологии евразийских степей. Казань, 2009. С. 238–241.
- Тишкин А.А., Горбунов В.В., Казаков А.А. Курганный могильник Телеутский Взвоз-1 и культура населения Лесостепного Алтая. Барнаул, 2002. 276 с.
- Тишкин А.А., Пилипенко С.А. О возможности реконструкции женских головных уборов монгольского времени (по материалам берестяных находок на памятнике Телеутский Взвоз-1 в Верхнем Приобье) // Вестник Томского государственного университета. История. 2016. №5 (43). С. 20–24.
- Хрипунов Н.В. Одежда знати Великой империи монголов в 1207–1266 гг. // Золотоордынская цивилизация. Вып. 5. Казань, 2012. С. 363–393.
- Эрдэнбат У. Богтаг мангалайн чимэгл // Оюуны хэлхээ, 2010. №1 (06). С. 71–113.

S.A. Pilipenko

*Novosibirsk State University of Economics and Management,
Novosibirsk, Russia*

**TO THE QUESTION OF THE ATTRIBUTION
OF BIRCHWEAR PATTERNS FROM BURIAL №17
OF THE KUDYRGE TOMBSTONE**

One of the tasks of modern archaeology is not only the salvation of collapsing sites, the search and research of new or newly discovered ones and the application of new scientific methods to study the historical past of the medieval nomads of the Mongol empire, but also the work with previously found artifacts whose purpose was not previously determined. This work is devoted to determining the destination of two paired birch bark plates with traces of firmware from burial №17 of the Kudyrge burial ground from the territory of the Altai Mountains. The experience we have gained in reconstructing birch bark products of varying degrees of preservation allows us to put forward the assumption that the identified parts belong to one of the female headdresses of the Mongol Empire – vokka. Bokka was an important attribute not only of social and family (marriage) status, but also a marker of the family belonging to a buried family of people recognizing the supremacy of power of the Mongol empire.

Key words: birch bark stripes, metal ocelli, amulet, bokka, medieval nomads, Mongol empire.

УДК 902.2(571.150)

С.В. Поздин

Топчихинский районный краеведческий музей, Топчиха, Россия

**РЕЗУЛЬТАТЫ ВЫЯВЛЕНИЯ
АРХЕОЛОГИЧЕСКИХ ПАМЯТНИКОВ
НА ТЕРРИТОРИИ ТОПЧИХИНСКОГО РАЙОНА В 2019 Г.**

В Алтайском крае многие памятники археологии, как правило, располагаются на территории сельскохозяйственного назначения: это земли конкретных предприятий или фермерских хозяйств, на которых регулярно производятся земляные работы. Поэтому существует риск полного уничтожения объектов историко-культурного наследия, в том числе курганных захоронений. При этом каждый курган в соответствии с законодательством РФ подлжит государственной охране. Охранную документацию, регулиющую режим использования памятника и прилегающих к нему земель, готовят соответствующие государственные органы. Чтобы ее оформить для включения в общероссийский реестр, каждый археологический объект должен быть обнаружен, обследован и нанесен на карту специалистом. На данный период Топчихинский район является одной из малоисследованных территорий Алтайского края. Большие участки вообще никогда не обследовались на предмет наличия там памятников археологии. Поэтому работникам местной админи-

страции и простым жителям, а также сотрудникам музеев и школ важно обращать внимание на наличие хорошо заметных курганов и предоставлять такую информацию в соответствующие организации.

Ключевые слова: Топчихинский район, курган, археологическое обследование, охрана памятников.

DOI: 10.14258/2411-1503.2020.26.21

Было бы несправедливо утверждать то, что Топчихинский район – это белое пятно на археологической карте Алтайского края. На его территории в настоящее время зафиксировано 55 памятников археологии. Основная их часть сосредоточена по берегам рек Алей (от с. Покровка до устья) и Обь, так как комплексные и масштабные исследования проводились именно там. При этом большие участки Топчихинского района либо вообще не обследовались археологами, либо разведки носили эпизодический характер. Наиболее известной и изученной является та часть территории Топчихинского района, которая находится на правом берегу р. Оби. Разведки и исследования там начались в конце XIX в. В последующем в этих местах активно работали экспедиции М.П. Грязнова. С 1980-х гг. проводили исследования археологи АлтГУ, в частности доктор исторических наук, профессор Ю.Ф. Кирюшин. Осенью 1993 г. обследование заобской части Топчихинского района продолжила экспедиция под руководством М.Т. Абдулганеева

С конца 1970-х гг. археологические экспедиции продвинулись в поисках новых памятников на левобережье, в район устья Алея. Немало памятников археологии в левобережной части Топчихинского района открыл известный в крае археолог, профессор БПИИ Алексей Павлович Уманский. В конце 1980-х гг. экспедиция под руководством В.Б. Бородаева проводила обследование левобережья р. Оби в районе с. Володарка. В 1992 г. памятники в этом районе были более детально исследованы В.В. Горбуновым и поставлены на учет. Экспедицией под руководством В.В. Горбунова открыт ряд памятников по правому берегу и в устье р. Алей. В настоящее время продвижение археологических экспедиций вглубь района по р. Алей прекратилось.

В 2001 г. группой юных исследователей под руководством учителя истории Ключевской средней общеобразовательной школы С.В. Поздина были проведены разведывательные работы по выявлению памятников археологии на территории земель ЗАО «Ключевское» Топчихинского района. В результате выявлено десять объектов, большей частью курганные захоронения. По результатам проведенных работ был подготовлен отчет, переданный специалистам НППЦ «Наследие».

Как продолжение начатых энтузиастами археологических разведок, в 2002 г. в Топчихинском районе работала группа археологов из АлтГУ. Их главная цель – официально зарегистрировать и зарегиотграфировать обнаруженные краеведами пос. Ключи памятники археологии, а также памятники, ранее отмеченные другими исследователями на территории

Топчихинского района. В процессе работ, произведенных А.В. Кондрашовым, были поставлены на государственный учет 16 памятников.

В 2012 г. на территории Топчихинского района работала группа специалистов-археологов НПЦ «Наследие» под руководством Я.В. Фролова с целью нанесения памятников археологии Топчихинского района на электронные карты земель хозяйств и сельских советов района. В ходе работ были зафиксированы ранее обнаруженные (в том числе профессором Алексеем Павловичем Уманским) памятники археологии, в свое время официально не учтенные. Эти памятники расположены также в глубине степной части Топчихинского района, где по официальным данным учтенных и поставленных на охрану памятников археологии не было. Таким образом, к 2019 г. на территории Топчихинского района зафиксировано и взято на государственный учет 55 памятников археологии.

Исследовательской группой под руководством заведующего районным краеведческим музеем С.В. Поздина в 2019 г. были определены два не обследованных ранее специалистами участка территории Топчихинского района для проведения поисково-разведывательных работ с целью выявления ранее не учтенных памятников археологии. В перечень обследуемых территорий вошли:

- участок водораздела между р. Калманка и Крутиха в районе населенного пункта Белояровка и бывшего населенного пункта Малиновка;
- возвышенный участок местности между населенными пунктами: Лаврентьевка, бывшая д. Соловьевка, бывшая д. Солоновка и Макарьевка;
- участок, откуда берут свой исток речки Топчишка и Малая Калманка.

Данные участки расположены на расстоянии, доступном при использовании велосипеда, т.е. от 7 до 25 километров от райцентра Топчиха. Непосредственное обследование участков осуществлялось визуально в процессе осмотра территории.

Обследуемый участок №1 расположен в 7 км к юго-востоку от райцентра Топчиха. На участок осуществлялся велосипедный выезд. В ходе обследования выявлены три памятника археологии. Проведен мониторинг одного из памятников, занесенного в список охраняемых государством объектов культурного наследия Алтайского края. Кроме того, проведено обследование объекта, который, по словам жителей с. Топчиха, является памятником археологии. По пути к указанному участку проведен мониторинг памятника археологии кургана Белояровка, зафиксированного в 2002 г. А.В. Кондрашовым. В ходе осмотра и проведения замеров выявлено, что данный памятник сильно пострадал от регулярных сельскохозяйственных работ, проводимых вопреки Федеральному закону от 25 июня 2002 г. №73-ФЗ «Об объектах культурного наследия (памятниках истории и культуры) народов Российской Федерации». Курганная насыпь уже едва заметна на скошенной

пшеничной стерне. Через несколько лет такой интенсивной распашки местонахождение курганного захоронения будет утеряно.

В районе урочища Малиновка, что в 1,5 км к западу от с. Беляровка, в р. Калманка с правого берега впадает глубокий лог. Запруженный плотиной, он образует длинный и глубокий Малиновский пруд. В данном районе зафиксированы следующие памятники археологии.

Одиночный курган Малиновка расположен на верхней террасе р. Калманка в 200 м от правого берега данного пруда (рис. 1). Курган находится на обрабатываемом сельскохозяйственном поле ЗАО «Родина». Вероятно, из-за своей величины курган распашке не подвергается. Высота насыпи около 2 м, а диаметр по линии Ю–С равен 32 м. В центре кургана прослеживается подквадратная по форме западина от грабительского лаза. Насыпь покрыта густой степной (типчаковой) растительностью.

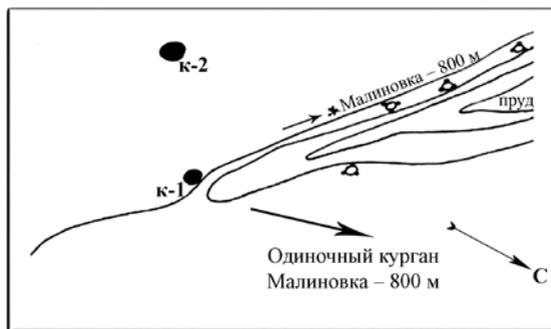

Рис. 1. Схема расположения одиночного кургана Малиновка

Курганная группа Малиновка-I расположена у самой вершины лога, впадающего в Калманку и образующего Малиновский пруд, в 800 м к юго-западу от кургана Малиновка (рис. 2). Состоит из двух

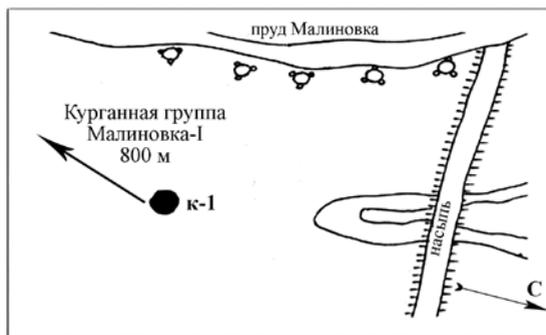

Рис. 2. Схема расположения курганной группы Малиновка-I

больших курганов. Курган №1 данной группы находится у самой вершины лога, на краю обрабатываемого участка (рис. 3). Его высота около 1,7 м, диаметр по линии Ю–С равен 26 м. Насыпь кургана никогда не распахивалась и покрыта густой степной растительностью. В центре прослеживается углубление от грабительского лаза.

Курган №2 расположен в 200 м к западу от кургана №1, на целине (рис. 4), поэтому он никогда не распахивался. Насыпь высотой более 2 м покрыта густой степной растительностью, имеет следы грабительского лаза.

Рис. 3. Курганная группа Малиновка-I, курган №1

Рис. 4. Курганная группа Малиновка-I, курган №2

Диаметр насыпи по линии Ю–С равен 30 м. В южной поле кургана расположен самый большой грабительский лаз. Он почти квадратный в плане, размерами 4,5×4,5 м и глубиной 1,2 м. Второй грабительский лаз расположен по центру кургана и представляет в плане квадрат 2×2 м, глубиной 0,5–0,7 м.

Других памятников археологии на данном участке при визуальном осмотре не обнаружено.

Обследуемый участок №2 расположен на возвышенности, с которой берут свое начало две речки. На северо-восток течет р. Малая Калманка, а на юго-восток – р. Топчишка (приток Калманки). С юго-запада

данная возвышенность выходит на террасу р. Савиха, притока р. Калманка. Данный (очень обширный) участок расположен в 20–25 километрах от районного центра Топчиха. Выезд осуществлялся на велосипедах. Осмотр местности производился визуально. На территории обследуемого участка были обнаружены два памятника археологии. **Одинокый курган Соловьевка** расположен в районе бывшего населенного пункта Соловьевка. Высота кургана 0,45–0,5 м, диаметр насыпи 20 м.

Одинокый курган Макарьевка-I расположен в верховьях речки Топчихи, у северной окраины с. Макарьевка (рис. 5 и 6). Он находится на пахотном поле, но из-за располагавшейся там триангуляционной вышки не распахивался. Высота кургана 1,5–1,7 м, диаметр насыпи по линии Ю–С равен 24 м. На вершине курганной насыпи установлен геодезический знак в виде железобетонного пасынка с прикрепленной к нему табличкой. Поскольку ранее на кургане был установлен металлический реперный знак, вокруг него в насыпи кургана были прорыты траншеи шириной 30 см и глубиной более 50 см. В настоящее время траншеи заросли густой травянистой растительностью. Курган хорошо просматривается с дороги Топчиха – Павловск.

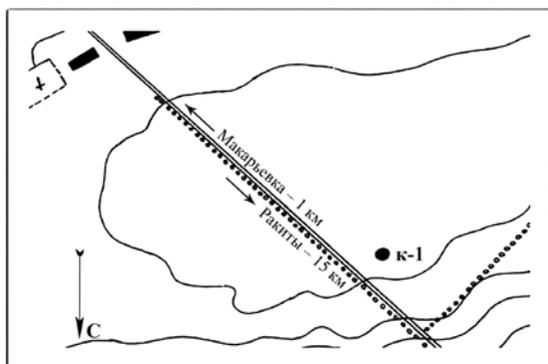

Рис. 5. Схема расположения одинокого кургана Макарьевка

Рис. 6. Одинокый курган Макарьевка

Курганная группа Туркина гора (рис. 7). Участок в районе Туркиной горы у пос. Кировский обследован автором статьи в 2004 г. Тогда был открыт курганный могильник Туркина гора, расположенный на верхней террасе речки Зиминки, в 2 км к югу от пос. Кировский, в непосредственной близости от грунтовой дороги из пос. Кировский в пос. Топольный Кировского сельсовета. Курганная группа расположена на пахотном поле, состоит из расположенных компактно пяти курганов, вытянутых по линии ЮВ–СЗ. Все курганы, кроме самого большого кургана №1, интенсивно распахиваются. О расположении курганного могильника ранее не сообщалось. Курган №1 расположен в 50 м от дороги Кировский – Топольный, на пахотном поле. Высота кургана около 2,5 м. Диаметр насыпи по линии Ю–С – 34 м. На вершине кургана остались следы от некогда стоявшего там триангуляционного знака. Полю кургана покрыты густой степной травянистой растительностью. Курган №2 расположен в 40 м к северо-востоку от кургана №1. Он интенсивно распахивается. Высота кургана около 0,7 м. Диаметр насыпи по линии Ю–С 22 м. Курган №3 расположен в 40 м к северо-западу от кургана №1. Он интенсивно распахивается. Высота курганной насыпи около 0,5 м. Диаметр насыпи по линии Ю–С составляет 18 м. Курган №4 расположен в 60 м к северу от кургана №3: Он интенсивно распахивается. Высота насыпи кургана около 0,4 м, диаметр насыпи по линии Ю–С – 18 м. Курган №5 расположен в 50 м к западу от кургана №4. Интенсивно распахивается. Высота насыпи около 0,4 м, диаметр – 19 м.

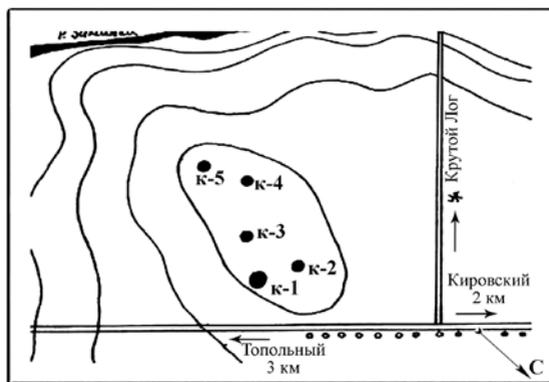

Рис. 7. Схема расположения курганной группы Туркина гора

Курганная группа Разлом (рис. 8). Участок на водоразделе рек Оби и Алея в районе летних скотных дворов ЗАО «Ключевское» обследован автором статьи в 2004 г. В ходе обследования обнаружена группа курганных захоронений, расположенных компактно и вытянутых по линии ЮЗ–СВ в непосредственной близости от крутого спуска с вершины во-

дораздела, именуемого местными жителями «Разлом». В 70 м к северу от курганного могильника проходит военный грейдер на с. Вяткино. Непосредственно с курганного могильника открывается вид на долину речушки Сотнича и населенный пункт Ключи, расположенный в 3 км к северо-западу. Все курганы расположены на целинном участке и не распахиваются. Курганная группа включает в себя четыре кургана.

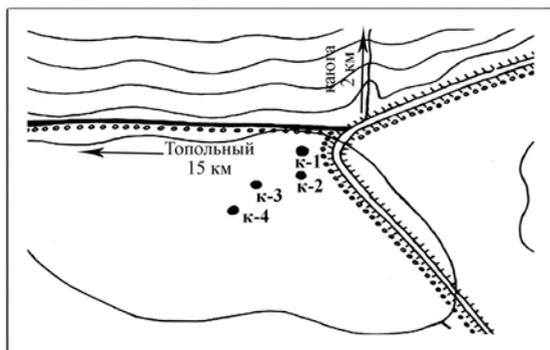

Рис. 8. Схема расположения курганной группы Разлом

Курган №1 расположен в 70 м от грейдера. Высота насыпи около 1,5 м, диаметр по линии Ю–С равен 25 м. Курган изрыт сурчинами и покрыт степной растительностью. Курган №2 расположен в 50 м к юго-западу от кургана №1. Высота кургана 0,7 м, диаметр 20 м. Курган покрыт густой травянистой растительностью. Курган №3 расположен в 80 м к западу от кургана №2. Его высота около 0,5 м, а диаметр по линии Ю–С равен 18 м. Насыпь покрыта сплошной степной растительностью. Курган №4 расположен в 50 м к юго-западу от кургана №3. Высота около 0,5 м. Диаметр насыпи 19 м. Курган полностью покрыт степной растительностью.

В результате проведенных работ в 2019 г. было обнаружено и зафиксировано пять памятников археологии, 14 курганов, из них три одиночных. Были изучены материалы разведок 2004 г., по результатам которых зафиксированы девять курганов, объединенных в два археологических памятника: Туркина гора (пять курганов) и Разлом (четыре кургана).

В настоящее время проведено подробное и тщательное изучение картографического материала по Топчихинскому району. В результате были определены участки территории района, которые необходимо обследовать в ближайшее время. За основу при выборе мест будущих разведок были взяты отмеченные на картах курганы. Таким образом, летом 2020 г. можно провести результативные разведочные экспедиции по семи обозначенным участкам, расположенным на доступном для велосипедиста расстоянии (7–20 км) от районного центра Топчиха. Результатами могут стать еще несколько памятников археологии.

S.V. Pozdin

Topchikhinsky Regional Museum of Local Lore, Topchikha, Rus-sia

RESULTS OF THE SEARCH OF ARCHAEOLOGICAL SITES IN THE TERRITORY OF THE TOPCHIKHINSKY DISTRICT IN 2019

In the Altai Territory, a lot of archaeological site are commonly located on the territory of agricultural purposes: these are lands of specific enterprises or farms on which earthwork is regularly car-ried out. Therefore, there is a risk of the complete destruction of objects of historical and cultural heritage, including burial mounds. Moreover, in accordance with the legislation of the Russian Federa-tion, each mound is under the state protection. Protective docu-mentation governing the use of the site and the surrounding land is prepared by the relevant state bodies. In order to register it for en-try in the all-Russian register, each archaeological site must be dis-covered, examined and mapped by a specialist. At this time, Top-chikhinsky district is one of the least explored territories of the Al-tai Territory. Large sites have never been examined for the pres-ence of archeological sites. Therefore, it is important for the em-ployees of the local administration and ordinary residents, as well as employees of museums and schools, to pay attention to the presence of clearly visible mounds and to provide such infor-mation to relevant organizations.

Key words: Topchikhinsky district, barrow, archaeological survey, protection of sites.

УДК 902.2(571.150)

И.А. Савко, Т.Е. Чумов

*Алтайский государственный педагогический университет,
Барнаул, Россия*

НОВЫЕ ПАМЯТНИКИ АРХЕОЛОГИИ БЛИЗ СЕЛ НОВОАЛЕЙСКОЕ И ВЕРХ-АЛЕЙКА

В статье представлена информация о результатах археологической разведки в районе сел Новоалейское и Верх-Алейка Третьяковского района Алтайского края, которая проводилась в августе 2019 г. археологическим отрядом АлтГПУ. В ходе обследования было обнаружено два неизвестных ранее курганных могильника. Из подъемного материала на левом берегу р. Алей в обрыве надпойменной террасы обнаружен каменный артефакт среднепалеолитического облика. Получены также данные о руднике, расположенном на г. Слюдянке, в 1,5 км к юго-востоку от с. Новоалейского, который можно предположительно соотнести с присками, открытыми начальником Алейского завода Д.Ф. Головиным в 1774 г. В ходе разведки были сняты метрические показания объектов, определены GPS-координаты, сделано общее описание современного состояния памятников.

Ключевые слова: Третьяковский район, Новоалейское, курганный могильник, каменная индустрия, средний палеолит, чудские копи, древняя горная выработка.

DOI: 10.14258/2411-1503.2020.26.22

Поиск новых разрушающихся памятников древней истории является одной из актуальнейших задач современной археологии. На сегодняшний день Третьяковский район – один из самых изученных регионов нашего края. Здесь только к началу 1990-х гг. обнаружено более 50 памятников [Тишкин, Казаков, Бородаев, 1996, с. 210]. Несмотря на столь большое количество выявленных объектов историко-культурного наследия, значительная часть из них сконцентрирована в центральной и северо-западной части района, юго-восточная часть практически не исследована и является «белым пятном» на археологической карте района. Подобная ситуация стала причиной проведения археологическим отрядом АлтГПУ в августе 2019 г. пешей археологической разведки. Главным пунктом обследования стали самые юго-восточные окраины Третьяковского района – село Новоалейское и Верх-Алейка, близ которых выявлено несколько новых памятников археологии (рис. 1).

Курганный могильник Верх-Алейка-1 находится в 1 км к западу от одноименного села, на правом берегу надпойменной террасы р. Алей, на поле, используемом для сельскохозяйственных нужд (координаты

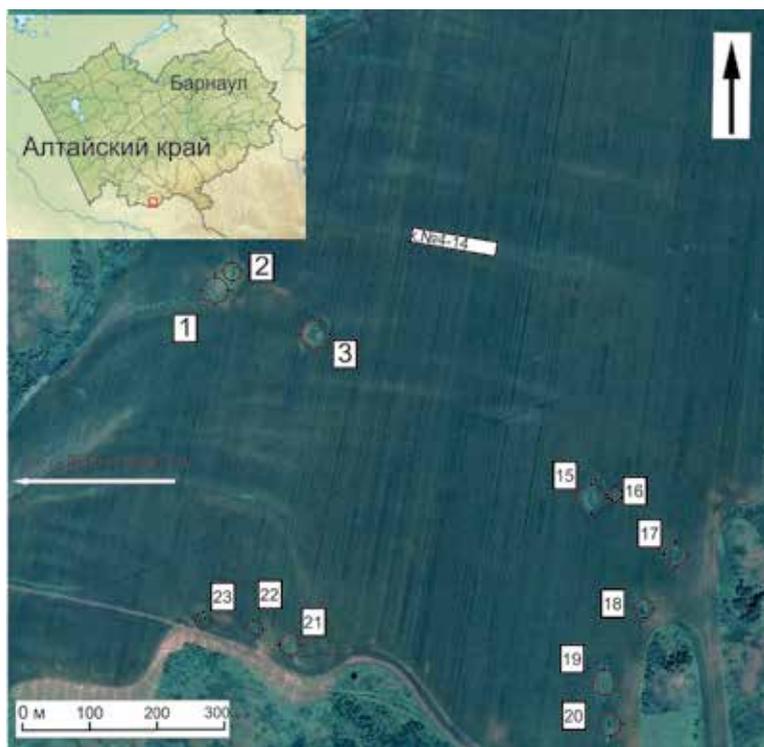

Рис. 1. Расположение курганного могильника Верх-Алейка-1 на спутниковой карте

по GPS-навигатору Garmin eTrex Legend N–50°51,143', E–082° 27°628) (рис. 1). На могильнике достоверно зафиксировано 13 курганов с каменно-земляными насыпями, видными на поверхности, и десять – с земляными. Самые большие курганы – диаметром 52 и 29 м и высотой более 1,5 м, остальные – диаметром от 8 до 20 м и высотой менее 1 м. Поверхность объектов сильно задернована, в центре встречаются западины, на склонах – рваные и окатанные камни. Земляные курганы находились в одной цепочке в 270 м к северо-востоку от самых крупных курганов. Насыпи были практически полностью распаханы, однако на поверхности земли читались линзы, отличные по растительности.

В то же время не исключено, что археологических объектов в пределах обозначенной территории больше, однако из-за интенсивной распашки выявить их можно только в процессе археологических раскопок обширных площадей. Возможно, большие курганы (№1–3) относятся к раннему железному веку, хотя точно определить культурно-хронологическую принадлежность памятника можно будет только после проведения раскопок.

Курганный могильник Новоалейское-1 обнаружен на пахотном поле примерно в 6 км к северу от одноименного села, в 1 км к северу-западу от подножья сопки Казачья, на правом берегу первой надпойменной террасы р. Алей (координаты по google maps 50°52'57.41"С 82°25'1.40"В) (рис. 2).

Рис. 2. Расположение курганного могильника Новоалейское-1 на спутниковой карте

В настоящее время на памятнике зафиксирован один курган. Диаметр в горизонтальном сечении около 10 м, высота менее 1 м, рядом на пахоте встречены камни. По спутниковым снимкам 2003 г. в ГИС-системе Google Earth Pro обнаружено еще пять распаханных объектов, похожих на курганы, вытянутых в две цепочки северо-запад-юго-восток. Датировать памятник без проведения археологических раскопок не представляется возможным.

Местонахождение Новоалейское расположено на левом берегу р. Алей в 500 м к северу от одноименного села ($N-50^{\circ}51,678'$, $E-082^{\circ}24'627''$). На скальном участке склона надпойменной террасы реки был найден каменный артефакт, представляющий собой нуклеидный фрагмент оббитой с двух сторон гальки серо-зеленого цвета, края граней заглажены, на одной стороне имеются сколы пластинчатых очертаний (рис. 3). Подобные каменные изделия широко распространены на территории Верхнего Алая [Кунгуров, 1987, с. 33–34; Кунгуров, 2002, с. 49–51, рис. 18–20], по мнению А.Л. Кунгурова, артефакт относится к серии среднепалеолитических изделий.

Со слов местного жителя Владимира Акрамовича Мустафина, на одном из склонов г. Слюдянки в 1,5 км к юго-востоку от с. Новоалейское расположен «демидовский рудник» и «чудские копи». Интересно, что разработанных рудников в верховьях левобережного Алая на данной территории не выявлено [Еременко, 2015, с. 114]. Сведения о данном «руднике» можно предположительно соотнести с Головинско-Алейскими приисками №1–3, которые обнаружил руководитель Алейского завода Дорофей Федорович Головин в 1774 г., в 5,2 км к западу от самого завода, что примерно соотносится (в Google Earth) с г. Слюдянкай [Мамонтов, 1908, с. 254; Сергеев, 2004, с. 13]. Другим доказательством может служить обозначение горной выработки на подробной карте Кольвано-Воскресенской горной округи 1816 г. как «рудник Головинской», однако находится он по карте несколько южнее, чем указан в справочной литературе [Подробная карта..., 1816, л. 11]. О местонахождении прииска на горе говорит и содержание рудной жилы №3, которая обнаружена в слюдяном сланце [Митропольский, Паренаго,

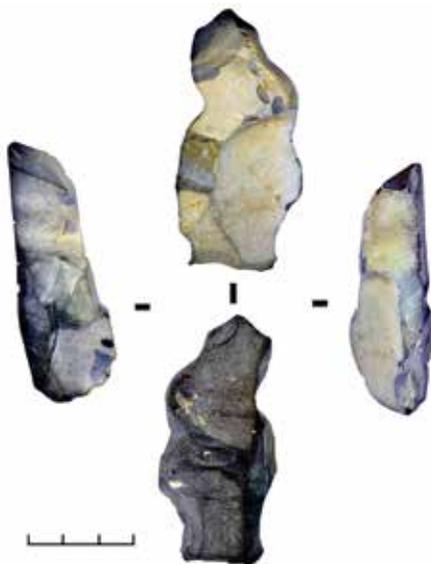

Рис. 3. Местонахождение Новоалейское (каменный артефакт)

1931, с. 66–67]. По-видимому, от этого минерала и была произошло название вершины. Безусловно, для более подробной информации требуется обследование горы, которое мы планируем провести в 2020 г.

Подводя итог, обратим внимание на то, что ряд описанных памятников находится в аварийном состоянии. В этой связи представляется необходимым обследование этих объектов представителями органов охраны памятников для принятия соответствующих мер по их спасению.

Библиографический список

Ерёменко В.С. Территориальное размещение рудников в Колывано-Воскресенском горном ведомстве в XVIII в. // Ползуновский альманах. Барнаул, 2015. Вып. 3. С. 111–116.

Кунгуров А.Л. Каменный век Рудного Алтая. Ч. 1: Палеолитические памятники. Барнаул, 2002. 176 с.

Кунгуров А.Л. Палеолитические находки на верхнем Алее // Археологические исследования на Алтае. Барнаул, 1987. С. 33–42.

Мамонтов В.Н. Список рудных месторождений Алтайского округа. Барнаул, 1908. 493 с.

Митропольский Б.С., Паренаго М.К. Полиметаллические месторождения Алтая и Салаира. Новосибирск, 1931. 463 с.

Подробная карта Колывано-Воскресенской горной округи / сост. из новейших частных карт Барнаульской горной архивы; под рук. Л. Панснера. СПб., 1816. 13 л. URL: https://rusneb.ru/catalog/000200_000018_RU_NLR_BIBL_A_012034577 (дата обращения: 02.03.2020).

Сергеев А.Д. Алейский свинцово-сереброплавильный завод // Ползуновский альманах. Барнаул, 2004. №2. С. 10–31.

Тишкин А.А., Казаков А.А., Бородаев В.В. Памятники археологии Третьяковского района // Памятники истории и культуры юго-западных районов Алтайского края. Барнаул, 1996. С. 194–210.

I.A. Savko, T.E. Chumov

Altai State Pedagogical University, Barnaul, Russia

NEW ARCHAEOLOGICAL SITES NEAR THE VILLAGES OF NOVOALEYSKY AND VERH-ALEIKA

The article provides information on the results of archaeological exploration in the area of the villages of Novoaleiskoye and Verkhnealeiskoye of the Tretyakovsky District of the Altai Territory, which was carried out in August 2019 by the archaeological unit of Altai State Pedagogical University. During the investigation, two previously unknown burial mounds were discovered. In the lifting material on the left bank of the Alley river in the sheer drop of the floodplain terrace, a stone artifact of the Middle Paleolithic appearance was discovered. Also, the data were obtained on a mine located in the town of Slyudyanka, 1,5 km south-east of the Novoaleiskoe village, which can be presumably related to the mines discovered by the head of the Aleysky plant D.F. Golovin in 1774. During the fieldwork, GPS coordinates were determined, a general description of the current state of the monuments was made.

Key words: Tretyakovsky district, Novoaleiskoye, burial mound, stone industry, Middle Paleolithic, wonderful mines, ancient mining.

УДК 902.2

В.О. Сайберт, С.П. Грушин, И.А. Вальков

Алтайский государственный университет, Барнаул, Россия

**ОХРАННЫЕ РАБОТЫ НА ПАМЯТНИКЕ МГК-2/6-3 В 2018 ГОДУ
(предварительные результаты)**

Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ
в рамках научного проекта №19-39-90004

Статья посвящена результатам исследований 2018 г. комплекса памятников Малый Гоньбинский Кordon-2/6, расположенного в Тальменском районе Алтайского края. Визуальное обследование позволило зафиксировать траншею, сделанную бульдозером, которая уничтожила культурный слой памятника на площади более 325 кв. м. Основное внимание авторами в исследовании было уделено вертикальной зачистке южного борта траншеи. В ходе работ выявлено, что бульдозером частично разрушено пять визуально хорошо фиксируемых жилищных западин и два участка рва, опоясывающего городища. При зачистке собран археологический материал, представленный керамикой и костяными изделиями, произведен сбор проб для естественно-научных исследований. На основании обнаруженного материала памятник предварительно можно отнести ко 2-й половине V – VI в. н.э. В культурном отношении керамический комплекс относится к единцовской культуре.

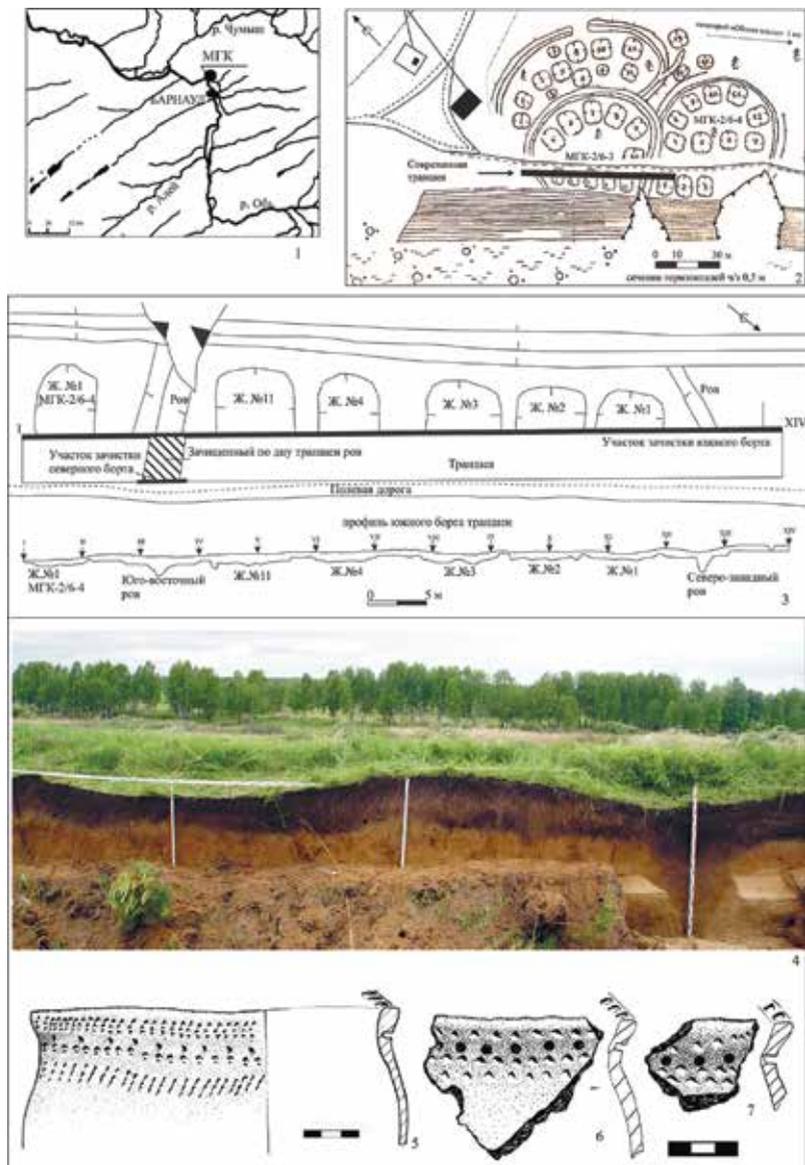
Ключевые слова: городища, аварийные раскопки, охрана памятников, раннее средневековье.

DOI: 10.14258/2411-1503.2020.26.23

В июне 2018 г. Тальменский археологический отряд (ТАО) Алтайского государственного университета проводил археологическое обследование комплекса городищ Малый Гоньбинский Кordon-2/6 (МГК) в Тальменском районе Алтайского края (рис.-1). Памятники расположены в 1 км к северо-западу от санатория «Обские плесы». В 1993 г. А.А. Казаковым была исследована часть городищ в связи со строительством ЛЭП и ветки газопровода Томск – Барнаул [Сайберт, 2017, с. 44–48]. Сохранившаяся часть комплекса составила три объекта: МГК-2/6-3, МГК-2/6-4, МГК-2/6-5.

Городища разделены между собой системой ров – вал и состоят из визуально фиксируемых западин в количестве от 10 до 12. Западины подпрямоугольной формы, расположены вдоль рвов. На объекте МГК-2/6-5 они расположены в две линии вдоль рва, на других городищах жилища также располагаются вдоль рва в одну линию, еще одна линия западин проходит вдоль кромки террасы. Три западины не входят в укрепленные площадки и расположены за их пределами. Осуществленный мониторинг продемонстрировал, что памятник находится в неудовлетворительном состоянии, так как через него проходит грунтовая дорога, которая разрушает его культурный слой.

Работы 2018 г. показали, что на памятнике МГК-2/6-3 и МГК-2/6-4 полностью уничтожен траншеей культурный слой, на площади более

Памятник Малый Гоньбинский Кордон-2/6: 1 – месторасположение памятника на карте Верхнего Приобья; 2 – топоплан памятника; 3 – общий план исследованного участка городища и профиль зачищенной траншеи; 4 – фото зачищенного фрагмента южной стенки траншеи; 5–6 – керамика

325 кв. м (рис.-2). Траншея создана с использованием землеройной техники, вероятно, в процессе прокладки газопровода при сооружении его перехода в пойму Оби, не позднее 2003 г. Объект вытянут по линии ЮВ–СЗ, имеет размеры 65×5 м и глубину от 0,2 м (на юго-востоке) до 3 м (на северо-западе), т.е. дно траншеи постепенно понижалось с юго-востока на северо-запад, судя по всему, грунт сдвигался бульдозером именно в этом направлении. Борта траншеи обрушились и частично оплыли, но на большей части были обнажены. Дно было сильно задерновано, в некоторых местах успели вырасти сосны высотой до 10 м. Траншея частично разрушила пять визуально хорошо фиксируемых жилищных западин и два участка рва, опоясывающего городища. Частично сохранившиеся котлованы жилищ имели средние размеры 5×3 м, овальную форму и глубину до 0,7 м. Площадь этого участка памятника к югу от траншеи составила около 300 кв. м (рис.-3).

При осуществлении работ в 2018 г., с учетом особенностей разрушения памятника, основное внимание авторами было уделено вертикальной зачистке южного борта траншеи, так как в нем визуально фиксировались западины разрушенных жилищ. Северный борт подходил вплотную к полевой дороге, где культурный слой был практически полностью разрушен. В ходе зачистки дна траншеи на южном участке был изучен сохранившийся фрагмент рва. На северо-западной части остатков оборонительных сооружений не зафиксировано, это связано с тем, что траншея углублялась с юго-востока на северо-запад, и к середине ее глубина составила более 3 м от современной поверхности, что полностью разрушило культурный слой (рис.-4).

При зачистке собран археологический материал. Среди находок встречены два развала керамических сосудов и отдельные фрагменты керамики. Сосуды круглодонные, с отогнутым наружу венчиком и выделенной шейкой. Срезы венчиков украшены наклонными оттисками гладкого штампа. Первый сосуд украшен под венчиком горизонтальной линией оттисков угла лопаточки, под ним – ряд ямочных вдавлений, ниже – два ряда оттисков угла лопаточки (рис.-6, 7). На втором сосуде под венчиком – пояс вертикально поставленного гребенчатого штампа. Под ним ряд вдавлений полукруглой палочки, ниже – ряд оттисков угла гребенчатого штампа и ряд наклонных оттисков гребенчатого штампа (рис.-5).

Среди находок встречены два фрагмента костяных изделий. Заготовка наконечника стрелы представляет собой фрагмент трубчатой кости (видовую принадлежность определить не удалось), имеющий четко выделенную зону насада и оформленное перо. Длина заготовки составляет 8,8 см. Края пера по периметру заострены с помощью ножа. Насад и часть пера залощены, острие наконечника надломлено. Находки подобных наконечников «иволистной» формы характерны для памятников эпохи раннего железного века – средневековья лесостепного и степного Алтая.

Костяной тупик (трепало) представлен двумя обломками ветви нижней челюсти КРС. Подобные предметы, как правило, интерпретируются исследователями как тупики – орудия кожевенного дела, использовавшиеся как для снятия мездры, так и для мягчения, разминания кожи. У обнаруженного на МГК-2/6-4 тупика удалены мышцелковый и венечный отростки, резцовая часть обломлена. Характерной особенностью обнаруженного орудия является то, что после удаления зубов не были срезаны альвеолы, не заострена часть, являющаяся у большинства таких орудий рабочей. Однако примечательно, что срезан и приострен челюстной угол. Можно предположить, что именно челюстной угол и являлся рабочим краем. В таком случае орудие могло использоваться для мягчения кожи, растяжки ремней. На основании обнаруженного материала памятник предварительно можно отнести ко 2-й половине V – VI в. н.э. В культурном отношении керамический комплекс относится к одинцовской культуре [Казаков, 2014, с. 97–107].

Авторами статьи на основании п. 1.16 «Положения о порядке проведения археологических полевых работ и составления научной отчетной документации (утверждено постановлением Бюро Отделения историко-филологических наук Российской академии наук от 20 июня 2018 г. №32)» было направлено письмо в Управление государственной охраны объектов культурного наследия Алтайского края с полным описанием зафиксированных разрушений и сохранившихся объектов. В течение 30 дней с подачи письма управлением был дан ответ с описанием проведенной им работы. В целях установления лиц, ответственных за разрушения памятника, управлением по охране памятников было направлено заявление в прокуратуру. Выявленные разрушения и состояние комплекса городищ МГК-2/6 требуют применения срочных аварийно-спасательных раскопок сохранившегося участка памятника.

Библиографический список

Казаков А.А. Одинцовская культура Барнаульско-Бийского Приобья. Барнаул, 2014. 152 с.

Сайберт В.О. Результаты археологической разведки в Тальменском районе Алтайского края в 2016 году // Сохранение и изучение культурного наследия Алтайского края. Барнаул, 2017. Вып. XXIII. С. 44–48.

V.O. Saibert, S.P. Grushin, I.A. Valkov

Altai State University, Barnaul, Russia

RESQUE WORK ON THE MGK-2/6-3 SITE IN 2018 (preliminary results)

The article is devoted to the research results of the complex of Maly Gonbinsky Cordon-2/6 sites, located in the Talmensky district of the Altai Region in 2018. Visual inspection made it possible to document the trench made by the bulldozer, which destroyed the cultural layer of the site on an area of more than 325 square meters. The

authors focused on the vertical sweeping of the south side of the trench. During the work, it was revealed that the bulldozer partially destroyed five visually clearly notable housing pits and two sections of the moat encircling the settlement. During stripping, archaeological material was collected, represented by ceramics and bone products, samples were collected for natural science research. Based on the discovered material, the site can be preliminarily attributed to the second half of the 5th – 6th centuries AD. Culturally, the ceramic complex belongs to the Odintsovo culture.

Key words: Ancient settlements, emergency excavations, preservation of sites, early Middle Ages.

УДК 902«653»(5-191.2)

Н.Н. Серегин

Алтайский государственный университет, Барнаул, Россия

**К ВОПРОСУ О СТАТУСЕ ЛЮДЕЙ
СТАРШЕЙ ВОЗРАСТНОЙ ГРУППЫ В ОБЩЕСТВЕ
РАННЕСРЕДНЕВЕКОВЫХ ТЮРОК ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ**

Работа выполнена при финансовой поддержке Российского научного фонда (проект №18-78-00083 «Социальные системы номадов Алтая раннего железного века и средневековья: статистический и контекстуальный анализ археологических материалов»)

В статье представлен опыт изучения статуса пожилых людей в обществе раннесредневековых тюрок Центральной Азии. Основу источниковой базы исследования составили материалы раскопок погребальных комплексов. Выявлены 35 объектов (25 захоронений мужчин и 10 могил женщин), большая часть которых расположена Алтае, а остальные происходят из Тувы, Минусинской котловины и Монголии. Установлено, что совершение захоронений пожилых людей предполагало реализацию стандартных форм обряда тюрок раннего средневековья. При этом фиксируемая вариабельность качественно-количественного состава сопроводительного инвентаря демонстрирует принадлежность покойных к различным группам общества кочевников. Судя по имеющимся материалам, мужчины и женщины в возрасте более 45 лет нередко имели весьма высокий статус в социуме тюрок. Часть объектов демонстрирует различные уровни элиты номадов. Результаты анализа материалов раскопок погребальных комплексов находят подтверждение при изучении письменных источников. Перспективы дальнейших исследований в этом направлении связаны с появлением новых материалов, а также увеличением серии антропологических определений.

Ключевые слова: тюрки, археологические комплексы, Алтай, Центральная Азия, социальная история, письменные источники.

DOI: 10.14258/2411-1503.2020.26.24

Важной частью исследования социальной истории древних и средневековых обществ является определение статуса представителей конкретных возрастных групп. В частности весьма показательной характеристикой уровня развития социума следует считать динами-

ку положения пожилых людей. В силу ряда причин, в том числе из-за ограниченности источниковой базы, данный вопрос крайне редко рассматривается на материалах раскопок археологических памятников [Берсенева, 2013, с. 23]. В настоящей статье рассмотрены возможности реконструкции статуса представителей обозначенной возрастной группы в обществе раннесредневековых тюрок.

Основным источником как при изучении социальной истории тюрок в целом, так и в рамках анализа возрастной дифференциации социума раннесредневековых номадов выступают материалы раскопок погребальных комплексов [Серегин, 2013]. Вместе с тем следует учитывать ряд характеристик имеющихся данных, серьезным образом ограничивающих возможности реконструкций. Наиболее критичным в этом плане является небольшое количество антропологических определений материалов из некрополей тюрок Центральной Азии. Негативным фактором также следует считать ограбленность ряда памятников. Однако фрагментарность археологических материалов в некоторой степени компенсируется наличием сведений письменных источников, прежде всего китайских династийных хроник и тюркских рунических текстов, в которых нашли отражение отдельные стороны возрастной дифференциации общества номадов.

С учетом ограниченного количества антропологических определений и их различной точности излишнее дробление имеющейся выборки представляется нецелесообразным. К условно выделенной группе «старшие взрослые» отнесены все индивиды, умершие в возрасте более 45–50 лет. Сформированная серия подобных погребений, относящихся к археологической культуре раннесредневековых тюрок, насчитывает 35 объектов – 25 захоронений мужчин и 10 могил женщин. Большая часть этих комплексов (18 объектов) изучена на Алтае. Остальные происходят из некрополей Тувы (7), Хакасии (7) и Монголии (3).

Сопоставление обозначенных материалов с результатами анализа некрополей раннесредневековых тюрок Центральной Азии показывает, что совершение захоронений пожилых людей предполагало реализацию стандартных форм обряда. Какие-либо системные отклонения в этом плане не выявлены. Большая часть погребений мужчин и женщин преклонного возраста совершена под наземной конструкцией в виде курганной насыпи; в могиле рядом с умершим находилось сопроводительное захоронение одной или нескольких лошадей. Фиксируемая вариабельность качественно-количественного состава сопроводительного инвентаря демонстрирует принадлежность покойных к различным группам общества раннесредневековых тюрок.

Судя по зафиксированным показателям, мужчины в возрасте более 45 лет нередко имели весьма высокий статус в обществе кочевников. В рассматриваемых материалах присутствует группа захоронений пожилых людей, относящихся к различным уровням элиты номадов [Евтюхова, Киселев, 1941; Трифионов, 2000; Кубарев, 2005]. Устойчивое положение

мужчин преклонного возраста в социуме тюрков подтверждается наличием в большинстве рассматриваемых объектов минимальных атрибутов «полноценного» кочевника – пояса и отдельных предметов вооружения. Такие изделия отсутствуют только в небольшой серии могил, принадлежащих, очевидно, представителям обедневших слоев общества скотоводов.

Показательно, что в отдельных случаях пожилые мужчины продолжали сохранять свой статус в группах, относящихся к различным слоям профессиональных воинов или дружинников [Серегин, Тишин, 2018, с. 56–57]. Вероятно, в данном случае определяющим фактором выступал полученный опыт и накопленный авторитет. С другой стороны, не менее очевидным является сокращение даже в «богатых» захоронениях мужчин после 45 лет общего количества предметов вооружения, в том числе редких и «престижных» изделий (главным образом, клинкового оружия). Случаи фиксации обозначенных находок в таких погребениях единичны [Гаврилова, 1965; Нестеров, Худяков, 1979; и др.]. Вероятно, данная ситуация демонстрирует общую тенденцию, связанную с сохранением пожилыми мужчинами высокого статуса в обществе, но снижением, в силу объективных обстоятельств, их положения в воинской иерархии. Это обусловлено прежде всего ограничением с возрастом физических возможностей людей, что также нашло отражение в материалах погребальных комплексов и было зафиксировано антропологами [Нестеров, Худяков, 1979, с. 88; Кирюшин и др., 2005, с. 340].

Весьма высоким был статус пожилых женщин в обществе раннесредневековых тюрков. Показательно, что в данном случае не наблюдается снижения социального положения с возрастом. Материалы раскопок некрополей тюрков Центральной Азии демонстрируют не только сохранение, но даже повышение роли лиц женского пола старше 45 лет в социуме кочевников. Погребения представительниц этой возрастной группы составляют значительную часть комплексов, отражающих элитные слои кочевого общества. Для сопроводительного инвентаря, зафиксированного в ходе раскопок подобных объектов, характерно сочетание не менее двух или трех вещей из числа таких «престижных» находок, как металлические зеркала, а также украшения конской амуниции и серьги, изготовленные чаще всего с использованием драгоценных металлов [Евтюхова, 1957; Савинов, 1994; Кубарев, 2005; и др.]. Очевидно, неизбежное снижение физической активности и ограничение степени участия в трудовых операциях не являлось критичным обстоятельством, влияющим на статус женщин в обществе тюрков Центральной Азии.

Результаты анализа материалов раскопок погребальных комплексов находят подтверждение при изучении письменных источников. В китайских хрониках и тюркских текстах неоднократно фиксируется подчеркнутое уважение к матери [Лю Маоцай, 2002, с. 70; Тугушева, 2008, с. 42, 44], что, очевидно, отражает общее отношение к представительницам слабого пола преклонного возраста. В одном из памятников рунической письмен-

ности «мать-катун» названа первой по знатности из женщин, находящихся в орде, спасенной Кюль-тегином от врагов [Малов, 1959, с. 42]. Имеются упоминания о значительной роли в управлении различными структурами общества и большом авторитете старейшин [Бичурин, 1950, с. 221, 239, 243, 255, 271; Тугушева, 2008, с. 78]. В надписи на памятнике, созданном в честь известного военачальника Тоньюкука, приведена следующая яркая характеристика статуса людей преклонного возраста: «... Сам я состарился и стал почтенным» [Тугушева, 2008, с. 86].

Перспективы более подробного изучения различных аспектов возрастной дифференциации общества раннесредневековых тюрок Центральной Азии связаны с появлением новых материалов, а также увеличением серии антропологических определений. Кроме того, расширению представлений о статусе пожилых людей в социуме кочевников будет способствовать более системное привлечение дополнительных источников – прежде всего письменных свидетельств и этнографических данных о традиционных обществах региона.

Библиографический список

- Берсенева Н.А. Погребения людей старшей возрастной группы (саргатская культура) // Российская археология. 2013. №1. С. 22–29.
- Бичурин Н.Я. Собрание сведений о народах, обитавших в Средней Азии в древние времена. М.; Л., 1950. Т. 1. 380 с.
- Гаврилова А.А. Могильник Кудыргэ как источник по истории алтайских племен. М.; Л., 1965. 146 с.
- Евтюхова Л.А. О племенах Центральной Монголии в IX в. // Советская археология. 1957. №2. С. 207–217.
- Евтюхова Л.А., Киселев С.В. Отчет о работах Саяно-Алтайской археологической экспедиции в 1935 г. // Труды ГИМ. 1941. Вып 16. С. 75–117.
- Кирюшин К.Ю., Кондрашов А.В., Семибратов В.П., Силантьева М.М., Терехина Т.А. Исследование памятников древнетюркского времени на территории Бирюзовой Катунь в 2005 году // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. Новосибирск, 2005. Т. II. Ч. 1. С. 339–343.
- Кубарев Г.В. Культура древних тюрок Алтая (по материалам погребальных памятников). Новосибирск, 2005. 400 с.
- Лю Маоцай. Сведения о древних тюрках в средневековых китайских источниках // Бюллетень Общества востоковедов. М., 2002. 126 с. Прил. 1.
- Малов С.Е. Памятники древнетюркской письменности Монголии и Киргизии. М.; Л., 1959. 113 с.
- Нестеров С.П., Худяков Ю.С. Погребение с конем могильника Тепсей-III // Сибирь в древности. Новосибирск, 1979. С. 88–92.
- Савинов Д.Г. Могильник Бертек-34 // Древние культуры Бертекской долины. Новосибирск, 1994. С. 104–124.
- Серегин Н.Н. Социальная организация раннесредневековых тюрок Алтае-Саянского региона и Центральной Азии (по материалам погребальных комплексов). Барнаул, 2013. 206 с.
- Серегин Н.Н., Тишин В.В. Дружина у тюрок Центральной Азии (основные аспекты интерпретации письменных и археологических источников) // Восток. Афро-азиатские общества: история и современность. 2018. №6. С. 47–65.

Трифонов Ю.И. Погребение X в. н.э. на могильнике Аргалыкты-I // Памятники древнетюркской культуры в Саяно-Алтае и Центральной Азии. Новосибирск, 2000. С. 143–156.

Тугушева Л.Ю. Тюркские рунические памятники из Монголии. М., 2008. 192 с.

N.N. Seregin

Altai State University, Barnaul, Russia

**TO THE QUESTION OF THE STATUS
OF ELDERLY PEOPLE IN THE SOCIETY
OF EARLY MEDIEVAL TURKS IN CENTRAL ASIA**

The article presents the experience of studying the status of elderly people in the society of early medieval Turks of Central Asia. The source base of the study are the materials from excavation of burial complexes. 35 objects were revealed (25 burials of men and 10 graves of women), most of which are located in Altai, and the rest are from Tuva, the Minusinsk depression and Mongolia. It was established that the burial of the elderly implied the implementation of standard forms of the rite of the early medieval Turks. At the same time, the fixed variability of the qualitative and quantitative composition of the accompanying inventory demonstrates belonging of the deceased to various groups of the nomad society. Judging by the available materials, men and women over the age of 45 often had a very high status in the society of Turks. Some objects demonstrate different levels of nomadic elite. The results of the analysis of excavation materials of burial complexes are confirmed by the study of written sources. Prospects for further research in this direction are associated with the emergence of new materials, as well as an increase in the series of anthropological definitions.

Key words: Turks, archaeological complexes, Altai, Central Asia, social history, written sources.

УДК 902.2(5)

Н.Н. Серегин¹, С.А. Васютин²

¹Алтайский государственный университет, Барнаул, Россия;

²Кемеровский государственный университет, Кемерово, Россия

**НЕКОТОРЫЕ РЕЗУЛЬТАТЫ РАЗВЕДОЧНЫХ РАБОТ
В ЦЕНТРАЛЬНОМ АЛТАЕ
(по материалам исследований А.С. Васютина)**

Работа выполнена при финансовой поддержке РФФ
(проект №16-18-10033 «Формирование и эволюция систем
жизнеобеспечения у кочевых социумов Алтая и сопредельных территорий
в поздней древности и Средневековье: комплексная реконструкция»)

В статье представлены некоторые результаты разведочных работ, осуществленных Алтайским отрядом Южносибирской археологической экспедиции Кемеровского государственного университета под руководством А.С. Васютина в 1980 г. Введены в научный оборот сведения о сооружениях погребально-по-

минальных комплексов Соодек, Черекташ-I и II, расположенных в Онгудайском районе Республики Алтай. В ходе обследования на обозначенных памятниках выявлено значительное количество объектов (курганы, оградки, стелы и др.), относящихся к различным хронологическим периодам. Ранним средневековьем могут быть датированы оградки со стелами. Крупные насыпи, очевидно, демонстрируют особенности сооружений скифо-сакского времени. Значительный интерес представляют группы кольцевых выкладок Г и Д, выявленные на комплексе Черекташ-I. Уточнение хронологии обнаруженных объектов связано с проведением раскопок, которые позволят получить значительный объем новой информации о памятниках Центрального Алтая различных периодов.

Ключевые слова: Центральный Алтай, археологический комплекс, полевые исследования, курган, оградка, стела.

DOI: 10.14258/2411-1503.2020.26.25

Одним из направлений полевых исследований А.С. Васютина было изучение археологических комплексов в Центральном Алтае. В ходе этих работ зафиксировано значительное количество новых памятников. Часть обнаруженных объектов была исследована, что позволило получить яркие материалы [Васютин, Елин, Илюшин, 1987; Васютин, 2009; и др.]. Вместе с тем информация о целом ряде комплексов не получила отражения в научной литературе. В настоящей статье представлены некоторые результаты разведочных работ, осуществленных Алтайским отрядом Южносибирской экспедиции Кемеровского государственного университета под руководством А.С. Васютина [1981а–б] в Онгудайском районе Республики Алтай в 1980 г.

Археологический комплекс Соодек расположен на правой террасе р. Каракол, близ устья р. Верхняя Сору, в 7 км к югу от с. Кулада Онгудайского района Республики Алтай (рис. 1). Урочище, в котором расположены объекты памятника, с юга, востока и севера ограничено небольшими горными грядами (рис. 2). Комплекс состоит из 46 курганов, двух одиночных стел и двух оградок со стелами с восточной стороны. Курганы устроены тремя группами-цепочками на площадке, вытянутой по линии ЮВ–СЗ.

Группа I (объекты №1–16, рис. 1) расположена в юго-восточной части могильника. Включает два типа сооружений. Тип 1 (№6, 8, 11, 12) – сферические насыпи округлой формы из крупнообломочных пород и булыжников, с воронкообразными провалами в центре, слабо задернованные. Диаметр объектов составляет 25–28 м, высота – 0,3–0,5 м. Тип 2 (№1–5, 7, 9, 10, 13–16) – плоские каменно-земляные насыпи округлой формы из булыжников и речной гальки, сильно задернованы. Диаметр сооружений составляет 12–18 м, высота – 0,2–0,3 м.

Группа II (объекты №17–35, 46) находится в 175 м к северо-западу от кургана №12. Включает три типа сооружений. Тип 1 (№21–23, 25, 29–32, 34, 46) – сферические насыпи округлой формы из крупнообломочных пород и булыжников, слабо задернованы, с воронкообразными провалами

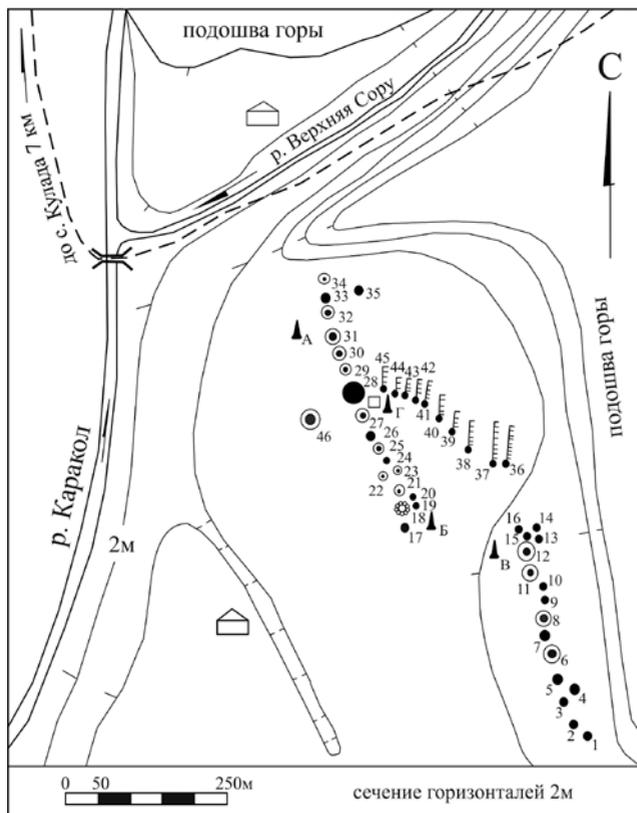

Рис. 1. План комплекса Соодек

в центре. Диаметр наиболее крупного кургана №46 составляет 30 м, высота – до 1,5 м. Размеры остальных сооружений – 15–18 м и 0,1–0,3 м соответственно. Тип 2 (№17, 19, 20, 24, 26, 28, 33, 35) – плоские насыпи округлой формы из булыжников и речной гальки, сильно задернованы. Выделяется курган №28 диаметром 32 м и высотой 0,2 м. Тип 3 (№18) – плоская насыпь с кольцевой выкладкой из вертикально поставленных плит по периметру, диаметром 9 м и высотой не более 0,1 м.

Группа III (№36–45) расположена к востоку от группы II. Включает уплощенные насыпи округлой формы из речной гальки, сильно задернованные, с балбалами с северной стороны. Диаметр объектов составляет 10–12 м, высота – 0,1–0,2 м.

Одиночная стела А расположена в 47 м к западу от кургана №31. Размеры объекта – 1,3×0,25×0,15 м. Основание стелы сильно задерновано.

Рис. 2. Общий вид на урочище Соодек с юго-востока

Одиночная стела Б находится в 38 м к юго-востоку от кургана №18. Ее размеры – $0,88 \times 0,64 \times 0,12$ м. Основание стелы сильно задерновано. При расчистке дернового слоя оказалось, что стела установлена с восточной стороны подпрямоугольной оградки размером $3,2 \times 2,8$ м, поверхность которой забутована обломочными породами, булыжником и крупной речной галькой (рис. 3–4).

Одиночная стела В расположена в северо-западной части группы I. Размеры объекта – $0,64 \times 0,35 \times 0,22$ м.

Оградка Г выявлена близ курганов №27–28. Представляет собой сильно задернованное сооружение подпрямоугольной формы из плит

Рис. 3. Соодек. Оградка со стелой Б после расчистки дернового слоя. Вид с юго-востока

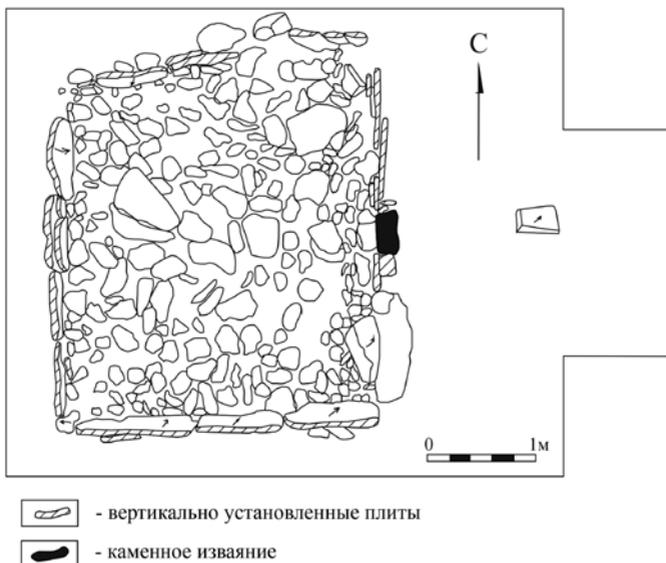

Рис. 4. Соодек. План расчищенной оградки со стелой Б

размером 1,2×2,0 м. К востоку от оградки установлена стела, ее параметры составляют 0,32×0,28×0,12 м.

Обнаруженные оградки ориентированы стенками по сторонам света. Все стелы выполнены из сероватого глинистого сланца, широкими гранями ориентированы по линии В–З.

Археологический комплекс Черекташ-I расположен на правом коренном берегу р. Каракол, в 5 км к юго-западу от с. Кулада Онгудайского района Республики Алтай (рис. 5). Урочище, в котором находится памятник, представляет собой площадку, постепенно понижающуюся к руслу реки, ограниченную с севера и востока горной грядой, а с южной – заболоченной поймой. Комплекс включает 33 кургана, две оградки, две одиночные стелы и несколько кольцевых выкладок.

Группа I (объекты №1–16) занимает центральное положение в урочище и представляет собой условную цепочку сооружений по линии С–Ю. Включает сферические насыпи округлой формы из булыжников и обломочных пород, с воронкообразными провалами в центре, слабо задернованные. Диаметр наиболее крупных курганов №1–2 составляет 24 м, высота – до 2,5 м. Размеры остальных объектов – 15–16 м и 0,3–0,5 м соответственно. Вокруг кургана №8 выложено кольцо из камней.

Группа II (№18–28) расположена к северо-востоку от группы I. Включает плоские каменно-земляные насыпи округлой формы из булыжников и речной гальки, сильно задернованные. Диаметр сооруже-

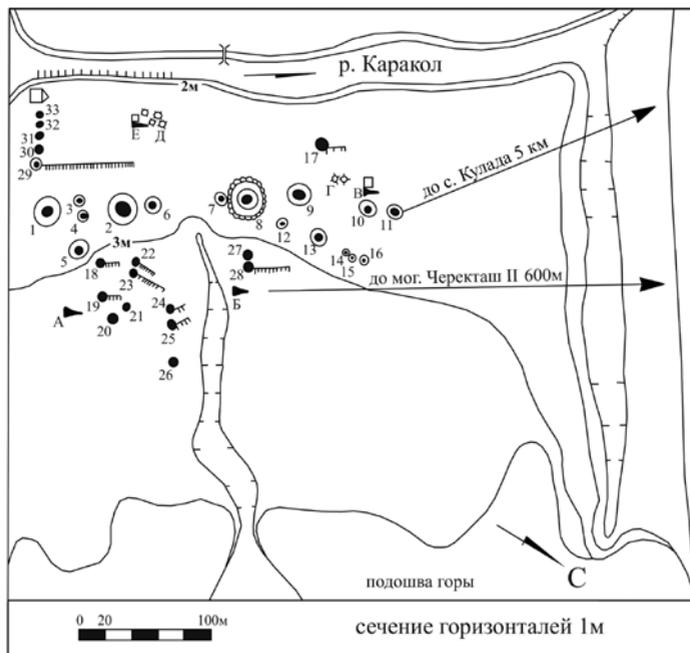

Рис. 5. План комплекса Черекташ-I

ний составляет 6–8 м, высота – 0,1–0,3 м. С северной или северо-западной стороны от части объектов (№18–19, 22–25, 28) установлены балбалы.

Группа III (№29–33) расположена в самой низкой южной части урочища, в 28 м к югу–юго-западу от кургана №2. Включает плоские насыпи округлой формы из булыжников и речной гальки, сильно задернованные. Диаметр самого крупного кургана №29 составляет 10 м, высота – 0,5 м; к северо-западу от него зафиксированы балбалы. Размеры остальных объектов – 5–8 м и 0,2–0,3 м соответственно. Такие же характеристики имеет одиночный курган №17 с балбалами с северо-западной стороны, устроенный к северо-западу от группы I.

Одиночная стела А выявлена в южной–юго-восточной части комплекса (рис. 6). Ее размеры – 1,7×0,4×0,2 м.

Одиночная стела Б расположена к востоку–северо-востоку от кургана №8. Параметры данного объекта – 0,88×0,64×0,12 м.

Оградка В зафиксирована в 8 м к северо-западу от кургана №10. Представляет собой сильно задернованное подпрямоугольное сооружение из плит размерами 2,2×2,4 м. К востоку от оградки установлена стела, параметры которой составляют 0,64×0,6×0,48 м (рис. 7).

Рис. 6. Черекташ-I. Стела А. Вид с юго-востока

Рис. 7. Черекташ-I. Оградка со стелой В. Вид с юга

Кольцевые выкладки Г-1-2, сооруженные из вертикально поставленных плит, находятся в 16 м к югу от оградки В. Диаметр объектов – 1,8–2,2 м, внутренняя площадь сильно задернована.

Кольцевые выкладки из вертикально поставленных плит Д сооружены к 118–120 м к югу от схожих объектов Г. Диаметр объектов – 2,1–2,4 м, внутренняя площадь сильно задернована.

Оградка Е находится к югу от выкладок Д. Представляет собой объект подпрямоугольной формы размером $2,3 \times 2,8$ м. С восточной стороны от оградки установлена стела, ее параметры – $0,34 \times 0,58 \times 0,18$ м.

Стенки вываленных оградок ориентированы по сторонам света; широкие грани стел у оградок и узкие грани одиночных стел – по линии В–З. Стелы выполнены из глинистого сланца.

Комплекс Черекташ-II расположен в 600 м к северу от комплекса Черекташ-I (рис. 8). Включает одиночную оградку А подпрямоугольной формы, размеры которой составляют $0,6 \times 0,8$ м. В центре сильно задернованной оградки установлена стела с параметрами $0,65 \times 0,38 \times 0,13$ м, выполненная из глинистого сланца. Объект сооружен на участке, где площадка коренного берега переходит в пологие склоны горной гряды, замыкающей с севера урочище Черекташ. Стенки оградки ориентированы по сторонам света, а широкие грани стелы – по линии С–Ю.

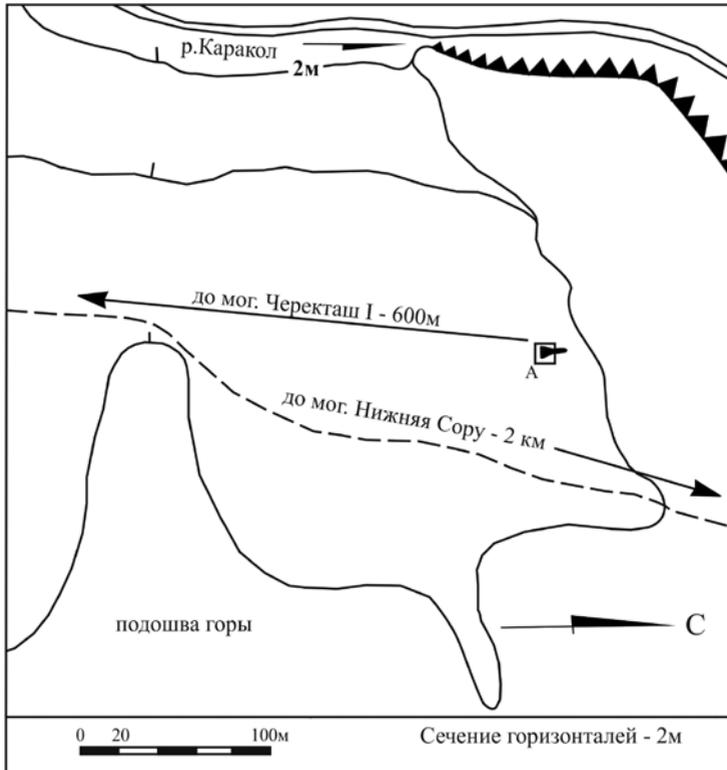

Рис. 8. План комплекса Черекташ-II

Объекты, выявленные на обозначенных комплексах, относятся к различным хронологическим периодам. Ранним Средневековьем могут быть датированы оградки со стелами. Крупные насыпи, очевидно, демонстрируют особенности сооружений скифо-сакского времени. Значительный интерес представляют группы кольцевых выкладок Г и Д, выявленные на комплексе Черекташ-I. Уточнение хронологии обнаруженных объектов связано с проведением раскопок, которые позволят получить новую информацию о памятниках Центрального Алтая различных периодов.

Библиографический список

Васютин А.С. Отчет о результатах разведки археологических памятников в бассейне рек Кокоря и Каракол Кош-Агачского и Онгудайского районов Горно-Алтайской автономной области в 1980 г. // Архив ИА РАН. Р-1. №8681. 1981а. 76 л.

Васютин А.С. Поиски ритуальных сооружений в Горном Алтае // Археологические открытия 1980 года. М., 1981б. С. 171.

Васютин А.С. Тюркские оградки Кер-Кечу и Нижнего Сору Центрального Алтая // Теория и практика археологических исследований. Барнаул, 2009. Вып. 5. С. 87–94.

Васютин А.С., Елин В.Н., Илюшин А.М. Новые находки предметов вооружения в древнетюркских оградках Горного Алтая // Военное дело древнего населения Северной Азии. Новосибирск, 1987. С. 107–114.

N.N. Seregin¹, S.A. Vasyutin²

¹*Altai State University, Barnaul, Russia;*

²*Kemerovo State University, Kemerovo, Russia*

SOME RESULTS OF THE RESEARCH IN CENTRAL ALTAI (based on A.S. Vasyutin`s survey)

The article presents some results of exploration work carried out by the Altai detachment of the South Siberian archaeological expedition of Kemerovo State University under the leadership of A.S. Vasyutin in 1980. Information on the constructions of the Soodek, Cherektash-I and II burial-memorial complexes located in the Ongudai district of the Altai Republic is put into scientific circulation. In the course of the survey on the sites, a significant number of objects (mounds, enclosures, steles, etc.) were identified that belong to different chronological periods. Identified enclosures with stele can be dated by the early Middle Ages. Large mounds, obviously, demonstrate the features of the structures of the Scythian-Saka time. Of considerable interest are the groups of annular constructions G and D identified at the Cherektash-I complex. The refinement of the chronology of the discovered objects is associated with the excavation, which will allow obtaining a significant amount of new information about the sites of Central Altai in various periods.

Key words: Central Altai, archaeological complex, field research, mound, enclosure, stela.

УДК 902«653»(571.150)

Н.Н. Серегин, С.С. Радовский

Алтайский государственный университет, Барнаул, Россия

СЛУЧАЙНАЯ НАХОДКА РАННЕСРЕДНЕВЕКОВОГО СТРЕМЕНИ В ТАЛЬМЕНСКОМ РАЙОНЕ АЛТАЙСКОГО КРАЯ

Работа выполнена при финансовой поддержке гранта Президента РФ,
МК-2381.2020.6

Статья посвящена введению в научный оборот раннесредневекового стремени, обнаруженного в окрестностях с. Новоперуново Тальменского района Алтайского края в 1950–1960-х гг. В связи с хорошей сохранностью эта случайная находка была принята за современное изделие и долгое время хранилась на сельской конюшне. Подробная морфологическая характеристика публикуемого «петельчатого» стремени, а также соотношение данного предмета с известными материалами северо- и Центрально-Азиатского региона позволили представить возможности культурно-хронологической интерпретации изделия. Установлено, что стремя имеет как «ранние» (плоская и относительно неширокая подножка без нервюры), так и «поздние» (приплюснутое ушко) признаки. В целом хронология анализируемого предмета определена рамками 2-й половины VII – 1-й половины VIII в. н.э. Изделие может быть сопоставлено с немногочисленными археологическими комплексами позднего этапа одинцовской культуры Лесостепного Алтая. С учетом незначительного пока объема известных материалов эпохи Тюркских каганатов в этой части региона случайная находка стремени демонстрирует перспективы поиска подобных комплексов.

Ключевые слова: стремя, случайная находка, Алтайский край, Тальменский район, хронология, интерпретация.

DOI: 10.14258/2411-1503.2020.26.26

Случайные находки составляют одну из многочисленных групп археологических предметов. Нет сомнений в том, что, несмотря на потерю значительного объема информации в связи с особенностями обнаружения, такие изделия являются важным источником. К примеру, даже в случае отсутствия каких-либо сведений о точном местонахождении большую ценность представляют редкие артефакты, не имеющие аналогов в погребальных или поселенческих комплексах [Савинов, Седых, 2008, с. 8–9]. Важным направлением исследований остается введение в научный оборот коллекций случайных находок, хранящихся в музейных собраниях и отражающих различные стороны материальной культуры обществ прошлого. Кроме того, публикация рассматриваемой группы предметов имеет своего рода «накопительный» эффект, который может впоследствии оказать значительное воздействие на степень изученности конкретных регионов.

Статья посвящена введению в научный оборот раннесредневекового стремени. Изделие обнаружено при неизвестных обстоятельствах в окрестностях с. Новоперуново Тальменского района Алтайского края в 1950–1960-х гг. (рис. 1). Не исключено, что предмет был «выпахан», о чем косвен-

но свидетельствуют повреждения ушка-петли, вероятно, обусловленные воздействием сельхозтехники. Из-за хорошей сохранности стремени оно, очевидно, было принято за современное и доставлено в сельскую конюшню, где хранилось в качестве запасной детали седельной фурнитуры. После закрытия конюшни изделие находилось в семье Радовских, где также могло до недавнего времени использоваться «по назначению».

Рис. 1. Карта-схема места случайной находки стремени

Как отмечено выше, стремя отличается слабой степенью коррозии, что свидетельствует о том, что находка не являлась частью закрытого комплекса. Очевидно, изделие долгое время находилось на открытом воздухе или залегало в почве на небольшой глубине.

Публикуемая находка представляет собой «петельчатое» стремя, изготовленное из железного бруска-заготовки (рис. 2–3). Общие размеры предмета: высота – 15,1 см, наибольшая ширина – 13,6 см. Ушко стремени петельчатое, сильно приплюснутое, выполненное путем наложения друг на друга концов железного прута с последующей их проковкой. Высота ушка – 2,8 см, ширина – 5,8 см. Образующее отверстие для стремennого ремня имеет подовальную форму и размеры 1,5×4,1 см. Дужки изделия, образующие абрис стремени округлой формы, в сечении подпрямоугольные. Их толщина – до 0,7 см; ширина составляет от 1,1 см у петли до 1,7 см у подножки. Подножка стремени плоская, без нервюры, слегка вогнутая. Ширина подножки – 3,6 см, толщина – 0,3 см.

Рис. 2. Железное стремя из Тальменского района Алтайского края.
Фото авторов

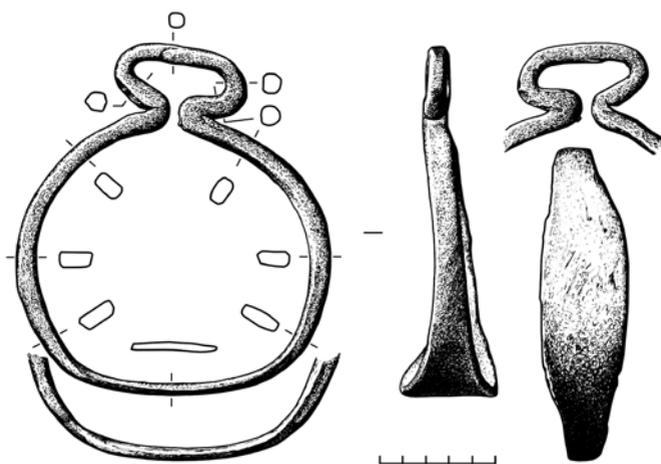

Рис. 3. Железное стремя из Тальменского района Алтайского края.
Рисунок выполнен И.А. Чудилиным

«Петельчатые» стремена получили значительное распространение на территории Евразии во второй половине I тыс. н.э. На протяжении длительного времени появление подобных находок относилось исследователями к VI–VII вв. В свое время эту идею высказал С.И. Вайнштейн [1966, с. 66]. По его мнению, стремена впервые начали использоваться алтайскими тюрками, что археолог подтверждал находками в могильнике Кудыргэ. В таблице, составленной А.К. Амброзом [1973, рис. 2.-19, 42], наиболее ранние петельчатые стремена датированы VII в. К этому же времени появление подобных находок относят и китайские специалисты [Комиссаров, Худяков, 2007, табл. 1.-31]. Рассмотрение материалов, накопленных к концу 1980-х гг., позволило С.П. Нестерову [1988, с. 177–178] сделать важный вывод о том, что стремена с петельчатым ушком впервые стали использоваться на территории Южной Сибири и произошло это, по его мнению, не ранее VI в. Д.Г. Савинов [1996, с. 20] предположил, что петельчатые стремена появились под влиянием изделий с высоким пластинчатым ушком восточноазиатского происхождения в V–VI вв.

Анализ материалов раскопок в различных частях Центральной и Северной Азии позволяет утверждать, что наиболее ранние из известных «петельчатых» стремян датируются 2-й половиной V – 1-й половиной VI в. н.э. Такие изделия обнаружены, главным образом, при исследовании памятников раннего этапа культуры тюрков Алтая [Серегин, 2018, рис. 2]*. Широкое распространение стремян с петельчатым ушком произошло в середине – 2-й половине VI в. н.э., что было связано с военной экспансией тюрков Первого каганата.

Изучение особенностей последующей эволюции «петельчатых» стремян позволяет осуществить хронологическую атрибуцию случайной находки из Тальменского района Алтайского края. Уплощенное ушко изделия является «поздним» признаком, характерным для предметов VIII в. н.э. и нескольких последующих столетий. Вместе с тем плоская и относительно неширокая подножка без нервюры сближает публикуемую находку со стременами 2-й половины VI – 1-й половины VII в. В целом хронология анализируемого изделия может быть определена рамками 2-й половины VII – 1-й половины VIII в. н.э. и сопоставлена с немногочисленными археологическими комплексами позднего этапа одицовской культуры Лесостепного Алтая. Географически ближайшим памятником обозначенного периода является погребение комплекса Страшный Яр-1, обнаруженное в окрестностях г. Барнаула [Горбунов, Тишкин, Фролов, 2017]. В связи с незначительным объемом материалов одицовской культуры, относящихся к эпохе Тюркских каганатов [Серегин, Абдулганеев, Степанова, 2019, с. 15–16], случайная находка стремени говорит о перспективах поиска подобных комплексов в этой части региона.

* Отдельного рассмотрения и хронологической интерпретации требуют материалы из Байкальской Сибири, включающие ранние типы стремян [Дашибалов, 2011, рис. 9.-11, 20.-5, 32.-10, 36.-1].

Библиографический список

- Амброз А.К. Стремена и седла раннего средневековья как хронологический показатель (IV–VII вв.) // Советская археология. 1973. №4. С. 81–98.
- Вайнштейн С.И. Некоторые вопросы истории древнетюркской культуры (в связи с археологическими исследованиями в Туве) // Советская этнография. 1966. №3. С. 60–81.
- Горбунов В.В., Тишкин А.А., Фролов Я.В. Редкое погребение одинцовской культуры на памятнике Страшный Яр-1 в Барнаульском Приобье // Культуры и народы Северной Евразии: взгляд сквозь время. Томск, 2017. С. 106–110.
- Дашибалов Б.Б. Древности хори-монголов: хунно-сяньбийское наследие Байкальской Сибири. Улан-Удэ, 2011. 174 с.
- Комиссаров С.А., Худяков Ю.С. Еще раз о происхождении стремян: сяньбийский фактор // История и культура улуса Джучи. Казань, 2007. С. 246–266.
- Нестеров С.П. Стремена Южной Сибири // Методологические проблемы археологии Сибири. Новосибирск, 1988. С. 173–183.
- Савинов Д.Г. К проблеме происхождения металлических стремян в Центральной Азии и Южной Сибири // Актуальные проблемы сибирской археологии. Барнаул, 1996. С. 16–20.
- Савинов Д.Г., Седых В.Н. Предисловие // Случайные находки: хронология, атрибуция, историко-культурный контекст. СПб., 2008. С. 8–12.
- Серегин Н.Н. Стремена из памятников раннего этапа культуры тюрок Центральной Азии // Древние культуры Монголии, Байкальской Сибири и Северного Китая. Улан-Удэ, 2018. Т. II. С. 102–107.
- Серегин Н.Н., Абдулганеев М.Т., Степанова Н.Ф. Погребение с двумя лошадьми эпохи Тюркских каганатов из некрополя Горный-10 (Северный Алтай) // Теория и практика археологических исследований. 2019. №2. С. 15–34.

N.N. Seregin, S.S. Radovsky

Altai State University, Barnaul, Russia

ACCIDENTAL FIND OF THE EARLY MEDIEVAL STIRRUP IN THE TALMENSKY DISTRICT OF THE ALTAI REGION

The article is devoted to the introduction into the scientific circulation of early medieval stirrup, discovered in the vicinity of Novoperunovo village of the Talmensky district in the Altai Territory in the 1950s – 1960s. Due to good preservation, this accidental find was mistaken for a modern product and was stored at the village stables for a long time. The detailed morphological characteristics of the published “looped” stirrups, as well as the correlation of this object with the well-known materials of the North and Central Asian region, made it possible to present the possibilities of its cultural-chronological interpretation. It has been established that the stirrup has both “early” (flat and relatively narrow footboard without ribs) and “late” (flattened loop) signs. In general, the chronology of the analyzed subject is determined by the framework of the second half of the 7th – first half of the 8th centuries AD. The product can be compared with a few archaeological complexes of the late stage of the Odintsovo culture of the forest-steppe Altai. Given the very small amount of materials from the era of the Turkic Khaganates in this part of the region, an accidental find of stirrups demonstrates the prospects of searching for such complexes.

Key words: stirrup, accidental find, Altai Territory, Talmensky District, chronology, interpretation.

УДК 902/904

Н.Н. Серегин¹, Ю.А. Филиппович²

¹Алтайский государственный университет, Барнаул, Россия;

²Новосибирский государственный университет, Новосибирск, Россия

НОВАЯ НАХОДКА РАННЕГО ПЛАСТИНЧАТОГО СТРЕМЕНИ

Работа выполнена при частичной финансовой поддержке РФФ (проект №16-18-10033 «Формирование и эволюция систем жизнеобеспечения у кочевых социумов Алтая и сопредельных территорий в поздней древности и средневековье: комплексная реконструкция»)

Статья посвящена введению в научный оборот небольшого комплекса предметов конского снаряжения, включающего стремя, удила с псалиями, а также бронзовые бляхи-накладки. Известно, что эти находки происходят с территории Абанского района Красноярского края. Несмотря на отсутствие информации об обстоятельствах обнаружения изделий, их анализ представляет определенный интерес в контексте имеющихся сведений об особенностях распространения подобных предметов на территории Северной и Центральной Азии. Установлено, что стремя относится к группе плоских пластинчатых изделий с Т-образной подножкой и характерным орнаментом на лицевой стороне. Период распространения таких находок в обозначенном регионе определяется рамками 2-й половины V – начала VII в. н.э. Уточнению хронологии публикуемого комплекса предметов конского снаряжения в рамках VI – начала VII в. способствовало также изучение других обнаруженных изделий. Распространение подобных вещей на территории Забайкалья пока сложно связать с конкретной группой населения, с учетом широких границ существования таких находок и сравнительно слабой степени изученности археологических комплексов обозначенного региона начала раннего средневековья.

Ключевые слова: конское снаряжение, случайная находка, Забайкалье, стремя, раннее средневековье, хронология, интерпретация.

DOI: 10.14258/2411-1503.2020.26.27

Предметы конского снаряжения из археологических комплексов древности и средневековья традиционно рассматриваются как важные хронологические маркеры. При этом отдельные группы находок имеют особое значение, демонстрируя особенности историко-культурных процессов на конкретных территориях. К числу подобных показательных вещей, привлекающих особое внимание специалистов, несомненно, относятся плоские пластинчатые стремена с Т-образной подножкой, представляющие собой новацию в материальной культуре населения Центральной и Северной Азии середины I тыс. н.э. В настоящей статье представлена новая находка изделия такого типа, а также несколько других предметов конского снаряжения, зафиксированных, судя по имеющимся сведениям, в составе одного комплекса.

Публикуемое стремя (рис. 1) представляет собой случайную находку из окрестностей поселка Бирюса Абанского района Красноярского края. К сожалению, какая-либо информация об обстоятельствах

и контексте обнаружения предмета полностью отсутствует. Изделие относится к группе плоских пластинчатых стремян с Т-образной подножкой. находка характеризуется высокой степенью сохранности, коррозия довольно незначительна. Не исключено, что предмет испытал воздействие огня, о чем свидетельствует характерный цвет стремени. Лицевая сторона изделия полностью покрыта орнаментом в виде рядов из вдавленных или выбитых линий, образующих треугольники. Обратная сторона стремени не орнаментирована.

Рис. 1. Железное стремя из Абанского района Красноярского края

Публикуемое изделие расширяет корпус имеющихся сведений о плоских пластинчатых стремянах с Т-образной подножкой с территории Северной и Центральной Азии, включающий уже не менее 30 изделий, и на сегодняшний день представляет собой самую северную находку такого типа [Серегин, Фокин, Ключников, 2020, с. 37, рис. 5]. Период распространения подобных предметов в памятниках обозначенного региона следует ограничить 2-й половиной V – началом VII в. н.э. Около половины таких стремян обнаружено на территории Алтая и, очевидно, это связано с формированием и первоначальным распространением общности раннесредневековых тюрок [Гаврилова, 1965, с. 23, табл. XIV.-7; Васютин, 1985, рис. 1.-13; Могильников, 1994, рис. 13.-2, 3; 14.-2; Шульга, Горбунов, 1998, с. 101; Гричан, Плотников, 1999, с. 77; Бобров, Васютин, Васютин, 2003, рис. 53.-8; Тербат и др., 2016, рис. 3; Тишкин, Семибратов, Ситников, 2018, рис. 2; Серегин, Васютин, 2019,

рис. 4; Серегин, Фокин, Ключников, 2020, рис. 7.-3]. Отдельную группу находок, имеющих, судя по известным материалам, другое происхождение, составляют плоские пластинчатые стремена из Забайкалья и Северной Монголии [Цэвэндорж, Цэрэндагва Эрдэнэ-Очир, 2003, т. 28; Дашибалов, 2006, с. 136, рис. 1–2; Эрэгзэн, Ишцэрэн, 2014, з. 1; Ковычев, 2019, рис. 1]. И наконец, небольшая серия изделий представлена предметами из разных частей Минусинской котловины и Красноярского края [Худяков, Филиппович, 2017, рис. 4.-2–3; Серегин, Фокин, Ключников, 2020, рис. 1–4].

К сожалению, все известные плоские пластинчатые стремена из Красноярского края являются случайными находками, что оставляет открытым вопрос о связи этих предметов с конкретной группой населения или культурным комплексом. В связи с этим определенное значение имеет анализ других предметов конского снаряжения, которые, судя по имеющейся информации, обнаружены в одном наборе с публикуемым стременем.

С точки зрения хронологической интерпретации анализируемого комплекса показательными являются железные стержневые двудырчатые псалии с характерным изгибом одного из концов (рис. 2). Подобные изделия представляют собой весьма редкий тип находок из памятников центрально- и североазиатского региона. Полной аналогией публикуемым предметам являются псалии из раннетюркской оградки известного памятника Кудыргэ (Восточный Алтай) [Бобров, Васютин, Васютин, 2003, рис. 54.-4], относящейся ко 2-й половине V – VI в. н.э. Схожие предметы, с некоторыми отличиями в оформлении нижней части изделия, зафиксированы в погребении обозначенного некрополя, датирующемся 2-й половиной VI – 1-й половиной VII в. н.э. [Гаврилова, 1965, табл. X.-9]. Подобные же характеристики имеет находка из развеянного погребения Баянгол-II (Знаменский район Бурятии), отнесенного

Рис. 2. Железные удила и псалии из Абанского района Красноярского края

Б.Б. Дашибаловым [2011, с. 30, рис. 58.-2] к VI–VII вв. н.э. Вероятно, серединой – 2-й половиной VII в. могут быть датированы схожие по облику предметы из комплекса Кара-Гал-IV в Туве [Трифонов, 2013, табл. XXVII.-18]. В целом такие псалии, судя по имеющимся материалам, бытовали в конце V – VII в., предшествуя более распространенным стержневым изделиям со скобой [Овчинникова, 1990, рис. 42].

Менее показательным элементом публикуемого набора являются железные двусоставные удила, имеющие кольчатое окончание звеньев и кольчатое (скованное) соединение (рис. 2). Отметим, что схожие предметы обнаружены в составе клада или разрушенного погребения в с. Филимоново Красноярского края, расположенном в 120 км к юго-западу от места обнаружения анализируемых находок [Худяков, Филиппович, 2017, рис. 4.-1]. Во внешних кольцах удил находились петли со сжатием в центральной части. Такие предметы не могут выступать основой для определения узкой хронологии комплекса, но в целом более характерны для памятников V–VII вв. н.э. [Кубарев, 2005, табл. 31.-8; Тишкин, Серегин, 2011, рис. 1.-11–12; Матренин, 2018, рис. 1.-3–5; и др.].

Бронзовые накладные бляхи (рис. 3), вероятно, выступавшие в рассматриваемом комплексе в качестве украшений конского снаряжения, имеют многочисленные аналогии в археологических памятниках 2-й половины VI – начала VIII в., исследованных на обширных территориях Средней, Центральной и Северной Азии, а также в более отдаленных регионах [Левина, 1996, рис. 129.-5, 132.-4–5; Горбунов, Рудометов, 2003, рис. 1.-1–10, 21–23; Голдина, Перевозчикова, Голдина, 2018, табл. 112.-8–9, 124.-13–14, 432.-44; и мн. др.].

Рис. 3. Бронзовые бляхи-накладки из Абанского района Красноярского края

Таким образом, с учетом особенностей бытования различных типов изделий хронология рассматриваемых предметов конского снаряжения может быть определена в рамках VI – начала VII в. Отдельного рассмотрения требует вопрос о связи публикуемого набора изделий с конкретной группой населения.

С учетом установленного хронологического диапазона существования анализируемых вещей и определенного круга аналогий, а также общей исторической ситуации в регионе в рассматриваемый период данный комплекс предметов конского снаряжения может быть сопоставлен либо с поздними памятниками таштыкской культуры, либо

с ранними объектами тюрок. Первый из обозначенных вариантов интерпретации случайных находок представляется более предпочтительным. При общей сравнительно низкой степени изученности археологических комплексов Красноярского края начала раннего средневековья значительные перспективы связаны с появлением новых материалов, анализ которых позволит более обоснованно и детально рассматривать процессы культурогенеза на данной территории.

Библиографический список

Бобров В.В., Васютин А.С., Васютин С.А. Восточный Алтай в эпоху великого переселения народов. Новосибирск, 2003. 224 с.

Васютин А.С. О хронологии и этнической принадлежности раннекудыргинского комплекса археологических памятников // Археология Южной Сибири. Кемерово, 1985. С. 73–79.

Гаврилова А.А. Могильник Кудыргэ как источник по истории алтайских племен. М.; Л., 1965. 146 с.

Голдина Р.Д., Перевозчикова С.А., Голдина Е.В. Могильник VI–IX вв. у д. Верх-Сая в Кунгурской лесостепи. Ижевск, 2018. 720 с.

Горбунов В.В., Рудометов П.Л. Средневековые памятники в окрестностях с. Киприно // Сохранение и изучение культурного наследия Алтайского края. Барнаул, 2003. Вып. XIII. С. 52–57.

Гричан Ю.В., Плотников Ю.А. Архаичное стремя из Горного Алтая // Евразия: культурное наследие древних цивилизаций. Новосибирск, 1999. Вып. 2. С. 76–77.

Дашибалов Б.Б. Ранние стремена из Забайкалья: к вопросу о связях хори-монголов (сяньби) и корейцев // Вестник Новосибирского государственного университета. Сер.: История, филология. 2006. Т. 5. Вып. 3: Археология и этнография. С. 136–140.

Дашибалов Б.Б. Древности хори-монголов: хунно-сяньбийское наследие Байкальской Сибири. Улан-Удэ, 2011. 174 с.

Ковычев Е.В. Погребения Дарасунской культуры из могильников Лукия и Бутуй // Укрепление единства российской нации и этнокультурное развитие народов Забайкалья. Чита, 2019. С. 53–56.

Кубарев Г.В. Культура древних тюрок Алтая (по материалам погребальных памятников). Новосибирск, 2005. 400 с.

Левина Л.М. Этнокультурная история Восточного Приаралья. I тыс. до н.э. – I тыс. н.э. М., 1996. 396 с.

Матренин С.С. Удила и псалии кочевников Алтая сяньбийско-жужанского времени // Древние культуры Монголии, Байкальской Сибири и Северного Китая. Улан-Удэ, 2018. Т. 2. С. 67–71.

Могильников В.А. Культовые кольцевые оградки и курганы Кара-Кобы-I // Археологические и фольклорные источники по истории Алтая. Горно-Алтайск, 1994. С. 94–116.

Овчинникова Б.Б. Тюркские древности Саяно-Алтая в VI–X вв. Свердловск, 1990. 223 с.

Серегин Н.Н., Васютин С.А. Тюркские «поминальные» объекты комплекса Усть-Карасу (Центральный Алтай): по материалам раскопок А.С. Васютина // Поволжская археология. 2019. №2 (28). С. 32–46.

Серегин Н.Н., Фокин С.М., Ключников Т.А. Ранние пластинчатые стремена из памятников Центральной и Северной Азии: новые находки и возможности культурно-хронологической интерпретации изделий // Вестник археологии, антропологии и этнографии. 2020. №1 (48). С. 34–42.

Тишкин А.А., Семибратов В.П., Ситников С.М. Вторая находка раннего железного стремени в Алейской степи (северо-западные предгорья Алтая) // Теория и практика археологических исследований. 2018. №2. С. 138–145.

Тишкин А.А., Серегин Н.Н. Предметный комплекс из памятников кызылташского этапа тюркской культуры (2-я половина V – 1-я половина VI вв. н.э.): традиции и новации // Теория и практика археологических исследований. Барнаул, 2011. Вып. 6. С. 14–32.

Төрбат Ц., Баярхүү Н., Лепец С., Бернард В. «Монгол Алтайн түрүү ба түүхэн үеийн оршин суугчдын цогц судалгаа» төслийн хээрийн шинжилгээний товч үр дүн // Монголын археологи–2015. Улаанбаатар, 2016. Т. 172–176.

Трифонов Ю.И. Памятники древнетюркского времени в Центральной Туве // Древние тюрки в Центральной Туве (по материалам работ Саяно-Тувинской экспедиции). СПб., 2013. С. 13–114.

Цэвэндорж Д., Цэрэндагва Я, Эрдэнэ-Очир Н. Санамсаргуй хондогдсон нэгэн булшны тухай // Туухийн сэтгүүл. 2003. Т. IV. Ф. 2. Т. 23–28.

Шульга П.И., Горбунов В.В. Стремя раннего типа из Алейской степи // Снаряжение верхового коня на Алтае в раннем железном веке и средневековье. Барнаул, 1998. С. 99–101.

Эрэгзэн Г., Ишцэрэн Л. Худгийн халзангийн олдворын холбогдох он цаг ба Жужаны археологийн дурстальн судалгааны асуудалд // Археологийн судлал. 2014. Б. XXXIV, д. 1–31. С. 264–276.

N.N. Seregin¹, Yu.A. Filippovich²

¹*Altai State University, Barnaul, Russia;*

²*Novosibirsk State University, Novosibirsk, Russia*

A NEW FIND OF THE EARLY PLATE STIRRUP

The article presents a small complex of horse equipment, including a stirrup, bit with psalia, and bronze plaques. These finds are known to have occurred from the territory of the Aban district of the Krasnoyarsk Krai. Despite the lack of information about the circumstances of the discovery of products, their analysis is of certain interest in the context of the available information about the features of the distribution of such items in Central and North Asia. It was established that the stirrup belongs to the group of flat plate products with a T-shaped footboard and a characteristic ornament on the front side. The distribution period of such finds in the designated region is determined by the framework of the 6th – beginning of the 7th centuries AD. To clarify the chronology of the published complex of horse equipment within the second half of the 6th – beginning of the 7th centuries AD the study of other discovered products also contributed. The distribution of such things in the territory of Transbaikalia is still difficult to associate with a specific population group, taking into account both the wide boundaries of the existence of such finds and the relatively poor degree of knowledge of archaeological complexes of the designated region of the early Middle Ages.

Key words: horse equipment, random find, Transbaikalia, stirrup, early Middle Ages, chronology, interpretation.

УДК 902(571.150)

С.М. Ситников, М.А. Сафронов

Общественная некоммерческая организация
«Алтайское археологическое общество», Барнаул, Россия

**ОТДЕЛЬНЫЕ РЕЗУЛЬТАТЫ АРХЕОЛОГИЧЕСКОГО
ИССЛЕДОВАНИЯ В ЧАРЫШСКОМ РАЙОНЕ
АЛТАЙСКОГО КРАЯ ЛЕТОМ 2019 Г.**

Работа выполнена при поддержке гранта
Президента Российской Федерации (проект №19-1-000878
«Волонтер науки: летний научно-образовательный лагерь»)

Летом 2019 г. авторами публикации проводились археологические исследования в долине р. Межеумок (правый приток реки Чарыша). В ходе работ были обнаружены два новых памятника. На поселении Межеумок-1 зафиксирована керамика раннего железного века и костяное орудие для выделки кожи. Изделие выполнено из лопатки косули и имеет явные следы лощения. На поселении Межеумок-2 в большом количестве встречены русская керамика, железные гвозди и костные остатки от домашних животных. Два предмета относятся к археологическим находкам – каменное рыболовное грузило и костяная накладка. Получены и другие древние свидетельства. Местные жители передали каменный жернов и железный наконечник стрелы. Долина реки Чарыш и прилегающая к ней территория являются перспективными для дальнейших исследований. Памятники находятся под мощным слоем гумуса.

Ключевые слова: археологические памятники, керамика, костяные орудия, поселения, ранний железный век.

DOI: 10.14258/2411-1503.2020.26.28

Памятники археологии Чарышского района говорят о том, что история его заселения связана в основном с миграционными процессами, начиная с эпохи палеолита и заканчивая поздним Средневековьем. Основная масса памятников представлена курганными могильниками раннего железного века. На территории района работали такие исследователи, как А.П. Уманский, В.Н. Владимиров, А.А. Тишкин, П.И. Шульга, П.К. Дашковский и др.

В настоящее время на территории района известно более 70 археологических памятников. Несмотря на значительные успехи в изучении региона часть этой территории в археологическом плане остается своеобразным белым пятном.

Основной целью проведения археологических работ в 2019 г. явилось изучение долины р. Межеумок, правого притока реки р. Чарыш, от с. Машенка до впадения реки в р. Чарыш в Чарышском районе Алтайского края с целью выявления ранее неизвестных памятников археологии*. Ранее археологическое обследование долины р. Межеумок *не проводилось*.

* Пользуясь случаем авторы выражают благодарность директору ООО «ПромАльпСервис» Антону Анатольевичу Власову за помощь и поддержку в проведении археологических исследований.

Ближайший археологический памятник обнаружен в районе с. Машенка. Здесь в 1993 г. были собраны обломки керамики и кости из разрушенных погребений, вскрыто одно раннескифское погребение женщины с конем. По обе стороны дороги, при прокладке которой была разрушена часть могильника, были заложены два раскопа общей площадью 142 кв. м. Захоронение датируется VII в. до н.э. [Шульга, 1998, с. 25].

Между тем характер долины позволил предполагать наличие там комплекса археологических памятников, до настоящего времени не известных науки. Речка Межеумок — правобережный приток реки Чарыш в ее верховьях (в горах). При этом и долина этой реки, и сама река Чарыш в верховьях крайне интересны в плане возможного нахождения археологических объектов, так как эта территория находится на стыке нескольких природных зон – горной и речной долин.

Проведенные работы позволили выявить два новых памятника.

Поселение и могильник (?) Межеумок-1. Памятник расположен на правой надпойменной террасе одноименной реки, в 200–250 м к северо-востоку от места ее впадения в р. Чарыш. В ходе проведения работ помимо костей животных, керамики и костяного орудия здесь были обнаружены каменные выкладки (курганы, поминальники (?)). Керамический материал крайне немногочислен и представлен сосудами баночной и горшковидной формы (рис. 1.-1–6). Два фрагмента орнаментированы. Первый украшен по венчику жемчужником (рис. 1.-2), второй – елочным орнаментом (рис. 1.-3). Культурную принадлежность посуды определить довольно сложно, так как данная орнаментация встречается в комплексах раннего железного века на довольно широкой территории [Казаков, 2017, с. 102, рис. 2; Фролов, 2008, с. 303, рис. 72.-3, с. 304, рис. 73.-3, с. 307, рис. 76]. Помимо керамики здесь было обнаружено костяное орудие, выполненное из рога косули (рис. 1.-7). Судя по следам лощености предмет использовался для обработки кожи.

Поселение Межеумок-2. Памятник расположен на левой надпойменной террасе одноименной реки, в 100–550 м к северу от места ее впадения в р. Чарыш. Полученный материал – русская лепная и станковая глазурованная керамика, кости домашних животных, кованые гвозди. По сообщению местных жителей здесь до середины 1950-х гг. существовала русская деревня. К археологии относятся два предмета. Первый – каменное рыболовное грузило (рис. 1.-8). Второе изделие представлено обломком роговой пластины (накладка). В верхней части присутствуют два сквозных отверстия (рис. 1.-9).

Жителями села Машенка был передан каменный жернов (рис. 2.-1), обнаруженный в районе села. Размеры предмета 35×27 см, толщина около 5 см.

В районе «царского» кургана в долине р. Сентелек местными жителями был найден железный трехлопастной черешковый наконечник стрелы, относящийся к эпохе Средневековья (рис. 2.-2). Близкие по фор-

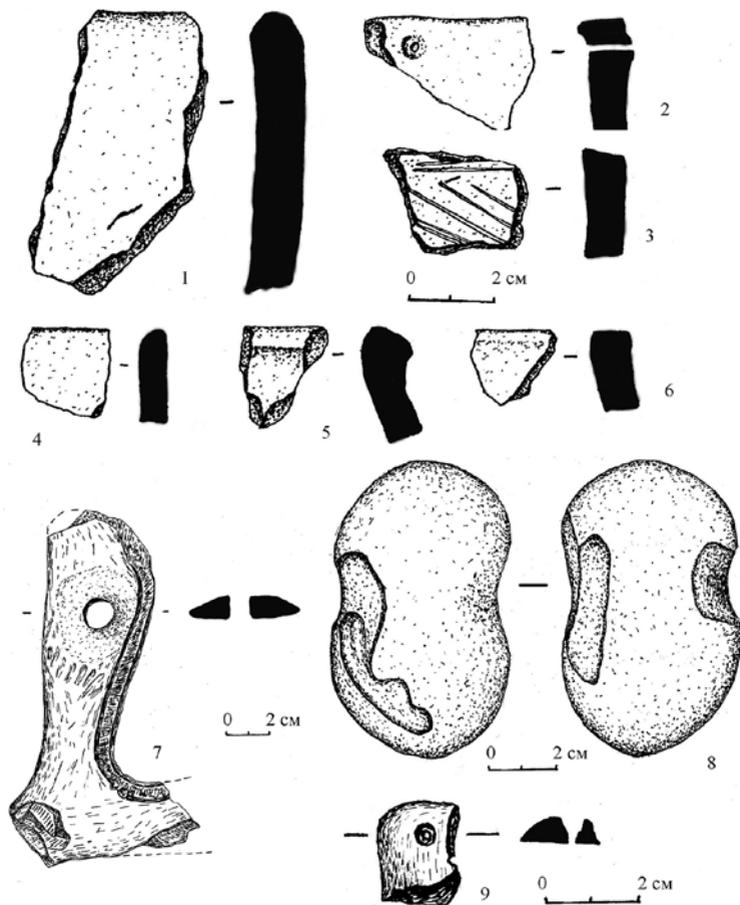

Рис. 1. Инвентарь поселений Межумок-1 (1–7) и Межумок-2 (8, 9):
1–6 – керамика; 7, 9 – кость; 8 – камень

ме предметы фиксируются на довольно широкой территории [Горбунов, 2006, с. 166, рис. 28–32; Мамадаков, Горбунов, 1997; Могильников, 2001].

К сожалению, работы сопряжены с рядом трудностей объективного характера. Интенсивное гумусообразование привело к тому, что курганные группы и поселенческие комплексы оказались очень сильно задернованы. Археологические находки и каменные конструкции, как правило, начинают фиксироваться на глубине одного метра от современной поверхности. В целом долина реки Чарыш и прилегающая к ней территория являются перспективными для дальнейшего исследования. Это позволит выявить новые объекты историко-культурного наследия.

Рис. 2. Случайные находки из Чарышского района: 1 – камень; 2 – железо

Библиографический список

Горбунов В.В. Военное дело населения Алтая в III–XIV вв. Ч. II: наступательное вооружение (оружие). Барнаул, 2006. 232 с.

Казаков А.А. Поселение Пикет-1 // Сохранение и изучение культурного наследия Алтайского края. Барнаул, 2017. Вып. XXIII. С. 100–103.

Мамадаков Ю.Т., Горбунов В.В. Древнетюркские курганы могильника Катанда-3 // Известия лаборатории археологии. Горно-Алтайск, 1997. Вып. 2. С. 115–129.

Могильников В.А. Курганы с трупосожжением в северо-западных предгорьях Алтая // Алтай и сопредельные территории в эпоху средневековья. Барнаул, 2001. С. 77–139.

Фролов Я.В. Погребальный обряд Барнаульского Приобья в VI в. до н.э. – II в. н.э. Барнаул, 2008. 479 с.

Шульга П.И. Раннескифская упряжь VII – нач. VI в. до н.э. по материалам погребения на р. Чарыш // Снаряжение верхового коня на Алтае в раннем железном веке и средневековье. Барнаул, 1998. С. 25–49.

S.M. Sitnikov, M.A. Safronov

*Public Noncommercial Organization “Altai Archaeological Society”,
Barnaul, Russia*

SEPARATE RESULTS OF ARCHAEOLOGICAL RESEARCH IN THE CHARYSHSKY DISTRICT OF THE ALTAI TERRITORY IN THE SUMMER OF 2019

In the summer of 2019, the authors of the publication conducted archaeological research in the valley of the Mezheumok river (the right tributary of the Charysh river). Two new sites were discovered during the work. As a result of surveys, at the Mezheumok-1 settlement, ceramics of the early Iron Age and bone tools for making leather were recorded. The product is made from the scapula of a deer and has clear

traces of burnishing. At the Mezheumok-2 settlement, Russian ceramics, iron nails, and bone remains from domestic animals were found in large numbers. Two items belong to archaeological finds – a stone fishing sinker and a bone pad. Other ancient evidence has also been obtained. Local residents handed over a millstone and an iron arrowhead. The Charysha river valley and its surrounding area are promising for further research. The sites are under heavy layers of humus.

Key words: archaeological sites, ceramics, bone tools, settlements, early Iron Age.

УДК 902.2«6377»:572

С.В. Сотникова

ООО «Центр археологических исследований», Надым, Россия

ПАРНЫЕ РАЗНОПОЛЫЕ ПОГРЕБЕНИЯ ЭПОХИ ПОЗДНЕЙ БРОНЗЫ: ИНТЕРПРЕТАЦИЯ В СВЕТЕ ПИСЬМЕННЫХ И АНТРОПОЛОГИЧЕСКИХ ИСТОЧНИКОВ

В статье рассматриваются парные разнополюые погребения эпохи поздней бронзы евразийских степей, в которых мужчина и женщина захоронены лицом друг к другу, в том числе в «позе объятий». Большинство исследователей полагает, что эти могильники принадлежат индоиранцам. Выделяются два основных подхода к их интерпретации: социальный и символический. В индийской традиции (Брихадараньяка упанишада) существует образ «божественного андрогина», который изображается как мужчина и женщина, соединенные в объятиях. Этот образ связан со временем Творения мира. По мнению ряда исследователей, индийские (ведийские) близнецы Яма-Ями и иранские Йима-Йимак представляли собой эволюцию более древнего образа «божественного андрогина». Это подтверждается сохранением для пары близнецов одного и того же имени. Индийский текст является почти дословным описанием парных разнополюых погребений в «позе объятий» эпохи поздней бронзы. Изучив материалы Селивановского-II могильника, антропологи высказали мнение об определенных родственных связях между индивидами из парных погребений, которые могли быть родными братьями и сестрами. Следовательно, они могли исполнять в ритуале роль «божественного андрогина» или «божественных близнецов». Для понимания смысла ритуала представляют интерес результаты исследования парного погребения срубной культуры из могильника Михайловский-II (Самарская область), где костяки оказались инфицированы одинаковым штаммом чумной бактерии *Y. Pestis*. Высказывается предположение, что такие погребения имели символический характер и возникли как средство борьбы с эпидемией.

Ключевые слова: эпоха поздней бронзы, евразийские степи, парные разнополюые захоронения, сиблинги, эпидемия.

DOI: 10.14258/2411-1503.2020.26.29

Парные разнополюые погребения лицом друг к другу, в том числе в «позе объятий», получили достаточно широкое распространение на территории евразийских степей в начале эпохи поздней бронзы. Они встречаются на памятниках синташтинского, петровского (нуртайского) типов, генетически связанных с андроновским (алакульским) населени-

ем, а также на памятниках потаповского, покровского типов, связанных со срубным населением. Подобные захоронения давно привлекают внимание исследователей.

В.В. Ткачев, рассматривая синташтинский погребальный обряд, предлагает проводить разграничение двойных и парных погребений на основании такого критерия, как возраст. Парным он называет захоронение двух индивидов примерно одинакового возраста и отмечает, что они типичны для погребений как детей, так и взрослых. К двойным он относит захоронение взрослого индивида и ребенка [Ткачев, 2007, с. 111–112].

Я.В. Рафикова, рассматривая совместные захоронения на срубных, срубно-алакульских и алакульских некрополях, разделила двойные захоронения на два типа, где основным критерием являлось взаимное расположение индивидов. Погребения, где костяки расположены лицом друг к другу, в том числе в «позе объятий», она предложила называть парными. Погребения, где оба костяка захоронены на одном боку, – двойными [Рафикова, 2009, с. 46]. В то же время Я.В. Рафикова отметила, что по возрастному критерию алакульские парные захоронения делятся на две крайние неравномерные в количественном отношении группы: одновозрастные (85,76%) и разновозрастные (14,3%). К тому же в группе одновозрастных представлены пары взрослых, подростков и детей [Рафикова, 2014, с. 233]. Та же тенденция прослеживается и в более ранних погребениях синташтинско-петровского времени.

Вслед за Я.В. Рафиковой мы будем относить к парным те погребения, где разнополюе костяки расположены лицом друг к другу. Однако в данной статье ограничимся интерпретацией только тех парных погребений, где представлены разнополюе индивиды примерно одного возраста (или относящиеся к одной возрастной группе), включая погребения взрослых, подростков, детей.

Мнения исследователей о характере подобных захоронений различны. Можно выделить два основных подхода к их интерпретации. В рамках первого подхода, который сформировался достаточно рано, парные разнополюе погребения рассматриваются как отражение реальных семейно-брачных и общественных отношений [Артамонов, 1934, с. 122–124; Грязнов, 1957, с. 24]. Среди современных исследователей эта проблема достаточно активно разрабатывается Н.Я. Рафиковой [2014, с. 242], которая продолжает придерживаться гипотезы о том, что погребенные являлись супружескими парами, а детский и подростковый возраст может свидетельствовать о существовании в обществе так называемого «люлечного брака».

В рамках второго подхода, который получил широкое распространение среди современных исследователей, данные захоронения рассматриваются как символические. Предложено несколько различных версий. Д.Г. Зданович одним из первых обратился к интерпретации синташтинских парных разнополюх погребений как имеющих символический характер. Но он ограничился только теми захоронениями, где

в качестве инвентаря присутствовали булавы. Исследователь полагает, что булавы имели статус сакрального или властного символа и являлись женским атрибутом, указывающим на преимущественно культовые функции их обладателей. Он приходит к выводу, что подобные погребения «можно трактовать как одну из версий так называемого „священного брака“ и подчинения божеству женского пола. Особый акцент в обряде ставился на фигуре женщины..., при останках которой помещали богатый инвентарь, ... мужчине же отводилась роль „спутника“» [Зданович, 1997, с. 54–56]. Е.В. Куприянова рассматривает разнополюе захоронения в «позе объятий» как особый вид погребений, которые косвенно могут быть связаны с институтом реального брака вообще, как отражением архетипа небесного брака [Куприянова, 2004, с. 121]. В другой работе она более определенно говорит о символическом характере подобных погребений на памятниках синташтинского и петровского типа и отмечает, что «скорее всего, эти явления следует связывать с существованием у населения рассматриваемых археологических культур сильного культа женского божества и института женщин-жриц. Погребения в „позе объятий“ можно интерпретировать как прообраз ритуала „священного брака“, тесно связанного по данным мифологии с культом Богини и культами плодородия» [Куприянова, 2009, с. 18]. В.В. Ткачев, с одной стороны, рассматривает парные разнополюе погребения эпохи поздней бронзы как захоронения супружеской пары и допускает возможность существования ранних браков. С другой стороны, он не отрицает воплощения в ритуале идеи «священного брака» [Ткачев, 2007, с. 111].

Таким образом, приведенный краткий обзор мнений показывает, что вопрос о характере данных погребений является достаточно спорным.

Исследователи, рассматривающие данные парные погребения как отражение реальных семейно-брачных и общественных отношений, по видимому, не учитывают следующий момент. Мужчины и женщины из парных погребений не могли быть связаны брачными узами, так как, согласно обычаю экзогамии, жена происходила из другого рода и должна быть захоронена на своем родовом кладбище [Сотникова, 2013, с. 43]. Следовательно, можно высказать предположение, что разнополюе индивиды из парных погребений принадлежали одному роду, что должно учитываться в ходе дальнейшей интерпретации.

Сопоставление парных разнополюх погребений эпохи поздней бронзы позволяет предполагать, что решающее значение следует придавать трем обстоятельствам.

Во-первых, при совершении подобных захоронений стремились подобрать людей, относящихся примерно к одному возрастному классу. Данная тенденция на памятниках начала эпохи поздней бронзы проявляется достаточно наглядно. Учитывая, что пары составлены из людей примерно одного возраста, вполне допустимо предположить, что в отдельных погребениях могут быть захоронены брат и сестра. Этот вывод

находит подтверждение в антропологических материалах срубно-алакульского кургана №1 Селивановского-II могильника. Исследователи отмечают, что «завышение частоты встречаемости ряда посткраниальных эпигенетических маркеров может свидетельствовать в пользу тезиса об определенных родственных связях между индивидами, захороненными в кургане» [Куфтерин, Нечвалода, 2016, с. 86], в том числе парные и двойные погребения могли принадлежать лицам с определенной степенью близости, в том числе сиблингам (родным братьям и сестрам, у которых общие родители, но не близнецам).

Во-вторых, подобные захоронения встречаются среди индивидов всех возрастных групп.

В-третьих, парные разнополюе захоронения лицом друг к другу обнаружены на памятниках определенного типа (синташтинских, петровских, потаповских, покровских), а позже – на генетически связанных с ними алакульских и срубных. По мнению многих исследователей, рассматриваемый круг памятников оставлен индоиранским населением, что, по-видимому, следует учитывать в ходе интерпретации подобных погребений.

Наибольший интерес представляет древнеиндийский текст из Брихадараньяки-Упанишад: «вначале [все] это было лишь Атманом в виде пуруши... Он стал таким, как женщина и мужчина, соединенные в объятиях. Он разделил сам себя на две части. Тогда произошли супруг и супруга» (Брих.-Упан. I. 4. 1, 3). Следует отметить, что в тексте данной упанишад сохранился достаточно древний образ «божественного андрогина», объединяющего в себе оба пола. В индийской мифологической традиции этот образ неразрывно связан с изначальной целостностью мира и моментом Творения. По мнению ряда исследователей, индийские (ведийские) близнецы Яма-Ями и иранские Йима-Йимак представляли собой эволюцию более древнего образа «божественного андрогина», что подтверждается сохранением для пары близнецов одного и того же имени [Элиаде, 1998, с. 314; Дандекар, 2002, с. 95].

В кризисной для архаического общества ситуации миф являлся образцом для подражания и воспроизводился в ритуале. Древнеиндийский образ из Брихадараньяки-Упанишад является почти буквальным характеристикой парных разнополюх погребений эпохи поздней бронзы в «позе объятий». Следовательно, этот образ упоминается в тексте не случайно, а является, по-видимому, осколком древнего мифа о «божественном андрогине». Это позволяет с определенной долей вероятности предполагать, что мифический образ «божественного андрогина» (безусловно, менее абстрактный, чем в упанишад) уже был известен населению эпохи поздней бронзы и активно использовался в ритуальной практике.

Парные погребения индивидов одного возрастного класса лицом друг к другу, вероятно, свидетельствуют о существовании мифо-ритуального сценария, связанного с браком первой «близнечной пары», которые являлись первопредками, либо с образом «божественного андро-

гина». Антропологически подтверждается, что они могли быть братом и сестрой, но не близнецами. Вариант с захоронением в паре близнецов полностью исключать нельзя, но этот случай встречается достаточно редко и требует специальных генетических исследований.

В последнее время появились новые факты, позволяющие внести дополнительные аргументы в пользу символической интерпретации. В 2015 г. подобное парное погребение обнаружено в могильнике бронзового века Михайловский-II (Кинельский район Самарской области). В ходе охранно-спасательных работ были раскопаны три кургана из семи (№2, 3, 7). Погребение-9 кургана №3 содержало парное захоронение индивидов лицом друг к другу. Костяк А принадлежал мужчине 30–40 лет, костяк Б – женщине 35–45 лет. У обоих костяков антропологами были обнаружены повреждения черепа в виде небольших отверстий, возможно, прижизненные травмы. Погребение определено как срубное [Капинус, 2018, с. 127–129]. Оно датируется XVIII в. до н.э. Останки девяти человек из этого могильника были переданы для анализов в германскую лабораторию. Только костяки из парного захоронения оказались инфицированы. Геномы *Y. pestis* из парного захоронения были проанализированы международной группой исследователей. У обоих костяков был выявлен одинаковый штамм чумной бактерии *Y. pestis*, который обладает всеми генетическими компонентами, характерными для бубонной формы чумы. Исследователи определили, что штамм, которым была заражена пара, развил мутации, позволившие ему переноситься блохами. Они уверены, что блохи распространяли чуму эффективно, позволяя ей достигать пандемических уровней [Sprouou at fl., 2018].

Ранее, еще в 2003 г., Г.В. Рыкушина на основании антропологического изучения погребенных из синташтинско-петровского могильника Кривое Озеро (Южное Зауралье) пришла к выводу, что причиной высокой смертности данной популяции могла быть эпидемия [Рыкушина, 2003, с. 360]. Примечательно, что в этом могильнике имелось погребение (могила-6, курган №10), содержащее парное захоронение лицом друг к другу мужчины и женщины, которые были одного возраста – 30–35 лет [Виноградов, 2003, с. 149–152].

К сожалению, среди парных разнополых погребений эпохи бронзы михайловское захоронение является пока единственным, костяки которого были изучены на предмет инфицированности индивидов. Тем не менее эти исследования позволяют с известной долей вероятности предполагать, что появление парных разнополых захоронений лицом друг к другу, возможно, связано с распространением эпидемии чумы. Для борьбы с эпидемией был выработан особый мифо-ритуальный сценарий, связанный с захоронением разнополых индивидов одного возраста, воспроизводящих в обряде брак первой «близнечной пары» или «божественного андрогина». С точки зрения мифологического мышления в кризисной для общества ситуации необходимо обращение в ритуале к своему мифическому прошлому, к моменту Творения.

Библиографический список

Артамонов М.И. Совместные погребения в курганах со скорченными и окрашенными костяками // Проблемы истории докапиталистических обществ. №7–8. М.: Л., 1934. С. 108–125.

Виноградов Н.Б. Могильник бронзового века Кривое Озеро в Южном Зауралье. Челябинск, 2003. 362 с.

Грязнов М.П. Этапы развития хозяйства скотоводческих племен Казахстана и Южной Сибири в эпоху бронзы // КСИЭ. 1957. Вып. XXVI. С. 21–28.

Дандекар Р.Н. От вед к индуизму: Эволюционирующая мифология. М., 2002. 286 с.

Зданович Д.Г. Синташтинское общество: социальные основы «квазигородской» культуры Южного Зауралья эпохи средней бронзы. Челябинск, 1997. 93 с.

Капинус Ю.О. Результаты антропологического исследования материалов срубной культуры курганного могильника Михайловский-II // L Урало-Поволжская археологическая конференция студентов и молодых ученых. Самара, 2018. С. 127–132.

Куприянова Е.В. Миры синташтинской культуры: мужчины, женщины, дети // Аркаим: по страницам древней истории Южного Урала. Челябинск, 2004. С. 117–126.

Куприянова Е.В. Женский погребальный костюм эпохи средней – начала поздней бронзы Южного Зауралья и Казахстана (по материалам синташтинской, петровской и алакульской культур): автореф. дис. ... канд. ист. наук. Казань, 2009. 21 с.

Куфтерин В.В., Нечвалода А.И. Антропологическое исследование скелетов из срубно-алакульского кургана Селивановского-II могильника (Южное Зауралье) // Вестник археологии, антропологии и этнографии. 2016. №4 (35). С. 79–89.

Рафикова Я.В. Парные погребения эпохи поздней бронзы на Южном Урале // Этнические взаимодействия на Южном Урале. Челябинск, 2009. С. 46–48.

Рафикова Я.В. Парные погребения алакульской культуры на Южном Урале // Арии степей Евразии: эпоха бронзы и раннего железа в степях Евразии и на сопредельных территориях. Барнаул, 2014. С. 228–243.

Рыкушина Г.В. Антропологическая характеристика населения эпохи бронзы Южного Урала по материалам могильника Кривое Озеро // Виноградов Н.Б. Могильник бронзового века Кривое Озеро в Южном Зауралье. Челябинск, 2003. С. 345–360.

Сотникова С.В. Об отражении близнечного культа в погребальном обряде андроновского населения // Вестник Пермского университета. Сер. История. 2013. Вып. 1 (21). С. 37–47.

Ткачев В.В. Степи Южного Приуралья и Западного Казахстана на рубеже эпох средней и поздней бронзы. Актобе, 2007. 384 с.

Элиаде М. Миф о воссоединении // Элиаде М. Азиатская алхимия. М., 1989. С. 273–323.

Spyrou Maria A., Tukhbatova Rezeda I., Chuan-Chao Wang, Valtueña Aida Andrades, Lankapalli Aditya K., Kondrashin Vitaly V., Tsybin Victor A., Khokhlov Aleksandr, Kühnert Denise, Herbig Alexander, Bos Kirsten I., Krause Johannes. Analysis of 3800-year-old Yersinia pestis genomes suggests Bronze Age origin for bubonic plague // Nature communications. 2018. No. 9. URL: <https://www.nature.com/articles/s41467-018-04550-9.pdf>

S.V. Sotnikova

ООО "Center for Archaeological Research", Nadyrn, Russia

**THE BURIALS OF DIFFERENT-GENDER COUPLES
OF THE LATE BRONZE AGE: INTERPRETATION IN LIGHT
OF WRITTEN AND ANTHROPOLOGICAL SOURCES**

The article deals with the burials of different-gender couples of the late Bronze Age of Eurasian steppes, where a man and a woman were buried face to each other, including in a "pose of embraces". Most researchers believe that these burials belong to Indo-Iranians. Two main approaches to their interpretation are distinguished: social and symbolic. In the Indian tradition (Brihadaranyaka upanishada) there is an image of the "divine androgyne", which is depicted as a man and a woman, united in an embrace. This image is associated with the time of Creation. According to some researchers, the Indian (Vedic) twins Yama-Yami and Iranian Yima-Yimak represented the evolution of an older image of the "divine androgyne". This is confirmed by keeping for a pair of twins the same name. Indian text is almost verbatim description of the burials of different-gender couples in a "pose of embraces" of the late Bronze Age. After studying the materials of the Selivanovsky II burial ground, anthropologists expressed an opinion about certain kinship relations between individuals from paired burials, who could be siblings (brothers and sisters). Therefore, they could perform the role of "divine androgyne" or "divine twins" in the ritual. To understand the meaning of the ritual of great interest are the results of research pair burial of srubnaya culture from the Mikhailovsky-II burial ground (Samara region), where the bones were infected with the identical strain of plague bacteria *Y. Pestis*. It is suggested that such burials were symbolic and arose as a means of fighting the epidemic.

Key words: the late Bronze Age, Eurasian steppes, burials of different-gender couples, siblings, epidemic.

УДК 903.5(571.151)

О.В. Стяжкина

Алтайский государственный университет, Барнаул, Россия

**ОТКРЫТИЕ И ИСТОРИЯ ИЗУЧЕНИЯ
ШИБИНСКОГО КУРГАНА**

Работа выполнена при финансовой поддержке РФФИ (проект №19-49-220006 «Крупные курганы элиты древних и средневековых кочевников на территории Алтайского края как объекты экскурсионно-туристической деятельности: историко-археологические и естественно-научные исследования»)

В 1927 г. Алтайская экспедиция Государственного Русского музея получила возможность исследовать курганы, которые привлекали внимание своими крупными размерами. Под руководством М.П. Грязнова и при участии М.Н. Комаровой был раскопан курган в урочище Шибе (долина р. Урсул). Несмотря на тот факт, что погребение оказалось разграблено еще в древности, материал, хорошо сохранившийся благодаря условиям мерзлоты, помог пролить свет на многие

стороны жизни и деятельности ранних кочевников Алтая. Данное исследование нашло отражение в одной краевой публикации М.П. Грязнова. На основании результатов изучения указанного памятника им был выделен шибинский этап в истории Алтая. В дальнейшем археолог и сотрудница Государственного Эрмитажа Л.Л. Баркова издала несколько статей, посвященных кургану Шибе. В них она не только опубликовала находки, относящиеся к погребению человека и захоронениям лошадей, но и подняла вопрос о датировке Шибинского кургана.

Ключевые слова: Алтай, М.П. Грязнов, Шибе, крупные курганы, пазырыкская культура.

DOI: 10.14258/2411-1503.2020.26.30

Исследование советскими археологами курганов Алтая скифского времени стало крупным достижением, раскрывшим многие стороны жизни и деятельности ранних кочевников. Алтайская экспедиция Государственного Русского музея в ходе плановых работ во 2-й половине 1920-х гг. обнаружила погребения в мерзлоте, давшие исключительный по своей научной ценности материал.

Впервые такой археологический объект был исследован в 1927 г. По поручению руководителя экспедиции С.И. Руденко, молодые сотрудники М.П. Грязнов и М.Н. Комарова организовали и произвели раскопки довольно крупного кургана, но самого малого по диаметру в цепочке погребальных комплексов. Он получил название «Шибинский», или «курган Шибе» по обозначению урочища в долине р. Урсул (Центральный Алтай). Кроме того, им удалось исследовать еще пять небольших курганов с каменными насыпями (рис. 1), расположенных вокруг Шибинского кургана [Баркова, 1978, с. 38]. Работая в новых и непривычных условиях, экспедиция столкнулась со многими трудностями. Как выяснилось, для раскопок крупного кургана двух археологов оказалось явно недостаточно. Невероятными усилиями вдвоем удалось разобрать погребение, потратив на это почти 20 дней (всего на раскопки Шибинского кургана ушло 47 дней непрерывной работы) [РО НА ИИМК. Ф. 91. Оп. 1. Д. 168. Л. 3]. Но все же главной трудностью в смысле количественных затрат физической силы представляло прохождение мерзлой земли. Первая попытка протаивания ее путем раскладывания огня в обеденный перерыв на полтора часа закончилась неудачей. Оказалось, что за такое кратковременное прогревание земля протаивает не более чем на пять сантиметров. Значительно лучшие результаты дало продолжительное прогревание кострами в течение ночи. При таком подходе грунт оттаивал в среднем на 25–30 см. Стоит отметить, что льдом была насыщена только земля заполнения могилы. Основная же масса бревен, а также вся погребальная камера оказались более-менее сухими. Свободные промежутки в камере и между бревнами были заполнены рыхлым кристаллическим льдом, который не цементировал окружавшие его предметы [РО НА ИИМК. Ф. 91. Оп. 1. Д. 168. Л. 4]. Результаты произведенных работ были кратко освещены М.П. Грязновым [1928] в виде небольшого сообщения в журнале «Человек».

В личном архиве М.П. Грязнова в Музее археологии и этнографии музейного комплекса Омского государственного университета хранится дело под названием «Ойротия», которое в том числе содержит сведения о Шибинском кургане [МАЭ ОмГУ. ЛА. Ф. III. Д. 9]. В нем, помимо описания кургана, хранится фото, сделанное в 1927 г. во время раскопок.

Фотоснимок кургана №2 в урочище Шибе (1927 г.)

В Научном архиве Института истории материальной культуры РАН в фонде М.П. Грязнова (фонд №91) имеется дело, представляющее рукописную статью «Первые кочевники Алтая по раскопкам кургана Шибе», датированную 1930 г. В ней Михаил Петрович описал начальный этап работы следующим образом: «После долгих поисков мы остановили свой выбор на одном кургане, как нам тогда казалось, нетронутым руками грабителей и кладоискателей. Это был большой курган в урочище Шибе на р. Урсуле, самый северный и самый меньший в группе семи погребений. Насыпь его состояла из камней, натасканных с реки и с гор. Насыпь расплывшаяся, с неровной поверхностью. На поверхности следы трупосожжения алтайцев. В насыпи несколько скелетов животных: лошади, коровы, овцы и т.д. ...Под насыпью, в центре, могила размером 6×6×7 м. Первоначально хворост был насыпан до верху и придавлен сверху пятью бревнами. Погребение разграблено. Грабители похитили все ценное в камере... Во время работы они освещались берестой. Это сохранило нам много мелких предметов. Они пытались проникнуть и в ханскую часть погребения, прорубив стену. Судя по всему сказанному, погребение принадлежит очень богатому знатному лицу – хану или князю» [РО НА ИИМК. Ф. 91. Оп. 1. Д. 115. Л. 2–3]. На этом описание кургана прерывается рассуждениями автора о том, можно ли давать характеристику кочевников Алтая по одной конкретной могиле. М.П. Грязнов считал, что можно. Несмотря на тот факт, что все вещи

принадлежали человеку высшего сословия, лучше всего они характеризуют именно основное население. Ибо все, начиная от ямы и кончая обнаруженными предметами, сделано сотнями рук тех, кто составлял основную массу населения. По подсчетам исследователя, только на сооружение кургана потребовалось не менее 100 человек и примерно 25 дней работы. Вероятно, основной целью рукописи была не детальная публикация материалов из Шибе, а именно характеристика культуры кочевников Алтая. В ней автор освещал такие аспекты, как хозяйство, быт, техника производства металлов и т.д. В заключение Михаил Петрович отметил, что такая работа не исчерпывает того, что дали раскопки Шибе для археологической науки, и обозначает план дальнейшего разьяснения и уточнения изложенного материала [РО НА ИИМК. Ф. 91. Оп. 1. Д. 115]. Однако все это так и не было опубликовано.

Лишь усилиями сотрудницы Государственного Эрмитажа Л.Л. Барковой [Засецкая, Марсаолов, Тишкин, 2016] существенная часть материалов из Шибинского кургана введена в научный оборот. Так, в 1978 г. в Археологическом сборнике Государственного Эрмитажа (далее – АСГЭ) вышла ее статья «Курган Шибе и вопросы его датировки» [Баркова, 1978]. В ней приводится описание погребального обряда Шибинского кургана. Автор приходит к выводу, что «...все конструктивные детали и черты погребального обряда, свойственные кургану Шибе, находят аналогии в тех или иных Больших Алтайских курганах, за исключением одной детали – западной ориентировки погребенного» [Баркова, 1978, с. 40]. На основе анализа был сделан вывод о том, что Шибинский курган укладывается в рамки времени сооружения других Больших Алтайских курганов, т.е. не позднее III в. до н.э. По ее мнению, курган Шибе ошибочно служит основанием для датировки и выделения «шибинского этапа». Основной причиной этого является практическое отсутствие публикации материалов Шибинского кургана: как погребального обряда, так и предметов материальной культуры [Баркова, 1978, с. 37].

В следующей статье «Погребение коней в кургане Шибе», вышедшей в 1979 г. также в АСГЭ, Л.Л. Баркова [1979] публикует основную часть предметов, относящихся к убранству и снаряжению коней. В ней дано систематическое описание сохранившихся изделий и по возможности проводятся аналогии с другими алтайскими курганами.

В 1980 г. Л.Л. Баркова публикует статью «Курган Шибе. Предметы материальной культуры из погребальной камеры». В ней представлен вещевой материал, связанный с погребением человека, и разделенный на следующие группы: одежда, украшение одежды, бытовые предметы и предметы неясного назначения [Баркова, 1980]. После анализа предметов материальной культуры исследовательница вновь приходит к выводу, что они аналогичны предметам из других алтайских курганов, и подчеркивает, что этот памятник не может служить опорой для выделения особой культуры или отдельного археологического этапа [Баркова, 1980, с. 58].

В статье «Комплексное изучение находок лака из памятников Яломан-II и Шибе (Горный Алтай)», вышедшей в 2008 г., была обозначена тема идентификации лаковой чашечки из кургана Шибе, вопрос о датировке которой в свое время вызвал дискуссию [Тишкин, Хаврин, Новикова, 2008]. В данной работе сделан вывод о том, что находка из памятника хуннского времени Яломан-II имеет сходство с китайским изделием из кургана Шибе. Однако исследовательский опыт и изучение археологических лаковых изделий тогда не были закончены и требовали продолжения работ на междисциплинарном уровне [Тишкин, Хаврина, Новикова, 2008, с. 200]. Они состоялись позднее [Новикова, Степанова, Хаврин, 2013; Новикова, Марсадолов, Тишкин, 2018]. Основным выводом заключается в том, что найденные части китайских лаковых чашечек могут быть датированы периодом существования империй Цинь и Хань (скорее всего, конец III – II в. до н.э.).

Раскопки кургана в урочище Шибе показали, что на Алтае можно встретить наличие мерзлоты и, следовательно, обнаружить хорошо сохранившиеся погребения. Находки из Шибинского кургана привлекли особое внимание. Первоначально они размещались в Музее этнографии народов СССР. Во время Великой Отечественной войны некоторые предметы оказались утрачены. В 1955 г. весь материал из кургана Шибе был передан в Государственный Эрмитаж, где хранится по сей день [Баркова, 1980, с. 49]. Что касается правового статуса объекта, то на данный момент группа курганов Шибе относится к объекту культурного наследия федерального значения.

Библиографический список

- Баркова Л.Л. Курган Шибе и вопросы его датировки // АСГЭ. 1978. Вып. 19. С. 37–44.
- Баркова Л.Л. Курган Шибе. Предметы материальной культуры из погребальной камеры // АСГЭ. 1980. Вып. 21. С. 48–58.
- Баркова Л.Л. Погребение коней в кургане Шибе // АСГЭ. 1979. Вып. 20. С. 55–65.
- Грязнов М.П. Раскопки княжеской могилы на Алтае // Человек. 1928. №2–4. С. 217–219.
- Засецкая И.П., Марсадолов Л.С., Тишкин А.А. Памяти Л.Л. Барковой (1928–2014) // Теория и практика археологических исследований. 2016. №1 (13). С. 151–155.
- Новикова О.Г., Марсадолов Л.С., Тишкин А.А. Китайские лаковые изделия в Забайкалье и на Алтае в хуннское время // Теория и практика археологических исследований. 2018. №1 (21). С. 106–143.
- Новикова О.Г., Степанова Е.В., Хаврин С.В. Изделия с китайским лаком из Пазырыкской коллекции Государственного Эрмитажа // Теория и практика археологических исследований. 2013. №1 (7). С. 112–124.
- Тишкин А.А., Хаврин С.В., Новикова О.Г. Комплексное изучение находок лака из памятников Яломан-II и Шибе (Горный Алтай) // Древние и средневековые кочевники Центральной Азии. Барнаул, 2008. С. 196–200.

O.V. Styazhkina

Altai State University, Barnaul, Russia

**DISCOVERY AND HISTORY
OF RESEARCH OF THE SHIBE MOUND**

In 1927, the Altai expedition of the State Russian Museum was given the opportunity to study the mounds that had attracted their attention for a long time. Under the leadership of M.P. Gryaznov with the participation of M.N. Komarova the Shibe mound on the Ursul River was excavated. Despite the fact that the mound was plundered in antiquity, the material well preserved due to permafrost conditions helped to shed light on many aspects of the Altai nomads' life. M.P. Gryaznov reflected this study only in one brief publication. Based on the study of this site, he allocated the Shibe stage in the history of the early nomads of Altai. Further on, the archaeologist and employee of the State Hermitage L.L. Barkova published several works on the Shibe mound. In these works, she not only publishes materials related to the humans and horses burial rites, but also raised the issue of the Shibe mound

Key words: Altai, M.P. Gryaznov, Shibe, big barrows, Pazyryk culture.

УДК 069.4/5(571.17)

М.Г. Сулейменов, А.М. Илюшин

*Кузбасский государственный технический
университет им. Т.Ф. Горбачева, Кемерово, Россия*

**КОЛЛЕКЦИЯ САБЕЛЬ ИЗ ФОНДОВ ГУРЬЕВСКОГО
ГОРОДСКОГО КРАЕВЕДЧЕСКОГО МУЗЕЯ**

В статье публикуются и исследуются девять сабель развитого средневековья из раскопок курганных могильников Усть-Канда-1 и Октябрьский, расположенных на территории Кузнецкой котловины в предгорьях Салаирского кряжа. Сабли описываются, классифицируются и сравниваются с аналогичными изделиями в Кузнецкой котловине и на сопредельных территориях. Выделено пять типов сабель. Приводятся аналогии выделенным типам сабель. На основе сравнительного анализа делается вывод о том, что сабли из исследуемой коллекции известны в развитом средневековье на территории Кузнецкой котловины и в конце I – начале II тысячелетия на сопредельных территориях.

Ключевые слова: Кузнецкая котловина, развитое средневековье, коллекция, сабля.

DOI: 10.14258/2411-1503.2020.26.31

Исследование вопросов истории военного дела средневекового населения Кузнецкой котловины, непосредственно связано с исследованиями по вооружению этой эпохи. К числу одного из видов оружия ближнего боя относится сабля. Специальное исследование по опубликованным материалам, посвященное саблям из Кузнецкой котловины, показало, что они использовались разными группами населения с XI по

XIV в. и, как правило, были найдены в «богатых» захоронениях местной военной аристократии [Илюшин, 2014, с. 245–251]. Цель настоящей работы состоит в том, чтобы опубликовать неизвестную широкой научной аудитории коллекцию сабель из фондов Гурьевского городского краеведческого музея, описать, классифицировать, провести сравнительный анализ и дать культурно-историческую характеристику этих находок.

Коллекция насчитывает девять сабель (рис. 1.-1–5; 2.-6–9). Известно, что они найдены при проведении археологических раскопок в 1961 и 1962 гг. на курганном могильнике Усть-Канда-1 и в 1966–1968 гг. на курганном могильнике Октябрьский, которые проводили сотрудники Гурьевского городского краеведческого музея Ф.И. Александров и П.Н. Муштей на территории Гурьевского и Беловского районов Кемеровской области [Илюшин, 1993а, с. 24–26; 1997, с. 56–57; 1998а, с. 95–97; 2005, с. 41–42; Илюшин, Перминова, 1994, с. 206–211; Ширин, 2004, с. 375]. Ранее эти погребальные памятники были нами датированы XI–XIII вв. (Усть-Канда-1) и XI–XII вв. (Октябрьский) и отнесены к шандинской и саратовской археологическим культурам [Илюшин, 1993б, с. 45–49; 1998б, с. 25–27; 2005, с. 109–126]. Сохранившаяся документация и коллекционная нумерация сабель пока не позволяют конкретизировать находки на этих памятниках. Однако в целом эта коллекция представляет собой ценный исторический источник по истории военного дела населения Кузнецкой котловины в развитом средневековье. Приводим ее описание.

Первая сабля. Длина клинка – 73,2 см, ширина у перекрестия – 3,9 см, в средней части клинка – 3,4 см, у начала линзовидного окончания клинка – 3,2 см. Черен сабли имеет наклон по отношению к спинке ~10°. Перекрестие напускное, расположено перпендикулярно клинку, длина – 8,5 см, высота – 1,7–2,4 см (рис. 1.-1).

Вторая сабля. Длина клинка – 73,9 см, ширина у перекрестия – 3,6 см, в средней части клинка – 3,6 см, у начала линзовидного окончания клинка – 2,7 см. Черен сабли имеет наклон по отношению к спинке ~10°. Перекрестие напускное, расположено перпендикулярно клинку, длина – 7,0 см, высота – 2,5–3,1 см. На расстоянии 17,1 см от перекрестия расположено железное портупейное кольцо диаметром 1,8 см. Ниже, в 22 см от перекрестья, на клинке имеется металлическая пластина от крепления (рис. 1.-2). Детали крепления позволяют предполагать, что сабля подвешивалась лезвием вверх.

Третья сабля. Длина клинка – 73,2 см, ширина у перекрестия – 3,2 см, в средней части клинка – 3,0 см, у начала линзовидного окончания клинка – 2,7 см. Черен сабли имеет наклон по отношению к спинке ~20°. Перекрестие напускное, расположено перпендикулярно клинку, длина – 6,8 см, высота – 1,3–2,8 см. Под перекрестьем расположено крепление сабли, состоящие из двух железных обойм на которых имелись портупейные кольца диаметром 1,5 и 2,0 см. Детали крепления позволяют предполагать, что сабля подвешивалась лезвием вниз (рис. 1.-3).

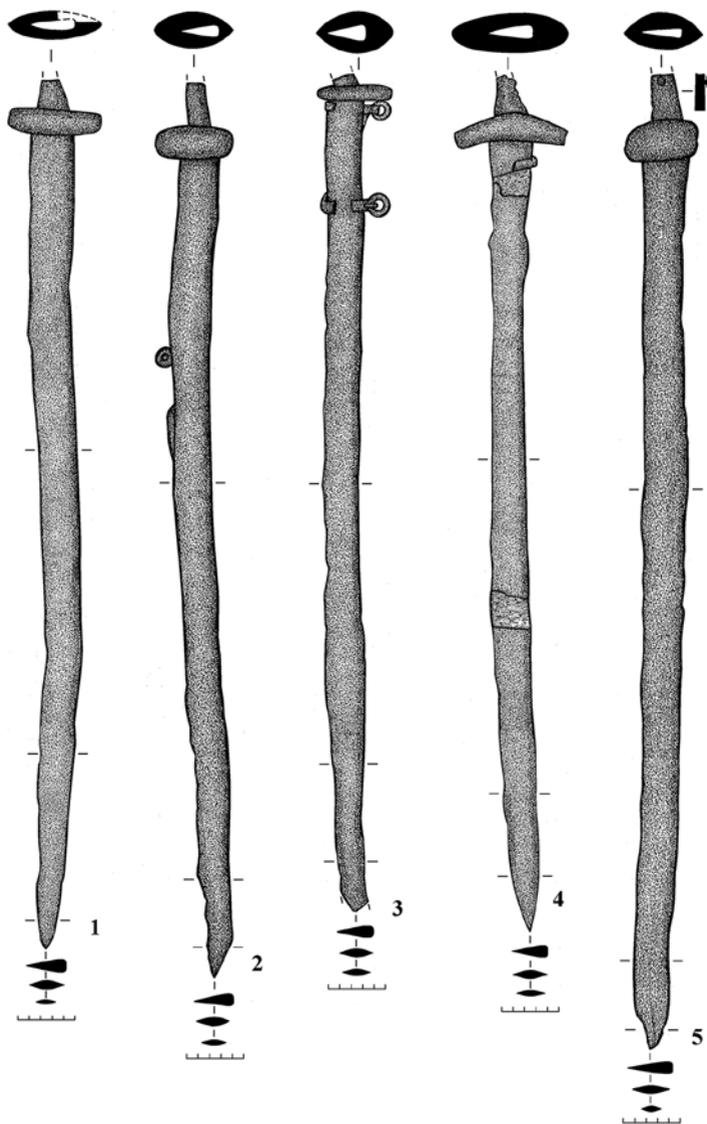

Рис. 1. Коллекция из Гурьевского городского краеведческого музея: 1–5 – сабли

Четвертая сабля. Длина клинка – 71,2 см, ширина у перекрестия – 4,1 см, у начала линзовидного окончания клинка – 3,1 см. Черен сабли имеет наклон по отношению к спинке ~15°. Перекрестие напускное,

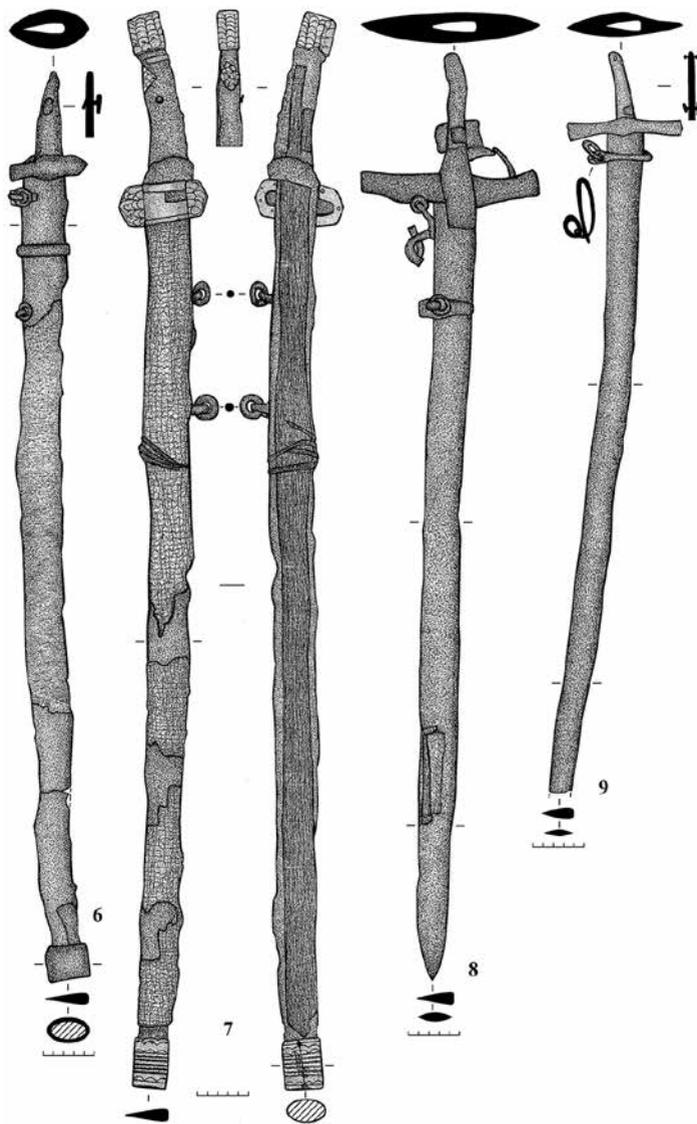

Рис. 2. Коллекция из Гурьевского городского краеведческого музея: 6–9 – сабли

расположено перпендикулярно клинку, длина – 10,7 см, высота – 1,5–2,7 см. В 1,2 см ниже перекрестия имелся фрагмент железной обоймы крепления, а в 2,3 и 40,4 см – фрагменты дерева от ножен (рис. 1.-4).

Пятая сабля. Длина клинка – 80,2 см, ширина у перекрестия – 4,1 см, в средней части клинка – 3,8 см, у начала линзовидного окончания клинка – 3,2 см. Черен сабли имеет наклон по отношению к спинке $\sim 6^\circ$. На нем имеется железный шпенек со шляпкой. Перекрестие напускное, расположено перпендикулярно клинку, длина – 6,8 см, высота – 2,8–3,7 см (рис. 1.-5).

Шестая сабля в ножнах. Приблизительная длина клинка – 71,6 см, ширина у перекрестия – 3,8 см. Черен сабли не имеет наклона по отношению к спинке. На нем имеется железная двусторонняя заклепка. Перекрестие напускное, расположено перпендикулярно клинку, длина – 7,1 см, высота – 1,5–2,3 см. На расстоянии 10,6–48,5 см от перекрестия фрагментарно сохранились деревянно-берестяные ножны. В 7 см ниже перекрестия имеется железная обойма ножен. От крепления сабли сохранились два железных портупейных кольца, на расстоянии 1 см и 11 см от перекрестия, диаметром 1,8 см. На окончании клинка присутствует железное овальное навершие ножен. Детали крепления позволяют предполагать, что сабля подвешивалась лезвием вверх (рис. 2.-6).

Седьмая сабля в ножнах. Приблизительная длина клинка – 82 см, ширина у окончания плечиков – 4,6 см, в средней части – 3,8 см. Ширина суживающегося черена – 2,8–4,0 см, длина 11 см. Черен сабли имеет наклон по отношению к спинке $\sim 15^\circ$. На нем имеется железный шпенек со шляпкой. На верхней части черена имеется накладка в виде бронзовой пластины ромбовидной формы (размеры 3,0×2,1 см), украшенная «чешуйчатым» резным орнаментом, и фрагменты деревянной обкладки рукояти. На черене имеется железный шпенек со шляпкой. На черене сохранилось бронзовое навершие рукояти с овальным сечением (размеры 3,0×3,5 см), украшенное «чешуйчатым» резным орнаментом. Перекрестие отсутствует. Сохранившиеся ножны представляют собой остатки деревянного футляра. На ножнах сохранились следы обвязки кожаным шнурком в три оборота. Приемник ножен оформлен бронзовой скобчатой пластиной, с овальным выгибом посередине, размерами 8,3×3,4 см, и украшен «чешуйчатым» резным орнаментом. Окончание ножен оформлено бронзовым навершием (размеры 4,4×3,4 см), которое имело овальное сечение и было украшено горизонтальными и волнообразными резными линиями. В 6,8 и 16,2 см ниже пластины на приемнике ножен сохранились кольчатые крепления со вставленными в них портупейными кольцами диаметром 2,6 см. Детали крепления позволяют предполагать, что сабля подвешивалась лезвием вниз (рис. 2.-7).

Восьмая сабля. Длина клинка – 70,5 см, ширина у перекрестия – 3,8 см, в средней части клинка – 3,2 см, у начала линзовидного окончания клинка – 3,0 см. Черен сабли имеет наклон по отношению к спинке $\sim 5^\circ$. Он усилен железной накладной пластиной (размеры 7,0×3,0 см), с напуском на перекрестие и клинок. На черене имеется железный шпенек со шляпкой. Перекрестие напускное, расположено перпендикулярно клинку, длина – 16,2 см, высота – 2,3–3,4 см. На расстоянии 1,6 и 8,5 см от пере-

крестия имеются целые и во фрагментах железные обоймы ножен с прикрепленными к ним железными портупейными кольцами диаметром 1,7 и 1,9 см. В 14,3 см от острого окончания двулезвийного клинка имеются фрагменты дерева от обкладки или ножен. Детали крепления позволяют предполагать, что сабля подвешивалась лезвием вверх (рис. 2.-8).

Девятая сабля. Острие клинка обломано. Длина сохранившегося клинка – 60,1 см, ширина у перекрестия – 3,4 см, в средней части клинка – 2,7 см, у начала линзовидного окончания клинка – 2,5 см. Черен сабли имеет наклон по отношению к спинке ~13°. На нем имеются две двусторонние железные заклепки. Перекрестие напускное, расположено перпендикулярно клинку, длина – 10,6 см, высота – 1,1–1,9 см. В 2 см ниже перекрестия имеется железная обойма ножен с прикрепленным к ней железным портупейным кольцом диаметром 2,1 см. Детали крепления позволяют предполагать, что сабля подвешивалась лезвием вверх (рис. 2.-9).

Найденные на могильниках Усть-Канда-1 и Октябрьский железные сабли можно классифицировать по апробированной нами ранее методике, предложенной Ю.С. Худяковым [Худяков, 1979, с. 184–193; 1980, с. 39–50; Илюшин, 2014, с. 245–251]. Все сабли из гурьевской коллекции по разрезу лезвия относятся к одной группе трехгранных, а по форме перекрестья подразделяются на пять типов.

Тип 1. Без перекрестья. Представлен одним экземпляром (рис. 2.-7). На территории Кузнецкой котловины имеет аналогии в составе Елькаевской коллекции [Илюшин, 2005, с. 160, рис. 3.-8, 11–13, 15]. Сабли этого типа встречается у кимаков в IX–X вв., у кыргызов в X–XII вв. и в алтайских материалах X–XIV вв. [Горбунов, 2006, с. 70, рис. 61.-3, рис. 62; Худяков, 1980, табл. 1, табл. 3; 1997, с. 131, рис. 82; Худяков, Плотников, 1995, рис. 3.-9; рис. 4].

Тип 2. С брусковидным перекрестьем, в разном исполнении. Представлен тремя экземплярами (рис. 1.-2, 3, 5). На территории Кузнецкой котловины имеет аналогии на погребальных памятниках Шанда (XI–XII вв.), Шабаново-3 (XI–XII вв.), Шабаново-9 (XII–XIII вв.), Солнечный-1 (XII – начало XIII в.) [Илюшин 2014, рис. 1.-2, 3, 6, 7, 11]. Этот тип сабель известен у кимаков в IX–X вв. и на Алтае в VIII–XI вв. [Горбунов, 2006, с. 71, рис. 61.-5; рис. 62; Худяков, Плотников, 1995, с. 96, рис. 4].

Тип 3. С ладьевидным перекрестьем, в разном исполнении. Представлен двумя экземплярами (рис. 1.-1, 4). На территории Кузнецкой котловины встречен на погребальных памятниках Беково (XI–XII вв.), Сапогово-2 (XI–XII вв.), Конево (рубеж XII–XIII вв.) [Илюшин 2014, рис. 1.-4, 5, 8]. Сабли этого типа известны у кимаков в IX–X вв. и у других групп населения Южной Сибири и Центральной Азии в XI–XIV вв., а также у кыргызов Приенисейского края в XI–XIV вв. [Скобелев, Рюмшин, 2010, с. 152; Худяков 1997, с. 131, рис. 82; Худяков, Плотников, 1995, рис. 3.-7; рис. 4].

Тип 4. С фигурным перекрестием. Представлен одним экземпляром (рис. 2.-6). Аналогии этому типу сабель нам не известны.

Тип 5. С крестообразным перекрестием. Представлен двумя экземплярами (рис. 2.-8, 9). На территории Кузнецкой котловины имеет аналогию на погребальных памятниках Шанда (XI–XII вв.), Мусохраново-3 (2-я половина XII – XIII в.), Ишаново (XIII–XIV вв.) и Торопово-1 (XIII–XIV вв.) [Илюшин, 2014, рис. 1.-1, 9, 10, 13, 14]. Сабли этого типа известны в кыргызских (IX–XII вв.) и алтайских материалах (IX–XII вв.) [Худяков, 1980, табл. 3; Горбунов, 2006, с. 71, рис. 61.-6; рис. 62].

Результаты классификации и приведенные аналогии свидетельствуют о том, что сабли из коллекции Гурьевского городского краеведческого музея использовались у различных этнических групп в Кузнецкой котловине и на сопредельных территориях в развитом средневековье и в конце I – начале II тысячелетия.

Библиографический список

Горбунов В.В. Военное дело населения Алтая в III–XIV вв. Часть II: Наступательное вооружение (оружие). Барнаул, 2006. 232 с.

Илюшин А.М. М.Г. Елькин – исследователь древностей Кузнецкой котловины // Вторые исторические чтения памяти Михаила Петровича Грязнова. Ч. 1. Омск, 1992. С. 28–31.

Илюшин А.М. П.Н. Муштей – исследователь древностей земли Кузнецкой // Современные проблемы исторического краеведения (К 375-летию основания Кузнецка и 50-летию образования Кемеровской области). Кемерово, 1993. С. 16–19.

Илюшин А.М. Роль краеведческих музеев в становлении и развитии исторической науки Кемеровской области // Культурное наследие Азиатской России. Материалы I Сибиро-Уральского исторического конгресса. Тобольск, 1997. С. 56–57.

Илюшин А.М. Творческий союз краеведов Кузбасса в 1950–70-е годы // Культура и интеллигенция России: социальная динамика, образы, мир научных сообществ (XVIII–XX вв.). Том 16: Научные сообщества в социокультурном пространстве России (XVIII–XX вв.). Омск, 1998. С. 95–97.

Илюшин А.М. Елыкаевский клад (о датировке и его интерпретации) // Актуальные вопросы социо-гуманитарного знания. Кемерово, 2005. С. 151–160.

Илюшин А.М. Сабли в культуре средневекового населения Кузнецкой котловины // Древности Сибири и Центральной Азии. Горно-Алтайск, 2014. №7 (19). С. 245–251.

Илюшин А.М., Перминова Л.А. У истоков краеведения и археологии земли Кузнецкой (памяти Ф.И. Александрова) // Кузнецкая старина. Новокузнецк, 1994. Вып. 2. С. 206–211.

Скобелев С.Г., Рюмшин М.А. Новые материалы по длинноклинковому оружию енисейских кыргызов в развитом и позднем средневековье // Вестник НГУ. Серия: История, филология. 2010. Т. 9, вып. 7. С. 144–154.

Худяков Ю.С. Основные понятия оружейведения (по материалам вооружения енисейских кыргызов VI–XII вв. н.э.) // Новое в археологии Сибири и Дальнего Востока. Новосибирск, 1979. С. 184–193.

Худяков Ю.С. Вооружение енисейских кыргызов. Новосибирск, 1980. 176 с.

Худяков Ю.С. Вооружение кочевников Южной Сибири и Центральной Азии в эпоху развитого средневековья. Новосибирск, 1997. 160 с.

Худяков Ю.С., Плотников Ю.А. Рубяще-колошечное оружие кимаков // Военное дело и средневековая археология Центральной Азии. Кемерово, 1995. С. 133–140.

M.G. Suleymenov, A.M. Ilyushin

Gorbachev, Kuzbass State Technical University Kemerovo, Russia

**COLLECTION OF SABRES FROM THE FUNDS
OF GURYEV CITY MUSEUM OF LOCAL LORE**

The article publishes and researches nine sabers of the developed Middle Ages from the excavation of Ust-Kanda-1 and Ocyabrsky burial grounds located in the territory of Kuznetsk basin in the foothills of the Salair Ridge. The sabers are described, classified and compared to similar products in the Kuznetsk basin and in adjacent territories. Five types of sabers are allocated. Analogies to the allocated types of sabers are given. On the basis of comparative analysis, the conclusion is made that the sabers from the studied collection are known in the developed Middle Ages in the territory of Kuznetsk basin and at the end of the 1st – the beginning of the 2nd millennium in adjacent territories.

Key words: Kuznetsk basin, the developed Middle Ages, collection, saber.

УДК 903.5(571.150)

А.А. Тишкин

Алтайский государственный университет, Барнаул, Россия

КРУПНЫЕ КУРГАНЫ В АЛЕЙСКОМ РАЙОНЕ АЛТАЙСКОГО КРАЯ

Работа выполнена при финансовой поддержке РФФИ
(проект №19-49-220006 «Крупные курганы элиты древних
и средневековых кочевников на территории Алтайского края
как объекты экскурсионно-туристической деятельности:
историко-археологические и естественно-научные исследования»)

Алейский район в археологическом плане еще остается слабо обследованной территорией Алтайского края. Лишь многолетние раскопки поселения эпохи бронзы Березовая Лука около с. Безголосово в конце 1990-х гг. и в начале XXI в. создали условия для целенаправленного выявления других древнейших, древних и средневековых объектов. Поблизости были зафиксированы местонахождения, стоянки, поселения, курганные группы, одиночные курганы, грунтовые могильники. Этому способствовали местные жители, а также сплошные осмотры больших участков. Среди обнаруженных памятников выделялись относительно крупные курганы. Некоторые такие объекты были раскопаны, и они оказались погребальными комплексами, которые датируются ранним Средневековьем и относятся к сросстинской культуре. Часть курганов предположительно могли быть сооружены в скифо-сарматское время. Большинство имеют следы грабительских проникновений. Многие обнаруженные памятники историко-культурного наследия являются аварийными. Они разрушаются систематической распахкой, в ходе строительных работ и при природно-климатическом воздействии.

Ключевые слова: Алтайский край, Алейский район, археологические памятники, крупные курганы, раскопки, раннее Средневековье.

DOI: 10.14258/2411-1503.2020.26.32

Долгое время систематические археологические обследования в Алейском районе Алтайского края не проводились. В книге А.П. Уманского «Памятники культуры Алтая», вышедшей в 1959 г., отсутствуют какие-либо сведения о древних или средневековых объектах на этой территории. Имеется лишь упоминание о том, что «...много курганов встречается в долинах Чарыша, Алея и их притоков» [Уманский, 1959, с. 105–106]. Как раз именно с конца 1950-х гг. стали осуществляться первые фиксации археологических комплексов в интересующем нас районе. Однако это происходило от случая к случаю [Демин, с. 202, 204]. В определенной мере тому способствовали случайные находки, а также необходимость проведения осмотров участков, попадавших в зону строительства дорог, мостов и разных хозяйственных объектов. Следует отметить проведение небольших исследований с научными целями и работу по составлению археологической карты Алтайского края. Полученные сведения вводились в научный оборот [Уманский, Неверов, 1982; Иванов, 1982, с. 51; Уманский, 1991, 1992, 1997; Ведянин, Тишкин, 1995; Кирюшин, Казаков, 1997; Телегин, Боровков, 2000; Ситников, 2002; Горбунов, Тишкин, Кунгуров, 2016; и др.]. Часть такой информации отложилась в архивах (полевые отчеты, экспедиционные дневники, карточки и др.). В книге, посвященной истории Алейского района и изданной в 1996 г., результаты археологических исследований отсутствуют [Рябцев, 1996]. Это вполне понятно, так как количество имевшихся материалов тогда оказалось еще недостаточным, чтобы представить даже небольшой историко-культурный очерк. Данную ситуацию можно было исправить только после специальной проработки накопленных знаний, а также при проведении целенаправленных обследований и раскопок. Такая ситуация наметилась во 2-й половине 1990-х гг.

В 1993 г. житель Алейского района Г.П. Уколов указал автору статьи несколько археологических объектов в окрестностях с. Безголосово, в том числе уникальный памятник для юга Западной Сибири – поселение эпохи бронзы Березовая Лука [Кирюшин, Тишкин, 1995, 1996]. Постоянные разрушения р. Алей культурного слоя обозначили задачу проведения спасательных раскопок. Они начались в 1997 г. [Тишкин, 1998; Тишкин, Горбунов, 1999, с. 317–318; Кирюшин, Малолетко, Тишкин, 2005, с. 8–12]. Параллельно осуществлялось документирование других древнейших, древних и средневековых комплексов, а также проводились исследования некоторых из них. Благодаря этому количество археологических памятников в Алейском районе увеличилось [Тишкин, Горбунов, 2000; Кирюшин, Кунгуров, Тишкин, Шпакова, 2002; Тишкин, Горбунова, Кондрашов, 2002; Кирюшин, Тишкин, Позднякова, 2002; и др.]. Однако они были выявлены в основном на отдельных участках. В данной статье речь пойдет о зафиксированных крупных курганах, диаметр которых превышает 25–30 м. При этом есть смысл кратко обозначить и другие выявленные курганные могильники.

В природном отношении рассматриваемая территория района относится к Алейской степи, которая с севера и северо-запада ограничена ленточным бором, а на юге и юго-востоке смыкается с Предалтайской равниной. Это часть своеобразного коридора, соединявшего несколько природно-ландшафтных зон и способствовавшего процессам этнокультурного взаимодействия в древности и Средневековье.

Несколько археологических памятников было обнаружено на правом (коренном) берегу р. Алей у пойменного оз. Яровское, по названию которого они и обозначались (Яровское-I–V). Раскопки небольших курганов проведены на комплексах сrostкинской культуры Яровское-III [Тишкин, Горбунов, 1998] и Яровское-V [Тишкин, Горбунов, 2000; Горбунов, Кунгуров, Тишкин, 2001, с. 212–213]. Неподалеку от них находились другие, более крупные объекты (Поповская Дача, Красный Яр, Грань).

Одиночный курган Грань располагался на границе Алейского и Топчихинского районов Алтайского края, примерно в 4 км к северо-востоку от с. Безголосово. Объект представлял собой земляную насыпь овальной формы, размерами 30×27 м и высотой до 0,7 м. Половина кургана подвергалась распашке, а в центре имелась грабительская яма. По периметру насыпи был выявлен ров. Памятник раскопан. Его географические координаты: N – 52°33'11.11"; E – 83° 2'52.74". Полученные материалы позволили датировать курган 2-й половиной X – 1-й половиной XI в. н.э. и отнести к шадринцевскому этапу сrostкинской культуры [Тишкин, Горбунов, 2000; Горбунов, Тишкин, 2018, с. 82–83].

Следующий крупный курган, получивший обозначение «Поповская Дача» по названию ближайшего места, также полностью исследован [Горбунов, Тишкин, 2001, с. 285–287; 2018, с. 83–84]. Расстояние по карте от него к западу до с. Новоколпаково оказалось примерно 2,1 км, до с. Безголосово к югу–юго-западу – 3,1 км (по полевой дороге – 5,2 км), а до оз. Яровское – 0,4 км. Данный объект располагался на оstepненном мысу правого (коренного) берега р. Алей, около распаханного поля и представлял собой земляную насыпь овальной формы (размерами 30×25 м, высотой 0,8 м), по периметру которой находился ров. Его географические координаты: N – 52°33'43.91"; E – 83° 1'29.54". Под насыпью четыре могилы располагались в ряд, а пятая находилась немного в стороне. Обнаруженные предметы материальной культуры позволили также отнести памятник к шадринцевскому этапу сrostкинской культуры [Горбунов, Тишкин, 2018, с. 84].

В 2001 г. автором статьи обследовался участок Алейского района между селами Успеновка и Колпаково на левобережье Алея. В результате были обнаружены и впервые зафиксированы две курганные группы (Успеновка-I, II) и одиночный курган (Колпаковский) [Тишкин, Горбунова, Кондрашов, 2002]. Первый памятник находится на левом коренном берегу р. Алей в 250 м к северо-востоку от окраины с. Успеновка. Курганы располагались на поле между двумя линиями электропередач (ЛЭП),

интенсивно распахивались. К северо-западу от них в 30–40 м проходит шоссе из с. Большепанюшево в с. Новоколпаково. Земляная насыпь кургана №1 имела овальную форму размерами 26×22 м и высотой около 1 м. Параметры следующего объекта, находившегося примерно в 110 м к северо-востоку от предыдущего, такие: 20×18 м, высота 0,4 м.

Курганная группа Успеновка–II состояла из трех объектов, вытянутых цепочкой. Памятник располагается на остепненном мысовидном участке левого коренного берега р. Алей, рядом с распахиваемым полем. В 50–80 м от него (к северо-востоку) находится формирующийся овраг. Земляная насыпь кургана №1 оказалась округлой формы, диаметром 23 м и высотой 1,7 м, с западиной в центре. От нее до с. Успеновка на юго-запад 1,75 км, а до с. Новоколпаково на северо-восток 3,5 км. Курган №2 располагается в 63 м к югу от предыдущего объекта. Его земляная насыпь округлой формы имеет диаметр 17 м, высоту 0,7 м. Следующий объект №3 находился в 38 м к юго-юго-западу от предыдущего. Его географические координаты: N – 52°32'10.33"; E – 82°54'58.80". Курган раскопан и относится к сросткинской культуре [Тишкин, Горбунов, 2002]. Округлая насыпь имела диаметр 17 м, высоту 0,7 м. По ее периметру исследован ров овальной формы с материковыми перемычками в северо-восточной части. По обнаруженным во рву костям собаки получена радиоуглеродная дата [Тишкин, 2018, с. 129–130], которая хорошо укладывается в ранее указанный хронологический диапазон: 2-я половина IX – 1-я половина XI в. н.э. [Тишкин, Горбунов, 2002, с. 458–461].

Одиночный курган Колпаковский располагается на поле многолетних трав примерно в 1,9 км к северо-востоку от предыдущего памятника. От него до с. Новоколпаково около 1,7 км. Он сильно опаживался. От некогда крупной земляной насыпи сохранился участок размерами 20×18 м и высотой 1,6 м. В центре фиксируется западина. В кургане расположены многочисленные норы барсуков. Географические координаты памятника: N – 52°32'51.61"; E – 82°56'16.62".

В 2002 г. автором статьи обследовался участок между селами Безголосово и Малахово (правобережье Алея). В результате зафиксированы одиночные курганы Замарайка и Перепелиная Роща, а также курганные группы Вавилон, Зеленая Поляна, Заячье Поле и грунтовый могильник Малаховский [Тишкин, Горбунова, Кондрашов, 2002; Кирюшин, Тишкин, Позднякова, 2002]. Все эти памятники обнаружены начиная почти от границы с Топчихинским районом и далее на юго-запад в сторону пос. Октябрьского (рис. 1).

Одиночный курган Замарайка представляет собой земляную насыпь овальной (из-за распашки) формы размерами 28×25 м и высотой 0,8 м. Объект расположен на водоразделе, на поле многолетних трав. От него на запад до р. Замарайка 1 км, а до с. Безголосово на запад-северо-запад примерно 4,8 км (рис. 1). Еще одним показателем, позволяющим найти курган на местности, является находящаяся поблизости

Рис. 1. Участок Алейского района с зафиксированными крупными курганами на памятниках Замарайка, Вавилон, Зеленая Поляна, Заячье Поле

лесополоса, которая ориентирована строго по линии Ю–С, в то время как другие аналогичные посадки деревьев располагаются с учетом рельефа (ближайшие – по линии ЮВ–СЗ). Местные жители рассказывают историю о том, что такое расположение в довоенное время определил местный агроном. За это нарушение он был репрессирован как вредитель. Рассматриваемый памятник отмечен на картах и землеустроительных планах специальным значком. Его географические координаты: N – 52°31'10.31"; E – 83°3'7.49". Возможно, рядом были еще курганы, но в настоящее время они сnivelированы распашкой и визуально не фиксируются. Тем не менее по сведениям местного краеведа Г.П. Уколова такие объекты, возможно, там находились при осмотре им памятника в 1975 г. Предварительно курган может датироваться эпохой Средневековья (сросткинская культура).

Курганная группа Вавилон была также указана Г.П. Уколовым (рис. 1). Визуально памятник состоит из трех курганов, расположенных цепочкой по линии Ю–С, и находится в 1,5 км к югу от с. Вавилон, располагаясь на обработанном поле вдоль лесополосы, которая ориентирована по линии ЮЮВ–ССЗ (рис. 2). Рядом со столбом ЛЭП к югу находится земляная насыпь кургана №1. Ее диаметр около 28 м, высота 0,8 м. Объект интенсивно распаивается. Возможно, в центре насыпи была западина, но проследить ее в настоящее время невозможно. От кургана №1 до следующего объекта примерно 100 м на юг. Курган №2 задернован, порос высокой травой, опавается, диаметр земляной насыпи око-

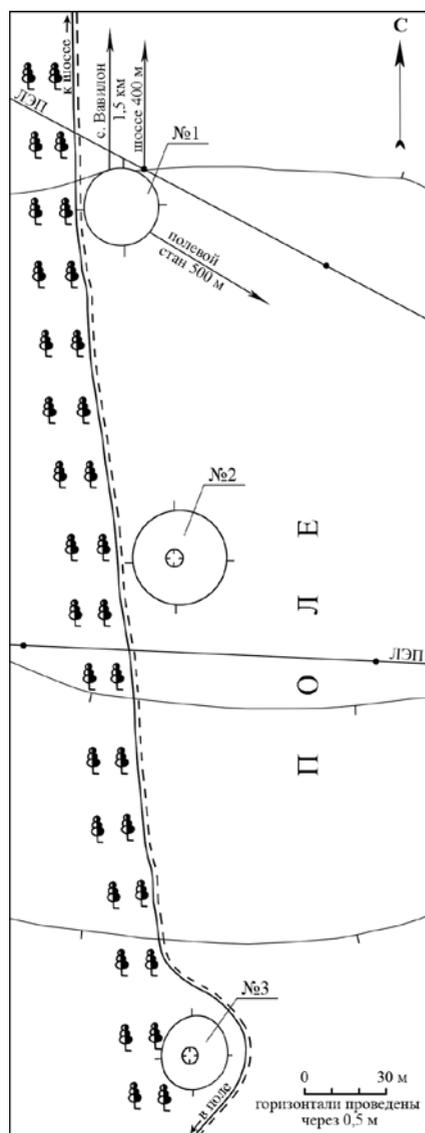

Рис. 2. Курганная группа Вавилон.
План-схема

Курган №2 расположен в 410 м к югу от предыдущего объекта. В центре его находятся заросли деревьев и кустарников. Размеры овальной земляной насыпи 25×19 м, высота 1,5 м. В центре обнаружена яма диамет

ло 34 м, высота 1,9–2 м. Объект имеет следы грабительских проникновений в виде различных западин в центре, а также глубокие норы. Курган №3 располагается примерно в 200 м к югу от предыдущего и находится вплотную к лесополосе, при посадке которой часть насыпи оказалась срезанной. Опахивается. Земляная курганная насыпь хорошо задернована. Ее размеры 28×23 м, высота 1,2 м. В центре кургана находится западина глубиной около 1,5 м, диаметром около 7 м. В ней фиксируются норы. Географические координаты памятника: $N - 52^{\circ}27'7.28''$; $E - 83^{\circ}3'7.49''$. Датировка не ясна. Можно лишь предположить, что курганы сооружены в скифо-сарматское время.

Курганная группа Зеленая Поляна представляет собой два объекта, расположенных на возделываемом поле цепочкой по линии Ю–С (рис. 1 и 3). Курган №1 имеет насыпь овальной формы (диаметр по линии Ю–С – 25 м, высота 1,3 м), которая хорошо задернована. Почти в центре находится западина диаметром 5 м, глубиной 1,1 м. Объект опахивается, полы кургана подрезаны. На участке юго-западного сектора зафиксирована яма диаметром 4 м, глубиной 0,5 м. Географические координаты представленного объекта: $N - 52^{\circ}25'27.03''$; $E - 82^{\circ}46'41.16''$.

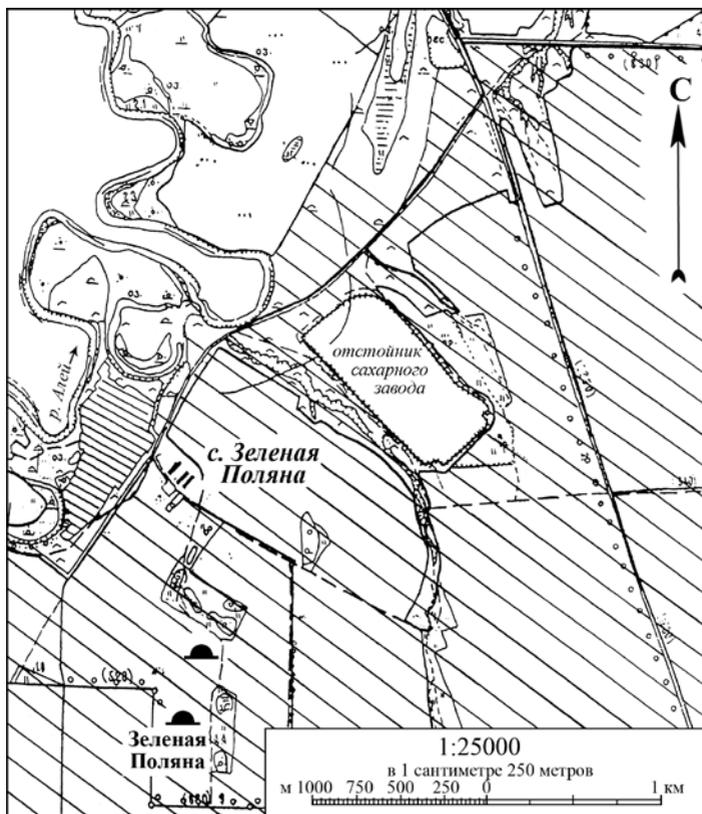

Рис. 3. Курганная группа Зеленая Поляна на землеустроительной карте-схеме

тром более 6 м, глубиной 0,8 м. Объект опахивается, полы срезаны. Западина свидетельствует о том, что курган был раскопан или, вероятнее всего, ограблен. Географические координаты представленного объекта: N – 52°25'12.85"; E – 82°46'40.47". От кургана №1 к северо-западу до с. Зеленая Поляна 1 км, до шоссе Алейск – Малахово на северо-запад – 800 м, до отстойника сахарного завода на северо-восток – 1,7 км.

Следующая курганная группа обозначено по названию урочища Заячье Поле (рис. 1 и 4). Объекты памятника располагаются цепочкой по линии Ю–С на обработанном поле (рис. 5). Курган №1 (южный) находится в 1,5 км к востоку от с. Малахово, задернован, опахивается, на нем смонтирована металлическая вышка. Зафиксированы норы и траншеи. Земляная насыпь овальной формы имеет диаметры 26 м (по линии Ю–С) и 19 м (по линии З–В), высоту – 1,8 м. Западина не фиксируется вследствие проведенных работ по установке вышки (возможно, она была засыпана). От кургана

Рис. 4. Памятники Заячье Поле и Перепелиная Роща на землеустроительной карте-схеме

№1 до шоссе (в сторону с. Малахово) на юг 320 м, до с. Зеленая Поляна на северо-запад – 2,5 км. Географические координаты этого объекта: N – $52^{\circ}24'33.84''$; E – $82^{\circ}46'55.86''$. Курган №2 располагается примерно в 100 м к северу от предыдущего объекта (замеры делались от центра одного объекта до центра другого). Полностью распахан, поэтому параметры зафиксированы приблизительно: диаметр около 20 м, высота около 0,3 м. Курган №3 находится в 300 м к северу от предыдущего объекта. Земляная курганная насыпь овальной формы размерами 30×23 м, высотой 1,5 м. Объект задернован, опахивается, изрыт полностью норами. Западина визуально не фиксируется. В центре курганной насыпи растет куст. От кургана №3 к востоку находится лог, в котором произрастают кустарники и деревья. По его краю проходит полевая дорога, ведущая от шоссе в поля. Географические координаты кургана №3: N – $52^{\circ}24'46.38''$; E – $82^{\circ}47'1.30''$.

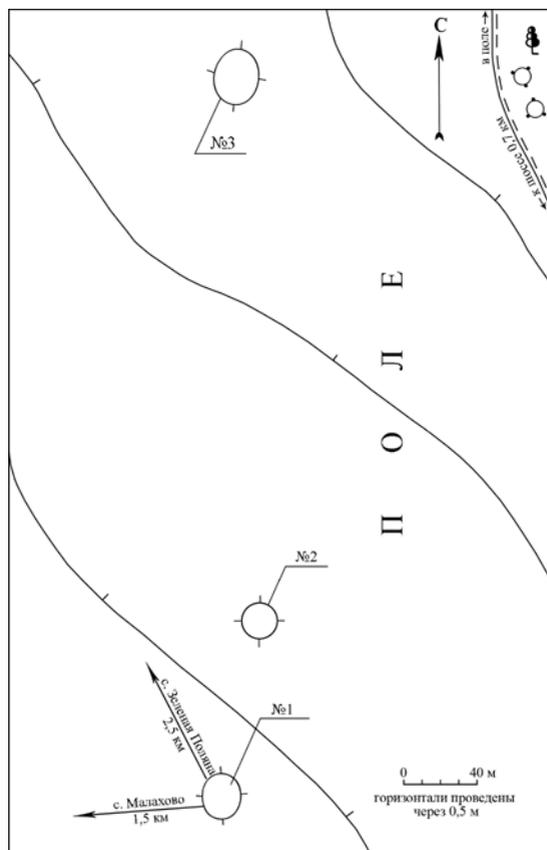

Рис. 5. Курганная группа Заячье Поле. План-схема

Одиночный курган Перепелиная Роща опаживался, но сейчас находится на поле многолетних трав, задернован. Сверху на нем лежит бетонный блок. Через центр кургана проходят две свежие канавы, сделанные трактором (рис. 4). В насыпи отмечены многочисленные барсучьи норы, ставшие причиной, по всей видимости, прокладки траншей. Диаметр земляной насыпи по линии Ю–С – 25 м, по линии З–В – 22 м, высота – 1,3 м. От кургана на север располагается ЛЭП, а далее – полевая дорога, ведущая в с. Малахово. От него на запад до лесополосы 240 м, до пос. Октябрьский на юго-запад – 3,8 км, до с. Малахово на северо-запад – 3,5 км. Географические координаты памятника: N – 52°22'47.01"; E – 82°46'42.51".

Южнее представленного объекта (через поле) находятся еще два аналогичных кургана (рис. 6.-1). Географические координаты этого выявленного памятника: N – 52°22'46.73"; E – 82°46'42.46". Есть смысл

Рис. 6. Памятники Совхозный (1), Плотавка-I (2) и II (3)
на доступных снимках из космоса

дать ему обозначение «Совхозный» по наименованию ближайшего села, расположенного к востоку.

Два археологических комплекса с крупными курганами располагаются между селами Малахово и Мамонтовский, на левобережье р. Плотавка, по названию которой им были даны соответствующие обозначения. Курганная группа Плотавка-I (рис. 6.-2) имеет такие географические координаты: N – 52°22'42.00"; E – 82°42'41.07", а Плотавка-II (рис. 6.-2) – следующие: N – 52°21'42.76"; E – 82°42'44.24". Эти и предыдущий памятники обнаружены при просмотре доступных снимков из космоса. Они требуют дополнительного обследования.

Как показывает опыт, большинство обнаруженных в указанном районе крупных земляных курганов сооружены в эпоху Средневековья и соотносятся с погребальными комплексами сросткинской культуры [Тишкин, Горбунов, 2000; Горбунов, Тишкин, 2001, 2018; и др.]. Наряду с этим возможно наличие и более древних объектов. К сожалению, часть археологических памятников находится в аварийном состоянии. Они разрушаются в результате воздействия антропогенного и природного характера. Особенно поражают отмеченные в Алейском районе случаи запланированного ограбления курганов с целью наживы. Проведенные обследования показали несомненную перспективность дальнейших изысканий в этой части Алтайского края. Получаемая информация необходима не только для научных целей. Она способствует сохранению древних и средневековых объектов, а также возможному их использованию в ходе организации экскурсионно-туристической деятельности, для чего имеются необходимые условия, связанные с наличием музея в г. Алейске и соответствующей инфраструктуры. Важно продолжить обследования и обобщение накопленной информации для создания научных и научно-популярных трудов.

Библиографический список

- Ведянин С.Д., Тишкин А.А. Результаты археологического обследования объекта дорожного строительства в Алейском районе // Проблемы охраны, изучения и использования культурного наследия Алтая. Барнаул, 1995. Вып. VI. С. 66–69.
- Горбунов В.В., Кунгуров А.Л., Тишкин А.А. Раскопки курганов на Алтае // Археологические открытия 2000 года. М., 2001. С. 212–214.
- Горбунов В.В., Тишкин А.А. Продолжение исследований курганов сросткинской культуры на Приобском плато // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. Новосибирск, 2001. Т. VII. С. 281–288.
- Горбунов В.В., Тишкин А.А. «Элитные» курганы сросткинской культуры рубежа I/II тыс. н.э. на Приобском плато // Археология Евразийских степей. 2018. №6. С. 81–85.
- Горбунов В.В., Тишкин А.А., Кунгуров А.Л. Поселения сросткинской культуры на территории Лесостепного Алтая: идентификационные признаки // Известия Алтайского государственного университета, 2016. №4 (92). С. 218–229.
- Дёмин М.А. Археологические исследования А.П. Уманского на Алтае (1956–1963 гг.) // Известия Алтайского государственного университета, 2016. №2 (90). С. 200–205.

Иванов Г.Е. К археологической карте верховьев рек Касмалы и Барнаулки // Археология и этнография Алтая. Барнаул, 1982. С. 24–52.

Кирюшин Ю.Ф., Казаков А.А. Бронзовый нож из Алейского района // Сохранение и изучение культурного наследия Алтайского края. Барнаул, 1997. Вып. VIII. С. 176–178.

Кирюшин Ю.Ф., Кунгуров А.Л., Тишкин А.А., Шпакова Е.Г. Местонахождение Соловьиная Лука // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. Новосибирск, 2000. Т. VI. С. 147–155.

Кирюшин Ю.Ф., Малолетко А.М., Тишкин А.А. Березовая Лука – поселение эпохи бронзы в Алейской степи. Барнаул, 2005. Т. I. 288 с.

Кирюшин Ю.Ф., Тишкин А.А. Поселение Березовая Лука в Алейском районе // Сохранение и изучение культурного наследия Алтайского края. Барнаул, 1995. Вып. V, ч. II. С. 47–51.

Кирюшин Ю.Ф., Тишкин А.А. Новые находки с поселения Березовая Лука // Актуальные проблемы сибирской археологии. Барнаул, 1996. С. 46–49.

Кирюшин Ю.Ф., Тишкин А.А., Позднякова О.А. Малаховский грунтовый могильник эпохи бронзы в Алтайском крае // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. Новосибирск, 2002. Т. VIII. С. 342–344.

Рябцев В.А. История Алейского района. Алейск, 1996. 245 с.

Ситников С.М. Кинжал эпохи бронзы из Алейского района // Материалы по военной археологии Алтая и сопредельных территорий. Барнаул, 2002. С. 32–36.

Телегин А.Н., Боровков А.С. К археологической карте Шипуновского и Алейского районов // Сохранение и изучение культурного наследия. Барнаул, 2000. Вып. XI. С. 47–52.

Тишкин А.А. Методика раскопок поселения Березовая Лука и программа комплексного изучения материалов этого памятника // Поселения: Среда, культура, социум. СПб., 1998. С. 80–83.

Тишкин А.А. Новые данные о радиоуглеродном датировании древних и средневековых памятников Алтая и Верхнего Приобья // Современные решения актуальных проблем евразийской археологии. Барнаул, 2018. Вып. 2. С. 124–131.

Тишкин А.А., Горбунов В.В. Курган сrostкинской культуры у оз. Яровское // Сохранение и изучение культурного наследия Алтайского края. Барнаул, 1998. Вып. IX. С. 194–198.

Тишкин А.А., Горбунов В.В. Раскопки на Алтае // Археологические открытия 1997 года. М., 1999. С. 316–318.

Тишкин А.А., Горбунов В.В. Результаты исследования курганов сrostкинской культуры на Приобском плато // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. Новосибирск, 2000. Т. VI. С. 405–410.

Тишкин А.А., Горбунов В.В. Исследования памятников раннего железного века и средневековья в Лесостепном и Горном Алтае // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. Новосибирск, 2002. Т. VIII. С. 456–461.

Тишкин А.А., Горбунова Т.Г., Кондрашов А.В. Археологические разведки в Алтайском крае // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. Новосибирск, 2002. Т. VIII. С. 462–465.

Уманский А.П. Памятники культуры Алтая. Барнаул, 1959. 252 с.

Уманский А.П. Три находки кыргызского времени в Алтайском крае // Охрана и исследования археологических памятников Алтая. Барнаул, 1991. С. 128–137.

Уманский А.П. Находки эпохи бронзы из Верхнего Приобья // Вопросы археологии Алтая и Западной Сибири эпохи металла. Барнаул, 1992. С. 18–27, 167–169.

Уманский А.П. Аварийные раскопки близ села Нечунаево // Сохранение и изучение культурного наследия Алтайского края. Барнаул, 1997. Вып. VIII. С. 153–156.

Уманский А.П., Неверов С.В. Находки из погребений IX–X вв. в долине р. Алея на Алтае // Советская археология. №2. 1982. С. 176–183.

A.A. Tishkin

Altai State University, Barnaul, Russia

LARGE MOUNDS IN THE ALEYSKY DISTRICT OF THE ALTAI TERRITORY

The Aleysky district from the archaeological point of view still remains a poorly surveyed area of the Altai Territory. Only long-term excavations of the Bronze Age settlement of Berezovaya Luka near the village of Bezgolosovo in the late 1990s and early 21st century created conditions for the targeted identification of other ancient and medieval objects. Nearby locations, settlements, mound groups, single mounds, underground burial grounds were recorded. This was facilitated by local residents, as well as continuous inspections of large areas. Among the discovered sites relatively large mounds stood out. Some of the sites were excavated, and they turned out to be burial complexes that date back to the early Middle Ages and belong to the Srostkinskaya culture. Some of the mounds may have been built in the Scythian-Sarmatian period. Most of them have signs of burglary. Many discovered sites of historical and cultural heritage are emergency ones. They are destroyed by systematic plowing, construction work and natural and climatic influence.

Key words: Altai Territory, Aleysky district, archaeological sites, large mounds, excavations, early Middle Ages.

УДК 902(510)+902(571.150)

**А.А. Тишкин¹, Т. Идэрхангай², Н.Н. Серегин¹, С. Оргилбаяр²,
В.В. Горбунов¹, Ю.М. Свойский³, Т.С. Паршикова¹, Д. Цэнд², Б. Батчимэг²**

¹*Алтайский государственный университет, Барнаул, Россия;*

²*Улаанбаатарский государственный университет, Улаанбаатар, Монголия;*

³*Высшая школа экономики, Москва, Россия*

ОБЗОР РЕЗУЛЬТАТОВ ИССЛЕДОВАНИЙ В СЕВЕРНОЙ И ЗАПАДНОЙ МОНГОЛИИ СОВМЕСТНЫМИ ЭКСПЕДИЦИЯМИ АЛТАЙСКОГО И УЛААНБАТОРСКОГО УНИВЕРСИТЕТОВ

Работа выполнена при частичной финансовой поддержке РФФ
(проект №16-18-10033 «Формирование и эволюция систем
жизнеобеспечения у кочевых социумов Алтая и сопредельных территорий
в поздней древности и средневековье: комплексная реконструкция»)

В 2019 г. археологические экспедиции Алтайского и Улаанбаатарского университетов продолжили реализацию совместной программы по изучению культуры древних и средневековых кочевников Северной и Западной Монголии. В ходе

работ в долине р. Орхон исследованы курганы сюнну на комплексе памятников в урочище Их нуулэгт. Несмотря на ограбление, в раскопанных погребальных объектах обнаружены различные предметы материальной культуры (керамические сосуды, накладки на лук, ножи и другие находки). Кроме этого, были проведены обследования разных памятников в Сэлэнгэском аймаке. На территории Западной Монголии осуществлено бесконтактное документирование «оленных» камней на памятниках Нууртын дов и Улаан бунхны, а также у поселка Баян-зурх и бывшей бригады Хужирт. Раскопана тюркская ограда, в которой обнаружены кости лошади, ставшие объектом для создания 3D-модели. Обширный объем полученных научных материалов последовательно изучается. Имеются дальнейшие перспективы для продолжения полевых исследований.

Ключевые слова: Монголия, экспедиция, археологические раскопки, курган, сюнну, «оленные» камни, тюркская культура, бесконтактное документирование.

DOI: 10.14258/2411-1503.2020.26.33

Проекты сотрудников Алтайского и Улаанбаатарского университетов являются продолжением реализации крупной программы исследований, начатой в 2007 г., когда была организована Буютская археологическая экспедиция [Тишкин, Эрдэнэбаатар, 2007]. В 2019 г. плановые работы проводились на территории Северной и Западной Монголии. Они были направлены на получение новых материалов для реконструкции системы жизнеобеспечения древних и средневековых кочевников, а также на применение современных методов документирования разных археологических объектов. В данной статье представлен краткий обзор полученных результатов.

Комплекс погребальных памятников под названием Их нуулэгт открыт Т. Идэрхангаем в 2018 г. Он находится на правом берегу р. Орхон в одноименном урочище, в 18 км к западу от пос. Орхонтуул Сэлэнгэского аймака Монголии (рис. 1.-1, нижний красный прямоугольник). Координаты крупного скопления объектов по GPS-приемнику – N – 48°56'52.75», E – 104°53'17.99», высота над уровнем моря около 830 м. Напротив, в другом урочище, располагается еще один курганный могильник (рис. 1.-1, верхний красный прямоугольник). Он попал в зону советского военного городка, от которого в настоящее время остались лишь отдельные руины. Наличие этой закрытой территории, вероятнее всего, связано с тем, что указанные памятники (рис. 1) ранее не были известны специалистам.

Совместные археологические исследования проводились на могильниках Их нуулэгт-II и Их нуулэгт-III. На каждом из них был выбран один объект. Это обусловлено необходимостью осуществить культурно-хронологическую идентификацию указанных памятников. Краткая информация о результатах работ опубликована на монгольском языке [Идэрхангай, Тишкин, Серегин и др., 2019].

Могильник Их нуулэгт-II представляет собой скопление курганов, внешний вид которых указывает на их отношение к хуннуской (сюннуской) культуре. Для исследований был выбран объект №3 (рис. 1.-2). Уже при зачистке каменной наброски стало понятно, что курган ограблен. Об

Рис. 1. Исследования на памятнике Их нуулэгт-II в Северной Монголии:
1 – археологические комплексы в долине Орхона; 2 – раскопки кургана №3;
3 – надмогильное сооружение с дромосом; 4 – черпак; 5 – могила

этом свидетельствует нарушение надмогильного сооружения, хотя основные конструктивные особенности просматриваются хорошо (рис. 1.-3). В раскопе выделяются дромос размерами 2×1,3 м и округлая каменная конструкция с внешними параметрами 7×6,2 м. Могильная яма на этом уровне не имела четких очертаний, поэтому исследование производилось прямоугольным раскопом послойно. На глубине 1,74 м размеры могильной ямы оказались такими: 2,1×1,1 м. Ниже найдены две человеческие челюсти, кости от двух рук, обломки деревянных досок, а также берестяной черпак с крышкой и деревянной ручкой (рис. 1.-4). Общая глубина могильной ямы составила 2,3 м. В могиле находится деревянный гроб с перекрытием, в котором были похоронены два человека (рис. 1.-5). За гробом (в северной части) обнаружены два керамических сосуда и кости животных. Умершие люди лежат головами на северо-восток: один на спине, а второй – на правом боку. У одного из погребенных находится лук «хуннского типа», от которого сохранились накладки (рис. 1.-5).

Следующий могильник Их нуулэгт-III располагается неподалеку от предыдущего комплекса и представляет собой крупный разновременный памятник [Идэрхангай, Тишкин, Серегин и др., 2019, с. 306]. На нем для исследований был выбран самый крайний курган №1, который имел округлое надмогильное сооружение, потревоженное при ограблении. Каменная конструкция имеет размеры 4,15×3,65 м. Погребение ограблено. Верхняя часть скелета сильно нарушена, а вот нижняя сохранилась почти нетронутой (рис. 2.-1). Судя по костям, лежавшим в первоначальном положении, человек был похоронен в вытянутом положении, головой на север, с небольшим отклонением к северо-востоку. Справа от него, у головы, скорее всего, стояло деревянное блюдо, на котором лежала мясная пища и железный нож (рис. 2.-2). Другие археологические находки, в том числе костяное изделие (рис. 2.-3), обнаружены у костей ног и в других местах. От пояса уцелела железная бляха-накладка (рис. 2.-4). Несмотря на ограбленность, погребальный обряд восстанавливается. В нем прослеживаются черты хуннской (сюннской) культуры.

Оба раскопанных объекта, вероятно всего, относятся к хуннской (сюннской) культуре, существовавшей с конца III в. до н.э. до I в. н.э. Их детальную датировку еще предстоит определить. Раскопки необходимо продолжить. Они имеют хорошую научную перспективу, особенно в ходе сплошных исследований и междисциплинарного изучения. Следует отметить, что изучаемый комплекс памятников был отмечен в качестве выдающегося археологического открытия в Монголии в полевом сезоне 2019 г. Коллектив исследователей был награжден дипломом на конференции «Монголы археологи-2019» (г. Улаанбаатар).

Кроме указанных могильников, в урочище Их нуулэгт были обследованы другие памятники (всего их зафиксировано шесть) [Идэрхангай, Тишкин, Серегин и др., 2019, с. 306], которые хорошо демонстрируют социальную дифференциацию крупного кочевого объединения, про-

Рис. 2. Исследование кургана №1 на памятнике Их нуулэгт-III:
1 – потревоженная могила; 2 – остатки заупокойной пищи (кости)
и железный нож; 3 – костяное изделие; 4 – железная поясная бляха-накладка

живавшего в долине Орхона в хуннское (сюннское) время. Осмотр аналогичных памятников производился и в других местах Сэлэнгэского аймака. Эти данные указывают, что территория Северной Монголии была хорошо освоена хунну/сюнну.

Местом следующих исследований стал юг Монгольского Алтая, где основные работы проводились в долине р. Бодонч, в ее верховьях (рис. 3). В административном плане это территория рядом с пос. Баян зурх и бывшей бригадой Хужирт в Муст сомоне Ховдского аймака Монголии. Некоторые полученные результаты уже опубликованы [Тишкин и др., 2019; Идэрхангай, Тишкин, Горбунов и др., 2019].

Методом бесконтактного трехмерного моделирования было предпринято новое документирование «оленных» камней у пос. Баян зурх, а также на памятниках Хужирт-I, Нууртын дов (рис. 3.-1) и Улаан бунхны. Основным принципом такой деятельности, наряду с другими, стало

обеспечение максимальной технически возможной детальности моделирования всей поверхности. При этом макросъемка не применялась. Использовалась высококачественная фотоаппаратура при оптимальной схеме расположения камер, и выполнялось большое число снимков (рис. 3.-4). Определялось пространственное положение каждого «оленного» камня с помощью GNSS-наблюдений (с точностью в пределах ± 1 м относительно мировой системы координат). Документирование по такой методике позволяет создать полноценные цифровые образы памятника и каждого изваяния, состоящие из геоинформационной системы, трехмерных полигональных моделей и карт высот граней. Зафиксировано пространственное положение всех «оленных» камней Баян зурха, Хужирта, Нууртын дова и Улаан бухны с геодезической точностью, составлена карта расположения памятников. Результаты осуществленной работы планируется представить в отдельных публикациях. Здесь можно отметить работы по установке и выравниванию «оленных» камней на высокогорном комплексе Нууртын дов (рис. 3.-1), который был ранее обследован, зафиксирован и частично изучен [Батмөнх, 2008; Тишкин, Горбунов, Мухарева и др., 2016, с. 166, рис. 9.-3–4; и др.].

На памятнике, получившем обозначение Хужирт-I, исследовалась тюркская оградка [Тишкин и др., 2019], и осуществлялось документирование «оленных» камней. Данный комплекс находится у крупного асфальтированного тракта, который идет от бывшей бригады Хужирт в центр сомона Алтай. Он зафиксирован в ходе обследований, осуществленных Буянтской российско-монгольской археологической экспедицией (под руководством А.А. Тишкина и Д. Эрдэнэбаатара) в сентябре 2010 г. Основу комплекса составляют тюркские оградки. У четырех из них вместо изваяний были установлены «оленные» камни [Тишкин, Шелепова, 2014]. GPS-приемником получены следующие географические координаты памятника: N – $46^{\circ} 27.561'$; E – $092^{\circ} 27.897'$ (± 5 м). В 1980-е гг. обследования в местности Мухар асхат, где расположен памятник Хужирт-I, осуществлялись известным археологом В.В. Волковым. Согласно его информации, там были зафиксированы шесть «оленных» камней [Волков, 2002, с. 111, табл. 129 и 130]. Исследования, проведенные в 2019 г., позволили увеличить это число. Так, у основания единственного херексура (N – $46^{\circ} 27.650'$; E – $092^{\circ} 27.989'$ ± 4 м) найден ранее неизвестный «оленный» камень, засыпанный землей (рис. 3.-2). Кроме всесторонней фотофиксации осуществлялось копирование древнего изваяния с помощью микалентной бумаги (рис. 3.-3). Длина стелы 0,83 м, максимальная ширина 0,25 м, толщина от 0,12 до 0,22 м. На лицевой стороне изображены три косые полосы и кинжал, а также часть ожерелья, которое выбито по всему периметру изваяния. Боковые стороны содержат серьги, а также чекан и лук в горите (рис. 3.-3).

Изваяние у раскопанной тюркской оградки №5 оказалось сделанным из перевернутого «оленного» камня. От него шел ряд из восьми

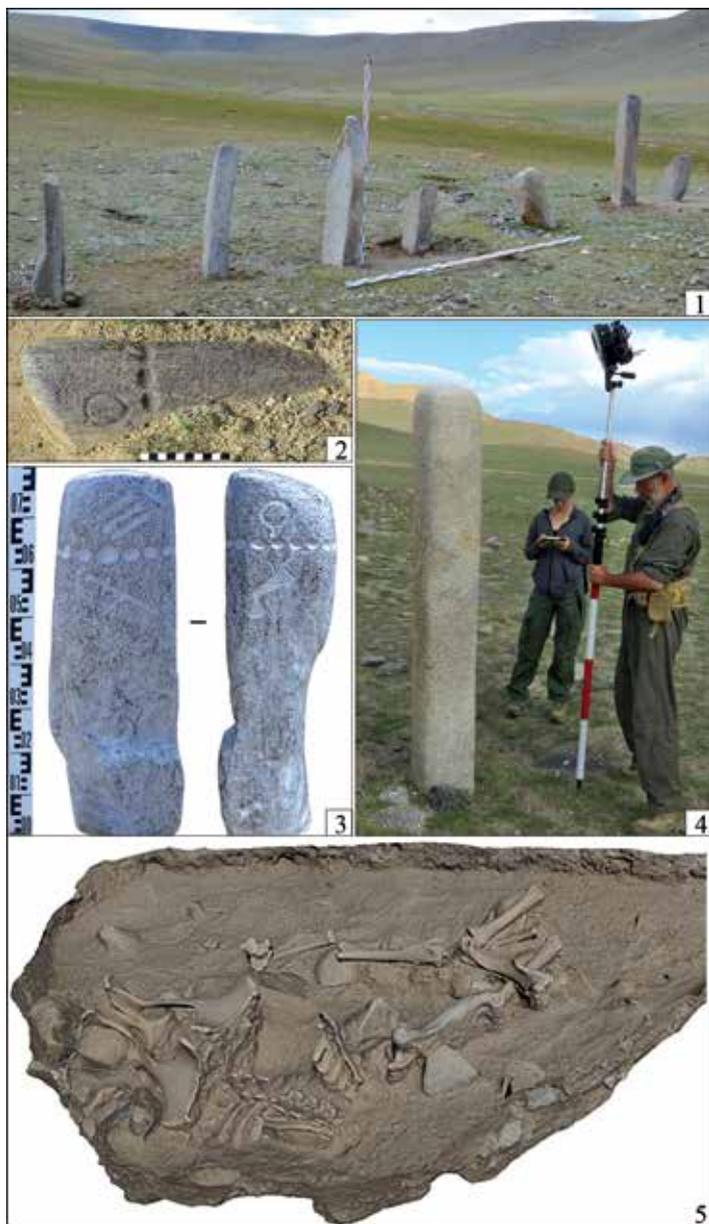

Рис. 3. Исследования памятников археологии в Западной Монголии:
1 – Нуургын дов; 2, 3, 5 – Хужирт-I; 4 – Баян зурх

балбалов. Исследования оградки осуществлялись по отработанной методике с детальной фиксацией всех результатов, которые уже частично опубликованы [Тишкин и др., 2019]. Здесь представим лишь наиболее важные характеристики. Объект находился к северо-востоку от группы из четырех тюркских оградок №1–4, у которых также стояли переиспользованные «оленные» камни [Тишкин, Шелепова, 2014]. До раскопок он представлял собой частично разрушенное четырехугольное каменное сооружение, ориентированное углами по сторонам света. Размеры оградки по центральным осям составляли 4,5×4,5 м. Внутри сооружения выявлена яма (размерами 2,5×1,4 м) с неровными краями из-за крупной норы, прорезавшей этот объект. В ней обнаружены многочисленные кости лошади. Данный обнаруженный остеологический материал оказался необычным фактом для тюркской археологии Монголии. Поэтому было решено детально зафиксировать его для дальнейшего получения 3D-модели. Фотосъемка выполнялась по иррегулярной схеме расположения камер с рук. Использовался накамерный кольцевой осветитель. Масштабирование выполнялось по линейке. Трехмерная полигональная модель (рис. 3.-5) сформирована в кабинетных условиях (исполнитель Е.В. Романенко). Кроме этого, было проведено археозологическое изучение обнаруженных костей. Неполный скелет одной особи без черепа и нижней челюсти принадлежал коню в возрасте от 6 лет и старше, ростом в холке 128–136 см. Он может быть отнесен к группе средноногих лошадей (определения Н.А. Пластеевой). Хронология тюркских оградок с конскими захоронениями определяется рамками 2-й половины V – 1-й половины VII в. н.э. [Тишкин и др., 2019].

Возле бывшей бригады Хужирт находится существенное число археологических объектов. Они были описаны и задокументированы монгольскими участниками экспедиции (рис. 4).

Рис. 4. Участники совместной археологической экспедиции (август 2019 г., долина р. Бодонч)

В завершении данной статьи стоит представить современный ритуальный монгольский комплекс (рис. 5), который сооружен на правом берегу р. Бодонч, напротив памятника Хужирт-I, неподалеку от работающего рудника. Он возведен на небольшом скальном выступе рядом с местом разрушенного буддийского храма. Координаты этого объекта получены с помощью GPS-приемника: N – 46° 27.285'; E – 92° 27.305' (± 4 м). На краю скального выступа находится сооружение, которое состоит из трех деревянных шестов, связанных вверху проволокой. Шесты покрыты белыми, синими, красными, желтыми (оранжевыми) и зелеными лентами (рис. 5.-1). Такие же сплетенные ленты привязаны поперек в две линии. Высота конструкции, под которой находится каменная платформа, составляет примерно 2,5 м. Расстояния между шестами внизу такие: 2,45; 2,25; 2,1 м. Выше по скальному выступу располагается комплекс из двух крупных индэров. В центре каждого установлен деревянный шест с привязанными лентами (в основном синего (голубого) цвета, хотя есть и желтая, и белая, и зеленая). Рядом с ними лежат груды камней, в том числе крупных и белого цвета. Западный жертвенник (№1) имеет ступеньку. Вокруг от него отходят на четыре стороны кучки камней (по три с каждой стороны), линии которых совпадают со сторонами света. Высота индэра составляет 1,5 м, диаметр также около 1,5 м. Конструкция возведена традиционно: внизу крупные камни, а на верхушке более мелкие. Деревянный шест возвышается на 1 м. Жертвенник №2 находится в 4,8 м к северу–северо-востоку от предыдущего. Его высота около 1,5 м; диаметр около 1,7 м. Подобные сооружения характерны для Западной Монголии, они отражают традиционные мировоззренческие представления местных жителей [Тишкин, 2011].

Рис. 5. Сооружения современного ритуального комплекса

В заключение следует отметить, что необходимо продолжить исследования на указанных археологических комплексах. Полученные результаты требуют своего осмысления и оформления в виде следующих публикаций.

Библиографический список

Батмөнх Б. Монгол Алтайн нурууны төв хэсгийн археологийн дурсгалууд. Улаанбаатар, 2008. 141 т. (на монг. яз.).

Волков В.В. Оленные камни Монголии. М., 2002. 248 с.

Идэрхангай Т., Тишкин А.А., Серегин Н.Н., Оргилбаяр С., Цэнд Д., Батчимэг Б., Амгаланбат Б., Даваахүү Э., Эрдэнэпүрэв П. Сэлэнгэ аймгийн Орхонтуул сумын нутаг Их Нөөлөгт хэмээх газарт явуулсан хүннү булшны малтлага судалгааны товч үр дүн // Монголын археологи-2019: Эрдэм шинжилгээний хурлын эмхэтгэл. Улаанбаатар, 2019. С. 301–307 (на монг. яз.).

Идэрхангай Т., Тишкин А.А., Горбунов В.В., Серегин Н.Н., Цэнд Д., Батчимэг Б. Ховд аймгийн Мөст сумын нутаг Бага Асгатад явуулсан Монгол-Оросын хамтарсан “Төв Азийн археологийн шинжилгээ-2” төслийн малтлага судалгааны товч үр дүнгээс // Монголын археологи-2019: Эрдэм шинжилгээний хурлын эмхэтгэл. Улаанбаатар, 2019. С. 343–349 (на монг. яз.).

Тишкин А.А. Индэры Монгольского Алтая как отражение мировоззренческих представлений современных кочевников // Древние и современные культовые места Алтая. Барнаул, 2011. С. 76–80 (Алтай на перекрестке времен и смыслов. Вып. 2).

Тишкин А.А., Горбунов В.В., Мухарева А.Н., Серегин Н.Н., Мунхбаяр Б.Ч. Изучение археологических памятников Монгольского Алтая (по результатам экспедиционных работ в 2015 г.) // Теория и практика археологических исследований. 2016. №4 (16). С. 152–171. DOI: 10.14258/tpai(2016)4(16).-13.

Тишкин А.А., Идэрхангай Т., Пластеева Н.А., Серегин Н.Н., Горбунов В.В. Захоронение лошади в тюркской оградке №5 памятника Хужирт-I (Монгольский Алтай) // Сохранение и изучение культурного наследия Алтайского края. Барнаул, 2019. Вып. XXV. С. 290–297.

Тишкин А.А. Шелепова Е.В. Об использовании «оленных» камней при сооружении тюркских оградок Монгольского Алтая // Известия Алтайского государственного университета. 2014. №4 (84). С. 221–229 DOI 10.14258/izvasu(2014)4.1-37.

Тишкин А.А., Эрдэнэбаатар Д. Первые результаты Буянтской археологической экспедиции // Алтае-Саянская горная страна и история освоения ее кочевниками. Барнаул, 2007. С. 165–168.

**A.A. Tishkin¹, T. Iderhangai², N.N. Seregin¹, S. Orgilbayar²,
V.V. Gorbunov¹, Yu.M. Svoiskiy³, T.S. Parshikova¹,
D. Tsend², B. Batchimeg²**

¹*Altai State University, Barnaul, Russia;*

²*Ulaanbaatar State University, Ulaanbaatar, Mongolia;*

³*The Higher School of Economics, Moscow, Russia*

**REVIEW OF RESEARCH RESULTS IN NORTHERN
AND WESTERN MONGOLIA BY JOINT EXPEDITIONS
OF ALTAI AND ULAANBAATAR UNIVERSITIES**

In 2019 the archaeological expeditions of the Altai and Ulaanbaatar universities continued the implementation of a joint program to study the culture of ancient and medieval nomads of Northern and Western Mongolia. During the work in the Orkhon river valley, burial mounds of Xiungnu on the complex of sites in the Ikh nuulegt place were investigated. Despite the robbery, various items of material culture (ceramic vessels, bow linings, knives, and other finds) were found in the excavated

burials. In addition, surveys were conducted of several sites in the Selenge aimag. In Western Mongolia the authors carried out contact-free documentation of “deer” stones on the Nuurtyn dov and Ulaan bunhny sites and near the Bayan zurh village and the former Khujirt locality. A Turkic enclosure has been excavated, where horse bones were found, which became an object for creating a 3D model. The vast volume of scientific materials received has been consistently studied. There are further prospects for continuing field research.

Key words: Mongolia, expedition, archaeological excavations, barrow, Xiongnu, “deer” stones, Turkic culture, contact-free documentation.

УДК 902/904(5)

А.А. Тишкин¹, Ч. Мунхбаяр²

¹Алтайский государственный университет, Барнаул, Россия;

²Ховдский государственный университет, Ховд, Монголия

**ФРАГМЕНТ МИНИАТЮРНОГО МЕТАЛЛИЧЕСКОГО
ЗЕРКАЛА ИЗ ЮЖНОЙ ЧАСТИ МОНГОЛЬСКОГО АЛТАЯ:
РЕНТГЕНОФЛЮОРЕСЦЕНТНЫЙ АНАЛИЗ
И ПРОБЛЕМЫ ИЗУЧЕНИЯ «СЛУЧАЙНЫХ» НАХОДОК**

Работа выполнена при частичной финансовой поддержке РФФ
(проект №16-18-10033 «Формирование и эволюция систем
жизнеобеспечения у кочевых социумов Алтая и сопредельных территорий
в поздней древности и Средневековье: комплексная реконструкция»)

Территория Монгольского Алтая до сих пор остается слабо изученной в археологическом отношении, хотя за последние десятилетия количество научных экспедиций существенно увеличилось. При раскопках древних и средневековых погребально-поминальных комплексов исследователи редко находят предметы материальной культуры. Это связано с разными обстоятельствами. Одним из факторов данной ситуации является ограбленность археологических объектов. Следует отметить, что очень мало и случайных находок. Часть их находится в музеях. Однако в последние годы число древних, средневековых и этнографических металлических изделий стало увеличиваться. Они обнаружены при использовании местными жителями металлодетекторов. Большая часть предметов может быть отнесена к категории случайных находок. Но некоторые из них явно происходят из археологических памятников. Данная проблема на самом деле шире, чем о ней знают специалисты. Необходимость ее решения очевидна, а пути реализации могут быть разными. Важно, чтобы предметы историко-культурного наследия хранились в государственных учреждениях. В данной статье представлена очередная находка – фрагмент миниатюрного металлического зеркала. Благодаря наличию портативного рентгенофлюоресцентного спектрометра получена серия определений состава сплава. Кроме этого, обозначен поиск аналогий и изложены возможные интерпретации.

Ключевые слова: Монгольский Алтай, случайная находка, металлическое зеркало, рентгенофлюоресцентный анализ, эпоха Средневековья.

DOI: 10.14258/2411-1503.2020.26.34

Территория Монгольского Алтая имеет ключевое значение при археологическом изучении Центральной Азии. Вокруг нее находятся разные природно-ландшафтные зоны, обеспечивавшие специфику культурных, хозяйственных и других контактов. Несмотря на предпринимаемые усилия по изучению этой исторической области, изделий, связанных с конкретными археологическими объектами, обнаружено немного. Данное обстоятельство имеет несколько причин: например, многие «элитные» погребальные комплексы оказались ограбленными еще в древности; часть памятников разрушена; были распространены безынвентарные захоронения; органические материалы не сохранились и др. По всей видимости, древние металлические изделия переплавлялись или вторично использовались в разных сферах деятельности. При всем этом мало обнаруживалось случайных находок, которые обычно в советское время граждане передавали в музеи.

Число таких предметов стало существенно увеличиваться в последние десятилетия. Очередной такой экземпляр происходит из долины р. Бодонч (Ховдский аймак Монголии), где местные жители с помощью металлодетекторов занимаются кустарной золотодобычей, исследуя многочисленные кварцевые жилы [Хрусталева, 2008], а также прилегающую к ним территорию. В ходе таких работ обнаруживаются разные металлические предметы, среди которых попадаются древние, средневековые и этнографические изделия. При этом зоны применения металлодетекторов уже существенно и бесконтрольно расширились за счет поиска находок возле или на самих археологических объектах. О данной ситуации авторы ранее сообщали в ряде публикаций [Тишкин, Мунхбаяр, Сергеев, 2009; Тишкин, Мунхбаяр, 2011; и др.]. Ее изменение в ближайшее время не предвидится. Наоборот, она может ухудшиться. Решение давно существующей проблемы должно быть предпринято на государственном уровне. Историко-культурное наследие – это существенные материальные ценности (такие же, как, например, полезные ископаемые или произведения искусства), которые требуют регламентированного отношения.

В данной статье речь пойдет о части миниатюрного металлического зеркала (рис. 1). Этот фрагмент в 2014 г. в Ховдский государственный университет доставила тогдашняя студентка И. Билэгмаа. В настоящее время находка хранится и экспонируется в музее указанного высшего учебного заведения.

Диаметр зеркала составлял 3,7 см*, толщина с учетом бортика – 0,12 см (без него – 0,1 см). Шишка-петля располагается в центре оборотной стороны, имеет высоту 0,6 см, ширину (ближе к основанию) 0,9 см и толщину (посередине) 0,6 см. В ней фиксируется отверстие диаметром 0,35 см со следами длительного использования в подвешенном состоянии.

* Все приводимые размеры получены с помощью обычного механического штангенциркуля.

По периметру изделия оформлен желобок шириной 0,4 см. В центральной зоне видны плохо различимые следы орнамента (или неустраненные дефекты отливки). С оборотной стороны изделие покрыто окислами. Лицевая часть – гладкая, некогда отполированная, а потом покрывшаяся «благородной» патиной. Она сохранила следы различного воздействия, о чем свидетельствуют многочисленные царапины и выщербленности, а также крупная трещина, образовавшаяся при поломке изделия. Судя по внешнему виду, находка действительно случайная, не связанная с погребальным комплексом. Скорее всего, она лежала неглубоко в земле оборотной стороной вниз. Об этом свидетельствуют следы грунта, ввевшиеся в окислы. Лицевая же сторона испытала различные механические и химические воздействия, отразившиеся на ее поверхности.

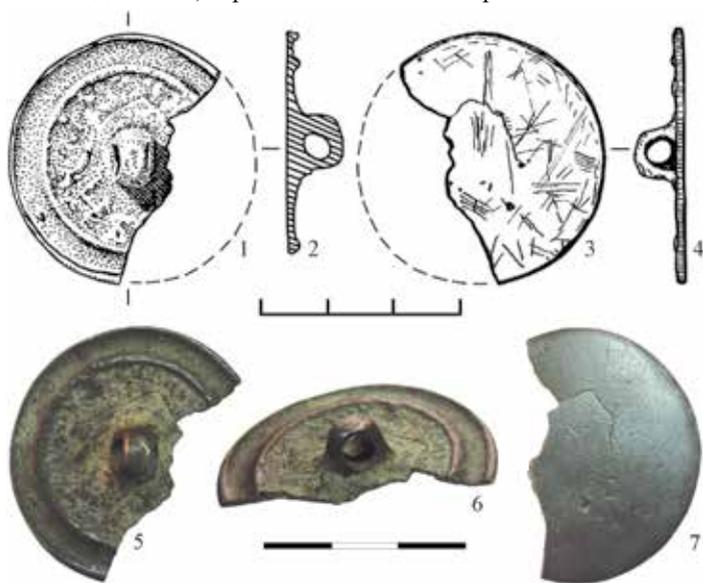

Рис. 1. Часть миниатюрного металлического зеркала из долины р. Бодонч (Монгольский Алтай) (рисунки выполнены А.Л. Кунгуровым, фотоснимки сделаны А.А. Тишкиным)

Для установления химического состава сплава, из которого сделано миниатюрное зеркало, одним из авторов статьи были произведены исследования с помощью портативного рентгенофлуоресцентного спектрометра «INNOV-X SYSTEMS» ALPHA SERIES™ (Альфа-2000, производство США). Для получения поэлементных количественных показателей использовалась специальная программа «Аналитическая». Она установлена на карманном переносном компьютере, входящем в комплект указанного прибора.

Сначала тестировались гладкая поверхность изделия, покрытая патиной, и обратная сторона, включая шишку-петлю, без удаления окислов. Такая процедура не только позволяет получить фоновые результаты, но и способствует выявлению рудных примесей, а также пониманию особенностей воздействия на металл окружающей среды. Последовательно получены следующие схожие данные:

- лицевая сторона: Cu (медь) – 62,01%; Zn (цинк) – 23,65%; Pb (свинец) – 7,91%; Sn (олово) – 2,61%; Fe (железо) – 1,5%; Sb (сурьма) – 1,36%; Ni (никель) – 0,44%; As (мышьяк) – 0,3%; Co (кобальт) – 0,16%; Nb (ниобий) – 0,06%;
- желобок: Cu – 64,54%; Zn – 20,51%; Pb – 7,1%; Sn – 3,32%; Fe – 1,67%; Sb – 1,55%; As – 0,74%; Ni – 0,4%; Co – 0,13%; Nb – 0,04%;
- шишка-петля: Cu – 64,45%; Zn – 20,74%; Pb – 7,42%; Sn – 3,13%; Fe – 1,6%; Sb – 1,5%; As – 0,67%; Ni – 0,38%; Co – 0,11%.

После этого на лицевой стороне осуществлялось снятие поверхностных окислов на небольшом участке у слема, который тестировался трижды в разных местах:

- Cu – 61,3%; Zn – 24,06%; Pb – 8,78%; Sn – 2,52%; Sb – 1,38%; Fe – 1,34%; Ni – 0,48%; Co – 0,14%;
- Cu – 60,71%; Zn – 24,45%; Pb – 8,55%; Sn – 2,56%; Fe – 1,41%; Sb – 1,3%; Ni – 0,45%; As – 0,37%; Co – 0,14%; Nb – 0,06%;
- Cu – 60,87%; Zn – 24,23%; Pb – 8,37%; Sn – 2,73%; Fe – 1,38%; Sb – 1,37%; Ni – 0,47%; As – 0,4%; Co – 0,13%; Nb – 0,05%.

Получены схожие поэлементные ряды, в которых скорректированы количественные показатели. Все эти данные указывают на медно-цинково-свинцово-оловянный сплав, который может быть обозначен, как сложная латунь. Среди характерных рудных примесей, имеющих существенное значение, следует отметить сурьму (Sb) и мышьяк (As). Стоит обратить внимание на ниобий (Nb), который практически постоянно сопровождает цинк (Zn), а также на никель (Ni) и кобальт (Co). Довольно существенным является наличие железа (Fe). Отмеченные особенности могут указывать на использование рудной базы территории Средней Азии, что находит отражение в специфике древних металлических изделий (см., например: [Терехова, 1990; Kraus, 2016; и др.]). Данное предположение требует дальнейших сопоставлений при наличии существенного сравнительного материала. Кроме того, не стоит исключать факт переплавки разного металлического лома для изготовления рассматриваемого предмета (рис. 1).

Главная особенность рассматриваемой редкой находки – малый размер при сохранении всех основных признаков, которыми характеризуются обычные металлические зеркала эпохи Средневековья. Важно то, что изделие реально использовалось. Но для чего и как? Вариантов ответов на эти вопросы может быть несколько. Не исключено, что такой предмет туалета был изготовлен для ребенка или подростка. Он мог

предназначаться для личного применения или в качестве игрушки. Не исключен вариант, что рассматриваемое изделие подвешивалось в качестве оберега или использовалось в виде крупной застёжки. Однако первое предположение более вероятно. В его пользу выступает не только внешний вид, но и факт поломки. Именно такие действия с разными целями осуществлялись с реальными зеркалами, о чем свидетельствуют многочисленные находки [Тишкин, Серегин, 2011].

Для определения возможной датировки были рассмотрены некоторые аналогии (рис. 2) среди обычных металлических зеркал, предназначенных для взрослых людей. Это направление поиска, как и отмечаемые ниже изделия, можно продолжить. Сейчас же обозначим варианты, которые близки по внешнему виду, а также имеют результаты рентгенофлуоресцентного анализа. Всех их объединяет наличие характерного специально оформленного желобка, а также присутствие шишки-петли. При этом размеры у них разные. Есть отличия в орнаментации или в ее отсутствии, а также в том, что они относятся к разным периодам эпохи Средневековья.

Рис. 2. Металлические зеркала эпохи Средневековья
(фотоснимки сделаны А.А. Тишкиным)

Первое зеркало (рис. 2.-1) происходит из раннесредневекового погребения сrostкинской культуры и обнаружено при исследовании могилы памятника Усть-Шамониha-1, расположенного в Целинном районе Алтайского края [Тишкин, Серегин, 2011, с. 56, 82–83, табл. XXXI]. В настоящее время предмет хранится в Музее археологии и этнографии Алтая Алтайского государственного университета (г. Барнаул). Изделие представляет собой округлый диск диаметром 8,35–8,5 см с выраженным бортиком высотой 0,5 см. В центре находится вылитая вместе с диском шишка-петля длиной 1,4 см, шириной в центре 0,4 см, высотой 0,6 см. Отверстие в ней диаметром 0,25 см скошено. Имеются следы литейного брака в виде недолива и другие особенности. Вышеуказанным прибором тестировался участок лицевой поверхности, механически очищенный от окислов. Зафиксированы такие показатели: Cu – 70,09%; Sn – 21,95%; Pb – 5,27%; Ag – 1,67%; Zn – 0,66%; Fe – 0,28%; Ni – 0,08%. Полученные данные свидетельствуют о медно-оловянно-свинцовом сплаве. Наличие существенного количества серебра указывает, скорее всего, на специфику бронзолитейного производства.

Второе аналогичное зеркало (рис. 2.-2) находится в экспозиции Национального музея Республики Алтай им. А.В. Анохина (г. Горно-Алтайск)*. Оно происходит из окрестностей районного центра с. Онгудай и имеет инвентарный номер 4504/1495. Приводимые результаты рентгенофлюоресцентного анализа публикуются впервые. Сначала тестировалась окисленная поверхность лицевой стороны. Получены следующие показатели: Cu – 69,41%; Pb – 20,47%; Sn – 10,07%; Ni – 0,05%. Затем зафиксированы химические элементы на участке, освобожденном от окислов: Cu – 69,9%; Pb – 20,1%; Sn – 10%. Данный сплав является медно-свинцово-оловянным (бронзовым), который является вполне характерным для средневековых китайских зеркал. Подобные зеркала хранятся в других музеях Азии. Например, такой экземпляр диаметром 9 см находится в фондах Красноярского краевого краеведческого музея (№115-16) и датируется эпохой династии Мин–Цин [Оборин, Савосин, с. 363–364, 448, рис. 3.156].

Третье привлекаемое изделие происходит из могилы-17 известного памятника Кудыргэ (рис. 2.-3). Оно относится к монгольскому времени [Тишкин, 2009, с. 167–168]. А.А. Гаврилова [1965, с. 44–49, табл. XXVI.-4] при публикации написала, что изделие было «дешевой ремесленной работой мастера» из Китая. Зеркало из Кудыргэ хранится в Государственном Эрмитаже (ГЭ, колл. №4389). Там же в Лаборатории научно-технической экспертизы ГЭ получены следующие результаты рентгенофлюоресцентного анализа: Cu – основа; Sn – 16–18%; Pb – 13–16%; As – <1%; Sb – следы (аналитик С.В. Хаврин). Судя по ним, рассматриваемое изделие было изготовлено из медно-оловянно-свинцового сплава, что также характерно для китайских экземпляров [Богда-

* Авторы благодарны хранителю археологической коллекции НМРА С.М. Кирееву за предоставленную информацию.

нова-Березовская, 1975]. Не исключено, что в качестве образца использовался более древний предмет, что было довольно распространенным при изготовлении таких изделий [Тишкин, 2009, с. 170].

Четвертое зеркало (рис. 2.-4), приводимое в качестве аналогии, располагается в экспозиции Минусинского краеведческого музея им. Н.М. Мартыянова (г. Минусинск). Оно найдено в Хакасии, имеет диаметр 12,9 см и такое коллекционное обозначение: МКМ №5193 [Оборин, Савосин, с. 363, 447, рис. 3.154]. Изделие содержит четыре иероглифа, отражающих позитивные пожелания, и датировано XIII–XV вв. [Лубо-Лесниченко, 1975, №259 (V 32A)]. К сожалению, анализ его металлического сплава не проводился.

Все представленные аналогии свидетельствуют о существовании схожего типа зеркал на всем протяжении эпохи Средневековья. Однако имеющиеся данные рентгенофлюоресцентного анализа отличаются. Они также могут быть определенными хронологическими индикаторами при изучении случайных находок. Полученные результаты изучения металла, из которого было сделано миниатюрное зеркало, предварительно указывают на его изготовление в позднем Средневековье. Именно тогда нашли широкое распространение латунные сплавы, хотя традиция их изготовления фиксируется в ювелирном деле исламского Востока с VIII в. н.э. и даже немного раньше [Ениосова, Митоян, Сарачева, 2000, с. 99–111].

В заключение следует указать, что необходимо системно вводить в научный оборот случайные находки, несмотря на их явный научный недостаток – отсутствие археологического контекста или наличие его относительной условности. При этом есть и некоторые преимущества. Как правило, случайные металлические находки лучше сохраняются. Их массовые собрания позволяют не только наполнять содержанием разработанные классификации, но и способствуют объективному построению типологических рядов. Серии случайных находок привлекаются для характеристики тех или иных сфер системы жизнеобеспечения разных социумов, а также определяют направления разных контактов и торговых связей.

Библиографический список

Богданова-Березовская И.В. К вопросу о химическом составе зеркал Минусинской котловины // Лубо-Лесниченко Е.И. Привозные зеркала Минусинской котловины: К вопросу о внешних связях древнего населения Южной Сибири. М., 1975. С. 131–149.

Гаврилова А.А. Могильник Кудыргэ как источник по истории алтайских племен. М.; Л., 1965. 146 с.

Ениосова Н.В., Митоян Р.А., Сарачева Т.Г. Латуни средневекового Новгорода // Новгород и Новгородская земля. История и археология. Т. 14. Новгород, 2000. С. 99–111.

Лубо-Лесниченко Е.И. Привозные зеркала Минусинской котловины: К вопросу о внешних связях древнего населения Южной Сибири. М., 1975. 170 с. +109 ил.

Оборин Ю.В., Савосин С.Л. Китайские бронзовые зеркала. Корпус случайных находок. Электронное издание. Красноярск; М., 2017. 527 с.

Терехова Н.Н. Обработка металлов в древней Маргиане // Сарияниди В.И. Древности Страны Маргуш. Ашхабад, 1990. С. 177–202.

Тишкин А.А. Алтай в монгольское время (по материалам археологических памятников). Барнаул: Азбука, 2009. 208 с.

Тишкин А.А., Мунхбаяр Ч. Находки из Монгольского Алтая // Древние культуры Монголии и Байкальской Сибири. Иркутск, 2011. Вып. 2. С. 265–271.

Тишкин А.А., Мунхбаяр Ч., Серегин Н.Н. Комплексное изучение монеты «у-шу» из сомона Алтай (Ховдский аймак Монголии) // Роль естественно-научных методов в археологических исследованиях. Барнаул, 2009. С. 336–339.

Тишкин А.А., Серегин Н.Н. Металлические зеркала как источник по древней и средневековой истории Алтая (по материалам Музея археологии и этнографии Алтая Алтайского государственного университета). Барнаул, 2011. 144 с.

Хрусталев В.К. Благоприятная плитотектоническая металлогения Монгольского Алтая // Известия Сибирского отделения секции наук о Земле Российской академии естественных наук. Геология, разведка и разработка месторождений полезных ископаемых. 2008. №6 (32). С. 5–14.

Kraus S. Metallurgical Investigations in Gonur Depe, Turkmenistan // Труды Маргианской археологической экспедиции. Т. 6: Памяти Виктора Ивановича Сарияниди. М., 2016. С. 257–264.

A.A. Tishkin¹, Ch. Munkhbayar²

¹*Altai State University, Barnaul, Russia;*

²*Khovd State University, Khovd, Mongolia*

**FRAGMENT OF A MINIATURE METAL MIRROR
FROM THE SOUTHERN PART OF MONGOLIAN ALTAI:
X-RAY FLUORESCENCE ANALYSIS
AND PROBLEMS IN THE STUDY OF “ACCIDENTAL” FINDS**

The territory of the Mongolian Altai is still poorly studied in terms of archaeology, although the number of scientific expeditions has increased significantly in recent decades. When excavating ancient and medieval burial and memorial complexes, researchers rarely find objects of material culture. This is due to different circumstances. One of the factors in this situation is the looting of archaeological sites. It should be noted that there are very few accidental finds. Some of them are in museums. However, in recent years the number of ancient, medieval and ethnographic metal products has been increasing. They were discovered when local residents used metal detectors. Most of the items can be classified as accidental finds. However, some of them obviously come from archaeological sites. This problem is actually broader than experts know about it. The need to solve it is obvious, and the ways of implementation can be different. It is important that items of historical and cultural heritage are stored in the state institutions. This article presents another find which is a fragment of a miniature metal mirror. Due to the presence of a portable x-ray fluorescence spectrometer, a series of determinations of the alloy composition was obtained. In addition, the search for analogies and possible interpretations are outlined.

Key words: Mongolian Altai, accidental find, a metal mirror, x-ray fluorescence analysis, the era of the middle Ages.

УДК 902:59(571.150)

А.А. Тишкин¹, Н.А. Пластеева^{1,2}, М.В. Саблин³

¹Алтайский государственный университет, Барнаул, Россия;

²Институт экологии растений и животных УрО РАН,
Екатеринбург, Россия;

³Зоологический институт РАН, Санкт-Петербург, Россия

ОСТЕОЛОГИЧЕСКИЕ КОЛЛЕКЦИИ ЛОШАДЕЙ ИЗ АРХЕОЛОГИЧЕСКИХ ПАМЯТНИКОВ АЛТАЯ В ЗООЛОГИЧЕСКОМ ИНСТИТУТЕ РАН

Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ (проект №19-59-15001 «Лошади и их значение в жизни древнего населения Алтая и сопредельных территорий: междисциплинарные исследования и реконструкции»), а также в рамках реализации гостемы ЗИН РАН №АААА-А19-119032590102-7

Сбор и сохранение коллекций костей млекопитающих, полученных в результате раскопок археологических памятников, имеют важное значение для комплексных исследований. Массовый остеологический материал позволяет получить необходимую информацию при решении разных научных задач, а также востребован в ходе современных естественно-научных изысканий. Вместе с тем часть таких коллекций, в том числе из древних объектов Алтая и сопредельных территорий, оказалась утрачена или до настоящего времени не введена в научный оборот. В статье приводится краткое описание собраний костей домашних лошадей из ряда курганов скифо-сакского времени. Особое внимание уделено захоронениям пазырьской культуры. Все изученные материалы находятся на хранении в фондах Зоологического института РАН (г. Санкт-Петербург) и детально идентифицированы. Отражены данные о количестве коней, составе элементов скелета, поле и возрасте животных. Уточнена информация, зафиксированная в журналах поступлений коллекций.

Ключевые слова: Зоологический институт, остеологическая коллекция, Алтай, археологические раскопки, лошади, пазырьская культура, скифо-сакское время.

DOI: 10.14258/2411-1503.2020.26.35

В России не так много учреждений, где хранятся остеологические коллекции древних домашних лошадей, сформированные по результатам археологических раскопок. К сожалению, многие материалы уже оказались утраченными, так как в нашей стране особое внимание таким собраниям не уделяется. В лучшем случае они откладываются во вспомогательных фондах музеев или просто складированы в академических институтах и высших учебных заведениях. В этом плане тема специализированных хранилищ для массовых находок является актуальной. В настоящее время древние остеологические собрания востребованы для различных естественно-научных исследований.

В Зоологическом институте РАН (ЗИН, г. Санкт-Петербург) хранятся коллекции «костей ископаемых лошадей из курганов», полученные во время раскопок археологических памятников на Алтае. Эти дан-

ные зафиксированы в двух журналах поступлений. Так, за номером 282 от 26 ноября 1954 г. указан следующий перечень собраний, переданных Государственным Эрмитажем:

«Курган (ок. н.э.) в урочище Шибе близ с. Туяхта Горно-Алтайской автономной обл., раск. М.П. Грязнова 1927 г.

Курганы (ок. н.э.) бл. с. Сростки на р. Катунь бл. г. Бийска, раскопки С.И. Руденко 1929 г.

... с. Катанда Горно-Алт. авт. обл., раскопки С.И. Руденко 1925 г.,

... близ г. Бийска (Бийск I), раскопки С.И. Руденко 1925 г.,

... (V–III вв. до н.э.) в уроч. Арагол на р. Ян-Улаган, в уроч. Кудырга на р. Чулышман Горно-Алт. авт. обл., раскопки С.И. Руденко и А.Н. Глухова 1924–1925 гг. ...». Авторами данной публикации начата работа по детальной идентификации и дополнительному изучению этих коллекций. На первом этапе основное внимание уделялось материалам скифо-сакского времени.

Из курганов, раскопанных экспедицией под руководством С.И. Руденко около г. Бийска в 1925 г., в фондах института выявлены остеологические материалы от 12 лошадей, которые обнаружены на памятнике Бийск-I [Грязнов, 1925; Завитухина, 1961]. Костные остатки происходят из 11 курганов: №2–6, 8–13. Они хорошо идентифицируются по номеру коллекции (ЗИН 4410), а также по наличию хорошо читаемого шифра (например, Б.І.9). На черепках просматриваются следы измерений специалистов, работавших с ними (рис. 1.-1), а также удары чеканом во время

Рис. 1. Бийск-I. Черепки лошадей из раскопанных курганов: 1 – ЗИН 4410-116; 2 – ЗИН 4410-118 (фото А.А. Тишкина)

жертвоприношения (рис. 1.-2). В кургане №3 располагались два половозрелых жеребца. Из остальных погребальных объектов происходят единичные особи лошадей. Не в каждом кургане животные оказались представлены полными костяками из-за грабительских проникновений и разрушений. В сохранившейся коллекции имеются отдельные черепа и нижние челюсти, непарные кости проксимальных отделов конечностей. Кости дистальных отделов конечностей (пястные, плюсневые, таранные, пяточные, фаланги и мелкие кости запястья и заплюсны) отсутствуют. Большая часть костяков принадлежала неполовозрелым особям. Кроме этого, в хранилище имеются фрагменты черепа и нижней челюсти жеребца 2–3 лет (ЗИН 4386-32 / Б.П.2), которые происходят из кургана №2 памятника Бийск-II, где были найдены части скелетов от четырех лошадей [Завитухина, 1962].

Перечисленные материалы являются ценными источниками для дальнейшего изучения археологической культуры Бийского Приобья скифо-сакского времени.

Остеологическая коллекция из Арагола включает костные остатки от пяти лошадей из четырех объектов (табл. 1). Все кости принадлежат половозрелым жеребцам.

Таблица 1

Состав элементов скелета лошадей из курганов Арагола
в коллекциях Зоологического института РАН

Коллекционный номер	Элементы скелета
ЗИН 4391-26	Фрагмент нижней челюсти
ЗИН 4391-24а	Череп
ЗИН 4391-24б	Череп, нижняя челюсть, лучевая, бедренная и большеберцовая кости
ЗИН 4391-27	Череп, нижняя челюсть, лопатка, две плечевые, две бедренные, две большеберцовые кости (от двух особей лошадей)

На теменной и лобной костях одного из черепов (ЗИН 4391-24а) имеется несколько отверстий от ударов чеканами (рис. 2.-1).

Значительное количество останков лошадей происходит из захоронений элиты пазырыкской общности скифо-сакского времени. Очень важно, что они вообще сохранились.

В кургане Шибе были обнаружены 14 лошадей [Витт, 1952; Баркова, 1979]. В рассматриваемых фондах Зоологического института РАН остеологическая коллекция, имеющая номер 4888, включает только целые и фрагментированные черепа, нижние челюсти и кости проксимальных отделов конечностей (плечевая, лучевая, бедренная, большеберцовая). Большинство скелетов являются неполными. Кости, которые

Рис. 2. Черепа лошадей из раскопанных курганов со следами ударов чеканами: 1 – ЗИН 4391-24а; 2 – ЗИН 4888-262; 3 – ЗИН 4888-267 (фото А.А. Тишкина)

не удалось отнести к определенному костяку, зашифрованы отдельными номерами (табл. 2).

Индивидуальный возраст захороненных лошадей установлен для 13 особей: 10 костяков относятся к старым животным возрастом свыше 15 лет; два скелета характерны для группы взрослых (5–15 лет); индивидуальный возраст одной особи составил 3–4 года. Патологические изменения и следы травм на изученных костях не отмечены. Однако хорошо фиксируются следы умерщвления коней (рис. 2.-2–3). Вся коллекция из Шибинского кургана детально изучена, планируется отдельная публикация этого материала.

В фондах Зоологического института РАН представлена небольшая часть остеологического собрания от лошадей из курганов Пазырыка, первоначально описанных В.О. Виттом [1952]. В старом журнале посту-

плений зафиксирована информация о материалах, полученных в 1929 г. при раскопках Первого Пазырыкского кургана. В графах «Место сбора» и «Коллектор» отмечено следующее: «Вост. Алтай. Ойратская авт. обл, Уладанский аймак, Уладанское плоскогорье, уроч. Пажирык, скифское погребение IV, III вв. до н.э.; Этнограф. отдел Русского музея (С.И. Руденко)». Имеющиеся записи содержат ошибки, и требуются такие уточнения: Улаганский аймак, Улаганское плоскогорье, урочище Пазырык. В данной описи указано содержание коллекции, которая, судя по записи №320, была передана в 1930 г. Части скелета каждой особи имели свое обозначение. Кроме этого, отражены сведения о 35 костях от разных особей. В ходе работ в хранилище выявлены остеологические остатки пяти коней: ЗИН 15437, ЗИН 15438, ЗИН 15439, ЗИН 15440 и ЗИН 15442) (табл. 3). Все костяки принадлежали половозрелым животным.

Таблица 2

Состав элементов скелета лошадей из Шибинского кургана
в коллекциях Зоологического института

Коллекционный номер	Элементы скелета
ЗИН 4888-254 (лошадь-1)	Плечевая, лучевая, бедренная и большеберцовая кости
ЗИН 4888-255 (лошадь-2)	Череп, нижняя челюсть, плечевая, лучевая, бедренная и большеберцовая кости
ЗИН 4888-256 (лошадь-3)	Бедренная кость
ЗИН 4888-257 (лошадь-4)	Череп, нижняя челюсть, плечевая, лучевая и большеберцовая кости
ЗИН 4888-258 (лошадь-5)	Нижняя челюсть, плечевая, лучевая, бедренная и большеберцовая кости
ЗИН 4888-259 (лошадь-6)	Череп и нижняя челюсть
ЗИН 4888-260 (лошадь-7)	Череп, нижняя челюсть, плечевая, лучевая и бедренная кости
ЗИН 4888-261 (лошадь-8)	Бедренная и большеберцовая кости
ЗИН 4888-262 (лошадь-9)	Череп, нижняя челюсть, плечевая и лучевая кости
ЗИН 4888-263 (лошадь-10)	Череп, нижняя челюсть, плечевая и лучевая кости
ЗИН 4888-260	Фрагмент нижней челюсти
ЗИН 4888-264	Фрагмент нижней челюсти
ЗИН 4888-266	Фрагмент нижней челюсти
ЗИН 4888-267	Череп и нижняя челюсть
ЗИН 4888-270	Фрагмент черепа и нижняя челюсть
ЗИН 4888-272	Восемь плечевых костей (правые)
ЗИН 4888-273	Восемь лучевых костей (правые)
ЗИН 4888-282	девять бедренных костей (восемь правых, одна левая)
ЗИН 4888-283	семь большеберцовых костей (правые)

Таблица 3

Состав элементов скелета лошадей из кургана №1
в урочище Пазырык в коллекциях Зоологического института РАН

Коллекционный номер	Элементы скелета
ЗИН 15437	Шейные, грудные, поясничные и крестцовые позвонки, лопатка, плечевая, лучевая, бедренная, большеберцовая, тазовые кости, пястная кость
ЗИН 15438	Шейные, грудные, поясничные и крестцовые позвонки, лопатка, плечевая, лучевая, бедренная, большеберцовая, тазовые кости, пястная и плюсневая кости
ЗИН 15439	Шейные, грудные, поясничные и крестцовые позвонки, лопатка, плечевая, лучевая, бедренная, большеберцовая, тазовые кости, пястная и плюсневая кости, пяточная кость, фаланги 1–3 (передние и задние)
ЗИН 15440	Шейные, грудные, поясничные и крестцовые позвонки, лопатка, плечевая, лучевая, большеберцовая, тазовые кости, пястная и плюсневая кости, пяточная и таранная кости
ЗИН 15442	Шейные, грудные, поясничные и крестцовые позвонки, лопатка, плечевая, лучевая, бедренная, большеберцовая, тазовые кости, пястная и плюсневая кости, таранная кость

В послевоенном журнале поступлений под записью №338 от 29 ноября 1955 г. указано, что из Института истории материальной культуры в Лабораторию остеологии Отдела позвоночных Зоологического института АН СССР поступили 15 ящиков с костями животных из раскопок Горно-Алтайской экспедиции С.И. Руденко в 1954 г. на территории Алтайского края. Данное собрание обозначено как «Коллекция лошадей из скифских курганов». В указанный год работы проводились на могильном поле около с. Туэкта [Руденко, 1960], а также осуществлялось доисследование Большого Катандинского кургана [Гаврилова, 1957].

При рассмотрении имеющихся остеологических материалов оказалось, что основная их часть относится к Большому Катандинском кургану. Число захороненных лошадей составляет 22 особи. Этот курган является самым выдающимся по найденным там останкам лошадей. В коллекции института сохранилась большая часть костей из конских захоронений, включающая черепа и нижние челюсти от 17 особей и кости конечностей от 22 скелетов. Подавляющая часть черепов и нижних челюстей фрагментирована, тогда как элементы посткраниального скелета являются целыми. Среди костей посткраниального скелета представлены только кости проксимальных отделов конечностей (лопатки,

плечевые, лучевые и локтевые, тазовые, бедренные, большеберцовые кости), а также пястные и плюсневые кости. Остальных костей дистальных отделов конечностей, позвонков и ребер нет. Все захороненные лошади принадлежат к группам взрослых и старых животных [Пластеева, Тишкин, Саблин, 2018].

Выявленная остеологическая коллекция из Первого Туэктинского кургана (Туэкта-1) включает костные остатки от восьми лошадей. Представлены семь целых и фрагментированных черепов, шесть нижних челюстей, а также непарные кости проксимальных (лопатка, плечевая, лучевая, большеберцовая) и дистальных (пястная и плюсневая кости) отделов конечностей. Все костяки принадлежат половозрелым животным. Выявлены и изучены в фондах института скелеты от двух коней из Второго Туэктинского кургана (Туэкта-2). Оба костяка принадлежали половозрелым жеребцам. В коллекции сохранились два черепа, кости проксимальных (лопатка, плечевая, лучевая, тазовая, бедренная, большеберцовая) и дистальных (пястная и плюсневая) отделов конечностей от двух особей.

Материалы, представленные в статье, демонстрируют возможности для дальнейшего изучения остеологических коллекций на современном уровне. Это касается археозоологических, палеогенетических и других исследований. Следует указать, что пока нет обобщений в рамках изучения большинства лошадей, которые были обнаружены в курганах пазырькской культуры Алтая. Актуальным является сохранение новых остеологических находок, полученных при раскопках других археологических памятников. Этот массовый материал необходимо размещать в специализированных хранилищах, доступных для работы исследователей.

Библиографический список

- Баркова Л.Л. Погребение коней в кургане Шибе // Археологический сборник Государственного Эрмитажа. 1979. Вып. 20. С. 55–65.
- Витт В.О. Лошади Пазырькских курганов // Советская археология. 1952. Вып. XVI. С. 163–205.
- Гаврилова А.А. Раскопки второго Катандинского могильника // Советская археология. 1957. Вып. XXVII. С. 250–268.
- Грязнов М.П. Бийская старина // Звезда Алтая. 1925. 25 июня. №143.
- Завитухина М.П. Могильник времени ранних кочевников близ г. Бийска // Археологический сборник Государственного Эрмитажа. 1961. Вып. 3. С. 89–108.
- Завитухина М.П. Второй Бийский могильник // Сообщения Государственного Эрмитажа. 1962. Вып. XXII. С. 28–30.
- Пластеева Н.А., Тишкин А.А., Саблин М.В. Лошади из Большого Катандинского кургана (Алтай) // Современные решения актуальных проблем евразийской археологии. Барнаул, 2018. Вып. 2. С. 107–109.
- Руденко С.И. Культура населения Центрального Алтая в скифское время. М.; Л., 1960. 360 с.

A.A. Tishkin¹, N.A. Plasteeva^{1,2}, M.V. Sablin³

¹Altai State University, Barnaul, Russia;

*²Institute of Plant and Animal Ecology, Ural Branch
of the Russian Academy of Sciences, Yekaterinburg, Russia;*

*³Zoological Institute of the Russian Academy of Sciences,
Saint Petersburg, Russia*

OSTEOLOGICAL COLLECTIONS OF HORSES FROM THE ALTAI ARCHAEOLOGICAL SITES AT THE ZOOLOGICAL INSTITUTE OF THE RUSSIAN ACADEMY OF SCIENCES

The collection and preservation of mammal remains obtained from archaeological sites is important for various archaeological and zoological research. The faunal remains from archaeological sites could provide essential information for human subsistence and past environment. At the same time, most of the osteological collections from archaeological sites, including those from the Altai region, were lost or have not yet been properly described and published. The article provides a brief description of collections of bones of domestic horses from a number of barrows of the Scythian-Saka time. Particular attention is paid to the burials of the Pazyryk culture. All studied materials are stored in the funds of the Zoological Institute of the Russian Academy of Sciences (St. Petersburg) and are identified in detail. The data on the number of horses, the composition of the elements of the skeleton, the field and the age of the animals are reflected. The information recorded in the collection journals has been clarified.

Key words: Zoological Institute, osteological collection, Altai, archaeological excavations, the horses of the Pazyryk culture of the Scythian-Saka time.

УДК 902(571.150)

А.А. Тишкин, Я.В. Фролов

Алтайский государственный университет, Барнаул, Россия

МЕТАЛЛИЧЕСКИЕ НАХОДКИ С ТЕРРИТОРИИ Г. ЗАРИНСКА, ЗАРИНСКОГО И КЫТМАНОВСКОГО РАЙОНОВ АЛТАЙСКОГО КРАЯ: ДАТИРОВКА И РЕНТГЕНОФЛЮОРЕСЦЕНТНЫЙ АНАЛИЗ

Работа выполнена при частичной финансовой поддержке РФ
(проект №16-18-10033 «Формирование и эволюция систем
жизнеобеспечения у кочевых социумов Алтая и сопредельных территорий
в поздней древности и Средневековье: комплексная реконструкция»)

Северо-восточная часть Алтайского края по-прежнему остается слабо изученной в археологическом отношении. В этом плане Заринский район не является исключением. В Перечне объектов археологического наследия на территории Алтайского края, включенных в единый государственный реестр объектов культурного наследия (памятников истории и культуры) народов Российской Федерации, указано менее 20 памятников. Поэтому любые сведения об

археологических находках с этой территории важны для исследователей. Такая ситуация касается и ближайших районов. В статье подробно проанализирована небольшая коллекция металлических предметов, поступившая в Алтайский государственный краеведческий музей (г. Барнаул) в 2012 г. Среди них четыре изделия являются археологическими, а два относятся к этнографической современности. Кроме описания и культурно-хронологической идентификации представлены результаты рентгенофлюоресцентного анализа. Обозначенные места находок специалистам необходимо обследовать.

Ключевые слова: Алтайский край, случайные находки, кельт, нож, бляха, рентгенофлюоресцентный анализ, эпоха бронзы.

DOI: 10.14258/2411-1503.2020.26.36

В 2012 г. житель г. Заринска П.А. Назыров передал в Алтайский государственный краеведческий музей (АГКМ, г. Барнаул) несколько металлических предметов, обнаруженных им на территории г. Заринска, Заринского и Кытмановского районов Алтайского края: кельт, нож с кольчатым навершием, петельчатые бляхи с округлым щитком, деталь рукояти ножа и трубку с орнаментом (рис. 1 и 2). Основная задача данной публикации заключается в том, чтобы ввести эти находки в научный оборот, так как северо-восточная часть Алтайского края до сих пор слабо изучена в археологическом отношении. Для более детальной идентификации металла были осуществлены исследования с помощью рентгенофлюоресцентного спектрометра «INNOV-X SYSTEMS» ALPHA SERIES™ (Альфа-2000, производство США). Для этого использовалась специальная программа «Аналитическая», установленная на карманном переносном компьютере, который входит в комплект указанного прибора.

Кельт найден на территории г. Заринска в районе бывшего пос. Миронский, в 15 м от берега р. Казанка, за огородами на глубине 20 см (рис. 1.-1). Он имеет клин с параллельными боковыми гранями и с небольшими расширениями по краям лезвия, возникшими, возможно, в результате его проковки (рис. 1.-1: а-ж, и). Втулка кельта имеет овальную (подпрямоугольную с закругленными углами) форму (рис. 1.-1: з). Прямой край устья частично поврежден в результате литейного брака (рис. 1.-1: с). Изделие покрыто равномерным слоем плотной темно-зеленой патины. Его длина составляет 6,6 см*, ширина в центре – 3,8 см, толщина там же – 1,8 см. Внешние параметры втулки – 3,9×2,6 см. Толщина стенок около 0,4 см. Полая втулка также клиноподобная и распространяется внутрь изделия почти на 5,5 см. На лезвии видны следы заточки и использования. Максимальная ширина этой рабочей части – 4 см. По торцам видны четкие следы литейных швов. По всей видимости, имеющийся брак указывает на место заливки металла, которого не хватило для полного изготовления орудия.

Для получения всесторонних результатов о составе сплава рассматриваемого изделия вышеуказанным прибором сначала тестиро-

* Все приводимые размеры получены с помощью обычного механического штангенциркуля.

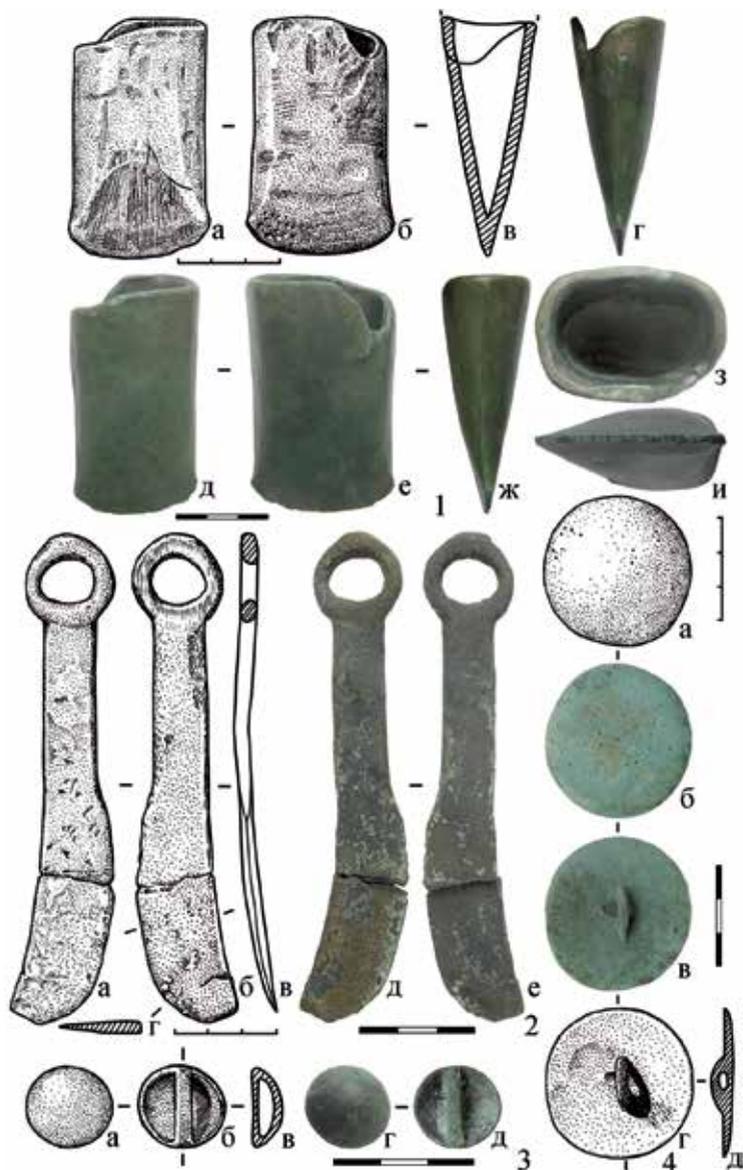

Рис. 1. Археологические находки из Заринского и Кытмановского районов Алтайского края: 1 – бронзовый кельт; 2 – медный нож; 3 – малая медная бляха; 4 – крупная медная бляха (рисунки выполнены А.Л. Кунгуровым, фотоснимки сделаны А.А. Тишкиным)

Рис. 2. Металлические находки из окрестностей с. Средне-Красилово Заринского района Алтайского края: 1 – муфта для рукояти жертвенного ножа; 2 – орнаментированная трубка (рисунки выполнены А.Л. Кунгуровым, фотоснимки сделаны А.А. Тишкиным)

валась патинированная поверхность. Получены такие результаты: Cu (медь) – 61,57%; Sn (олово) – 33,92%; Pb (свинец) – 3,24%; Fe (железо) – 0,76%; As (мышьяк) – 0,51%. Затем дважды в разных местах исследовался участок с удаленными окислами:

- Cu – 82,42%; Sn – 15,58%; Pb – 1,56%; As – 0,44%;
- Cu – 85,26%; Sn – 13,11%; Pb – 1,22%; As – 0,41%.

Зафиксированные поэлементные ряды указывают на достаточно качественный бронзовый сплав, в котором отмечается небольшое, но устойчивое количество свинца и мышьяка.

Несмотря на лаконичное оформление, перед нами достаточно редкий вариант кельта. Полные аналогии ему авторам статьи пока неизвестны. Поэтому наметим возможные пути их поиска. Достаточно близкие неорнаментированные изделия представлены кельтами сейминско-турбинской традиции – тип К-4 (по классификации Е.Н. Черных и С.В. Кузьминых [1989]). Но их отличает от изделия из г. Заринска округлая форма устья, расширяющиеся к лезвию боковые грани и четырехгранное сечение клина в центральной части [Черных, Кузьминых, 1989, с. 39, рис. 3.-3–7, 4.-1–8]. В пользу ранней датировки косвенно свидетельствуют и полученные результаты рентгенофлюоресцентного анализа. Похожие пропорции имеют кельты скифо-сакского времени, обнаруженные в погребальных памятниках староалейской культуры Барнаульско-Бийского Приобья. Они имеют сходный абрис клина и форму втулки. Однако староалейские кельты отличает от публикуемого предмета наличие лобного ушка и валика (усиление по краю устья) [Фролов, 2008, рис. 82.-2, 137.-6]. Определенное сходство демонстрируют отдельные категории иткульских и ананьинских неорнаментированных кельтов (тип КАН-2 по: [Кузьминых, 1983]). От представляемого изделия их отличают более широкие пропорции клина и линзовидная форма устья [Кузьминых, 1983, табл. II.-2, 3].

Металлический нож обнаружен в 500 м к северу–северо-западу от с. Комарское Заринского района, на левом коренном берегу Чумыша. Пластинчатое изделие немного согнуто, имеет рукоять с кольчатым навершием, а также короткий и сломанный клинок со слегка вогнутым обухом (рис. 1.-2). Лезвие от рукояти отделено пологим выступом. Острие отсутствует. Длина находки составляет 13,1 см, из них на рукоять приходится 7,5 см, а на поврежденный клинок – 5,6 см. Внешний диаметр кольцевого навершия около 2,35 см. На этой части имеются следы отломленного литника, что фиксируется небольшим выступом. Внутренний диаметр кольца – 1,55×1,3 см. Ширина рукояти в центре – 1,4 см, толщина – 0,4 см. У клинка эти параметры соответственно 2 и 0,3 см.

Для получения сведений о составе сплава был реализован тот же алгоритм. Сначала тестировалась поверхность изделия, а потом исследовался участок, где механически были удалены окислы. Последовательно зафиксированы следующие результаты, которые свидетельствуют об изготовлении ножа из меди с характерными рудными примесями:

- Cu – 94,27%; As – 3,26%; Pb – 0,94%; Sb – 0,89%; Fe – 0,64%;
- Cu – 97,46%; As – 1,26%; Sb – 0,79%; Pb – 0,49%;
- Cu – 98,66%; As – 0,99%; Pb – 0,35%.

Нынешняя территория Алтайского края входила в зону распространения ножей с кольчатым навершием, относящихся к поздней бронзе и раннему железному веку [Киришин, Тишкин, 1997, рис. 58.-4, 8, с. 48; Фролов, 2018, с. 212; Тишкин, 2019, с. 271–277; и др.]. Характерный вогнутый обух клинка встречается у подобных изделий, найденных в Казахстане и Верхнем Приобье. Они также датируются периодом поздней бронзы и переходным временем от эпохи бронзы к раннему железу в рамках XIV–VII вв. до н.э. [Папин, Федорук, 2009, рис. 3.-1–4, 4.-7]. Металлический нож из окрестностей с. Комарское может относиться к ирменской или большереченской культурам. На данном этапе этому не противоречат показатели рентгенофлюоресцентного анализа.

Две петельчатые бляхи с округлым щитком найдены на склоне между с. Заречное (Погорелка) и бывшим с. Майское, в 1–1,5 км к северо-западу от с. Заречное Кытмановского района, на правом берегу Чулыша. Первая (меньшего размера) имеет выпуклый щиток и переладину-петлю (шириной в центре 0,35 см) на обороте (рис. 1.-3). Ее диаметр составляет 1,8–1,9 см, а высота – 0,7 см. Вторая бляха имеет округлый и почти плоский щиток (диаметром 4,6 см, толщиной 0,25 см) и небольшую петлю (длиной до 1,7 см, шириной 0,4 см) на обороте, отлитую вместе с предыдущей частью (рис. 1.-4). Для первого изделия (рис. 1.-3) так же последовательно, как и в предыдущих случаях, получены следующие результаты рентгенофлюоресцентного анализа:

- Cu – 93,78%; As – 3,37%; Fe – 1,06%; Sb (сурьма) – 0,94%; Pb – 0,85%;
- Cu – 96,03%; As – 2,36%; Sb – 0,82%; Pb – 0,44%; Fe – 0,35%;
- Cu – 96,06%; As – 2,35%; Sb – 0,91%; Pb – 0,34%; Fe – 0,34%.

Вторая бляха (рис. 1.-4) анализировалась таким же образом:

- Cu – 95,12%; Sb – 2,76%; As – 1,16%; Pb – 0,42%; Sn – 0,3%; Bi (висмут) – 0,24%.
- Cu – 97,74%; Sb – 1,77%; As – 0,35%; Pb – 0,14%.
- Cu – 97,9%; Sb – 1,6%; As – 0,37%; Pb – 0,13%.

Состав металла обеих медных блях имеет определенную схожесть. Отличия фиксируются только по процентному содержанию основных элементов примесей, специфическое сочетание которых может указывать на «импортный» характер найденных предметов. Рассмотренные изделия имеют параллели среди деталей украшений головных уборов ирменской культуры поздней бронзы [Папин, Федорук, 2009, рис. 21.-15–16, 23.-2, 8].

Металлическая муфта для рукояти ножа найдена в районе с. Средне-Красилово Заринского района (рис. 2.-1). Данная деталь представляет собой полую овальную трубку длиной 3,4 см с многофигурными антропоморфными изображениями. Ее внешние размеры – 2,1×1,4 см, толщина стенок – 0,2 см. Металлические части рукоятей и тыльники но-

жей с изображениями библейских сюжетов (суд царя Соломона и др.) известны в Западной Сибири и датируются в пределах XVII–XIX вв. [Мурашко, Кренке, 2001, с. 36–37, рис. 55.-1; Чернов, 1951, рис. 28.-7; Семенова, 2015, с. 269–272].

Рентгенофлуоресцентным спектрометром в двух местах зафиксирован следующий химический состав на участке, где были сняты поверхностные окислы:

- Cu – 75,41%; Zn – 14,39%; Pb – 6,1%; Sn – 2,09%; Sb – 1,43%; Ni (никель) – 0,35%; Fe – 0,19%; Nb (ниобий) – 0,04%;
- Cu – 75%; Zn – 14,73%; Pb – 6,13%; Sn – 2,19%; Sb – 1,44%; Ni – 0,33%; Fe – 0,18%.

Эти данные указывают на то, что муфта была сделана из сложной латуни.

Еще один предмет в виде орнаментированной тонкой трубки длиной 4,86 см найден в районе с. Средне-Красилово Заринского района (рис. 2.-2). Диаметр изделия в центре составляет 1,1 см, диаметр утолщения почти 1,2 см. Толщина стенок трубки чуть больше 0,1 см. Поверхность находки заполнена орнаментом в виде семечковидных насечек и округлого медальона с крестовидной фигурой. Точных аналогий данному предмету нам пока не известно. Возможно, это был мундштук курительного прибора. Результаты рентгеновского анализа получены в двух местах участка, где были удалены поверхностные окислы:

- Cu – 71,93%; Zn – 15,26%; Ni – 6,13%; Fe – 3,52%; Pb – 2,35%; Sn – 0,45%; Co – 0,33%; Nb – 0,03%;
- Cu – 72,31%; Zn – 15,71%; Ni – 6,22%; Fe – 2,99%; Pb – 1,9%; Sn – 0,53%; Co – 0,31%; Nb – 0,03%.

Эти показатели демонстрируют латунный сплав, в котором много разных элементов в существенном количестве. Такая комбинация отражает не кустарное производство. Вероятнее всего, изделие происходит из слоя русской деревни XVIII–XIX вв.

Находки предметов, относящихся эпохе бронзы, из северо-восточной части Алтайского края (Причумышье) свидетельствуют о перспективах обнаружения древних памятников, которые могут дать важные археологические материалы. Районы правобережья Оби на юге Западной Сибири являются зоной наиболее раннего заселения русскими этой территории. Там имеется большое число сел, появившихся в начале XVIII в. и позже. Данные объекты также являются значимыми археологическими объектами, которые нуждаются в государственной охране. Поэтому, на наш взгляд, стоит предусмотреть специальные работы по выявлению, картографированию и постановке на учет таких памятников на территории Алтайского края.

Библиографический список

Кирюшин Ю.Ф., Тишкин А.А. Скифская эпоха Горного Алтая. Ч. I: Культура населения в раннескифское время. Барнаул, 1997. 232 с.

Кузьминых С.В. Металлургия Волго-Камья в раннем железном веке (медь и бронза). М., 1983. 258 с.

Мурашко О.А., Кренке Н.А. Культура аборигенов Обдорского Севера в XIX веке (по археолого-этнографическим коллекциям Музея антропологии МГУ). М., 2001. 155 с.

Папин Д.В., Федорук А.С. Поздний период бронзового века и переходное время от бронзового века к раннему железному веку // Алтай в системе металлургических провинций энеолита и бронзового века / С.П. Грушин, Д.В. Папин, О.А. Позднякова, Е.А. Тюрина, А.С. Федорук, С.В. Хаврин. Барнаул, 2009. С. 75–121.

Семенова В.И. Атрибуция рукоятей ножей с библейскими сюжетами (случайные находки с севера Тюменской области) // Интеграция археологических и этнографических исследований. Барнаул; Омск, 2015. С. 269–272.

Тишкин А.А. Рентгенофлюоресцентный анализ двух металлических ножей (случайные находки с территории Алтайского края) // Сохранение и изучение культурного наследия Алтайского края. Барнаул, 2019. Вып. XXV. С. 171–177.

Фролов Я.В. Погребальный обряд населения Барнаульского Приобья в VI в. до н.э. – II в. н.э. (по данным грунтовых могильников). Барнаул, 2008. 480 с.

Фролов Я.В. Бронзовые ножи с кольцевым навершием скифо-сакского времени с территории Барнаульского Приобья и юга Обь-Иртышского междуречья // Известия Алтайского государственного университета. Исторические науки и археология. 2018. №5 (103). С. 207–214.

Чернов Г.А. Археологические находки на реке Щучьей // КСИИМК. 1951. Вып. XL. С. 96–104.

Черных Е.Н., Кузьминых С.В. Древняя металлургия Северной Евразии (сейминско-турбинский феномен). М., 1989. 320 с.

A.A. Tishkin, Ya.V. Frolov

Altai State University, Barnaul, Russia

METAL FINDS FROM THE TERRITORY OF ZARINSK, ZARINSKY AND KYTMANOVSKOGO DISTRICT OF THE ALTAI REGION: DATING AND X-RAY FLUORESCENCE ANALYSIS

The North-Eastern part of the Altai territory is still poorly studied in terms of archaeology. In this regard, the Zarinsky district is no exception. The list of archaeological heritage sites in the territory of the Altai territory included in the unified state register of cultural heritage (historical and cultural monuments) of the peoples of the Russian Federation contains less than 20 sites. Therefore, any information about archaeological finds from this territory is important for researchers. This situation also applies to the nearest districts. The article analyzes in detail a small collection of metal objects that was received by the Altai state Museum of Local Lore (Barnaul) in 2012. Among them, four items are archaeological, and two belong to the ethnographic modernity. In addition to the description and cultural-chronological identification, the results of x-ray fluorescence analysis are presented. Designated places of finds should be examined by specialists.

Key words: Altai territory, random finds, Celt, knife, plaque, x-ray fluorescence analysis, Bronze Age.

УДК 902/904(571.150)

Я.В. Фролов, А.А. Тишкин

Алтайский государственный университет, Барнаул, Россия

КРУПНЫЕ КУРГАНЫ В МАМОНТОВСКОМ РАЙОНЕ АЛТАЙСКОГО КРАЯ

Работа выполнена при финансовой поддержке РФФИ (проект №19-49-220006 «Крупные курганы элиты древних и средневековых кочевников на территории Алтайского края как объекты экскурсионно-туристической деятельности: историко-археологические и естественно-научные исследования»)

Мамонтовский район Алтайского края расположен в центральной части юга Обь-Иртышского междуречья, на стыке Кулундинской равнины и Приобского плато. Там проходит граница степной и лесостепной зон. В указанном регионе на относительно небольшой территории сосредоточено несколько курганных групп, в состав которых входят очень крупные погребальные объекты: Ермачиха-I, Черная Курья-XI, Первомайское-I и Курган-II. Насыпи самых грандиозных сооружений достигают в диаметре 90–100 м. Наиболее выдающейся надмогильной конструкцией является курган на некрополе Первомайское-I, который был окружен рвом и валом диаметром около 180 м. Некоторые рассматриваемые объекты известны еще с XIX в. по сообщениям С.И. Гуляева и В.М. Флоринского. К востоку от расположения указанных могильников в Верхнем Приобье столь крупные курганы не выявлены. Судя по аналогичным конструкциям, исследованным на археологическом комплексе Бугры (на юго-западе Алейской степи), земляные сооружения со рвами из Мамонтовского района относятся к концу скифо-сакского времени. Не стоит исключать, что некоторые курганы могут датироваться периодом раннего Средневековья.

Ключевые слова: Обь-Иртышское междуречье, Алтайский край, Мамонтовский район, курганная группа, «элитные» погребальные сооружения, ранний железный век.

DOI: 10.14258/2411-1503.2020.26.37

Территория Мамонтовского района Алтайского края является одной из насыщенных зон распространения «элитных» (элитарных) курганов поздней древности и раннего Средневековья. Она занимает пограничное положение у Приобского плато и Кулундинской равнины. Там находится исток р. Касмалы (левого притока Оби), а на юге и на севере район ограничивают две другие реки – Барнаулка и Кулунда. Рассматриваемый регион относится к Верхнему Приобью. На севере Мамонтовского района протекает р. Ермачиха, которая является правым притоком Кулунды.

Все обнаруженные курганы расположены на водоразделах между тремя долинами древнего стока – Кулундинской (Кучукской), Касмалинской и Барнаульской (рис. 1). Такие гривы разрезают Приобское плато в направлении с юго-запада на северо-восток. Они являются своеобразными «магистральями», соединяющими Кулундинские степи и Приобское плато с долиной Оби. Территория Мамонтовского района находит-

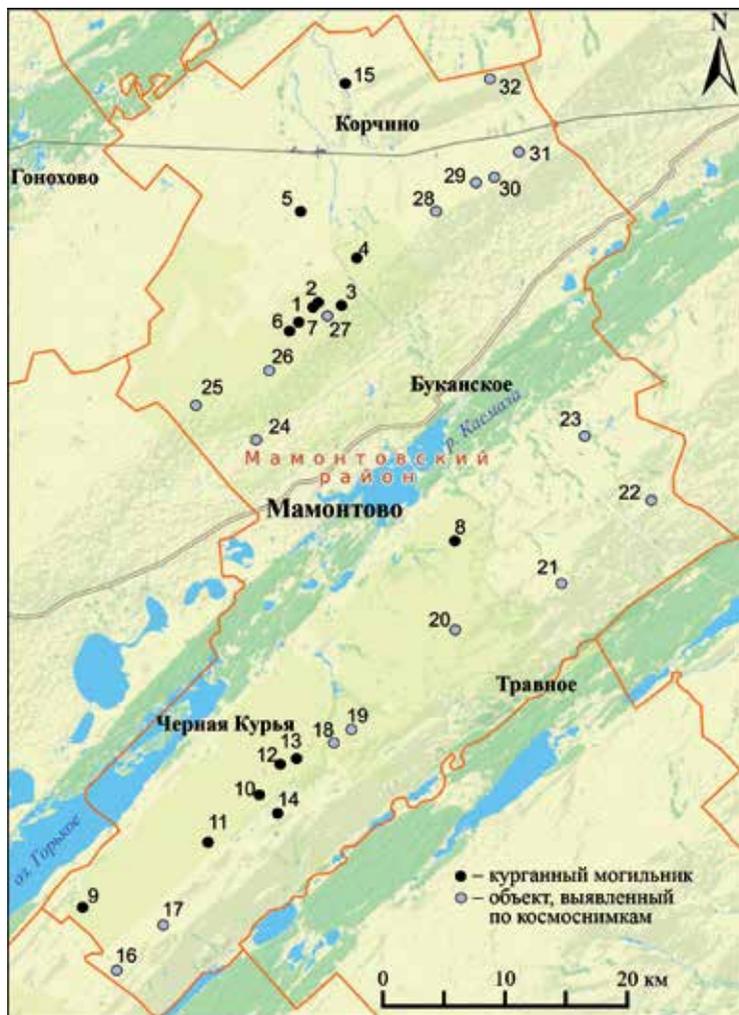

Рис. 1. Курганные группы и одиночные объекты на территории Мамонтовского района: 1 – Вознесенское-I; 2 – Вознесенское-II; 3 – Вознесенское-III; 4 – Первомайское-I; 5 – Первомайское-II; 6 – Курган-I; 7 – Курган-II; 8 – Островное-I; 9 – Миронов Лог-VIII; 10 – Черная Курья-XI; 11 – Черная Курья-XIII; 12 – Черная Курья-XV; 13 – Черная Курья-XVI; 14 – Крестьянское-XI; 15 – Ермачиха-I; 16 – Горелый Лог-I; 17 – Страшный Колок-I; 18 – Колок Фролова-I; 19 – Колок Фролова-II; 20 – Травное-I; 21 – Ефимова Дуброва-I; 22 – Медвежье-I; 23 – Кривое Болото-I; 24 – Теплая Дубрава-I; 25 – Ананьевская Ляга-I; 26 – Волчья Ляга-I; 27 – Вознесенское-IV; 28 – Северное-I; 29 – Потеряевский-I; 30 – Потеряевский-II; 31 – Подстепновский-I; 32 – Соляная Грива-I

ся в зоне соединения колковой степи и южной лесостепи [Слюндяев, Фельдман, 1965, с. 81, 83]. Водоразделы представляют собой степные «языки», выдающиеся далеко на северо-восток в зону приобской лесостепи. Восточнее (вплоть до Оби) такие участки не столь однородны.

К настоящему времени на территории Мамонтовского района выявлено 16 курганных групп, девять из которых содержат крупные земляные насыпи (диаметром более 30 м). В четырех из этих некрополей имеются сооружения грандиозных параметров. Некрополь Ермачиха-I включает объект размерами 110×90 м и высотой 6 м; Черная Курья-XI – диаметром 110 м и высотой 5 м; Первомайское-I – диаметром 95 м, высотой 8 м и рвом диаметром 180 м (рис. 2.-1); Курган-II – диаметром 98 м, высотой 7–8 м и рвом диаметром 160 м (рис. 2.-2).

Археологические памятники Мамонтовского района, включавшие крупные курганы, привлекли внимание исследователей еще в XIX в. Барнаульский краевед С.И. Гуляев в своих рукописях упоминал бугор под названием «Мокрый», расположенный между с. Ермачиха и с. Корчино [Тишкин, Тишкина, Фролов, 2019, с. 298]. Данный объект, судя по приведенной информации, хорошо идентифицируется с курганным могильником Ермачиха-I. В 10 верстах от кургана «Мокрый», по данным С.И. Гуляева, располагался аналогичный объект под названием «Кокуй» [Тишкин, Тишкина, Фролов, 2019, с. 298–299]. Его можно соотнести с грандиозными курганами могильников Курган-II или Первомайское-I, располагающимися в 20 и 15 км от некрополя Ермачиха-I. Эти курганы окружены рвами и похожи на укрепленные места. В таком случае название «Кокуй» вполне соответствует старорусскому обозначению крепостной башни, как, например, у Новгородского детинца.

Скорее всего, вышеуказанные курганы упоминались В.М. Флоринским [1889, с. 49–50] в его работе «Топографические сведения о курганах Западной Сибири». Там приведены сведения об археологических объектах в районе с. Генохово (современное село Генохово Завьяловского района Алтайского края) в 25 км к юго-западу от с. Ермачиха (рис. 1). Из всех отмеченных курганов (71) выделяются три: №45, окружностью в 44 сажени и высотой в одну сажень; №49, окружностью в 56 сажений и высотой в пять аршин (со рвом); №51, окружностью в 115 сажень и высотой в один аршин, также окруженный рвом. В.М. Флоринский [1889, с. 50] предположил, что курганы под номерами 49 и 51 являются городищами. Отмеченные им памятники можно также соотнести с курганами некрополей Ермачиха-I, Курган-II и Первомайское-I.

В.М. Флоринский [1889, с. 59] привел сведения еще об одном курганном могильнике, включавшем крупные сооружения на территории нынешнего Мамонтовского района: некрополь, располагавшийся в 10 верстах от с. Крестьянка, по дороге в с. Суслово. По данным В.М. Флоринского [1889, с. 59], курганы имели 100 сажений в окружности, 12 аршин в высоту и были окружены валом. Этот памятник также хорошо соотно-

сится с археологическим комплексом Черная Курья-ХІ, где зафиксированы два крупных кургана: №1 (диаметром 70 м и высотой 2 м) и №3 (диаметром 110 м и высотой 5 м). Рвы и валы вокруг у этих насыпей, по всей видимости, были распаханы.

Системное археологическое изучение курганных могильников Мамонтовского района началось во 2-й половине XX в. В 1966 г. некрополь Черная Курья-ХІ обследовала Э.М. Медникова. Этот же памятник в 1979 г. осматривался А.Б. Шамшиным [Иванов 2000, с. 104]. В 1980-е гг. серия курганных групп на территории Мамонтовского района зафиксирована Г.Е. Ивановым. В 1981 г. им обследовался некрополь Черная Курья-ХІІІ, в 1982 г. открыт могильник Островное-І, в 1983 г. отмечены комплексы Черная Курья-ХV, Черная Курья-ХVІ и Крестьянское-ХІ, в 1987 и 1988 г. – Первомайское-І и Первомайское-ІІ, а в 1989 г. – одиночный курган Миронов Лог-ХІІІ [Иванов, 2000, с. 33, 38, 61–62, 106].

В 1991 г. отрядом в составе Г.Е. Иванова, В.П. Семибратова, С.Ю. Лузина и С.Д. Ведянина выявлены такие археологические объекты, как Вознесенское-І-ІІІ, Курган-І и ІІ [Иванов 2000, с. 16]. В ходе вышеперечисленных исследований на территории Мамонтовского района были обозначены 16 памятников, девять из которых содержат крупные курганы диаметром более 30 м (рис. 1). Описания их приведены в книге Г.Е. Ива-

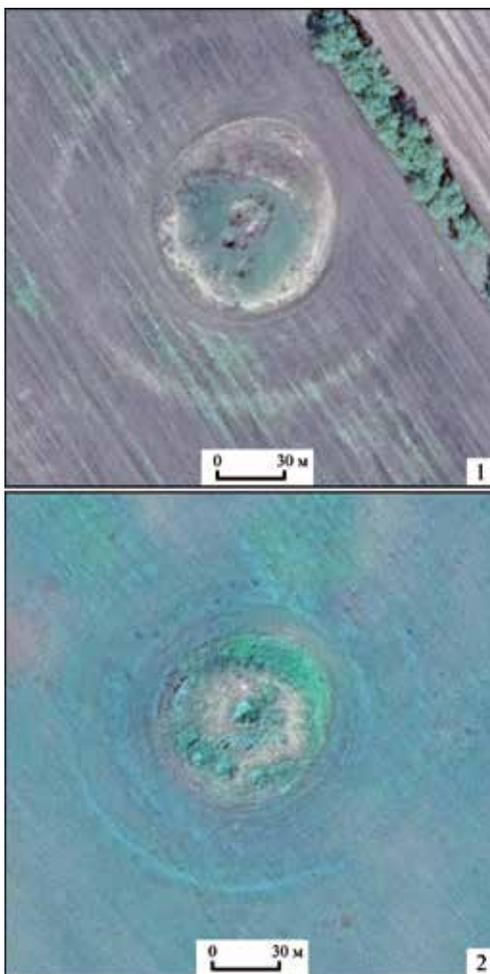

Рис. 2. Крупные курганы на памятниках Мамонтовского района Алтайского края: 1 – Первомайское-І; 2 – Курган-ІІ (доступные снимки из космоса)

нова [2000] «Свод памятников истории культуры Мамонтовского района». В 2006 г. часть перечисленных крупных объектов обследовалась совместным археологическим отрядом АлтГУ и ГЭ под руководством А.А. Тишкина и К.В. Чугунова с целью выбора кургана для раскопок. Однако предпочтение было отдано памятнику Бугры в Рубцовском районе Алтайского края [Тишкин, Чугунов, 2007].

Следует отметить, что территория Мамонтовского района в археологическом отношении обследована далеко не полностью. Осматривались только ограниченные участки водоразделов между Кулундинской (Кучукской), Касмалинской и Барнаульской долинами древнего стока. Изучение в 2020 г. картографических материалов и доступных снимков из космоса позволило предварительно выявить на рассматриваемой территории еще 17 археологических памятников, включающих курганы диаметром более 30 м. Восемь из них прослежены на южном водоразделе (между Касмалинской и Барнаульской долинами древнего стока), а девять – на северном (между Кулундинской (Кучукской) и Касмалинской долинами древнего стока) (рис. 1). Представим их перечень.

1. Горелый Лог-I. Памятник находится в 10 км к юго-западу от с. Крестьянка, в 2,3 км к северо-западу от урочища Горелый Лог и в 4 км к северо-западу от оз. Горькое. Он состоит из семи курганов, расположенных цепочкой по линии ЮЗ–СВ. Диаметр насыпей составляет 15–30 м. Эти объекты выделяются светлыми пятнами на пахоте. В 800 м к северо-западу от них прослежен еще один курган диаметром 30 м.

2. Страшный Колок-I. Памятник находится в 6,7 км к западу–юго-западу от с. Крестьянка, в 1 км к западу–юго-западу от урочища Страшный Колок и полевого стана, а также в 4,5 км к северо-западу от оз. Горькое. Он состоит из нераспаханного кургана диаметром 25–30 м и других объектов, которые выделяются светлыми пятнами на пахоте. В 500 м к юго-востоку от них прослеживаются еще два аналогичных проявления.

3. Колок Фролова-I. Памятник находится в 9 км к северо-востоку от с. Крестьянка, в 6,5 км к западу–северо-западу от бывшего с. Сыропятово и 1,8 км к юго-западу от урочища Колок Фролова. Он состоит из нераспаханного кургана диаметром 40 м и нескольких распаханных насыпей в 300 м к северо-востоку от него, выделяющихся светлыми пятнами на пахоте и располагающихся цепочкой по линии ЮЗ–СВ.

4. Колок Фролова-II. Памятник находится в 13,5 км к северо-востоку от с. Крестьянка, в 4 км северо-западу от бывшего с. Сыропятово и в 1,3 км к востоку от урочища Колок Фролова. Он состоит из нераспаханного кургана диаметром 35 м и распаханной насыпи в 150 м к северо-западу от него, выделяющейся светлым пятном на пахоте.

5. Травное-I. Памятник находится в 5 км к северо-западу от с. Травное и состоит из трех нераспаханных курганов диаметром 25–30 м, а также нескольких распаханных насыпей между ними, выделяющихся светлыми пятнами на пахоте. Курганы располагаются цепочкой по линии ЮЗ–СВ.

6. Ефимова Дуброва-I. Памятник находится в 6 км к западу от с. Костин Лог и в 1,5 км к югу от урочища Ефимова Дубрава. Он состоит из нераспаханного кургана диаметром 35 м и нескольких распаханых насыпей, которые располагаются в 100 м к югу и юго-востоку, сформированы в цепочку по линии ЮЗ–СВ и выделяются светлыми пятнами на пахоте.

7. Медвежье-I. Памятник находится в 4,3 км к северу от с. Костин Лог и в 0,5 км к юго-западу от оз. Медвежье. Он состоит из нераспаханного кургана диаметром 30 м и нескольких распаханых насыпей, выделяющихся в 100 м к северу светлыми пятнами на пахоте.

8. Кривое Болото-I. Памятник находится в 3,8 км к юго-востоку от с. Покровка и в 2,7 км к северо-западу от урочища Кривое Болото. Он состоит из двух нераспаханых курганов диаметром 40–45 м, расположенных цепочкой по линии Ю–С.

9. Теплая Дубрава-I. Памятник находится в 5,2 км к северо-западу от с. Мамонтово, в 1,3 км к северо-востоку от урочища Теплая Дубрава и состоит из одного нераспаханного кургана диаметром 35 м.

10. Ананьевская Ляга-I. Памятник находится в 7,5 км к югу от с. Украинка и в 2,5 км к северо-западу от урочища Ананьевская Ляга. Он состоит из пяти нераспаханых курганов. Три из них расположены в южной части памятника. Диаметр самого большого составляет 50 м. В 1 км к северу прослежен курган диаметром 70 м. Есть еще несколько распаханых насыпей, выделяющихся светлыми пятнами на пахоте.

11. Волчья Ляга-I. Памятник находится в 7,8 км к юго-востоку от с. Украинка и в 3,2 км к северу от урочища Волчья Ляга. Он состоит из одного нераспаханного кургана диаметром 30 м и нескольких распаханых насыпей, располагающихся в 100 м к востоку и выделяющихся светлыми пятнами на пахоте.

12. Вознесенское-IV. Памятник находится в 1,8 км к северо-западу от пос. Вознесенский и состоит из трех нераспаханых курганов диаметром 25–30 м.

13. Северное-I. Памятник находится в 8 км к юго-востоку от пос. Первомайский, в 3,4 км к северу от бывшего пос. Северное и состоит из одного нераспаханного кургана диаметром 30 м.

14. Потеряевский-I. Памятник находится в 7,2 км к юго-востоку от железнодорожной станции Потеряевский и в 5,7 км к югу от одноименного поселка. Он состоит из нераспаханного кургана размерами 35×30 м и еще из нескольких распаханых насыпей, выделяющихся светлыми пятнами на пахоте.

15. Потеряевский-II. Памятник находится в 6 км к юго-востоку от железнодорожной станции Потеряевский и в 6,5 км к юго-западу от одноименного поселка. Он состоит из нераспаханного кургана размерами 40×30 м и еще из нескольких распаханых насыпей, выделяющихся светлыми пятнами на пахоте.

16. Подстепновский-I. Памятник находится в 3,3 км к юго-западу от железнодорожной станции Подстепновский и в 3,5 км к юго-юго-

востоку от поселка Потеряевский. Он состоит из одного нераспаханного кургана диаметром 40 м.

17. Соляная Грива-I. Памятник находится в 5 км к северо-западу от железнодорожной станции Подстепновский и в 3,5 км к северо-западу от поселка Потеряевский в урочище Соляная Грива. Он состоит из одного нераспаханного кургана размерами 30×20 м. В центре прослеживается площадка для триангуляционного пункта.

В подавляющем большинстве курганные могильники на территории Мамонтовского района включают один крупный объект диаметром 30–40 м, который располагается как бы в стороне от остальных. Большая часть курганов на этих некрополях сформирована в цепочки, ориентированные по линии ЮЗ–СВ. Эта ориентация в большинстве случаев совпадает с направлением гребней указанных водоразделов. Среди общей массы памятников выделяются четыре некрополя, содержащие курганы грандиозных размеров, – Ермачиха-I, Черная Курья-XI, Первомайское-I и Курган-II. Все они ранее были окружены рвами и внешними валами, в настоящее время распаханными. Но указанные особенности видны на снимках из космоса (рис. 2), а также известны по сведениям исследователей XIX в. Перечисленные могильники имеют надмогильные сооружения, сходные с крупными некрополями в южной Кулунде, такими как Пятков Лог-I (Волчихинский район), Васильчуки-III и V (Ключевской район). Похожая надмогильная конструкция прослежена при раскопках кургана №1 могильника Бугры (Рубцовский район) [Тишкин, Чугунов, 2008, с. 87]. Курган №4 того же памятника по данным радиоуглеродного анализа датируется позже III в. до н.э. [Тишкин, 2012, с. 509]. По-видимому, и грандиозные сооружения Мамонтовского района могут относиться к концу скиф-сакского времени. Хотя не исключено, что ряд объектов был возведен в период раннего Средневековья.

В заключение стоит еще раз отметить, что насыпи, находившиеся вблизи крупного («элитного») кургана, на большинстве некрополей в южной части Верхнего Приобья распаханы. Геофизические исследования, проведенные на некоторых памятниках этой историко-культурной области, показали, что вокруг крупных курганов имелись рвы на заметном отдалении от визуально фиксирующегося края земляной насыпи. Например, надмогильная конструкция кургана №1 археологического комплекса Ивановка-I (в Шелаболихинском районе Алтайского края) представляла собой объект диаметром 43 м, окруженный рвом диаметром 72 м. Такое же устройство земляных конструкций прослежено и у кургана №2 того же могильника. Диаметр его насыпи составлял 35 м, а диаметр выявленного рва – 65 м [Тишкин и др., 2019, с. 139]. Курганы грандиозных размеров Мамонтовского района являются самыми крупными в Верхнем Приобье и, вероятнее всего, маркируют сакральным и социально-политическим центром кочевой общности раннего железного века. Столь крупные курганы известны западнее, в Кулунде. Представленная информация требует дополнительного осмысления и проведения геофизических изысканий.

Библиографический список

- Иванов Г.Е. Свод памятников истории и культуры Мамонтовского района. Барнаул, 2000. 160 с.
- Сляднев А.П. Географические основы климатического районирования и опыт их применения на юге Западно-Сибирской равнины // География Западной Сибири: очерки природы и хозяйства. Сб. 1. Новосибирск, 1965. С. 3–122.
- Тишкин А.А. Значение археологических исследований крупных курганов скифо-сарматского времени на памятнике Бугры в предгорьях Алтая // *Peregrinationes archaeologicae in Asia et Europa, Joanni Chochorowski dedicatae*. Krakow, 2012. С. 501–510.
- Тишкин А.А., Тишкина Т.В., Фролов Я.В. Возможности использования сведений о крупных курганах на территории Алтайского края в экскурсионно-туристической деятельности // Сохранение и изучение культурного наследия Алтайского края. Барнаул, 2019. Вып. XXV. С. 298–303.
- Тишкин А.А., Фирсов А.П., Фролов Я.В., Колесов А.С., Останин В.А., Лукин А.А., Малетин Ю.Ю. Результаты трехуровневой аэромагнитной съемки на археологическом памятнике «Ивановка-I, курганная группа» (Шелаболихинский район Алтайского края) // Теория и практика археологических исследований. 2019. №4 (28). С. 129–140.
- Тишкин А.А., Чугунов К.В. Начало исследований курганов на памятнике Бугры в предгорьях Алтая // Труды II (XVIII) Всероссийского археологического съезда в Суздале. М., 2008. Т. II. С. 86–88.
- Тишкин А.А., Чугунов К.В. Обследования в горах и предгорьях Алтая // Археологические открытия 2006 года. М., 2009. С. 662.
- Флоринский В.М. Топографические сведения о курганах Западной Сибири. Томск, 1889. 72 с.

Ya.V. Frolov, A.A. Tishkin

Altai State University, Barnaul, Russia

LARGE BARROWS IN THE TERRITORY OF THE MAMONTOVSKY DISTRICT OF THE ALTAI TERRITORY

The Mamontovsky district of Altai Krai is located in the central part of the south of the Ob-Irtysh interfluvium. It is located on the border of the Kulundinskaya plain and the Priobskiy plateau. Here passes the border between the steppe and forest-steppe zones. In this area in a small area there are several groups of burial mounds including very large mounds. These are such necropolises as Yermachikha-I, Chernaya Kurya-XI, Pervomaiskoye I and Kurgan II. The largest mounds of these cemeteries reach a diameter of 90–100 m. The largest gravestone construction is the mound at the Pervomaiskoe-I burial ground. It was surrounded by a moat and rampart about 180 m in diameter. These objects have been known since the 19th century. They were described by S.I. Gulyaev and V.M. Florinsky. In the Upper Ob region east of the location of these burial grounds, large burial mounds have not been identified. The same structures were excavated at the Bugry burial ground in the Rubtsovsky district. The mounds with ramparts and moats from the Mamontovsky district belong to the end of the Scythian-Saka time.

Key words: Altai Territory; barrow group; “elite” burial structures; early Iron Age, Ob-Irtysh interfluvium.

УДК 902.2(470.343)

Е.Г. Шалахов

*Государственное бюджетное учреждение культуры
Республики Марий Эл «Замок Шереметева», Юрино, Россия*

**АРХЕОЛОГИЧЕСКОЕ НАСЛЕДИЕ
ВОЛГО-ВЕТЛУЖСКОГО МЕЖДУРЕЧЬЯ:
ПРОБЛЕМЫ ОХРАНЫ И ИСПОЛЬЗОВАНИЯ**

Эталонные памятники археологии Марийского края – Юринская стоянка и Юринский могильник расположены на высоких дюнах между реками Волга и Ветлуга. Эта часть Среднего Поволжья в настоящее время испытывает на себе негативное влияние Чебоксарского водохранилища, введенного в эксплуатацию свыше 40 лет назад. Несмотря на серьезное разрушение дюны вследствие строительных работ, Юринская стоянка оказалась пригодной для стационарных исследований, которые велись несколько десятилетий. Сейчас археологический памятник нуждается в музеефикации. Аналогичная судьба у Юринского могильника, наполовину размытого водохранилищем. Ввиду уникальности места, где функционировал некрополь эпохи бронзы, необходимо защитить его верхнюю площадку от абразивных процессов Чебоксарского водохранилища.

Ключевые слова: археологический памятник, музеефикация, Юринский могильник, Юринская стоянка.

DOI: 10.14258/2411-1503.2020.26.38

Одним из самых информативных поселенческих памятников эпохи ранней бронзы лесной зоны Евразии является Юринская стоянка, открытая членами Козьмодемьянского общества краеведения в 1928 г. [Соловьев, 2000, с. 9]. Наиболее важные материалы получены в ходе работ В.С. Патрушева (стационарные раскопки 1977 г.), В.В. Никитина и Б.С. Соловьева (стационарные исследования 1999, 2000 гг.). На стоянке частично изучены четыре полуземлянки, в которых собраны коллекция керамики, кремневые изделия, а также вещественные свидетельства древнего меднолитейного производства – от фрагментов глиняных тиглей до металлических орудий [Соловьев, 2004, с. 14–16].

Разведочные сборы 2009–2011 гг. на разрушенной ветровой эрозией поверхности стоянки позволили выявить остатки ритуальной площадки, функционировавшей на поселении в эпоху бронзы. Материалы сборов введены в научный оборот [Шалахов, 2018, с. 60–61].

В настоящее время памятник первобытной археологии «Юринская стоянка» востребован как объект экскурсионного показа (с лета 2009 г.). Характер и степень изученности древнего поселения обуславливают подготовку к комплексу мероприятий по музеефикации стоянки. Этот вопрос был поднят нами на IV (XX) Всероссийском археологическом съезде в Казани [Шалахов, 2014, с. 425–427].

Весной 2016 г. Отдел археологии Марийского научно-исследовательского института языка, литературы и истории им. В.М. Васильева

выступил инициатором разработки материалов для информационного стенда, который был установлен на памятнике в дни работы в Юрино Всероссийской научной конференции «Проблемы сохранения и популяризации археологического наследия» (13–16 августа 2016 г.).

Информационный стенд «Юринская стоянка» (рис. 1), о котором идет речь, лицевой стороной обращен к набережной поселка городского типа Юрино и хорошо виден с расстояния в несколько десятков метров. В верхней части стенда находится иллюстративный материал, состоящий из набора вещевого инвентаря, наиболее характерного для эпохи раннего металла, и фотоизображение реконструированного жилища, аналогичного поздневолосовским постройкам Юринской дюны. Кроме того, непосредственно под иллюстрациями стенда имеется текст с описанием керамического и кремневого комплексов и кратким изложением истории экспедиционных работ на стоянке.

В дальнейшем необходимо приступить к достоверной реконструкции древних жилищ полуземляночного типа на изученной в прошлом веке площади древнего памятника. Мы рассматриваем два варианта решения этой задачи. Либо это будет крытый павильон с возможностью круглогодичного посещения реконструированных построек эпохи бронзы, либо воссозданные объекты под открытым небом, приспособленные для посещения в летние месяцы, когда ГБУК РМЭ «Замок Шереметева» принимает заявки от туроператоров и организует экскурсии по территории бывшей дворянской усадьбы.

Рис. 1. Информационный стенд на Юринской стоянке эпохи ранней бронзы. Август 2016 г. *Фото автора*

Таким образом, потребность научного сообщества в музеефикации памятника первобытной археологии «Юринская стоянка» должна быть реализована в полной мере с учетом специфики использования усадебной территории ГБУК РМЭ «Замок Шереметева» [Шалахов, 2015, с. 187–190].

Среди опорных памятников сейминско-турбинского транскультурного феномена заметно выделяется информативный Юринский могильник, открытый автором настоящей статьи [Соловьев, Шалахов, 2006, с. 168] на Сутырской дюне близ современного устья р. Ветлуга – левого притока р. Волга на западе Республики Марий Эл. Уникальность погребальных комплексов могильника доказана результатами стационарных раскопок, предпринятых Марийской археологической экспедицией в 2001–2006 гг. [Соловьев, 2011, с. 150].

Несмотря на значимость памятника, нижняя площадка Юринского могильника осталась в интенсивно разрушаемом секторе Сутырской дюны (рис. 2). Рекультивированные раскопы 2001–2003 гг. буквально «уходили» прямо на глазах вместе с обвалами песчаного грунта. Главная причина разрушений на нижней площадке некрополя – абразивные процессы, фиксируемые по всей береговой линии в зоне затопления Чебоксарского водохранилища. Скорость возникновения обвалов и оползней почти не оставляла шансов на поиск остатков размытых могил эпохи бронзы. Наши усилия в этом плане лишь однажды увенчались успехом. Мы говорим об условном погребении-13, обнаруженном в 2003 г. на размытом пляже под исследованной площадкой некрополя [Соловьев, 2005, с. 110].

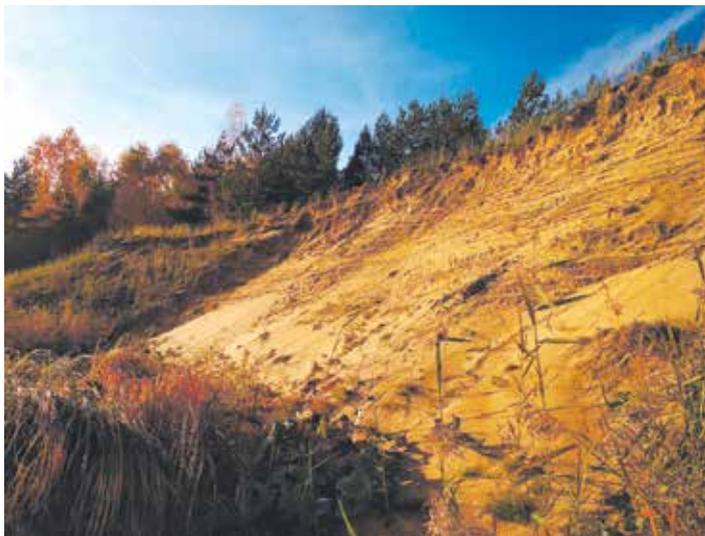

Рис. 2. Общий вид исследованной части Юринского могильника сейминско-турбинского типа (нижняя площадка). Октябрь 2018 г. *Фото автора*

На сегодняшний день максимальная ширина рекультивированных раскопов на нижней площадке Юринского могильника составляет примерно 3,5 м (данные на 16 октября 2018 г.).

Наиболее ценные находки получены Б.С. Соловьевым при изучении верхней площадки погребального памятника. Социально-значимые (воинские) захоронения эпохи бронзы (могилы-10 и 15) вскрыты на вершине дюны – в 60 м к северо-востоку от основной площадки некрополя.

В 2004 г. исследована могила-10, представляющая собой кенотаф с богатым погребальным инвентарем. Он состоит из бронзового литого наконечника копья с ромбическим стержнем пера листовидной формы, а также медно-бронзовых предметов – топора-кельта с оригинальной орнаментацией по одной из фасок орудия и ножа. Подсыпка охры также выделяла это захоронение носителя сейминско-турбинских традиций из общей массы могил [Соловьев, Шалахов, 2006, с. 168–174; Соловьев, 2016, с. 166].

Летом 2005 г. здесь же – на верхней площадке Юринского могильника было расчищено еще одно статусное погребение-15, видимо, знатного воина из сейминско-турбинского клана. Кроме бронзовых вещей – топора-кельта, ножа-кинжала и медного литого наконечника копья, обнаружены крупные кремневые наконечники стрел турбинского типа – треугольно-усеченной формы [Соловьев, 2016, с. 167].

Рекультивированные раскопы 2004–2005 гг. имеют почти идеальную сохранность в сравнении с остатками раскопов 2001–2003 гг., о которых шла речь выше. Значительное расстояние до берега водохранилища (почти 70 м) и плотные ряды лесопосадок с трех сторон в целом обеспечили защиту уникальной части археологического объекта. Основная угроза исходит от неорганизованных туристов, рыбаков и охотников, которые часто посещают Сутырскую дюну в теплое время года.

В целях сохранения верхней площадки уникального погребального памятника необходимо осуществить ряд шагов, которые при должном финансировании позволят еще много лет вести научное наблюдение за объектом археологического наследия. Во-первых, нужно установить информационный щит, посвященный памятнику и его исследователям, во-вторых, соответствующим образом обозначить границы рекультивированных раскопов 2004–2005 гг.

Мероприятия по охранному огораживанию верхней площадки Юринского могильника следует согласовать со службой лесной охраны Республики Марий Эл, чтобы избежать повреждения памятника по причине возможных лесоустроительных работ в приустьевой части р. Ветлуга. Последний раз распашка поверхности Сутырской дюны под лесопосадки производилась в конце прошлого века.

Таким образом, проблема сохранения верхней площадки Юринского могильника сейминско-турбинского типа, требующая положительного решения, отражает не столько чей-то научный интерес к конкретному

памятнику, сколько стремление цивилизованного общества к увеличению числа полноценно защищенных объектов культурного наследия.

Библиографический список

Соловьев Б.С. Археологические культуры юга лесного Поволжья на рубеже среднего и позднего бронзового века. Йошкар-Ола, 2016. 412 с. (Материалы и исследования по археологии Поволжья. Вып. 9).

Соловьев Б.С. Бронзовый век Марийского Поволжья. Йошкар-Ола, 2000. 264 с.

Соловьев Б.С. Изучение памятников эпохи бронзы в Республике Марий Эл (2000–2010 гг.) // Развитие гуманитарных исследований в Республике Марий Эл. Йошкар-Ола, 2011. С. 149–153.

Соловьев Б.С. К вопросу о взаимодействии населения раннего бронзового века лесной полосы Среднего Поволжья // Взаимодействие культур в Среднем Поволжье в древности и средневековье. Йошкар-Ола, 2004. С. 14–20.

Соловьев Б.С. Юринский (Усть-Ветлужский) могильник (итоги раскопок 2001–2004 гг.) // Российская археология. 2005. №4. С. 103–111.

Соловьев Б.С., Шалахов Е.Г. Воинское погребение Юринского могильника // Исследования по древней и средневековой археологии Поволжья. Чебоксары, 2006. С. 168–174.

Шалахов Е.Г. Древние памятники Шереметевской усадьбы (Марий Эл): популяризационный аспект // Труды IV (XX) Всероссийского археологического съезда в Казани. Казань, 2014. С. 425–427.

Шалахов Е.Г. К истории изучения ритуальных площадок чирковской культуры в Марийском Поволжье // Материалы и исследования по истории России. Нижневартовск, 2018. С. 59–63.

Шалахов Е.Г. «Шереметевская археология»: популяризация памятников и научные контакты региональных учреждений культуры // Региональный туризм: опыт, проблемы, перспективы. М.; Ижевск, 2015. Вып. 4. С. 187–190.

E.G. Shalakhov

*State Budget Institution of Culture of the Republic
of Mari El “Sheremetev’s Castle” Yurino, Russia*

THE ARCHAEOLOGICAL HERITAGE OF THE VOLGA-VETLUGA INTERFLUVE: PROBLEMS OF PROTECTION AND USE

The reference monuments of the Mari region’s archaeology – the Yurinskaya site and the Yurinsky burial ground are located on high dunes between the Volga and Vetluga rivers. This part of the Middle Volga region is currently experiencing the negative impact of the Cheboksary reservoir, which was put into operation over forty years ago. Despite the serious destruction of the dune in the course of construction work, the Yurinsky site was suitable for stationary research, which had been conducted for several decades. Now the archaeological site is in need of museification. The Yurinsky burial ground, half eroded by the reservoir, has a similar fate. Due to the uniqueness of the place where the Bronze Age necropolis functioned, it is necessary to protect its upper platform from the abrasive processes of the Cheboksary reservoir.

Key words: archaeological site, museification, Yurinsky burial ground, Yurinskaya site.

РАЗДЕЛ 3. ИЗУЧЕНИЕ ПАМЯТНИКОВ ИСТОРИИ И АРХИТЕКТУРЫ. МУЗЕЙНАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ И ЭТНОГРАФИЯ

УДК 902/904+502.8

А.З. Бейсенов

*Научно-исследовательский центр истории и археологии
«Бегазы-Тасмола», Алматы, Казахстан*

ЧИНГИСТАУ. РАЗМЫШЛЕНИЯ У СТАРОЙ ЗИМОВКИ АБАЯ

Летом 2019 г. были проведены археологические разведки на склонах хребта Чингистау. Среди памятников, открытых на северо-восточном склоне хребта, основное внимание уделено обследованию старой зимовки, находящейся в местности Акшоки, близ семейного кладбища Кунанбая Ускенбаева, отца великого казахского поэта, просветителя и гуманиста Абая. В археологическом отношении зимовка Акшоки открыта впервые в ходе указанных работ. На памятнике сделана первая археологическая рекогносцировка. Зимовка относится к усадебному типу, который характерен для казахской знати 2-й половины XIX – начала XX в. Она имеет подпрямоугольную форму, размеры ~58×33 м. Судя по остаткам стен, постройка была из глинобитного кирпича с использованием камней в основании стен. Вокруг усадьбы сохранились руины небольших домов и разных других строений. Это остатки небольшого зимнего аула, который был основан самим Абаем в 1860 гг. Зимовка, не являясь памятником по законодательным актам, остается в безызвестности, никем не охраняется. Остатки строений постепенно разрушаются и исчезают. Автор полагает, что зимовке Акшоки должен быть присвоен статус памятника. Здесь необходимо провести целый ряд трудоемких подготовительных работ, которые включают археологические раскопки, консервацию и реставрацию остатков строений, полное благоустройство всей территории. После этих работ памятник должен быть включен в список объектов действующего государственного музея-заповедника «Жидебай-Борили». Важное значение будут иметь результаты археологического исследования памятника. Материалы, приведенные в данном сообщении, публикуются впервые.

Ключевые слова: хребет Чингистау, урочище Акшоки, археологические разведки, Кунанбай Ускенбаев, Абай Кунанбаев, семейное кладбище, зимовка, раскопки, консервация.

DOI: 10.14258/2411-1503.2020.26.39

Автором и ранее осуществлялись кратковременные поездки в районы хребта Чингистау, проводился также сбор данных по истории и археологии этого региона. Некоторые результаты работ приводились в публикациях [Бейсенов, Умиткалиев, 2004; 2006; Бейсенов и др., 2016; 2017]. Летом 2019 г. небольшая группа в составе автора, докторанта Евразийского национального университета им. Л.Н. Гумилева (Нур-Султан, Казахстан) Д.Б. Дуйсенбая и младшего научного сотрудника Института археологии им. А.Х. Маргулана Н.Ш. Джуманазарова осуществила поездку на Чингистау (на автомашине «Нива»,

водитель С.З. Оразбеков). Группа приняла участие в работе международной летней археологической школы, организованной кафедрой археологии истфака ЕНУ совместно с НГУ (Новосибирск, РФ). Начальник экспедиции – зав. кафедрой археологии ЕНУ им. Гумилева, канд. ист. наук У.У. Умиткалиев. Базовый лагерь экспедиции находился в районе западной оконечности Чингистау, на р. Шаган близ с. Токтамыс, откуда и осуществлялись разведочные маршруты под руководством автора данной статьи. На первом этапе были осмотрены небольшие участки побережья р. Шаган, где обследованы старые кладбища, остатки ряда зимовок, а также зафиксировано свыше 10 могильников раннего железного века, в составе которых имеются пункты с курганами с «усами». Затем краткосрочная поездка была осуществлена на северные (северо-восточные) склоны хребта Чингистау, где также осматривались аналогичные памятники. На трех пунктах найдены материалы сакских поселений, перекрытых казахскими зимовками. Но основное внимание было уделено остаткам старой глинобитной зимовки, обнаруженной возле сопки Акшоки. Зимовка напрямую связана с именем великого казахского поэта, просветителя Абая Кунанбаева. Археологами эти места ранее не посещались. В настоящее время осуществлена первая археологическая рекогносцировка памятника.

Сопка Акшоки находится в 60 км на северо-восток от с. Карауыл, центра Абайского района бывшей Семипалатинской области (ныне Восточно-Казахстанская область). Это небольшая возвышенность, с абсолютной высотой около 500 м, общей длиной около 10 км, протянувшаяся с северо-запада на юго-восток. В старину казахи различали Киши Акшоки, т.е. Малый Акшоки, занимающий северо-западную оконечность гряды, и Улкен Акшоки, соответственно Большой Акшоки, который охватывает противоположную, юго-восточную часть*. Такое разделение в современных географических сведениях о местности отсутствует.

Акшоки известен прежде всего наличием там старого кладбища (рис. 1), где похоронены представители семьи Кунанбая Ускенбаева, отца Абая.

Кладбище и остатки старого аула, впервые осмотренного и обследованного археологической группой летом 2019 г., расположены традиционно: на северо-восточном склоне возвышенности. Кладбище находится в северо-западной части возвышенности, т.е. тяготеет к Малому Акшоки. Остатки зимнего аула, от которого сохранились руины нескольких глинобитных домов, располагаются на расстоянии 600–700 м к югу–юго-востоку от кладбища.

Автор на основании имеющихся данных полагает, что аул был основан самим Абаем в его молодые годы, после женитьбы на первой жене,

* В публикациях имеется путаница в отношении двух Акшоки. Автор выражает признательность заведующему музеем-заповедником «Борили» Ш. Исабаеву и редактору районной газеты «Абай ели» А. Мырзакасымову за ценные консультации.

Рис. 1. Кладбище членов семьи Кунанбая Ускенбаева (фото автора)

Дильде Алшынбаевой. Аул возник на месте старого кузeka* Кунанбая Ускенбаева, и, несомненно, это место было выделено Абаю им же.

Рассматриваемый «дом Абая» расположен на южном краю небольшого аула, состоявшего в свое время, возможно, из 4–5 жилых строений. Расстояние от дома Абая до вышеуказанного старого кладбища – около 720 м.

Жилой комплекс имеет четкую подпрямоугольную форму (рис. 2.-А). Его размеры 57×33 м. Длинной осью строение ориентировано по линии ЮВ–СЗ. Все обмеры в 2019 г. взяты по очертаниям развалов, поэтому, естественно, уточненные данные будут получены в ходе настоящего исследования этого памятника. Строение, как и находящиеся неподалеку другие дома, имеют явные следы разрушения. Характерное отсутствие достаточного объема естественных оплывов на некоторых участках (например, на протяжении внутренних перегородок, внешних стен) указывает на то, что такие сооружения разбирались. Данные наблюдения делались на ряде других зимовок, осмотренных автором на территории Карагандинской области. Обычно эти нюансы бывают хорошо заметны на строениях, где основным материалом выступал глинобитный кирпич. Основная часть площади рассматриваемого комплекса, шириной 33 м и длиной примерно 45 м, разделенная на четыре условных сектора (рис. 2.-А.-1–4), имеет особенности жилой зоны. Сектор 5, по-видимому, является скотным двором открытого типа. Замыкающая этот сектор юго-восточная стена комплекса плохо сохранилась и, в отличие от других стен, едва заметна на современной дневной поверхности. Она разобрана впоследствии или же изначально построена из недолговечных материалов. Об этом судить пока трудно. Возможно, стена была построена из дерева, из тальника или жердей. На старых казахских

* Кузек, или кузек, – от слова «куз», т.е. осень. Это место осеннего стояния аула накануне окончательного перехода на зимовье (здесь и далее прим. авт.).

Рис. 2. Общий вид старой зимовки Абая с прилегающими строениями:
А – зимовка Абая; Б – остатки ветрового заслона; В, Г – малые дома;
1–5 – внутренние секторы (условно) комплекса (фото Д.Б. Дуйсенбая)

зимовках применялись два основных варианта подобных легких стен и изгородей. В первом случае связки тальника, а также тонкие жерди крепились к горизонтальным шестам, прикрепленным, в свою очередь, к вертикальным стойкам. Во втором случае концы жердей втыкались в землю, как, например, на исследованном участке зимовки Карашоки близ села Бесоба в Каркаралинском районе (рис. 3).

Сразу за сектором 5 находятся остатки уникального сооружения. Это ветровой заслон (рис. 2.-Б), который защищал жилой комплекс от природной стихии с юго-запада и юга. Зимовка устроена на верхнем восточном склоне возвышенности, на левом берегу небольшого сухого лога, имеющего вид временного водотока. Зимные ветры, иногда обладающие ураганной силой, здесь, по-видимому, дуют вдоль этого лога, обрушиваясь на жилье именно со стороны юго-запада и юга. Потоки от осенне-весенних ливней, а также талые воды, по всей вероятности, также текли оттуда, быстро заполняя неглубокий лог.

Сектор 1 занимали жилые строения. Хорошо заметны два довольно больших продолговатых коридора, вдоль которых находились жилые, хозяйственно-бытовые помещения. В этом секторе на глиняных оплывах кое-где лежат фрагменты жженных кирпичей. Но использованы были они

Рис. 3. Ямки от жердей изгороди, устроенной вдоль низкой каменной стены.
Зимовка Карашоки (фото И.К. Ахиярова)

в перегородках самого комплекса или свидетельствуют об использовании зимовки и в более поздние периоды, судить трудно. Этот участок комплекса представляет большой интерес в научном плане, и неспешное вскрытие его дало бы, несомненно, важные материалы. Секторы 2 и 3, находящиеся с северо-западной и северо-восточной сторон жилищного сектора, занимали, похоже, разные хозяйственные помещения, коридоры. В северном углу комплекса, в секторе 4, различимы остатки трехчастного отдельного строения с линейным расположением внутренних помещений. С его южной стороны имелась пристройка нежилого характера, с плохо различимыми признаками стен. Судя по остаткам строений, между секторами 3 и 4 находилось открытое пространство, небольшой двор, через который проходил главный выход наружу.

Конструкция, предназначенная для защиты от ветра, а также больших потоков воды, имеет дуговидную форму. Лучше фиксируется ее западный участок, длиной свыше 50 м; на восточной стороне, обращенной к логу, ее признаки менее заметны. Судя по остаткам, она была построена в виде вертикальной стены с основанием шириной немногим более 1 м (рис. 4). Нижняя часть стены состояла из двух параллельных рядов каменных плит, пространство между которыми заполнялось землей, щебнем. Впрочем, тут мог быть использован также глинобитный кирпич. Техника двухрядной кладки применялась в постройках Центрального Казахстана сакского времени, она была известна и еще раньше, в эпоху бронзы [Бейсенов, Шульга, Ломан, 2017]. Термин «ветровой заслон» часто применяется в работах по этнографии народов Дальнего Востока [Старцев, 1996; 2019]. У удэгейцев и других народов такая конструкция строилась из дерева и служила укрытием, временным жилищем во время промысла. Автор полагает, что этот термин может быть применен и в отношении

Рис. 4. Основание ветрового заслона (фото Д.Б. Дуйсенбая)

рассматриваемых конструкций у казахов. При этом учитывается, что такие защитные конструкции в казахском быту использовались тоже как отдельные сооружения и назывались «ыктырма», от каз. «ык» – подветренная сторона, защищенное место. Ыктырма строились в разных вариантах: как временный загон для мелкого скота, укрытие для молодняка, а также для юрт. В зависимости от разных ситуаций ветровой заслон казахи делали из камня, самана, дерна, дерева, использовали также плетеный чий и камыш, кошму. В знаменитом стихотворении, посвященном осеннему быту кочевого аула, поэт Абай кратко, но очень емко раскрывает суть пребывания байского хозяйства осенью на кузеу. Предприимчивый, хозяйственный бай боится рано идти на зимовье, так как скот может слишком быстро съесть траву на зимнем пастбище. Поэтому бай «с помощью ыктырма» сидит на кузеу как можно дольше, вплоть до ноября [Абай, 1977, с. 56]. Вообще, вряд ли ошибочным будет мнение о том, что ветровой заслон у казахов Сарыарки используется издревле в качестве самостоятельного временного жилища, особого укрытия и в определенных случаях становится дополнением в планировке зимних построек.

Имеющийся материал позволяет заметить, что рассматриваемые конструкции встречаются и на других старых зимовках мелкосопочника. Так, с северо-западной стороны зимовки Туменбай (рис. 5), что в Карка-

Рис. 5. Зимовка Туменбай (фото Д.Б. Дуйсенбая)

ралинском районе Карагандинской области, четко фиксируется основание дополнительной каменной стены длиной около 7 м. По-видимому, она играла роль заслона от ветра перед входом, а также преграды от потоков воды. Выяснение таких вопросов, конечно, возможно по мере исследования хотя бы одной серии казахских зимовок. В любом случае этот любопытный факт достаточно важен для того, чтобы помнить о нем и при исследовании планировки древних поселений Центрального Казахстана, где могут быть встречены остатки каких-либо малопонятных стен, коридоров вокруг жилищ или хозяйственных построек.

По-видимому, некоторые отдельные строения вокруг зимовки Абая были снесены в советское время. В качестве сохранившегося объекта того же времени можно считать отдельный дом, находящийся с северо-западной стороны рассматриваемого комплекса (рис. 2.-В). Размеры, по-видимому, трехчастного строения, с линейным расположением помещений, примерно 8×22 м. Это довольно большой дом для того времени. Остатки дома (рис. 2.-Г) возле северного угла рассматриваемого комплекса по визуальным особенностям, кажется, уже относятся к другой эпохе. Судя по сnivelированным и бесформенным пятнам гли-

нистого содержания, фиксируемым с восточной, юго-восточной сторон этого дома, здесь тоже находилась ранняя постройка – эпохи Абая. По-видимому, она была снесена в колхозную эпоху. Обширные глинистые подтеки хорошо фиксируются и на восточной стороне комплекса. Возможно, здесь тоже имелись небольшие постройки эпохи Абая.

Помимо указанного дома, расположенного возле северного угла комплекса, к колхозной эпохе относятся хорошо различимые руинизированные остатки целой группы домов севернее и северо-восточнее зимовки Абая. К востоку находятся более новые дома, часть из них пустуют в настоящее время. Современное население Акшоки представлено двумя-тремя семьями фермеров, арендующих эту местность для животноводства.

Следует отметить и родник, в настоящее время высохший. Он находится с северо-западной стороны большого комплекса, на расстоянии около 200 м.

Согласно сведениям, полученным от местного населения, в советское время на Акшоки функционировало одноименное отделение овцеводческого совхоза им. М. Ауэзова. В поселке насчитывалось 15–20 домов. В настоящее время эти земли относятся к Каскабулакскому сельскому округу*. Таким образом, можно наметить основные периоды обживания этой местности. На месте кузeka Кунанбая Ускенбаева возник в 1860-х гг. первый населенный пункт – аул молодого Абая. По некоторым данным, люди из окружения Абая здесь жили до 1920-х гг. В дальнейшем там образовался колхоз, точные сведения о котором пока не собраны. Как и в других регионах Казахстана, после процесса укрупнения малых колхозов, имевшего место в 1950-х – начале 1960-х гг., колхоз на Акшоки к 1960–1970-м гг. окончательно преобразовался в отделение совхоза.

О семье видного деятеля XIX столетия Кунанбая Ускенбаева (1804–1886), сначала аульного старшины, затем управителя Кучук-Тобыктинской волости Каркаралинского внешнего округа, а затем и Ага-султана этого же округа, влиятельного бия, совершившего хадж в 1870-х гг., о Абае, его жизни и деятельности имеется солидная литература разного уровня [Сапаралы, 1995; Журтбай, 2004; Әуезов, 2013]. Хорошо знаком массовому читателю четырехтомный роман М. Ауэзова «Путь Абая» [2003–2007], выдержавший множество изданий, переведенный на многие языки мира. Несмотря на имеющуюся информацию о жизни этих людей, конкретных и точных сведений об их зимовках, о том, где именно и в какие периоды они жили, не так много. Это связано со спецификой жизни представителей казахской знати того времени.

Многие сыновья и внуки Кунанбая, включая и Абая, были волостными управителями, образуя мощный клан, в течение многих десятилетий державший в своих руках власть во всей округе Чингистау. Каждый из них

* Автор выражает признательность акиму Каскабулакского с/о А. Амантаеву за предоставленные сведения.

имел по несколько жен. Кунанбай имел четырех жен*, Абай – трех. Согласно казахской традиции, такие люди для своих жен образовывали отдельные аулы, для которых определялись отдельные зимовки и летовки. Положение в обществе, должность, дающая власть, и богатство это позволяли.

Достоверно известно, что Абай в течение своей жизни пребывал на нескольких зимовках. Главным образом, это Акшоки, Аралтобе и Жидебай.

Для выяснения вопросов по Акшоки немаловажны следующие данные. Кунанбай в 1860 г. одновременно женил трех сыновей – Такежана (Танирберды), Абая и Исхака, выделив им наделы для устройства зимовок. Пятнадцатилетний Абай с женой Дильдой, а также его младший брат Исхак по воле отца выделились на Акшоки. Затем в 1875 г. тридцатилетний Абай женился на Айгерим. После некоторого пребывания на Борили Абай основал для Айгерим зимовку в местности Аралтобе [Сапаралы, 1995а], что значительно севернее Акшоки. Следовательно, в этот период Абай жил на Аралтобе. В 1891 г. умер Оспан, младший брат Абая, живший на зимовке Жидебай, и по закону аменгерства Абай взял в жены его вдову Еркежан (после соблюдения ею годичного траура по мужу). Начиная с 1892 г. вся жизнь Абая была связана с зимовкой Жидебай, где он жил с Еркежан. Абай умер в июле 1904 г. на летовке в местности Балашакпак, на далеком южном склоне хребта Чингистау, куда традиционно уходили в летний период аулы этого рода. По одной версии тело Абая должны были предать земле на Акшоки, на вышеуказанном родовом кладбище, где он в 1886 г. похоронил своего отца, но из-за опасения не донести тело в летнюю жару его похороны состоялись на зимовке Жидебай.

Таким образом, именно Акшоки является местом, где началась взрослая жизнь Абая Кунанбаева. Там на зимовке им был построен первый свой дом. Его старшая жена Дильда Алшынбаева после 1875 г., когда Абай женился на второй жене Айгерим, долго жила в доме на Акшоки, вплоть до 1923 г. [Сапаралы, 1995б]. В том году престарелой Дильде** в силу обстоятельств тех лет пришлось покинуть родовое гнездо и переселиться на Аралтобе, к Айгерим, где вскоре она и умерла. Обе эти жены Абая похоронены там же, на Аралтобе. После 1923 г. зимовка на Акшоки был какими-то людьми разорена, все имущество растащено.

Согласно этим и другим данным, для полного перечисления которых необходимо отдельное повествование, достаточно оснований для того, что-

* Шариат предписывает мужчине иметь не более четырех жен. Кунанбай, согласно исследованиям, несмотря на жесткие методы правления, был ярым приверженцем ислама. Например, любителей насвая он наказывал, публично подрезая им ноздри, поскольку эту привычку считал недостойной мусульманина.

** Дильда – дочь Жусупа, сына известного в Каркаралинском крае бия Алшынбая Тиленчина (Алшынбай Тиленшеулы). Могила Жусуп мирзы, умершего в молодом возрасте, находится на территории Мадийского с/о. Строение из глинобитного кирпича совершенно разрушилось, оплыло и ныне представляет собой невысокий холмик, кулпытас не сохранился. Осмотрено автором и А.Е. Касеналиным в 2007 г.

бы руины старой зимовки Акшоки, обследованные автором, связать с именами Абая Кунанбаева и его первой жены Дильды Алшынбаевой. Помимо сведений из публикаций, многие краеведы округа Чингистау (А. Мырзакасымов, Ш. Исабаев и др.) определенно говорят об этом факте.

Автор полагает, что зимовке Абая должен быть безотлагательно присвоен статус памятника особой важности. Зимовку надо изучить, надлежаще подготовить и передать, наряду с семейным кладбищем Кунанбая, на баланс действующего музея-заповедника «Жидебай-Борили».

Зимовка Акшоки не имеет статуса памятника, так как все казахские зимовки на территории Казахстана не являются памятниками. Мазар, где похоронен человек, еще с советских времен считается, имеет статус памятника историко-культурного наследия, охраняется законом, но остатки дома, где он жил, обделены таким вниманием со стороны государства. Как выяснилось, это прямой результат того обстоятельства, что основополагающие понятия по охране исторического наследия были взяты в свое время из опыта европейских стран. Ведь в документах ЮНЕСКО или других учреждений ничего не говорится, например, о «зимовках французских кочевников».

Небольшая практика в области археологического изучения казахских зимовок показывает, что эти памятники скрывают немало интересных фактов, доселе остающихся неизвестными. Не изучены многие аспекты зимовок. Например, в помещениях зимовки Бориктас, принадлежавшей семье видного общественного и политического деятеля, одного из лидеров движения «Алаш» Алимхана Ермекова, были расчищены напольные покрытия из саманного кирпича (рис. 6). Безусловно, их дела-

Рис. 6. Зимовка Бориктас. Глинобитные возвышения на полу помещений (фото автора)

ли в целях утепления домов и помещений, относящихся к типу зимних жилищ. Вместе с тем нельзя не учитывать факт того, что эти покрытия восходят к типу суфы позднесредневековых жилищ Средней Сырдарьи.

Автор полагает, что зимовка Акшоқы должна быть досконально исследована археологическими методами. Целесообразно расчистить как большой (основной) комплекс (рис. 2.-А) с ветровым заслоном (рис. 2.-Б), так и находящееся вблизи отдельное строение (рис. 2.-В). Должны быть проведены капитальные консервационные работы на всей вскрытой площади. По данным раскопок, по состоянию сохранившихся стен помещений, коридоров понятно, что целесообразна также реставрация отдельных участков комплекса. Памятник расположен в зоне с суровыми природными условиями, где зимой господствуют снежные бураны, в другие сезоны нередко ливневые дожди. Это обстоятельство ставит вопрос о покрытии всего комплекса куполом из соответствующего материала. Кстати, это весьма актуально и для семейной усыпальницы Кунанбая, которая в зимнее время непременно наполняется снегом, а в период затяжных дождей – водой. Последствия обильного весеннего таяния снега и дождей общеизвестны. Впрочем, для усыпальницы актуально не только купольное покрытие. Пол помещения, сами надгробия также требуют современных подходов, существенного обновления интерьера мазара по примеру тех же европейских стран, Турции. Дешевая плита с пробивающимися сквозь трещины растениями, разваливающиеся могильные холмики, кулпытасы со стертыми надписями, общая запущенность – все это создает удручающий вид.

Наконец, вся обширная территория вокруг зимовки Абая должна быть надлежаще благоустроена, с дорожками, аллеями и т.п. Одна только очистка этой территории требует немало времени и сил. Все это показывает, что длительная по времени, трудоемкая работа по воссозданию исторического памятника «Зимовка Абая» не может быть приурочена к тем или иным памятным датам. Эта работа должна занять несколько лет. Параллельно можно вести научные исследования, например сбор, подготовку архивных данных, касающихся людей, исторических событий эпохи Абая, с изданием качественного научного сборника. Такая работа, за исключением некоторых отдельных публикаций, еще по-настоящему не сделана. Ждут своего часа исследования природы, памятников Чингистау. За исключением разрозненных и нередко противоречивых высказываний в СМИ и разных ненаучных публикаций, до сих пор по-настоящему не исследованы, не описаны научным языком, не картированы все местности, зимовки и летовки, кочевые пути, перевалы через Чингис, связанные с именами Абая, его родственников и современников.

Библиографический список

- Абай. Олендер (Стихи). Алматы, 1977. 238 б. (на каз. яз.).
Әуезов М. Абай жолы (Путь Абая). Кн. 1–4. Алма-Ата, 2003–2007 (на каз. яз.).
Әуезов М. Абайдың туысы мен өмірі // Абай (Ибраһим) Құнанбайұлы. Алматы, 2013. Б. 27–87 (на каз. яз.).

Бейсенов А.З., Умиткалиев У.У. К изучению исторического прошлого Абыралы-Чингистауского региона // Новые исследования по археологии Казахстана. Алматы, 2004. С. 246–248.

Бейсенов А.З., Умиткалиев У.У. Некоторые результаты археологических исследований в районе Абыралы-Шыңғыстау в 2005 г. // Проблемы изучения и сохранения историко-культурного наследия. Алматы, 2006. С. 25–28 (на каз. яз.).

Бейсенов А.З., Умиткалиев У.У., Кулькова М.А. Радиоуглеродная дата кургана с «усами» Кырыкунгир (Восточная Сарыарка) // Евразия в кайнозое. Стратиграфия, палеоэкология, культуры. 2016. Вып. 5. С. 249–255.

Бейсенов А.З., Умиткалиев У., Дуйсенбай Д.Б. Памятники хребта Чингистау. Курганы с «усами» // Археологическое наследие Центрального Казахстана: изучение и сохранение. Алматы, 2017. Т. 2. С. 50–60.

Бейсенов А.З., Шульга П.И., Ломан В.Г. Поселения сакской эпохи. Алматы, 2017. 208 с.

Жұртбай Т. Құнанбай. Алматы, 2004. 400 с. (на каз. яз.).

Сапаралы Б. Құнанбай қажы. Алматы, 1995. 288 с. (на каз. яз.).

Сапаралы Б. Аралтобе // Абай. Энциклопедия. Алматы, 1995а. С. 90–91 (на каз. яз.).

Сапаралы Б. Ділда // Абай. Энциклопедия. Алматы, 1995б. С. 218 (на каз. яз.).

Старцев А.Ф. Материальная культура удэгейцев (вторая половина XIX – XX в.). Владивосток, 1996. 160 с.

Старцев А.Ф. Промысловые постройки тунгусо-маньчжуров Приамурья и Приморья (вторая половина XIX – начало XXI в.) // Россия и АТР. 2019. №2. С. 128–144.

A.Z. Beisenov

*Begazy-Tasmola Research Center for the History and Archaeology,
Almaty, Kazakhstan*

CHINGISTAU. REFLECTIONS AT THE OLD WINTERING OF ABAY

In the summer of 2019, archaeological research was carried out on the slopes of the Chingistau ridge. Among the sites found on the north-eastern slope of the ridge, the main attention was paid to the research the old wintering located in Akshoky, not far from the family cemetery of Kunanbay Uskenbaev, the father of the great Kazakh poet, enlightener and humanist Abay. Akshoky wintering from the point of view of archaeology was discovered for the first time. The first archaeological exploration was carried out at the site. This building belongs to the type of large houses characteristic of the Kazakh nobility of the second half of the 19th – early 20th centuries. It has the shape of a rectangle; the dimensions are about 33×58 m. It was built of mud brick using stones at the base of the walls. Around it are the ruins of small houses and various other buildings. These are the remains of a small winter village, which was founded by Abay himself in 1860. The author believes that the wintering should be given the status of a monument of special importance. Here it is necessary to carry out large preparatory work, which includes archaeological excavations, conservation and restoration of the remains of buildings, complete cleaning and arrangement of the entire territory. After these work, the monument should be included in the list of objects of the current state museum-reserve “Zhidebay-Borili”. The results of archaeological research of the monument will be important. The information in this article is published for the first time.

Key words: Chingistau ridge, Akshokyi tract, archaeological research, Kunanbay Uskenbayev, Abay Kunanbayev, family cemetery, wintering, excavations, conservation.

УДК 94(574)

А.З. Бейсенов¹, Д.Т. Шашенов², Д.Б. Дуйсенбай²

¹Научно-исследовательский центр истории и археологии
«Бегазы-Тасмола», Алматы, Казахстан;

²Евразийский Национальный университет им. Л.Н. Гумилева,
Нур-Султан, Казахстан

КЫЗЫЛШИЛИК, ЗИМОВКА СЕМЬИ ХАСЕНА АКАЕВА

Памятник находится на территории Каркаралинского района Карагандинской области (Центральный Казахстан). Осенью 2019 г. авторами была произведена первая археологическая рекогносцировка памятника. Это большой жилой и хозяйственный комплекс подпрямоугольной формы размерами 60×45 м, внутри разделенный на многочисленные помещения. Стены помещений были возведены из глинобитного кирпича и каменных плит. Комплекс можно отнести к усадебному типу зимовок конца XIX – начала XX в., который характерен для казахской знати. Собранные материалы позволяют считать, что усадьба принадлежала семье Хасена Акаева, богатого человека, известного в Каркаралинском крае своими передовыми взглядами, поддержкой просвещения и культуры. В местности Кольбасы, что в 15 км западнее зимовки Кызылшилик, находилось летнее кочевье этого рода. Там сохранились могилы людей, связанных с семьей Акаева. Арабиграфические надписи на кулпытасах (надгробиях) впервые были прочтены А.З. Бейсеновым. Хасен (Мухаммад-Хасан) Акаев в начале XX в. открыл начальную школу для казахских детей. Он, будучи известным для своего времени меценатом, оказывал материальную помощь казахской молодежи, обучающейся в Семипалатинске, Омске, а также других городах. Местонахождение его школы достоверно не известно, поскольку научного исследования его биографии и деятельности еще не проводилось. Один сектор зимовки Кызылшилик, по мнению авторов, может быть связан с помещениями для обучения детей. Археологическое исследование зимовки Кызылшилик может дать науке важный материал о жизни казахов той эпохи, включая многочисленные детали устройства зимних жилищ, особенностей их планировки, интерьера, кровли и т.д. Планомерная разработка проблематики казахских зимников в условиях современной науки даст возможность изучить систему расселения скотоводческих общин, принципы размещения зимних и летних стоянок, что окажется полезным и для сегодняшних исследований по археологии древних кочевников.

Ключевые слова: зимовка Кызылшилик, Центральный Казахстан, гора Балкантау, Хасен Акаев, планиграфия, проблема исследования казахских зимовок.

DOI: 10.14258/2411-1503.2020.26.40

В Центральном Казахстане находятся остатки многочисленных казахских зимовок, представленных разными строениями из камня, глинобитного кирпича, дерева, дерна. Наряду с зимовками, для которых характерны небольшие размеры, имеются достаточно крупные строения со сложной планиграфией. Помимо зимовки Бориктас, принадлежавшей семье Алимхана Ермекова, которая недавно подверглась археологическим раскопкам, на территории Карагандинской области уже вы-

явлены остатки зимних аулов, связанных с биографией таких известных исторических лиц, как Ж. Акбаев, А. Букейханов, А. Найманбаев и др. В этом плане интересны остатки большого жилого и хозяйственного комплекса Букар, расположенного в местности Кызылшилик – на северных склонах горы Балкантау (Ку).

Имя каркаралинского богача Хасена Акаева, удачливого хозяйственника, интересовавшегося и скакунами, и лучшими породами скота, мецената своего времени, оказавшего материальную помощь многим молодым казахам в получении образования в уездных, областных заведениях [Сүлеймен, 1998; Балташұлы, 2017], было известно многим лицам, занимающимся вопросами истории Центрального Казахстана, в том числе авторам настоящего сообщения. Но зимовка Кызылшилик, ее особенности, как и многие другие вопросы местности, где проживала эта семья, открылись авторам недавно – в ходе одной археологической поездки.

Осенью 2019 г. авторы проводили исследование аварийного кургана с «усами» на могильнике Кольбасы, что находится на одноименной местности, западнее горы Балкантау, на территории Каркаралинского района Карагандинской области. Задачи текущего момента включали безотлагательное вскрытие могильной ямы элитного кургана сакского времени, насыпь которого, высотой около 3 и диаметром около 50 м, была снесена в ходе строительных работ. Были исследованы также курганы-спутники. Расположение элитных курганов тасмолинской культуры в системе мелкосопочника восточных районов Центрального Казахстана имеет свои закономерности. Поэтому авторы провели довольно беглый осмотр окрестностей могильника. Как выяснилось, долина Кольбасы как в древности, так и в новое время представляла собой благоприятную местность для ведения скотоводства. На этой равнине, центральное положение на которой занимает небольшое пресноводное озеро*, летом выпасались в советское время отары совхоза Каратау, к зиме чабаны перегоняли скот на зимовки, расположенные неподалеку, на склонах и ущельях горы Балкантау.

В составе аварийного могильника Кольбасы находятся два кургана с «усами». Северо-восточнее от него на расстоянии около 3 км выявлен еще один тасмолинский могильник, немногим дальше находится группа объектов, в составе которой имеются два кургана с «усами». В окрестностях имеются и другие памятники. Полная разведка местности не проводилась, но выявленные объекты уже подчеркивают особенности этой небольшой равнины. Долина Кольбасы весьма перспективна не только в отношении археологических исследований, но и, как оказалось, в плане организации и проведения работ по комплексному изучению старинных казахских зимовок.

* Название местности происходит именно из-за наличия этого озера. Кольбасы на казахском языке букв. означает «у озера». (Прим. А.З. Бейсенова.)

Согласно сообщению местных жителей о старых могилах «с камнями со старинными надписями», было осмотрено старое кладбище, находящееся с западной стороны озера, неподалеку от современного. Старых кулпытасов-надгробий оказалось три (рис. 1). Два из них находились на месте, возле двух могил, третий – небольшая плита со сломанным нижним краем – лежал в траве неподалеку от второй же могилы. Арабиграфические надписи, выполненные по старому казахскому стилю «кадым», были прочтены А.З. Бейсеновым. Дальнейшие краткосрочные поиски в данной местности были обусловлены информацией, содержащейся на этих кулпытасах.

Рис. 1. Кулпытасы на старом кладбище близ села Кольбасы:
1 – камень Мухаммад-Касыма Акаева, 1897 г.;
2, 3 – камни, поставленные Курбангалий Юсуфову, 1901 г.

Помимо коранических вставок, обычных для старинных кулпытасов (коктасов) Центрального Казахстана, надпись на первом камне содержала конкретную информацию о погребенном, что, в принципе, является важным. Это была могила Мухаммад-Касыма, сына Акая, из рода шаншар, который обратил «взор на путь ахирата» (ахират сафарына иузланды), т.е. умер, в 1315 году хиджры, или 1897 году милади (нового летоисчисления), в возрасте 33 лет. Второй камень сообщал о человеке по имени «Курбангалий ходжа бин Иусуф ходжа Хаджи аулади», который переселился в «дар ал бака» (вечная жизнь), оставив «дар ал фана» (временная жизнь), в 1318 г. хиджры, или 1901 г. милади, в возрасте 41 года. Третий камень интересен тем, что довольно краткая надпись из трех двойных строк на нем составлена без единого слова из староказахского языка. Полностью разобраться в словах, изложенных в последней строке надписи, оказалось невозможным. Но поскольку

сама надпись начинается известной, хотя и довольно редкой для Центрального Казахстана формулой «хаза мадфун», смысл которой означает «это погребение» или же «здесь погребен», а затем, в конце первой строки и в следующей, второй строке идет имя того же Курбангалий ходжи, сына Иусуфа ходжи, то следует считать, что эта небольшая плита-эпитафия также была поставлена в честь усопшего ходжи.

Таким образом, камни указывали* на известную в прошлом семью Акаевых, проживавших в этих краях. Расспросы среди местных жителей помогли выяснить, что именно здесь была летовка семьи богача Хасена Акаева, зимовка которого находится «недалеко, на склонах горы Балкантау». Мало того, жители села Кольбасы однозначно посоветовали «подробности спросить» у Ж. Апашева, проживавшего здесь же, у которого «семья в прошлом жила именно на этой старой зимовке». Правда, означенный житель, 1971 г.р., охотно поделившийся информацией, известной ему, конкретизировал: на старой зимовке бая Хасена Акаева жили не он и не отец его, а дед, и то временно, недолго; а он может лишь дать те очень немногие сведения, которые он слышал и знает.

Это была удача – внезапно оказаться возле зимовки известного исторического лица, находящейся всего в 15 км от места раскопок. К тому же это был лишний пример того, какую пользу может принести чтение старых надписей «кадым» на кулпытасах – ведь экспедиция планировала на следующий день уже покинуть место работ.

Старая зимовка семьи Хасена Акаева, полное мусульманское имя которого должна звучать как Мухаммад-Хасан, если учесть имя младшего его брата Мухаммада-Касыма, находилась в местности Кызылшилик (каз. «Красная роща»), на северных склонах горы Балкантау. В настоящее время здесь наличествуют два пункта, где когда-то находились зимовки семьи Акаевых. Согласно современным названиям, это Букар и Кызылшилик. Информаторы из села Кольбасы и его окрестностей указали в первую очередь на Букар, где обнаружены авторами руинированные остатки байской зимовки. В ходе работ был обследован большой жилищно-хозяйственный комплекс, произведены основные обмеры руин, заснят план и проведена фотофиксация. Все обмеры и описания проводились по развалам стен, поэтому, конечно же, более точные раз-

* Кулпытасы в Каркаралинском крае часто «указывают» на семьи казахской знати. Не только дорогостоящие, но довольно трудные для изготовления и доставки надгробия с надписями в первую очередь предназначались для обеспеченных людей, а также для семей с определенными культурными традициями. Уже при беглом чтении камней стало ясно, какие Акаевы тут имеются в виду. Х. Акаев и его родственники были богатыми, избирались волостными управителями. При таких семьях часто жили и представители ходжей, исполнявшие обязанности муллы, нередко действительно образованные и культурные люди, хорошие знатоки шариата. Среди казахских ходжей были и настоящие шарлатаны, выдававшие себя за мулл, лекарей и т.д., но Акаевы, сами люди грамотные и культурные, вряд ли держали таких.

меры строений, а также ряд других особенностей будут доступны в ходе археологического изучения памятника. Полная разведка местности тоже еще лишь предстоит, это задача будущего. Следует отметить, исходя из практики работы на востоке Казахского мелкосопочника, что актуальны здесь поиски поселений сакского времени.

Жилищно-хозяйственный комплекс, если судить по основной его части, имеет подпрямоугольную форму размерами примерно 60×45 м. Он расположен на северном склоне возвышенности, в окружении, вблизи и вдали, невысоких холмов и сопок. Усадьба по длинной своей оси ориентирована с северо-запада на юго-восток. С северной, северо-восточной сторон дома протекает родник: это передняя, открытая, сторона (рис. 2). Юго-западная сторона дома, обращенная основным направлениям ветров, усилена специальным решением планировки всего комплекса.

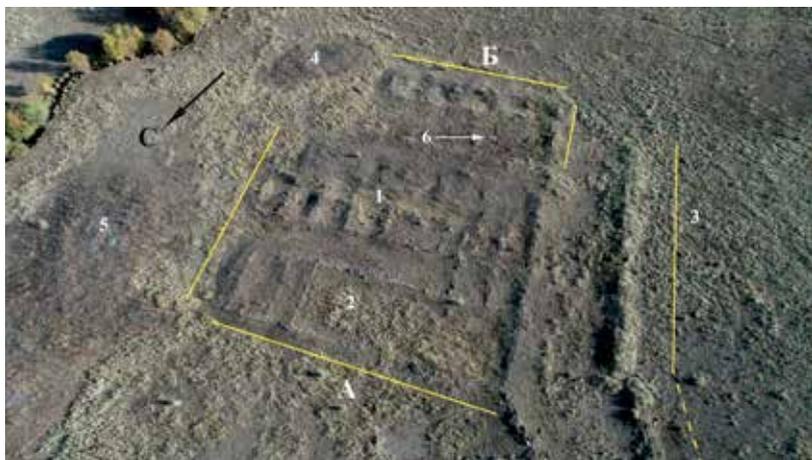

Рис. 2. Остатки старой зимовки. А – основная часть комплекса, Б – пристройка:

1 – жилищно-бытовая часть сектора А; 2 – хозяйственная часть;
3 – ветровой заслон; 4, 5 – культобе; 6 – фрагмент каменного жернова

Комплекс условно разделен на две части, на секторы А и Б (рис. 2). При этом сектор А – это основная часть усадьбы. Б – пристройка, отделенная от предыдущего сектора довольно большим двором длиной 33 и шириной 11 м. Сложная и интересная планировка характерна для сектора А, который подразделяется, в свою очередь, на две части – жилищно-бытовую (1) и хозяйственную (2), последняя может быть названа и хозяйственным двором: помимо прочего, здесь мог содержаться мелкий скот, молодняк. Две части разделены внутренним двором длиной 31 м и шириной 7 м, западный его край упирается в два специально устроенных помещения. Общая длина этих помещений – 12 м.

С юго-западной стороны комплекса на расстоянии 14 м находятся остатки длинной стены (3), сооруженной параллельно комплексу. Это ветровой заслон*, огораживающий к тому же довольно большое пространство, предназначенное, по-видимому, для складирования сена, кизяка. Здесь могли держать и скот в дневное время. Длина основной части этой стены около 50 м, сохранившаяся высота – 0,7–1 м.

С востока, у передней стороны дома, фиксируются два (4 и 5) локальных пункта для мусора и золы, культобе (каз. «куль» – зола и «тобе» – холм). Первый культобе (4) по размерам явно меньше второго (5) и расположен перед сектором Б, что указывает на жилой характер последнего.

Основное внимание при планировке комплекса уделено условно называемой жилищно-бытовой части сектора А. Это центр всего дома. Эта часть (рис. 3) состоит из двух параллельных рядов помещений, обозначенных как 1–7 и 13–18. Между ними – коридор (10), его размеры – 34×4 м. На концах этого коридора расположено по два помещения (8, 9 и 11, 12), как бы составляя его продолжение. Осмотр строений позволяет считать помещения 1–7 жилыми, а все остальные многочисленные помещения, включая коридор, всего 11, – строениями нежилого, хозяйственно-бытового характера. В бытовой части между помещениями 16 и 17 устроен небольшой проход. Он служил для того, чтобы можно было попасть в коридор (10), а через него во второстепенные помещения, со стороны скотного двора. Не исключено, что в указанных «бытовых» помещениях жили также работники, прислуга, для которых и предназначался этот проход. В холодных помещениях могли держать припасы, утварь, инвентарь, а также заниматься разными делами.

Система расположения жилых и второстепенных помещений в две параллельные линии, с длинным коридором посередине, встречена не впервые. Такая же планировка выявлена на зимовке Бориктас, принадлежавшей семье видного общественного и государственного деятеля, одного из лидеров движения «Алаш» А. Ермакова (рис. 4).

С передней, восточной стороны центральной части обследованного комплекса расположен входной коридор размерами примерно 3,5×6 м (рис. 3.-В). Обращаем внимание на то обстоятельство, что западная стена (рис. 3.-Г) всего комплекса была сооружена опять же с учетом необходимости защиты от ветров. Эта длинная и, по-видимому, довольно толстая стена дополнительно выполняла ту же функцию ветрового заслона.

На площади комплекса найдены фрагменты посуды заводов Кузнецовых, в секторе Б, во дворе, обнаружен крупный обломок каменного жернова. Судя по сохранившейся части, его диаметр равнялся 1,3 м. Диаметр отверстия около 0,3 м, толщина 0,13 м.

* Такое сооружение у казахов называлось «ыктырма» (см. сообщение А.З. Бейсенова в настоящем сборнике).

Рис. 3. Центральная часть комплекса. Жилые (1–7) и хозяйственно-бытовые (8, 9, 11–18) помещения, коридор (10)

Рис. 4. Зимовка Бориктас: 1–4 – жилые помещения; 5 – коридор; 6–9 – второстепенные, бытовые помещения; 10 – хозяйственный двор

Согласно рассказу информатора Ж. Апашева, его дед с семьей поселился в нескольких помещениях старой зимовки в конце 1930-х – начале 1940-х гг. и жили там до начала 1950-х гг. По его рассказу и сведениям

других информаторов*, после этого зимовка, уже значительно разрушенная, стояла пустой, пока окончательно не развалилась. Пригодные для хозяйства части строений разбирали, «кирпичи, камни, деревянные части, кому что нужно». Как мы знаем, так происходило повсеместно.

Все байские зимовки, точнее, вообще места жительства многих казахских общин были разорены, опустели в результате мер советской власти, направленных на насильственную коллективизацию, приведших затем к тотальному голоду в Степи в начале 1930-х гг. Многие такие дома, усадьбы послужили делу колхозного строительства. Первые колхозы активно использовали сохранившиеся зимовки и другие постройки, а новые дома и разные хозяйственные строения 1930–1940-х гг., вплоть до середины 1950-х, по технике строительства и другим особенностям мало чем отличались от старых казахских (подробнее см.: [Бейсенов, 2019]).

Казахские зимовки восточной части Центрального Казахстана – тема абсолютно не изученная. Аспекты этой интересной проблематики не разработаны. Между тем уже рассмотренная зимовка показывает, какой важный научный материал могут дать эти памятники. Первостепенна здесь роль археологии, которая окажется ключом для всех последующих исследований. Мы имеем дело с такими памятниками культурного наследия, которые быстрыми темпами исчезают с лица земли.

Обследованная авторами старая зимовка под современным названием Букар, без сомнения, относится к семье Хасена Акаева. Для выяснения конкретного владельца должна быть проведена определенная работа. Определение точного владельца той или иной зимовки среди членов могущественных семей из среды казахской знати той эпохи является делом достаточно сложным. Зимовки основывались отцами, переходили к сыновьям, у одного и того же лица могло быть по несколько зимовок.

Часто упоминается начальная школа, которую открыл и содержал Хасен Акаев. В ней учился в детстве Н. Нурмаков [Кабдошов, Нурмаков, 2005], впоследствии один из видных государственных и общественных деятелей, репрессированный в 1937 г. Место расположения этой школы остается еще не выясненным. Помимо урочища Кызылшилик, где в 1904 г. открылась школа [Попов, 2010; Смағұлова, 2005], упоминается и Мырзаколь [Попов, 1992], где будто бы тоже имелась школа, которую содержал Хасен Акаев. Неизвестно, была ли это одна школа или несколько.

Сектор Б (рис. 2) обследованной авторами зимовки имеет характер особой пристройки из пяти комнат, построенных в одну связку. Перед линией помещений имеется широкий двор. На выходе, в восточной стороне, расположен малый культобе, указывающий на то обстоятельство, что здесь проживала обособленная группа жильцов. В целом эта часть комплекса может быть связана с деятельностью начальной школы, хотя это всего лишь предположение.

* Авторы выражают признательность Ж. Апашеву и другим жителям села за предоставленные сведения.

Перечисление и разбор всех разновеликих материалов, так или иначе касающихся имен членов семьи Акаевых, их биографии, выходят за рамки настоящего сообщения. Коснемся лишь некоторых данных, имеющих прямое отношение к теме. Основные материалы о семье Акаевых, известные нам, были собраны замечательным карагандинским журналистом и ученым-краеведом, почетным гражданином города Каркаралинска Ю.Г. Поповым [1992; 2007; 2010]. Разумеется, имеющиеся в наши дни данные нельзя считать полными, так как специального целенаправленного исследования не проводилось.

Влиятельный и богатый Хасен Акаев (1857–1931) имел от двух жен многочисленных детей. Обласканный царской властью умный и предприимчивый деятель не пользовался уважением со стороны новой власти. Поддержал движение «Алаш». Несколько раз арестовывался, затем был сослан и умер на чужбине. Перед этим имущество его было конфисковано. Могила его неизвестна.

Из ближайших родственников Хасена Акаева известен отец Акай Баймурунов, первый из семейной династии управитель Кувской волости Каркаралинского уезда, а также два его младших брата. Это Магат и Касым Акаевы. Все три брата жили в одной Кувской волости и в течение многих лет управляли ею. Их отец Акай Баймурунов был волостным в 1872–1974, 1878–1880 г. Затем в 1887 г. был избран Магат Акаев, которого сменил в 1889 г. его 25-летний младший брат Касым (Мухаммад-Касым, согласно надписи на кулпытасе). На следующих выборах, в 1892 г. избирается Магат Акаев, его в 1895 г. снова сменяет Касым. Согласно архивным данным Касым Акаев умирает в 1897 г., что совпадает с надписью на кулпытасе. Волостным вместо брата становится сам Хасен Акаев, который бесценно занимает эту должность пять следующих сроков подряд, до 9 марта 1911 г. [Попов, 2010]. Он ездил в Семипалатинск, Омск, Петербург, знал многих певцов, музыкантов, водил дружбу с купцами, промышленниками, держал хороших кузнецов, в Каркаралинск въезжал на рессорном экипаже, владел табунами и отарами. Служба братьев Акаевых отмечалась поощрениями свыше. Вот некоторые из них. За внесение податей в установленный срок 16 декабря 1896 г. был награжден Похвальным листом волостной управитель Касым Акаев. Похвальным листом награжден 30 июня 1901 г. Магат Акаев. Почетными халатами III разряда были награждены братья Хасен и Магат Акаевы 25 октября 1904 г., в один день. За передачу в фонд военного ведомства мясoproдуктов, лошадей и юрт 16 июня 1904 г. Хасен и Магат Акаевы были награждены Похвальным листом.

Таково было общественное положение степного хана Хасена Акаева и его ближайших родственников до прихода новой власти.

Ю.Г. Попов на основании данных экспедиции Щербины [Материалы по киргизскому..., 1905] распределяет зимовки семьи Акаевых. Он считает, что Магат Акаев владел зимовкой Кызылшилик. Касым Акаев умер

молодым, и его вдова Бакиза жила на зимовке Букарбулак. Хасен Акаев в момент работы экспедиции зимовал в урочище Шолаккайын. Среди многочисленных урочищ, где Хасен Акаев держал свой скот, наряду с Кызылшилик, Шолаккайын и др. упоминается и местность «Кольбасы» [Попов, 1992; 2007]. Думается, в будущем ряд таких сведений пополнится.

Если в момент работы экспедиции Щербины, а для Кувской волости Каркаралинского уезда это конец XIX в., вдова Касыма Акаева по имени Бакиза проживала в зимовке Букарбулак, следовательно, здесь и жил указанный младший брат Хасена. Именно его могила находится в урочище Кольбасы, на месте традиционных летовок этого рода. В 1901 г. здесь рядом с Касымом был похоронен Курбангалий ходжа, сын Юсуфа, – вероятно, лицо, приближенное к семейству Акаевых. Любопытно отметить, что среди материалов Ю.Г. Попова упоминается некий Гимран Юсупов, который в 1905, 1908 гг. избирался на должность в администрации Кувской волости [Попов, 2010]. Не исключено, что речь идет о родственнике Курбангалия, сына Юсуфа...

Мы можем утверждать, что в конце XIX в. на обследованной авторами зимовке жил Касым Акаев со своей семьей. Но кем зимовка была основана, отцом Акаем Баймуруновым, кем-то из старших братьев Акаевых или же самим Касымом Акаевым – вряд ли это можно установить. Данная зимовка принадлежала семье Акаевых, это главное. Зимовки достраивались, расширялись, вновь перестраивались. Пока раскопки не проведены, поэтому о нижних слоях памятника говорить не приходится. Судя по современным особенностям большого и сложного комплекса, тщательно спланированного, он, скорее всего, был возведен в последних десятилетиях XIX в. Здесь, вероятно, предполагал долго и достаточно комфортно жить Мухаммад-Касым Акаев (1864–1897), степной вельможа, который в 1889 г. в возрасте всего 25 лет стал волостным управителем и умер через 8 лет, достигнув рубежа 33 лет.

Представители казахской знати старались завладеть лучшими в округе урочищами, первостепенное внимание при этом уделялось хорошим зимникам. Целенаправленные поиски в районах старых казахских зимовок могут дать положительные результаты для выявления мест поселений-зимовок древних эпох, о чем свидетельствуют многочисленные данные археологии. Так, материалы по тасмолинской культуре Центрального Казахстана однозначно показали результативность таких подходов [Бейсенов, 2002; 2014]. Одним словом, исследования в районе урочищ Кольбасы, Кызылшилик должны быть продолжены.

Библиографический список

Балташұлы Е. Ақайдың Қасені // Қу-Балқантау. Энциклопедия / отв. ред. Е. Балташұлы. Караганда, 2017. С. 82–83 (на каз. яз.).

Бейсенов А.З. К проблеме поиска и изучения поселений раннего железного века Центрального Казахстана // Исторична наука: проблеми розвитку:

материалы международной научной конференции. Луганск, 17–18 мая 2002 г. Луганск, 2002. С. 9–12.

Бейсенов А.З. Экологический фактор в устройстве поселений сакского времени в Центральном Казахстане // Вестник ВЭГУ. 2014. №6 (74). С. 170–178.

Бейсенов А.З. К.А. Акишев и вопросы изучения памятников казахского времени // Маргулановские чтения – 2019: материалы Международной археологической научно-практической конференции, посвященной 95-летию со дня рождения выдающегося казахстанского археолога К.А. Акишева. Нур-Султан, 19–20 апреля 2019 г. Нур-Султан, 2019. С. 10–38.

Қабдәшев Б., Нұрмақов А. Нұрмақов Нығмет // Казахстан: Национальная энциклопедия. Т. 7. Алматы, 2005. С. 90–91 (на каз. яз.).

Материалы по киргизскому землепользованию, собранные и разработанные экспедицией по исследованию степных областей. Т. 6. Семипалатинская обл., Каркаралинский уезд. Санкт-Петербург, 1905.

Попов Ю. Акаев из Егидыбулака // Индустриальная Караганда. 1992. 7 августа. С. 4.

Попов Ю. Судьба братьев Акаевых // Индустриальная Караганда. 2007. 8, 15, 22, 23, 29 сентября.

Попов Ю.Г. Волостные управители и народные судьи (бии) Каркаралинского уезда: 1871–1919 годы. Караганда, 2010. 130 с.

Смағұлова Т. Халқына арнап өткен жас ғұмырын (Мемлекет қайраткері Нығмет Нұрмақовтың туғанына 110 жыл) // Азия-Транзит. 2005. №4. С. 4–8.

Сүлеймен Ж. Акаев Хасен // Казахстан: Национальная энциклопедия. Т. 1. Алматы, 1998. С. 167 (на каз. яз.).

A.Z. Beisenov¹, D.T. Shashenov², D.B. Duisenbay²

*¹Begazy-Tasmola Research Center for History and Archaeology,
Almaty, Kazakhstan;*

²L.N. Gumilev Eurasian National University, Nur-Sultan, Kazakhstan

KYZYLSHILIK, WINTERING OF KHASEN AKAYEV'S FAMILY

The site is located in the Karkaraly district of the Karaganda region (Central Kazakhstan). In autumn 2019, the authors made the first archaeological reconnaissance of the site. This is a large residential and household complex of a rectangular shape measuring 60×45 m, with the inside division into numerous rooms. The walls of the premises were erected from adobe bricks and stone slabs. The complex can be attributed to the estate type of wintering at the end of the 19th – beginning of the 20th centuries, which was characteristic of the Kazakh nobility. The collected materials suggest that the estate belonged to Khasen Akayev, a wealthy man who is known in the Karkaraly region for his advanced views, support for education and culture. In the area of Kolbasy, which is 15 km west of the Kyzylshilik wintering camp, there was a summer nomad of this kind. The graves of people associated with the Akayev family have been preserved here. Arabographic inscriptions on the kulpytas (tombstones) were first read by A.Z. Beisenov. Khasen (Muhammad-Hassan) Akayev at the beginning of the 20th century opened a primary school for Kazakh children. Being a well-known philanthropist for his time, he provided material assistance to Kazakh youth studying in Semipalatinsk, Omsk, and other cities of the Russian Empire. The location

of his school is not known for sure, since a scientific study of his biography and activities has not yet been carried out. According to the authors, one wintering sector of Kyzylshilik may be associated with premises for teaching children. An archaeological study of the Kyzylshilik wintering can provide science with important material about the life of the Kazakhs of that era, including numerous aspects about the arrangement of winter dwellings, the features of their layout, interior, roof, etc. Secondly, the systematic development of the problems of Kazakh winter roads in modern science will provide an opportunity to study the system of resettlement of cattle-breeding communities, the principles of placing winter and summer camps, which will be useful for today's research on the archaeology of ancient nomads.

Key words: wintering Kyzylshilik, Central Kazakhstan, Mount Balkantau, Khasen Akayev, planigraphy, the problem of studying of Kazakh winterings.

УДК 902(571.150)

А.П. Бородовский¹, С.В. Горохов²

¹*Институт археологии и этнографии СО РАН, Новосибирск, Россия;*

²*НПО «История сибирских острогов», Новосибирск, Россия*

К ВОПРОСУ О ЛОКАЛИЗАЦИИ МАЛЫШЕВСКОЙ СЛОБОДЫ

Работа выполнена при финансовой поддержке РФФИ,
проект №20-09-42058 «Основные особенности развития
оборонного зодчества в Сибири в эпоху Петра I»

Статья посвящена уточнению локализации на местности Малышевской слободы в Сузунском районе Новосибирской области. Слобода основана в 1722 г. и получила название по фамилии первого приказчика. Поселение и острог при нем размещались у высокого размываемого берега р. Оби, поэтому слобода как минимум один раз переносилась на новое место в связи с угрозой разрушения или фактическим разрушением. Первоначальное место слободы смыто рекой, но, возможно, существует перспектива обнаружения последнего места расположения слободы. С этой целью в 2018 г. проведено обследование перспективной территории в окрестностях с. Малышево и в самом селе. В черте села на свободной от строений площадке зафиксирован неглубокий подчетыреугольный ров, одна сторона которого была смыта рекой. На площадке внутри рва собраны предметы, принадлежащие русскому населению. Эта площадка располагалась вблизи единственного удобного выхода к Оби на протяжении нескольких километров береговой линии.

Ключевые слова: Сибирь, Новосибирская область, Сузунский район, Малышевская слобода, локализация, археологическая разведка.

DOI: 10.14258/2411-1503.2020.26.41

Историческая Малышевская слобода по письменным источникам располагалась на правом берегу р. Оби на территории современного Сузунского района Новосибирской области (рис. 1). Из архивных источников известно, что с 1716 по 1722 г. западная часть правобережья верхней Оби входила в ведомство Бердского острога. В 1722 г. эта территория была выделена в самостоятельную Малышевскую слободу, в нее вошли

все населенные пункты, расположенные в излучине обского правобережья от Нижней Каменки до р. Ини. Центром нового ведомства стала д. Малышево. Есть данные, что первые поселенцы на территории Малышевской слободы появились ранее 1722 г.

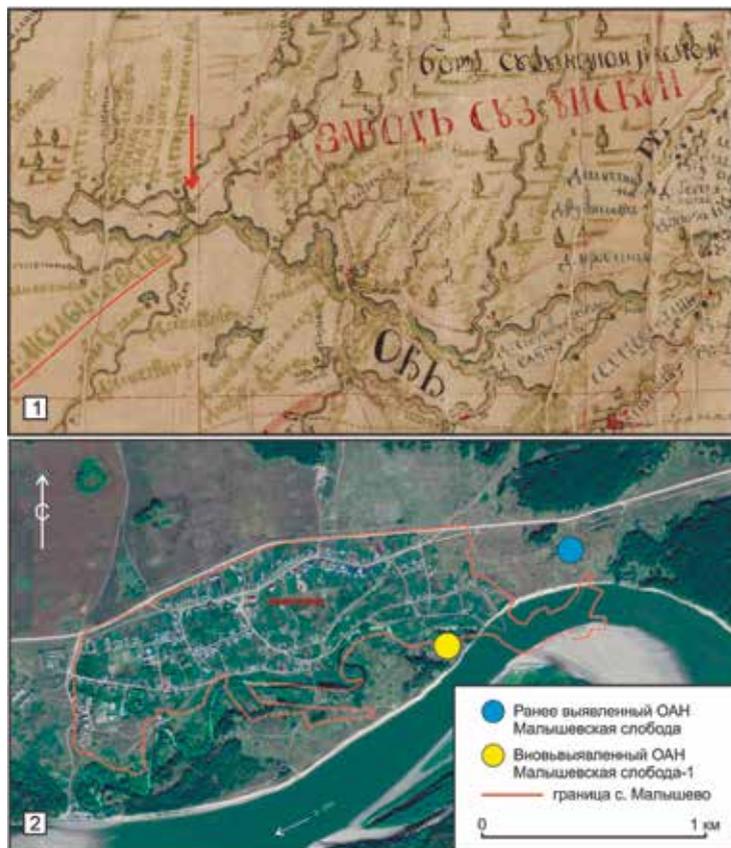

Рис. 1. Историческая и современная картография Малышевской слободы:
1 – Малышевская слобода на карте расстояний населенных пунктов
Кольвано-Воскресенских заводов, составленной в 1771 г.;
2 – участки поиска Малышевской слободы

Историк Г.Ф. Миллер так высказался по этому поводу: «Опасность вражеских нападений калмыков и кыргызов была причиной тому, что длительное время не решались расширяться дальше. А о тех деревнях, которые расположены по Оби и впадающих в нее маленьких речках, можно сказать, почти без исключений, что они ненамного старше тех крепостей, острогов и слобод, к которым они причислень» [Колонцов, Присекайло, 2018, с. 482].

Наиболее подробное описание Малышевской слободы принадлежит Г.Ф. Миллеру, когда он с середины августа до конца сентября 1734 г. путешествовал по территории Кузнецкого уезда. В ходе этих путешествий им было составлено несколько описаний местностей, в том числе «Описание Кузнецкого уезда Тобольской провинции в Сибири в нынешнем его состоянии, в сентябре 1734 года». О Малышевской слободе сказано: «основана в 1722 г. по просьбам живших в этой местности крестьян из-за большой отдаленности от Бердского острога, к которому они до этого относились. Им был дозволен собственный приказчик, который живет в слободе. Она расположена в 60 верстах ниже устья реки Чумыш на северо-восточном берегу Оби и получила название от деревни, которая стояла на этом месте и была основана крестьянином Малышевым. Она состоит из обводной деревянной стены из бревен и кольев, которая проведена к берегу реки в виде полумесяца. На стене построены 3 боевые башни, вокруг ров, а также поставлены рогатки и надолбы. Сначала такая же стена была протянута и со стороны реки, которая, однако, прекратила существование из-за течения, постепенно подрывающего берег. Жители сами были строителями крепостных сооружений; они также сами содержат гарнизон. Его артиллерия состоит лишь из одной трехфунтовой железной пушки. Внутри укрепления находятся дом приказчика, судная изба, магазины и несколько частных домов. А остальная часть частных жилищ находится снаружи без какого-либо защитного сооружения». В полевом дневнике при описании Малышевской слободы Г.Ф. Миллер также указывает, что длина обводной стены составляет примерно 200 саженой. Здесь же он уточняет число дворов в слободе: «около 15 внутри укреплений и столько же за их пределами». Также в описании Г.Ф. Миллера [2003, с. 72] сказано, что в Малышевской слободе имелась «рубленая крепость с крышкою (крышей)», которую опоясывали надолбы и рогатки. В крепости насчитывалось две глухих и одна проезжая башня. Подобная конструкция «с крышкою» над деревянными стенами для предохранения древесины от порчи нередко встречается в Сибири. Месторасположение Малышевской слободы с момента ее возникновения не менялось, что подтверждается имеющимися письменными документами и картографическим материалом. В письме от 27 марта 1764 г. маркшейдеру Н. Бахореву (Бахареву) титулярный советник Иван Марков (руководивший сооружением Сузунского монетного двора) также указал на местоположение Малышевской слободы: «от Малышевской слободы за 20 верст» [Пространство..., 2013].

Анализ картографических материалов XVIII столетия позволяет получить следующие данные. На «Карте расстояний населенных пунктов Колывано-Воскресенских заводов», составленной в 1771 г. [РГИА. Ф. 485. Оп. 5. Д. 478. Л. 1(1)] Малышевская слобода обозначена на правобережье р. Каменки достаточно далеко от основного русла Оби

(рис. 1. -1). Однако на этой карте детализировано несколько стариц-проток, расположенных параллельно основному руслу р. Оби ниже по течению от расположения Малышевской слободы. Спустя шесть лет, на «Генеральной карте канцелярии Колывано-Воскресенского горного начальства», составленной в 1777 г. [РГИА. Ф. 1399. Оп. 1. Д. 224. Л. 1], эта гидросистема уже обозначена более широкой и полноводной, что создает впечатление разделения русла р. Оби на четыре рукава, омывающих три острова напротив Малышевской слободы. Еще через 17 лет, в 1794 г. на «Карте Колывано-Воскресенских заводов и рудников» [РГИА. Ф. 485. Оп. 5. Д. 480. Л. 1] Малышевская слобода обозначена уже на обском побережье. Спустя полвека на «Карте Колывано-Воскресенского заводского округа 1823 г.» около Малышевской слободы устье р. Каменки уже не обозначено, а напротив нее русло р. Оби изображено с двумя рукавами, омывающими один большой остров [РГИА. Ф. 515. Оп. 71. Д. 3117. Л. 1]. Такая картография второй половины XVIII в. отражает довольно значительную динамику изменения очертаний обского правобережья в районе расположения Малышевской слободы.

В результате археологического обследования территории вблизи с. Малышево Сузунского р-на Новосибирской области С.В. Колонцовым в 2015 г. была обнаружена сохранившаяся часть «оборонительных сооружений» (ров, вал) бывшей Малышевской слободы (ныне с. Малышево). Выявленный объект археологического наследия Малышевская слобода расположен на высоком яру левого берега р. Обь в 120 м от его обрыва в устье р. Каменка, в 360 м от с. Малышево (координаты: N–53.74647° E–82.07721°) [Колонцов, Присекайло, 2018] (рис. 1.-2). Однако характер расположения объекта и особенности его планиграфии, а также результаты его шурфовки позволяют усомниться в том, что этот объект археологического наследия является Малышевской слободой. Выявленный объект находится не только за пределами современного с. Малышево, но и далеко от интенсивно разрушающегося берега р. Обь, что являлось одним из существенных стимулов для многократного переноса Малышевской слободы, судя по письменным источникам (рис. 1.-2). Поэтому при продолжении поисков Малышевской слободы ее выявление было предпринято нами на другом участке берега. Такой выбор был обусловлен целым рядом факторов. Во-первых, близостью к удобному и единственному спуску к урезу воды р. Оби. Во-вторых, наличие на этой площади остатков сооружений в виде рвов. В-третьих, расположение в границах современного с. Малышево. В-четвертых, близость очертаний рвов к письменным описаниям XVIII в. В-пятых, присутствие признаков смыва Обью части внешнего ограждения. В результате удалось выявить другую перспективную территорию – на южной окраине с. Малышево (рис. 2). Именно здесь в единственном месте в окрестностях современного с. Малышево располагалась ровная площадка для удобного спуска к воде. На ней размещался ров (или тыновая канавка)

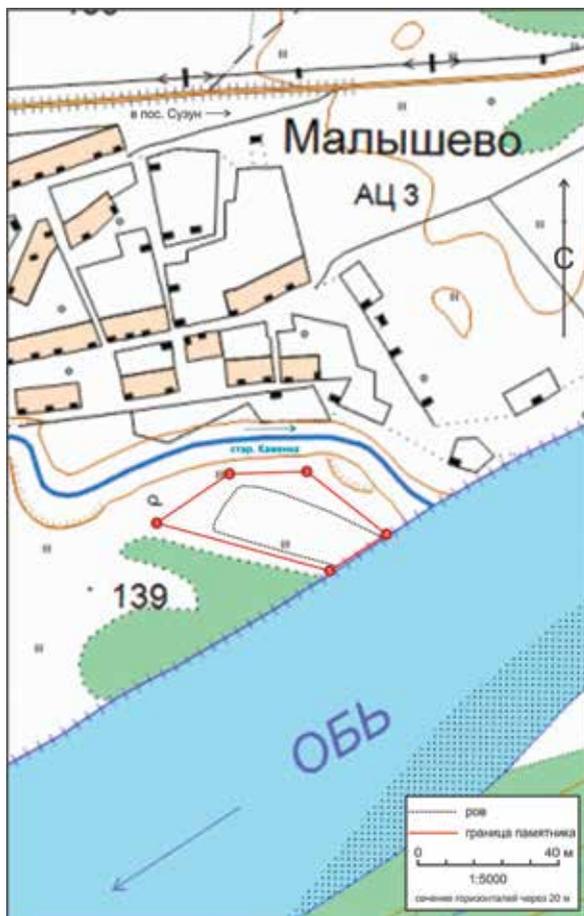

Рис. 2. Вновь выявленный археологический объект в окрестностях современного с. Малышево Сузунского района Новосибирской области

подпрямоугольно-овальных очертаний, вплотную подходящий к современному разрушающемуся берегу р. Оби (рис. 3). Размеры огражденного участка составляли 80×150 м, общая площадь 9000 кв. м. Ширина рва (тыновой канавки) на уровне дерновой поверхности составляет 0,5 м, глубина от современной дерновой поверхности 0,3–0,4 м. Поверхность объекта хорошо задернована.

Координаты предполагаемых границ памятника:

- 1) N–53.74208° E–82.06693°;
- 2) N–53.74267° E–82.06848°;
- 3) N–53.74277° E–82.07017°;

Рис. 3. Следы оборонительных сооружений на памятнике:
1 – береговая кромка огражденной площадки;
2 – внешние рельефные признаки ограждения площадки

4) N–53.74198° E–82.07202°;

5) N–53.74150° E–82.07076°.

Выявленный объект вполне может являться фортификационным сооружением петровского времени, возведенным вокруг населенного пункта, перспективного для дальнейших археологических исследований.

Библиографический список

Колонцов С.В., Присекайло А.А. К вопросу о местонахождении Малышевской слободы // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. Новосибирск, 2018. Т. XXIV. С. 481–484.

Миллер Г.Ф. Описание Кузнецкого уезда Тобольской Провинции в Сибири в нынешнем его состоянии, в сентябре 1734 г. // Кузнецкая старина. Новокузнецк, 2003. Вып. 5. С. 63–85.

Пространство Северного Казахстана и Сибири в исторической ретроспективе XVIII в. (по документальным публикациям Г.Н. Потанина). Томск, 2013. 314 с.

A.P. Borodovskiy¹, S.V. Gorokhov²

¹Institute of Archaeology and Ethnography SB RAS, Novosibirsk, Russia;

²"History of the Siberian Ostrogs" Novosibirsk Regional Public Organization, Novosibirsk, Russia

TO THE QUESTION ABOUT THE LOCALIZATION OF THE MALYSHEV SETTLEMENT

The article is devoted to clarifying the localization of the Malyshev settlement in the Suzunsky District of the Novosibirsk Oblast. The settlement was founded in 1722 and was named after the first clerk. The settlement and the ostrog were located near the high eroded bank of the Ob River, therefore, the settlement was at least once transferred to a new place due to the threat of destruction or an actual destruction. The original location of the settlement was washed away by the river, but perhaps there is the prospect of discovering the last location of the settlement. For this purpose, in 2018 a promising territory was investigated near the village of Malyshevo and in the village itself. Within the village boundaries, on a site free from buildings, a shallow sub-rectangular ditch was detected, one side of which was washed away by the river. Objects belonging to the Russian population were collected on the site inside the ditch. This site was located near the only convenient exit to the Ob River, stretching over several kilometers of the coastline.

Key words: Siberia, Novosibirsk Oblast, Suzunsky District, Malyshev settlement, localization, archaeological field survey.

УДК 069.02:902

Т.Г. Гребенникова, Е.О. Пьянзина

Алтайский государственный университет, Барнаул, Россия

ОСОБЕННОСТИ ОРГАНИЗАЦИИ ПЕРВЫХ АРХЕОЛОГИЧЕСКИХ МУЗЕЕВ НА ЮГЕ РОССИИ В XIX В.

В XIX столетии на юге России сформировалось несколько профильных археологических музеев. Первым стал Феодосийский музей древностей, затем с небольшим хронологическим отрывом возникли Керченский, Одесский музеи

и музеев в Херсонесе. В их организации и поддержании деятельности значительную роль сыграло Одесское общество истории и древностей, а также отдельные общественные деятели и ученые. Музеи представляли собой первый в нашей стране опыт собирания и публичного показа различных древностей, с акцентом на античные памятники.

Ключевые слова: Археологический музей, музей древностей, античная археология, коллекции, экспозиция.

DOI: 10.14258/2411-1503.2020.26.42

Процесс формирования первых специализированных археологических музеев в России отчасти был связан с присоединением Крымского полуострова к России в конце XVIII в. Изучение древностей Северного Причерноморья сформировало особый государственный интерес. Александр I утвердил распоряжение о запрете собирать древности на землях Тавриды (1805 г.) и положение «О сохранении памятников древностей в Крыму» (1822 г.), что, по сути, свидетельствовало о первых шагах реализации программы по сохранению историко-культурного наследия в Крыму. Практические шаги нашли выражение в создании первых музеев на местах. В результате этих процессов возникли Феодосийский, Керченский, Одесский и другие музеи. Они были предназначены для хранения «местных древностей».

Феодосийский музей древностей был открыт первым в мае 1811 г. по инициативе градоначальника С.М. Броневского. В районе Феодосии к тому времени было собрано немало памятников старины, хотя, конечно, в духе того времени, не обходилось и без грабительского подхода, в результате чего составлялись частные коллекции. С точки зрения современной методики исследования памятников, главной проблемой являлось полное отсутствие фиксации находок и фактическое уничтожение комплексов. С 1811 по 1826 г. Феодосийский музей древностей существовал за счет выделения денег из городской думы. Прекращение финансирования музея с 1826 г. и отсутствие заведующего ухудшили его положение, появлялось все больше необработанных материалов. В 1850 г. Одесское общество истории и древностей (далее – Общество) предложило властям передать музей в его ведение с выделением 100 рублей ежегодно на его содержание. Власти одобрили такое предложение, добавив средства на ремонт здания из своего бюджета (от татарского сбора), и с этого времени влияние Общества стало решающим во всей последующей деятельности музея [Петрова, 2000, с. 165]. Именно под эгидой Общества в 1858 г. была составлена «Опись Феодосийского музея древностей». В то же время Общество добилося распоряжения властей Таврической губернии о передаче в музей всех памятников, находящихся в процессе строительных работ. В 1863 г. секретарь Общества Н.Н. Мурзакевич получил поручение и осуществил работы по упорядочению фондового собрания Феодосийского музея, составил его краткий указатель, указав на наличие эллинских, византийских, генуэзских,

восточных, еврейских материалов. Важно отметить, что классификация фондового собрания строилась не по единому, а по разным основаниям: по хронологическому принципу для одних памятников, по географическому – для других. По крайней мере, такой подход находил отражение на страницах публикаций [Разгон, 1961, с. 206–207]. Интересным является факт вклада в развитие музея со стороны художника И.К. Айвазовского, который преподнес в дар городу средства на строительство нового здания для музея, а также подарил пять картин, в том числе работу «Вид Кафы в 1784» [Разгон, 1961, с. 207]. Важно указать также на позицию Н. Мурзакевича, который настаивал на значительной роли именно местных музеев в развитии научных знаний и вкуса у населения. Он сам также сделал очень много для систематизации коллекций Феодосийского музея [Петрова, 2000, с. 165]. Благодаря меценатству И.К. Айвазовского и усилиям Общества музеев стал не просто хранилищем исторических памятников, он заработал в новом здании как общедоступный.

Вторым по хронологии возникновения был организован Одесский археологический музей, произошло это событие в 1825 г. по инициативе одесского коллекционера Петра Бларамберга. Он был активным собирателем, имел значительную частную коллекцию монет, часть которой подарил музею. Музей в ранний период своей истории содержал более 15 тыс. монет, медалей и знаков отличий. Одесский музей просуществовал самостоятельно 33 года. Первоначально, он находился в небольшой ротонде Бларамберговой усадьбы, а в 1831 г. переместился в одно из зданий на Приморском бульваре. Основной фонд также составили артефакты из памятников, собранных в разное время на объектах Херсона, Керчи, Афин и островов. В составе была коллекция русского консула в Смире С.Ю. Дестуни. Фонд музея всегда пополнялся случайными поступлениями от членов Одесского общества истории и древностей и покупок коллекций из отдельных памятников. В 1840-е гг. музей, по сути, уже полностью вошел в состав Общества. В 1845 г. Общество инициировало передачу в музей остатков древностей, обнаруженных при постройках на развалинах Херсонеса. И в 1846 г. такие предметы были отправлены в музей. В отчете Общества за 1845–1846 гг. указывалось, что было получено: «несколько кусков мраморных капителей, колонн, пьедесталов, карнизов и других, собранных в развалинах г. Херсонеса» [Разгон, 1961, с. 193–195].

Характеристика музея середины XIX в. содержится в Новороссийском календаре за 1851 г., о чем писал в своей статье А.М. Разгон. Автор отмечал, что согласно этому календарю музей не ограничивался собиранием только памятников античности Северного Причерноморья. В нем были представлены эллинистические, римские, византийские, русские, литовские, египетские и другие древности [Разгон, 1961, с. 195–196]. Общество ставило задачу собирания местных памятников, но на практике процесс носил недостаточно организованный и

целенаправленный характер. А для изучения иноземных материалов далеко не всегда имелись квалифицированные специалисты. Важно отметить, что коллекции музея включали не только археологические артефакты, но и документы, имеющие значение для развития этнографии и исторической географии. К таковым можно отнести также упоминаемые А.М. Разгоном [1961, с. 197] карты и планы XVIII–XIX вв. в количестве более 300 единиц хранения. Формировалась в Одесском музее и нумизматическая коллекция, пополняемая за счет археологических исследований, к концу XIX столетия она насчитывала уже более 18 тыс. единиц хранения. О репрезентативности этого собрания свидетельствует тот факт, что оно активно использовалось в научных исследованиях. Так, О. Блау изучал восточные монеты из собрания, а П. Бурачков привлекал коллекции для составления каталога монет греческих колоний [Разгон, с. 198, 204].

Необходимо также упомянуть Керченский музей, который был основан в 1826 г. Его первоначальной задачей было изучение и сохранение античных археологических памятников. Спустя 10 лет у собрания древностей появилось собственное здание, построенное на горе Митридат по подобию афинского храма, куда в 1841 г. были перевезены все коллекции. В 1850 г. древности из первой коллекции Керченского музея были перемещены в Императорский Эрмитаж в связи с постройкой здания Нового Эрмитажа. В целом 1850-е гг. были не самым лучшим временем в истории музея. В годы Крымской войны он был значительно разорен, а коллекции, которые не удалось эвакуировать, были похищены. После этих событий музей восстанавливали заново под руководством директора А.Е. Люценко [Разгон, 1961, с. 210–211]. В итоге после войны музей был восстановлен в другом помещении.

Обзор формирования археологических музеев на юге страны был бы неполным без рассмотрения музея в Херсонесе, основанного штатным членом Императорской археологической комиссии, Одесского общества истории и древностей и Московского археологического общества К.К. Косцюшко-Валюжаничем около уникального памятника Херсонес Таврический [Разгон, 1961, с. 198, 212–213]. Коллекции начали формироваться тут с 1820-х гг., но именно он уже во второй половине столетия выявил планировку древнего Херсонеса, открыл множество склепов, улиц и культовых объектов. К.К. Косцюшко-Валюжанич ставил перед Археологической комиссией вопрос о постройке специального здания для музея, без чего была бы невозможна просветительская деятельность. Но комиссия не оказала содействия в этом вопросе. Сохранившиеся фотографии музея в Херсонесе позволяют оценить внешний вид здания, используемого для их размещения. На низком одноэтажном строении располагалась вывеска «Раскопки Императорской археологической комиссии. Склад местных древностей», что, по сути, отражает содержание и систему хранения предметов, а также роль им-

ператорской комиссии в контроле над полевыми исследованиями в стране. Часть объемных экспонатов (фрагменты архитектурных конструкций) была размещена перед главным фасадом одноэтажной постройки. При этом они были выстроены не хаотично, а оформляя внешний вид здания. Само помещение больше напоминало не экспозицию, а именно хранилище предметов и было практически полностью ими заставлено. На стенах чуть ниже потолка располагались узкие деревянные полки, на которых были выстроены керамические сосуды. Вдоль части стен стояли шкафы, наверху которых также стояли сосуды, а на застекленных полках – скульптуры и прочие предметы. Ближе к центру помещения размещались архитектурные фрагменты и крупные экспонаты.

Коллекция этого «склада», как и сам памятник, демонстрировались посетителям. Такой подход способствовал формированию идеи о показе недвижимого памятника под открытым небом совместно с обнаруженными движимыми находками в расположенном поблизости музея коллекционного типа (экспозиции и фонды в здании).

К концу XIX столетия музеи юга России преобразились, формируя экспозиции современного типа. На фотографиях Керченского музея древностей можно увидеть просторные помещения, застекленные и открытые витрины, специальные подставки для ваз и сосудов. Преобразилась к концу столетия и экспозиция Одесского музея, она была выстроена по единому плану, в соответствии с географическим подходом и с учетом хронологии внутри каждого из таких районов. По большому счету в экспозиции были представлены все основные коллекции музея. Однако, как отмечает А.М. Разгон, приоритет по-прежнему отдавался памятникам античности, а среди них – памятникам искусства, история же местного населения оставалась едва затронутой. Исследователь отмечал также, что вход в музей был платным, а вспомогательных материалов и этикетаж не было, посетителям либо давались устные пояснения, либо им предлагалось пользоваться изданными «Краткими указателями» музея [Разгон, 1961, с. 202–203].

Подводя итоги, отметим, что большую роль в развитии и сохранении музеев юга России сыграло Одесское общество истории и древностей. Ему принадлежала организующая роль, особенно актуальная в те моменты, когда отдельные музеи находились в плачевном состоянии и нуждались в финансировании, систематизации многообразных по хронологии и тематике коллекций. Благодаря таким начинаниям первые в России специализированные археологические музеи приобретали публичный, общедоступный характер, археологические предметы становились объектами научного изучения. Исследования стимулировались полевыми работами и открытиями. Так, Одесский музей совместно с Обществом, в структуре которого он находился, проводил такие работы в Ольвии, Феодосии, Херсонесе. Научный характер раскопкам придавал и тот факт, что в них участвовали профессора и студенты уни-

верситета, которые сотрудничали с музеем, тем самым закладывалось очень важное направление – сотрудничество университетской и музейной науки. Также о научном характере работ свидетельствовало то, что исследования музея регулярно публиковались в «Записках» Одесского общества. Акценты в основном делались на эпиграфические источники и памятники искусства [Разгон, 1961, с. 204]. Именно в Одесский музей приезжали работать зарубежные ученые.

Стоит также обратить внимание на тот факт, что развитие археологии и музейной практики на юге России сказалось и на формировании собрания древностей в Императорском Эрмитаже. Золотые предметы, обнаруженные в 1830 г. в памятнике Куль-Оба в окрестностях Керчи, очень заинтересовали императорскую семью и уже в начале 1830-х гг. поступили в Эрмитаж [Власова, 2000, с. 27]. Уникальные и ценные вещи настолько высоко были оценены Николаем I, что он выделил на раскопки в этом регионе ежегодные денежные средства из своего Кабинета. Керченские древности считались гордостью Эрмитажа и очень высоко оценивались на выставках в Европе [Тихонов, 2014, с. 429–431].

Первая половина XIX в. – это только начало формирования археологической науки в России и, следовательно, первых археологических собраний в крупных музейных центрах империи, но это и время становления нескольких специализированных археологических музеев на юге страны, что было обусловлено всплеском интереса к древним объектам в этом регионе и началом активных практических исследований. В целом этот период характеризуется в большей степени стихийным собирательством в результате применения простейших методов изучения археологических памятников. В значительной степени специализированные археологические музеи выступали как хранилища музейных предметов, а не как центры популяризации археологии для широкой аудитории. Тем не менее в этот период складываются современные представления о значении археологических исследований, о роли археологических источников и необходимости их сохранения. Зарождаются представления о возможности совместного показа недвижимого и движимого наследия для максимально полной реконструкции жизнедеятельности древних и средневековых обществ.

Библиографический список

Власова Е.В. Открытие кургана Куль-Оба // Пантикапей – Боспор – Керчь – 26 веков древней столице. Материалы международной конференции. Керчь, 2000. С. 27–33.

Петрова Э.Б. Феодосийский музей и Одесское общество истории и древностей: два юбилея // Культура народов Причерноморья. 2000. № 15. С. 164–169.

Разгон А.М. Археологические музеи в России // Очерки истории музейного дела в России. М., 1961. Вып. 3. С. 190–230.

Тихонов И.Л. Археология в Императорском Эрмитаже // Российский археологический ежегодник. 2014. №4. С. 427–479.

T.G. Grebennikova, E.O. Pyanzina

Altai State University, Barnaul, Russia

**FEATURES OF THE ORGANIZATION
OF THE FIRST ARCHAEOLOGICAL MUSEUMS
IN THE SOUTH OF RUSSIA IN THE 19TH CENTURY**

In the 19th century, several specialized archaeological museums were formed in the south of Russia. Theodosian Museum of Antiquities was the first, then, with a small chronological margin, Kerch, Odessa museums and the museum in Chersonesos arose. Odessa Society of History and Antiquities, as well as individual public figures and scholars, played a significant role in their organization and maintenance of their activities. In our country the museums represented the first experience of collecting and public display of various antiquities, with an emphasis on ancient sites.

Key words: archaeological museum, museum of antiquities, ancient archaeology, collections, exposition.

УДК 902(571.150)

Д.С. Калашников¹, С.М. Ситников²

¹Музей «Город», Барнаул, Россия;

²АНО «Алтайское археологическое общество», Барнаул, Россия

**ОПРЕДЕЛЕНИЕ ИМЕНИ ВЛАДЕЛЬЦА НАГРУДНОГО ЗНАКА
ВЫПУСКНИКА ГОРНОГО ИНСТИТУТА ИЗ ЗАХОРОНЕНИЯ
НАГОРНОГО КЛАДБИЩА Г. БАРНАУЛА**

Продолжается изучение материалов, полученных при проведении аварийных работ на территории бывшего Нагорного кладбища в г. Барнауле в 2015–2016 гг. В данной статье предпринята попытка определить имя чиновника, чье захоронение в массивном кирпичном склепе было обнаружено в 2015 г. В числе находок в захоронении присутствовали остатки форменной одежды чиновника горного ведомства и нагрудный знак выпускника Горного института. Масштабность кирпичного внутримогильного сооружения и богатое шитье мундира свидетельствовали о принадлежности погребенного к высшим слоям горной администрации. Форма знака указывала на крайнюю нижнюю дату создания захоронения. Эти материалы и стали основой для проведения исследования.

Ключевые слова: Барнаул, Нагорное кладбище, аварийные работы, изучение находок, установление личности погребенного.

DOI: 10.14258/2411-1503.2020.26.43

В сентябре 2015 г. во время проведения аварийных работ на территории бывшего Нагорного кладбища г. Барнаула нами было обнаружено и обследовано захоронение человека, который, по первоначальному заключению, при жизни занимал высокое положение в городе. Погребение, относящееся, по всей вероятности, к концу XIX в., располагалось в «привилегированной» северо-восточной части кладбища, справа от

лестницы, ведущей на территорию Нагорного парка. Оно представляло собой кирпичный склеп со сводчатым перекрытием из двух рядов кирпича. Над ним располагалась дополнительная мощная кирпичная кладка размером 2,5×2,5 м из 11 рядов красного керамического кирпича, одновременно служившая фундаментом для утраченного памятника. Собственно саркофаг имел дополнительное усиление по бокам толщиной в 1,5 кирпича и высотой в 5 рядов (рис. 1).

Рис. 1. Кирпичный склеп с дополнительной кладкой

Внутри склепа располагался деревянный гроб трапециевидной формы, обитый тканью зеленого цвета с бахромой из желтых нитей. Крышка гроба была украшена аппликацией из штампованного картона (?) в виде пальмовых ветвей и восьмиконечного креста из ткани зеленого цвета. В качестве дополнительного декора использовались кисти из бахромы, обернутой вокруг деревянного сердечника, дополнительно обвитого узкой и тонкой позолоченной серебряной лентой.

На скелете погребенного находились остатки форменной одежды, ранее ошибочно сочтенной шинелью по причине плохой сохранности. Двубортный мундир без погон, эполет и петлиц из сукна коричневого цвета с обшлагами и воротником-стойкой из темно-зеленого бархата.

Внешняя поверхность воротника полностью покрыта рельефным шитьем в виде переплетенных дубовых и лавровых ветвей (рис. 2а). Фиолетовый цвет окислов металлической нити, из которой выполнено шитье, указывает на то, что она изготовлена из серебра. При внимательном рассмотрении в некоторых местах шитого орнамента обнаруживаются и золотые нити. Шитье на обшлагах повторяет тот же сюжет, не покрывая поверхность полностью, но представлено двумя вертикально

А

Б

В

Рис. 2. Остатки мундира горного чиновника. Шитье

ориентированными «клеямами» (рис. 2б). На фалдах мундира, над задним разрезом и по краям заднего разреза имеется то же шитье в один ряд – гирлянду (рис. 2в). Все декорированные шитьем элементы одежды имеют двойной шитый кант. На бортах мундира 12 расположенных в два ряда медных позолоченных пуговиц стандартного размера с рельефным изображением двуглавого орла с дополнительной арматурой в виде перекрещенных молота и кирки – знака горного ведомства. По краям заднего разреза – четыре пуговицы несколько меньшего размера. На ногах – остатки высоких кожаных сапог.

Установление точной датировки мундира представляется достаточно затруднительным ввиду его плохой сохранности и с учетом того, что их покроем неоднократно менялся на протяжении всего XIX в. Тем не менее, узор мундирного шитья и особенности изображенного на пуговицах герба позволяют однозначно определить его принадлежность именно к горному ведомству. Расположение шитья и заполняемая им площадь указывают на гражданский чин владельца мундира – действительный статский советник.

На правой стороне груди мундира был закреплен серебряный позолоченный нагрудный знак размером 59×46 мм в виде двуглавого орла с той же дополнительной арматурой, что и на пуговицах. Это позволило определить знак как академический. Наличие арматуры в виде молота и кирки указывает, что данный знак является нагрудным знаком выпускника Горного института им. Екатерины Великой [Калашников, Семибратов, Ситников, Чекрыжова, 2016, с. 206–209, МГ ВХ ЭФЗК 3/2017].

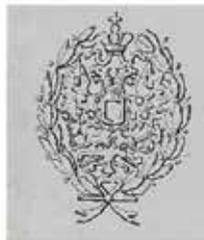
Использование академических нагрудных знаков было введено Высочайшим именованным указом от 14 мая 1866 г. №43394 «О знаках отличия взамен аксельбантов для окончивших курс в Военных Академиях». В Указе особо оговаривалось, что помимо выпускников военных академий отличительный знак присваивается и ведомству горных инженеров [ПСЗРИ, 1868, с. 648]. Уже в апреле следующего, 1867 г. Корпус горных инженеров был преобразован в гражданское ведомство. Соответственно выпускники института теряли право на ношение отличительного нагрудного знака [ПСЗРИ, 1871, с. 395]. В том же году горным инженерам было предписано носить форму Министерства финансов, но с сохранением атрибутики горного ведомства – молота и кирки [ПСЗРИ, 1871, с. 844]. Что же касается даты изготовления собственно нагрудного знака, то можно сказать, что он был изготовлен не ранее 1886 г. Высочайшим указом № 3486 от 28 января 1886 г. «Об установлении нагрудного знака уменьшенного размера для лиц, состоящих на службе в военном ведомстве и имеющих нагрудные знаки гражданских учебных заведений, и правил ношения означенных нагрудных знаков и знаков военных академий» был утвержден новый эскиз нагрудного знака Института горных инженеров, несколько отличающийся от первоначального [ПСЗРИ, 1888, с. 33]. В частности изображение креста на центральной

короне государственного герба на знаке образца 1866 г. было несколько ниже верхнего края венка, обрамляющего знак (рис. 3а). У знака образца 1886 г. крест возвышался над верхним краем венка (рис. 3б).

А

Рис. 3.
А. Нагрудный знак из захоронения.
Б. Нагрудный знак образца 1886 г.
В. Нагрудный знак образца 1866 г.

*(Знак Института
Горных Инженеров)*

Б

В

Рис. 3. Разновидности нагрудного знака выпускников Горного института

По совокупности обнаруженных в захоронении материалов можно утверждать:

- 1) погребенный имел чин действительного статского советника;
- 2) по профессии являлся горным инженером;
- 3) окончил Горный институт не ранее 1866 и не позднее 1867 г.

Кроме того, необходимо отметить и выдающуюся масштабность внутримогильного сооружения данного захоронения. Настолько мощная кладка над саркофагом не была встречена ни в одном другом захоронении кладбища, что, несомненно, указывает на принадлежность могилы именно высшему должностному лицу Алтайского горного округа.

Из чиновников высшего ранга в Алтайском горном округе всем этим определениям соответствует начальник Алтайского горного округа Николай Иванович Журин (1841–1991 гг.), имевший чин действительного статского советника [ГААК. Ф. 3. Оп. 1. Д. 114а. Л. 15–16], окончивший с отличием Горный институт в 1866 г., умерший в Барнауле 31 декабря 1891 г. и похороненный на барнаульском Иоанно-Предтеченском кладбище.

Против этого предположения, казалось бы, говорит фотография Н.И. Журина с нагрудным знаком образца 1966 г. (рис. 3в, 4). Однако на

ней начальник округа запечатлен с петлицами надворного советника, чина, в который он был произведен Указом Сената по выслуге лет Указом от 16 ноября 1876 г. и в котором состоял до 1881 г. [ГААК. Ф. 3. Оп. 1. Д. 114а. Л. 8]. Чина действительного статского советника, соответствующего мундиру из захоронения, был удостоен в 1885 г. Знак нового образца мог быть заказан во время служебной командировки в Санкт-Петербург с 5 сентября по 5 декабря 1887 г. либо во время такой же командировки в феврале – июле 1890 г. [ГААК. Ф. 3. Оп. 1. Д. 114а. Л. 14–16]. Ранее не понятое клеймо «*» на ленте знака при более тщательном рассмотрении оказалось гербом г. Санкт-Петербурга. Это обстоятельство однозначно указывает на место изготовления знака. А сведения из служебного формуляра Н.И. Журина говорят о том, что он был в столице империи минимум дважды после введения нового образца нагрудного знака выпускника горного института.

Таким образом, с большой долей вероятности можно утверждать, что исследованное захоронение принадлежит именно Н.И. Журину.

Безусловно, Н.И. Журин не был единственным чиновником Алтайского горного округа, окончившим Горный институт и имеющим чин действительного статского советника. Однако другие лица либо умерли и были похоронены не в Барнауле, либо скончались до введения нагрудного знака нового образца или же принадлежали иной конфессии и, следовательно, не могли быть похоронены на территории православного кладбища.

Библиографический список

Калашников Д.С., Семибратов В.П., Ситников С.М., Чекрыжова О.И. Нагрудный знак Горного инженера из погребения на Нагорном кладбище г. Барнаула // Известия Алтайского государственного университета. 2016. №2 (90). С. 206–209.

МБУ г. Барнаула «Музей «Город», МГ ВХ №3/2017.

Именной Высочайший указ «О знаках отличия взамен аксельбантов для окончивших курс в Военных Академиях» от 14 мая 1866 г. // ПСЗРИ. 2-е собр. СПб., 1868. Т. 41.

Рис. 4. Фотопортрет Н.И. Журина с нагрудным знаком в чине надворного советника. 1875–1881 гг.

Высочайше утвержденные временные правила о преобразовании Корпуса Горных инженеров в гражданское ведомство от 22 апреля 1867 г. // ПСЗРИ. 2-е собр. СПб., 1871. Т. 42.

Именной Высочайший указ «О форме одежды для Горных инженеров, переименованных в гражданские чины» от 1 июня 1867 г. // ПСЗРИ. 2-е собр. СПб., 1871. Т. 42.

Именной Высочайший указ «Об установлении нагрудного знака уменьшенного размера для лиц, состоящих на службе в военном ведомстве и имеющих знаки высших и специальных гражданских учебных заведений, и правил ношения означенных нагрудных знаков и знаков Военных Академий» от 28 января 1886 г. // ПСЗРИ. 3-е собр. СПб., 1888. Т. 6.

ГААК.Ф. 3.Оп. 1.Д. 114а.Л. 15–16.

ГААК.Ф. 3.Оп. 1.Д. 114а.Л. 8.

ГААК.Ф. 3.Оп. 1.Д. 114а.Л. 14–16.

D.S. Kalashnikov¹, S.M. Sitnikov²

¹*“Museum Of The City”, Barnaul, Russia;*

²*“Altai Archaeological Society”, Barnaul, Russia*

DETERMINING THE NAME OF THE OWNER OF THE BADGE BELONGING TO A MINING INSTITUTE GRADUATE FROM THE NAGORNOE CEMETERY BURIAL IN THE CITY OF BARNAUL

The study of materials obtained during emergency work on the territory of the former Nagornoe cemetery in Barnaul in 2015–2016 continues. This article attempts to determine the name of an official whose burial in a massive brick crypt was discovered in 2015. Among the finds in the burial were the remains of the uniform of an official of the Mining Department and the badge of a graduate of the Mining Institute. The scale of the brick structure inside the grave and the rich embroidery of the uniform indicated that the buried person belonged to the highest layers of the mountain administration. The shape of the badge indicated the lowest possible date of creation of the burial. These materials became the basis for the research.

Key words: Barnaul, Nagornoe cemetery, emergency work, study of finds, identification of the buried.

УДК 94(571.16)

А.В. Кошелев

Музей Новосибирска, Новосибирск, Россия

К ИСТОРИИ СТРОИТЕЛЬСТВА ЗДАНИЯ УПРАВЛЯЮЩЕГО ТОМСКИМ ИМЕНИЕМ АЛТАЙСКОГО ОКРУГА ВЕДОМСТВА КАБИНЕТА ЕГО ИМПЕРАТОРСКОГО ВЕЛИЧЕСТВА В П. НОВО-НИКОЛАЕВСКОМ

В статье вводятся в научный оборот новые архивные данные по истории строительства в 1897–1900 гг. в поселке Ново-Николаевском комплексов построек для организации деятельности управления Томским имением Ал-

тайского округа. Рассматриваются особенности подготовки и состав проектно-сметной документации по строительству здания и служб, разработанных техником по строительной и дорожной части Алтайского округа и техническим отделом Контроля Министерства Императорского Двора, выделения необходимого земельного участка для постройки здания из состава кабинетских земель, взаимодействия начальника и Главного управления Алтайского округа с земельно-заводским отделом Кабинета по вопросам организации финансирования строительства, заготовке строительных материалов. Приводятся сведения о гражданских инженерах Г.Ф. Кащиенко, Д.К. Пруссак, И.Ф. Носовиче, участвовавших в разработке проектов здания и осуществлении его строительства.

Ключевые слова: Алтайский округ, архитектура Сибири, Ново-Николаевск, объект культурного наследия.

DOI: 10.14258/2411-1503.2020.26.44

В истории «молодого» Новосибирска еще немало белых пятен, связанных с обстоятельствами строительства зданий, сыгравших важную роль в развитии города. Одним из таких сооружений является двухэтажное кирпичное здание, построенное вблизи устья речки Каменки, в квартале №1 Закаменской части поселка Новониколаевского (современный адрес – ул. Обская, 4). Именно в этом здании город Новониколаевск получил «независимость» от Кабинета Его Императорского Величества (далее – Кабинет): здесь 6 декабря 1907 г. был подписан нотариальный договор о выкупе городом кабинетских земель между начальником Алтайского округа И.А. Ульрихом и исправляющим должность Ново-Николаевского городского старосты купцом Г.М. Кузнецовым и его помощником П.А. Кушевским. Договор заверен нотариусом В.С. Кашиным (ГАНО. Ф. Д-97. Оп. 1. Д. 20. Л. 1–2).

При постановке на государственную охрану в качестве объекта культурного наследия регионального значения в Решении Новосибирского облисполкома от 18.07.1990 №282 здание ошибочно было атрибутировано как «Дом-контора, построенный для администрации строившегося ж/д моста» (нач. XX в.). В исследовании Л.Л. Матвеевой и А.Ю. Ложкина было уточнено наименование здания – «Дом управляющего Алтайского округа» [Матвеева, 1997, с. 45–49]. Н.А. Минина на основе архивных документов уточнила историю и дату строительства – здание управляющего Томским имением Алтайского округа, 1899–1900 гг. [Минина, электр. рес.].

Выявленное в 2019 г. дело земельно-заводского отдела Кабинета «О постройке дома для Управления Томским имением» (начато 5 октября 1898 г., закончено 20 марта 1899 г.) [РГИА. Ф. 468. Оп. 23. Д. 1285] позволяет установить подробности сооружения здания на ул. Обской, 4.

В соответствии с Именным Высочайшим указом Сенату от 11 апреля 1896 г. «Об изменении в некоторых частях существующего устройства Управления Алтайским горным округом» в Алтайском округе были учреждены 12 имений, в том числе три имения 1-го разряда: Барнаульское, Бийское, Томское [ПСЗРИ-III. Т. 16. №12738]. Управляющий Томским

имением подчинялся начальнику Алтайского округа ведомства Кабинета и с момента учреждения должности находился в п. Ново-Николаевском. Управляющий ведал охраной и эксплуатацией лесов, организацией сдачи в аренду земельных участков на территории имения, отводом земли для переселенцев. Первоначально канцелярия управляющего имением, по-видимому, располагалась в приспособленном деревянном здании, не соответствующем необходимым требованиям (рис. 1).

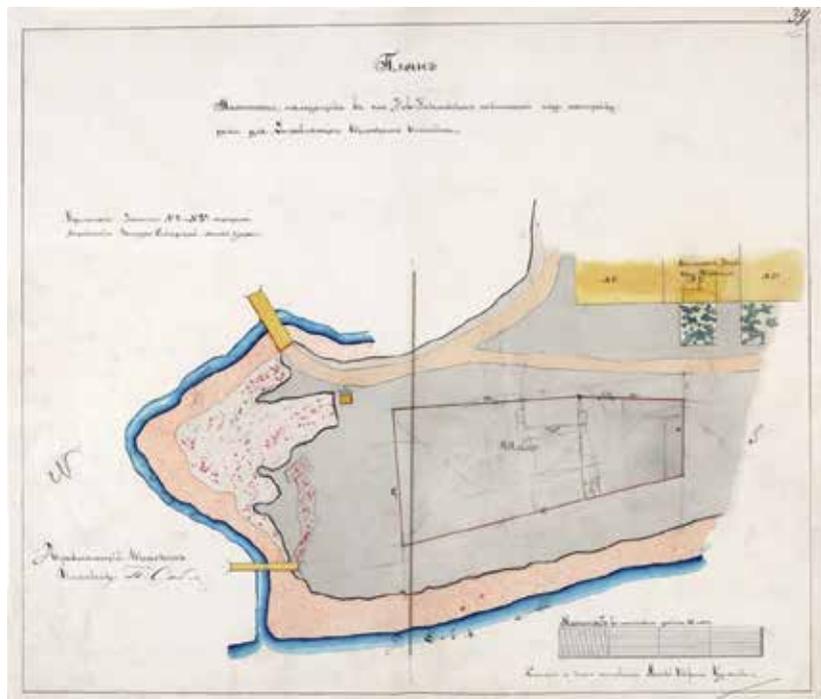

Рис. 1. План местности, находящейся в пос. Ново-Николаевском, назначенной под постройку дома для управляющего Томским имением.

Снимал и план составил межевой техник В.И. Куляшев. 1898 г.

[РГИА. Ф. 468. Оп. 23. Д. 1285. Л. 34]

Учитывая быстрый рост п. Ново-Николаевского, большой приток поселенцев, желавших взять в аренду кабинетскую землю, в 1897 г. руководство Алтайского округа поставило вопрос о строительстве специального здания для управления Томским имением. Для этого техник по строительной и дорожной части Алтайского округа Г.Ф. Кациенко письмом от 30 июля 1897 г. №190 запросил управляющего Томским имением представить существующие в поселке Ново-Николаевском справочные цены на рабочую силу и материалы согласно приложенному реестру

и выслать его в возможно короткие сроки ввиду необходимости предоставления сметы на постройку дома. 13 августа 1897 г. первый управляющий Томским имением Василий Степанович Шубенко направил в Барнаул запрошенные сведения [РГИА. Ф. 468. Оп. 23. Д. 1285. Л. 30, 29].

На основании присланных справочных цен в Барнауле в августе – сентябре 1897 г. гражданским инженером Гавриилом Федоровичем Кациенко, (служившим в 1892–1895 гг. якутским областным архитектором, в 1896 г. переведенным в Алтайский округ [Акишева, элект. рес.; Бабарыкин, 2017, с. 152]) были подготовлены сметы на сумму 11 682 руб., проекты фасадов и планы на постройку двух деревянных зданий для квартиры (рис. 2) и для канцелярии управляющего Томским имением и комнат для приезжающих чиновников (рис. 3) [РГИА. Ф. 468. Оп. 23. Д. 1285. Л. 12–32]. На проекте мы видим два одноэтажных деревянных здания, соединенных между собой коридором (рис. 4). Фасад дома квартиры управляющего решен в стиле модерн с большим количеством элементов, характерных для русского деревянного зодчества. Однако данный проект Г.Ф. Кациенко, остался нереализованным.

Летом 1898 г. во время пребывания в Алтайском округе управляющего Кабинета генерал-лейтенанта П.К. Гудим-Левковича и заведующего земельно-заводским отделом Кабинета А.Х. Стевена в г. Барнауле либо в п.

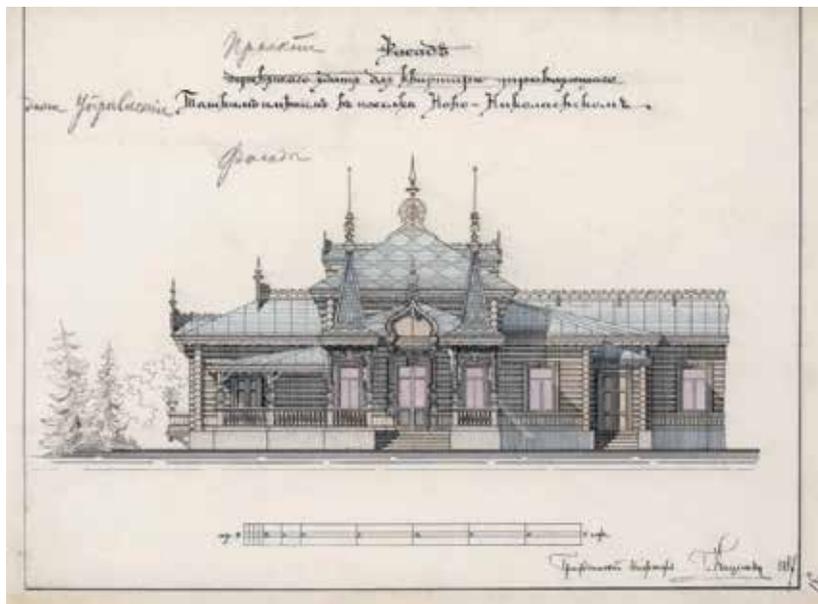

Рис. 2. Проект дома управления Томским имением в поселке Ново-Николаевском. Фасад квартиры управляющего. Автор – гражданский инженер Г.Ф. Кациенко. 1897 г. [РГИА. Ф. 468. Оп. 23. Д. 1285. Л. 31]

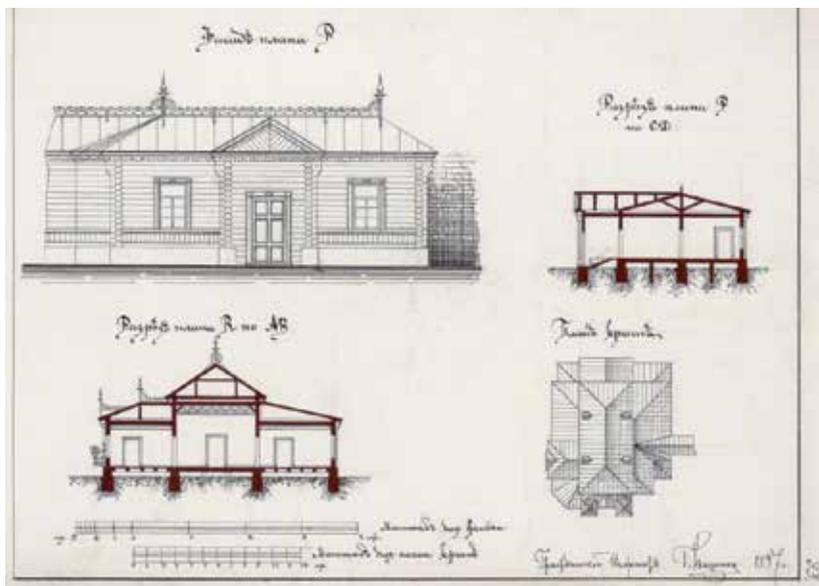

Рис. 3. Проект дома управления Томским имением в поселке Ново-Николаевском. Планы фасада, крыши и разрезы по осям АВ, СД канцелярии. Автор – гражданский инженер Г.Ф. Казиенко. 1897 г. [РГИА. Ф. 468. Оп. 23. Д. 1285. Л. 33]

Ново-Николаевском, в котором они по данным Н.А. Мининой пробыли не менее трех дней [ГААК. Ф. 4. Оп. 1. Д. 127. Л. 3, 12, 106], им представили проект Г.Ф. Казиенко и сметы на строительство двух деревянных зданий.

По результатам рассмотрения проекта 1 июля 1898 г. П.К. Гудим-Левкович отдал распоряжение начальнику Алтайского округа генерал-майору В.К. Болдыреву: «Предположенную Вашим Превосходительством постройку дома для Управляющего Томским имением в поселке Ново-Николаевском я признаю целесообразным возвести не из дерева, а из огнеупорных материалов. Посему, впредь до утверждения плана означенной постройки, который будет выслан Вам из Кабинета, покорнейше прошу Вас распорядиться заготовлением в текущем году 300.000 штук жёного кирпича, 30-ти куб. саж. бутового камня и соответствующего количества извести, а также 10.000 штук саманного кирпича крупного размера, для службы при доме. О заготовительной стоимости вышеуказанных строительных материалов благоволите уведомить Кабинет Его Величества для соображения при составлении проекта сметы постройки» [РГИА. Ф. 468. Оп. 23. Д. 1285. Л. 2; Ф. 468. Оп. 27. Д. 440. Л. 22–22об].

Согласно рапорту начальника Алтайского округа В.К. Болдырева от 19 сентября 1898 г. №469 в Кабинет представлен «...план местности на берегу Оби в поселке Ново-Николаевском, где предполагается

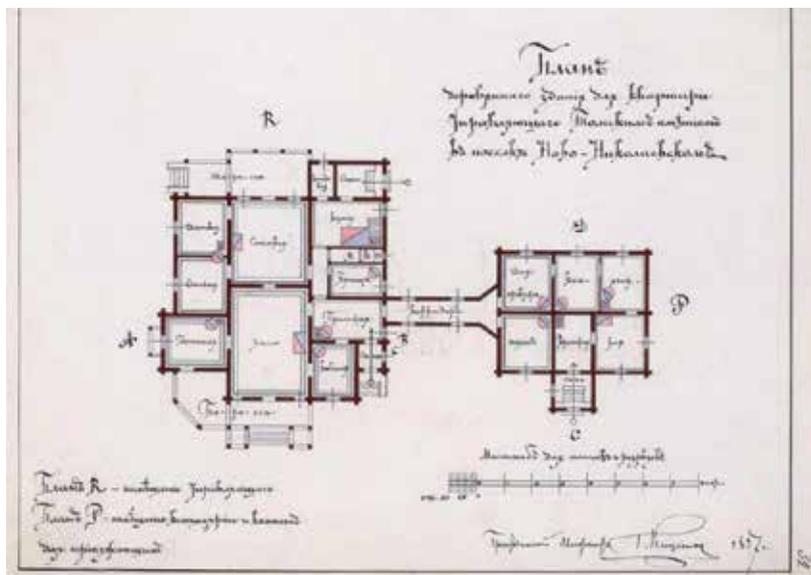

Рис. 4. Проект дома управления Томским имением в поселке Ново-Николаевском. Планы помещений управляющего и канцелярии. Автор – гражданский инженер Г.Ф. Кациенко. 1897 г. [РГИА. Ф. 468. Оп. 23. Д. 1285. Л. 29]

постройка дома для Управляющего имением и его канцелярии», подписанный управляющим Томским имением П.Н. Соболевым (рис. 1). В рапорте указано, что для постройки этого дома были бы более подходящими участки под №1, 2, 3 или 4, «но они, за исключением №2, ранее сданы, по условию в арендное содержание на 5 лет (до 19 февраля 1899 г.) инженеру Будагову, а последним уступлены в пользование, по тому же условию, Западно-Сибирской железной дороге. Из указанных участков №1 остается незастроенным, а №3 и 4 построены домами железнодорожных служащих и, по словам Начальника IX участка Западно-Сибирской железной дороги инженера Тихомирова, для железной дороги необходимы. Площадь участков №1 – 513 кв. саж. (28,5×18), №2 – 513 кв. саженой (28,5×18), №3 и 4 – 627 кв. саж. (28,5×22), всего 1653 кв. саж., не считая палисадников перед домами. Стоимость построек на участках под №3 и 4 не превышает 1000 рублей» [РГИА. Ф. 468. Оп. 23. Д. 1285. Л. 1–10б]. Причем согласно приложенному плану местности на участке №2 уже находилось здание «Канцелярии Управления Имением» Г-образной формы [РГИА. Ф. 468. Оп. 23. Д. 1285. Л. 34]. На плане красными линиями обозначены границы земельного участка площадью 1238 кв. саж., выделяемого для постройки дома управления имением и, видимо, позднее, уже в Санкт-Петербурге в техническом отделе

Контроля, карандашом нанесены контуры здания, служебных построек и дорожек сада.

В рапорте начальника Алтайского округа от 30 сентября 1898 г. №479 сообщалось, что во исполнение поручения управляющего Кабинета от 1 июля 1898 г. «...для постройки каменного дома... для квартиры Управляющего именем заподряжено к поставке 300.000 штук жжёного кирпича по десяти рублей за тысячу с доставкой, десять тысяч штук саманного кирпича крупного размера (для служб при доме) по одиннадцати рублей за тысячу и 10.000 пудов извести по пятнадцати коп. за пуд». Бутовый камень планировали заготовить весной 1899 г. по 7 руб. за куб. [РГИА. Ф. 468. Оп. 23. Д. 1285. Л. 2].

В рапорте от 22 января 1899 г. №37 начальник округа сообщал, что строительные материалы заготовлены, но в финансовой смете на 1899 г. кредиты на постройку дома не назначены. В связи с этим испрашивал распоряжения Кабинета «...следует ли заготовленные материалы хранить до назначения кредита по смете будущего года или, в случае надобности, можно их расходовать на другие постройки», на что заведующий земельно-заводским отделом письмом от 5 февраля 1899 г. №1266 запретил использовать заготовленные строительные материалы для других построек [РГИА. Ф. 468. Оп. 23. Д. 1285. Л. 6, 7].

Время шло, а окончательного решения Кабинетом не было принято. 12 мая 1899 г. В.К. Болдырев шлет телеграмму, в которой просит скорейшей высылки чертежей, сметы и ассигнования кредита на постройку дома ввиду дешевизны работы [РГИА. Ф. 468. Оп. 23. Д. 1285. Л. 9]. В этот же день Контроль Министерства Императорского Двора письмом за №984 направляет в Кабинет две утвержденные после проверки Контролем сметы «1) ...на постройку дома для Управления Томским именем в селении Ново-Николаевском, в сумме 16.739 руб. и 2) на постройку служб и ограды при означенном доме, в сумме 6.596 р.» [РГИА. Ф. 468. Оп. 23. Д. 1285. Л. 10–10об].

Проектные планы были подготовлены в техническом отделе Контроля Министерства Императорского Двора гражданским инженером Дмитрием Константиновичем Пруссакком, членом Петербургского общества архитекторов, имеющим большой опыт проектирования общественных, административных, церковных зданий, принимавшим участие во многих постройках, главным образом в Санкт-Петербурге [Справочник..., электр. рес.].

Приблизительное исчисление стоимости постройки дома со службами, подготовленное Д.К. Пруссакком, дает представление о перечне построек и их габаритах:

«А) Главный дом. Площадь: $10,83 \times 6,33 + 3,2 \times 1,3 + 1,83 \times 0,5 + 3,14 \times 0,92^2 / 2 = 68,55 + 4,16 + 0,92 + 1,32 = 74,95$, за округлением – 75 кв. саж. Объем: $75 \times 4 = 300$ куб. саж. Оценивая куб. сажень постройки в 70 руб., стоимость дома определяется в сумме 21.000 р.

Б) Баня и прачешня (так в тексте. – А.К.). Объем: $4 \times 4 \times 1,5 = 24$ куб. саж. При цене кубич. сажени в 60 р. стоимость = 1.440 р.

В) Ледник и амбар. Объем: $6 \times 3 \times 1,5 = 27$ куб. саж. При цене куб. саж. в 50 руб. стоимость = 1.350 р.

Г) Конюшня и коровник. Объем: $6 \times 3 \times 1,5 = 27$ куб. саж. При цене куб. саж. в 50 руб. стоимость = 1.350 р.

Е) Сарай. Объем: $3 \times 3 \times 1,5 = 13,5$ куб. саж. При цене куб. саж. в 30 руб. стоимость = 405 р.

Д) Навес. Площадь: $6 \times 3 = 18$ кв. саж. При цене кв. сажени в 15 р. стоимость = 270 р.

Всего 28.815 р. Принимая во внимание дешевые цены на кирпич (12 руб. тысяча), бут, известь и лесные материалы, оценку одной куб. сажени постройки дома в 70 руб. следует считать вполне достаточной. Ровным образом оценка служебных построек, которые, за исключением бани, предполагено построить из лемпача (*т.е. из саманного кирпича*. – А.К.), также сделана с некоторым запасом. Инженер Д. Пруссак» [РГИА. Ф. 468. Оп. 23. Д. 1285. Л. 11–11об].

Заведующий земельно-заводским отделом Кабинета А.Х. Стевен письмом от 15 мая 1899 г. №5022 направил начальнику Алтайского округа две утвержденные Контролем сметы на постройку дома для управления Томским имением и служб, а также шесть одобренных Контролем планов указанных построек [РГИА. Ф. 468. Оп. 23. Д. 1285. Л. 36].

Получив сметы и план, В.К. Болдырев в рапорте от 17 июня 1899 г. №305 обозначает проблему отсутствия необходимых средств на постройку дома. Из утвержденных по смете 23 335 руб. у властей Алтайского округа «... по финансовой смете 1898 года назначено было только 11 682 руб., остаток от которого продолжен по смете текущего года». В связи с этим начальник округа испрашивал распоряжения об ассигновании дополнительного кредита в сумме 11 653 руб. или указания источника, из которого можно расходовать недостающую сумму на постройку [РГИА. Ф. 468. Оп. 23. Д. 1285. Л. 38]. По результатам рассмотрения данного обращения и последовавшей переписки земельно-заводской отдел письмом от 18 августа 1899 г. управляющему Кабинета, изложив суть проблем, сообщал «...Ввиду отсутствия столь значительного свободного кредита по подлежащим статьям сметы Округа и принимая во внимание, что постройка дома и служб продлится и на будущий строительный период, Земельно-Заводской Отдел по приказанию Вр. Управляющего Кабинетом Его Величества просил Начальника Округа сообщить, нельзя ли просимый им кредит отнести на смету будущего года. Ныне Генерал-Майор Болдырев доносит телеграммой, что в текущем году имеет быть израсходовано на постройку до 16 000 р., и потому просит дополнительного ассигнования или разрешения отнести на перерасход недостающую сумму в 5000 рублей. Ввиду сего Земельно-Заводской Отдел полагал бы возможным ... деньги в сумме 5000 р. ... отнести на

счет остатков сметы расходов текущего года...» [РГИА. Ф. 468. Оп. 23. Д. 1285. Л. 41–41об]. Данное предложение было одобрено, и В.К. Болдыреву направлена телеграмма, разрешавшая перерасход в 5000 руб. отнести на остаток текущего года [РГИА. Ф. 468. Оп. 23. Д. 1285. Л. 42].

Таким образом, все препятствия были устранены. Основные строительные работы были выполнены в 1899 г. и, скорее всего, окончательно завершены в 1900 г. К сожалению, не удалось пока выявить в архивах Санкт-Петербурга, Барнаула и Новосибирска ни проектных планов Д.К. Пруссака, направленных из Кабинета в Главное управление Алтайского округа, ни документов, дающих представление о ходе и завершении строительства.

Можно предположить, что руководство строительством здания управления Томским имением велось техником по строительной и дорожной части Алтайского округа Иваном–Каликст Феодосиевичем–Казимировичем Носовичем, назначенным на эту должность 27 марта 1899 г. и непосредственно осуществлявшим в 1899–1900 гг. строительный надзор за целым рядом объектов, сооружавшихся в поселке Ново-Николаевском и на станции Обь [Коньшева, 2014, с. 125–126; Бабарыкин, 2017, с. 191], и при участии Порфирия Николаевича Соболева, управляющего Томским имением с 1 июля 1898 по 23 февраля 1901 г. [Бабарыкин, 2017, с. 215].

Здание Управляющего Томским имением было сооружено в эклектичном стиле «казенной» архитектуры. Вероятно, оно сооружалось по типовому («образцовому») проекту, хотя аналогов подобных зданий, построенных на рубеже XIX–XX вв. на землях бывшего Алтайского округа и других кабинетских землях, автору выявить не удалось.

Фасады имеют композицию, близкую к симметричной. Ось симметрии: по главному (восточному) фасаду – ризалит входа с фронтоном, оформленным деревянной резьбой, по западному фасаду – полукруглый объем лестничной клетки с входной дверью. Особенности архитектуры и характер декора выделяют здание из общей дореволюционной застройки Новониколаевска: по всему периметру фасадов идет нехарактерный для каменных зданий деревянный фриз, украшенный пропильной и накладной деревянной резьбой. Карниз небольшого выноса, с деревянным подзором, также декорированным пропильной резьбой. Окна прямоугольные, с лучковым завершением. Этажи разделены карнизом. На северо-западном фасаде первоначально был балкон, закрытый позднее возведенными стенами и превращенный во внутреннее помещение. Фундамент бутовый, ленточный; стены кирпичные; перекрытия деревянные; крыша чердачная. Под частью здания имеется подвал [Памятники. . . , 2011, с. 155].

Функционально в здании располагались помещения для организации работы канцелярии (скорее всего, 1-й этаж) и квартира управляющего имением (по всей видимости, помещения 2-го этажа, примыкающие к обширной террасе 2-го этажа с видом на реку и сад, возможно, после ликвидации Томского имения превращенной во внутреннее помещение).

Судя по почтовым карточкам с видами Новониколаевска (рис. 5) [Музей Новосибирска. МН КПоф 27848, МН КПоф 27783 и др.] и Плану оброчной статьи Томского имения под названием «Кабинетская» [Минина, 2019, с. 387; ГААК. Ф. 4. Оп. 1. Д. 2938. Л. 431], вместе со зданием были сооружены все запланированные служебные постройки и ограда, внутри которой был разбит сад с проложенными дорожками.

Рис. 5. Почтовая открытка «Ново-Николаевский поселокъ. Томск. губ. Дом Алтайскаго Округа». Издание Н.П. Литвинова. 1902–1903 гг. [Музей Новосибирска. МН КПоф 27848]

После ликвидации Томского имения, наряду со всеми остальными, в апреле 1911 г. и передачей функций лесничествам и арендным районам функционал здания не изменился. После Февральской революции здание использовалось для размещения милиции и помещений для содержания арестованных [Минина, электр. рес.; ГААК. Ф. 4. Оп. 1. Д. 3907. Л. 14]. В советский период в нем находились уездный земельный отдел, Октябрьский райком ВКП(б), Октябрьский народный суд, Западно-Сибирское управление внутренних дел на транспорте и другие организации.

В настоящее время в здании размещен филиал Музея Новосибирска – Музей на набережной, в котором в рамках развития музейно-паркового комплекса «Городское начало» создаются постоянные экспозиции и выставки, рассказывающие о древней истории, появлении и развитии первых русских поселений в современных границах Новосибирска, истории объекта культурного наследия и роли Кабинета в становлении и развитии Ново-Николаевска. В ходе частичного проведения в 2017 г. ремонтно-реставрационных работ демонтирована поздняя пристройка на южном фасаде, отреставрирована кирпичная кладка, воссоздан бал-

кон над главным входом. Идет выявление и включение в экспозиционную и экскурсионную работу Музея на набережной сохранившихся элементов внутренних интерьеров. Тем не менее у здания управляющего Томским имением остается еще немало неразгаданных тайн, которые требуют продолжить поиск.

Библиографический список

Акишева В.Д. Архитектурное наследие выпускников института гражданских инженеров в Архангельске // Международный студенческий научный вестник [Электронный ресурс]. URL: <https://eduherald.ru/pdf/2017/1/16822.pdf> (дата обращения 15.03.2020).

Бабарыкин Б.В., Пережогин А.А. Справочник личного состава чиновничества Алтая (1747–1917). Барнаул, 2017. 270 с.

Конышева О.Ю. Строительная и надзорная деятельность гражданского инженера И.Ф. Носовича в поселке Новониколаевском и городе Новониколаевске (Новосибирске) // Баландинские чтения. Новосибирск, 2014. Т. IX, ч. 1. С. 124–126.

Матвеева Л.Л., Ложкин А.Ю. Дом Кабинета Его Императорского Величества в Ново-Николаевске // Проблемы историко-культурного наследия Сибири и Дальнего Востока. Новосибирск, 1997. С. 45–49.

Минина Н.А. «Дом Кабинета» на набережной // Библиотека сибирского краеведения [Электронный ресурс]. URL: <http://bsk.nios.ru/content/dom-kabinet-na-naberezhnoy-0> (дата обращения 15.03.2020).

Минина Н.А. История улицы Инской, последней сохранившейся улицы Новониколаевска // Баландинские чтения. Новосибирск, 2019. Т. XIV, ч. 1. С. 384–388.

Музей Новосибирска [Электронный ресурс]. URL: <http://m-nsk.ru/portfolio-item/33999> (дата обращения 15.03.2020).

Памятники истории, архитектуры и монументального искусства Новосибирской области. Кн. 1. Город Новосибирск. 3-е изд. Новосибирск, 2011. 220 с.

Справочник Научных Обществ России [Электронный ресурс]. URL: http://www.sno.org/?an=pers_406 (дата обращения 15.03.2020).

Источники

Государственный архив Алтайского края (ГААК). Ф. 4. Оп. 1. Д. 127, 2938, 3907.

Государственный архив Новосибирской области (ГАОНО). Ф. Д-97. Оп. 1. Д. 20.

Полное собрание законов Российской империи (ПСЗРИ-III). Т. 16. №12738.

Российский государственный исторический архив (РГИА). Ф. 468. Оп. 23. Д. 1285; Ф. 468. Оп. 27. Д. 440.

A.V. Koshelev

The Museum of Novosibirsk, Novosibirsk, Russia

THE HISTORY OF THE HOUSE OF THE MANAGER OF THE TOMSK ESTATE OF THE ALTAI DISTRICT OF THE HIS IMPERIAL MAJESTY'S CABINET IN THE NOVO-NIKOLAEVSK SETTLEMENT

This article presents new archival data on the history of construction in 1897–1900 in the Novo-Nikolaevsky settlement of a complex of buildings aimed at the organizing the management of the Tomsk estate of the Altai district. The paper considers the features of the preparation and the design of project on the construction of buildings and

structures, developed by road-building technician of the Altai district and the Technical control department of the Imperial court Ministry, the allocation of necessary land plot for the construction of buildings from the lands of the Cabinet, interaction between the chief and main administration of the Altai district and Land and Factory Department of the Cabinet on the financing of construction and purchase of construction materials. Information is given about civil engineers G.F. Katsienko, D.K. Prussak, I.F. Nosovich, who participated in the development of building projects and their carrying out.

Key words: Altai district, architecture of Siberia, Novo-Nikolaevsk, object of cultural heritage.

УДК 2(571.151)

Н.А. Тадина, А.А. Иркитова, И.Г. Черлояков, Т.С. Ябыштаев

Горно-Алтайский государственный университет, Горно-Алтайск, Россия

О ПРАКТИКАХ ВОЗРОЖДЕННОГО БУРХАНИЗМА

В статье освещаются вопросы, связанные с сохранением бурханистских устоев в среде родового общества алтайцев. Дана характеристика ритуальной практики почитания Алтая-божества, начиная от исторического моления, разогнанного в июне 1904 г., до календарных молений последних 20 лет. Обращено внимание на противостояние в среде алтайцев двух позиций о возрожденном бурханизме: одна – как пробуддистски направленная, другая – утверждающая бурханизм как реформированный шаманизм. Собранные сведения свидетельствуют в пользу последней позиции: о синкретическом направлении, в котором сочетаются черты шаманизма и «старого» бурханизма. Приведены примеры установки новых жертвенников-курее для молений в честь Алтая-божества, конкурсов протяжной песни-жанар, хранения музейного экспоната ритуальной белой одежды бурханиста начала прошлого столетия.

Ключевые слова: алтайцы, возрожденный бурханизм, ритуальная практика, шаманизм, буддизм.

DOI: 10.14258/2411-1503.2020.26.45

В Национальном музее им. А.В. Анохина в зале алтайской этнографии экспонируется ритуальная одежда бурханиста, сшитая из белой ткани, ставшая музейным экспонатом начала прошлого столетия (рис. 1). Рядом размещен текст, кратко описывающий историю формирования бурханизма и объясняющий его ритуальный смысл: «В 1904 году частью населения юго-западного Алтая, этнической группой алтай-кижи, была принята новая вера Ак жан⁷ – Белая вера, бурханизм (Бурхан – верховное божество). Одним из проповедников новой веры был Чет Челпанов, который вместе с другими организаторами Ак жан⁷ был осужден. В 1906 году суд его оправдал. Ак жан⁷, бурханизм является синкретической религией, основанной на мировоззрении шаманизма, вобравшей элементы буддизма. Основными предметами бурханистского культа являются *жайык*, *кыйра*, *арчын*, ветки березы, молочные продукты, *тагыл*, *күрее*, *сүме*. Проводились общие, родовые, семейные моления – *мүргүүл*, ритуал омовения водой,

Рис. 1. Ритуальная одежда бурханиста начала XX в. Национальный музей им. А.В. Анохина. 2019 г. Фото Н.А. Тадиной

дымом арчына, исполнялись благопожелания, восхваления – алкыш» (рис. 2).

В Республике Алтай актуально возрождение бурханизма, имеющего глубокие исторические корни. Вернулись запретная в советское время религиозная терминология и речевые обороты, связанные с ней. В исследовании данной темы важную роль приобретает метод сбора материала на языке изучаемого этноса, на алтайском языке. Столетие назад на первый план вышел бурханизм, который называется алтайцами «ак жан», что обычно однобоко переводится как «белая вера». Название отошедшего на задний план шаманизма (у алтайцев «шаман» – это «кам») звучит «кара жан» (черная вера) или «кам жан» (шаманский обряд). В бурханизме служитель культа

называется «*jarлык*» или «*jarлыкчы*» (буквально – «вестник, проповедник»). Те из алтайцев, у кого в предках был кам, определяются как «кам укту», в смысле «произошедшие от кама», а те, у кого в роду был *jarлык*, – «*jarлык укту*», т.е. «произошедшие от *jarлыка*». Обычно *jarлык* противопоставлялся миссионеру, служителю христианской веры, называемому «*абыс*». Лама у алтайцев прозван «*нама*», значит, последователи буддизма – «*намалу*», в смысле «имеющие ламу», или «*боодо жанду*» – «имеющие закон Будды», буддизм обозначается термином «*боодо жан*».

Алтай-кижи, среди которых сложился бурханизм, подразделялись на его последователей, названных «*ак жанду*», и приверженцев камов – «*кам жанду*». В советский период значительно уменьшилась активность религиозных деятелей – камов и *jarлыкчы*, а их ритуалы максимально упростились и сократились, что привело к формированию новых культурных практик, актором которых стал мужчина *ак жанду* (носитель, знаток *Ак жан*) [Тадина, 2005]. Так проявилась одна из способностей традиционных верований становиться в неблагоприятных условиях «теневой» стороной

Рис. 2. Стенд «Ак жан – Белая вера, бурханизм». Национальный музей им. А.В. Анохина. 2019 г. Фото Н.А. Тадиной

культуры [Сагалаев, 1997, с. 61]. Этому сопутствовали активная антирелигиозная пропаганда, проводимая советской властью, поощрение отказа от исполнения ритуалов и всенародного раскаяния шаманов и ярлыкчы, сдача культовой атрибутики в сельские советы и музеи [Данилин, 1932, с. 89–90]. После запретных мер советского периода, в условиях подпольного развития культов, выработался теоним «*Алтай Кудай*» (Алтай бог), осмысливаемый как божество, слитое с природой. Стирание граней между бурханизмом и шаманизмом привело к появлению обобщенного названия верований «*Алтай жан*» (Алтайская вера), при этом бурханистские установки (почитание очага, гор, ритуал кропления молоком и др.) продолжали сохраняться, благодаря тому, что «религиозность алтайского общества поддерживалась (скотоводческим) образом жизни» [Сагалаев, 1997, с. 61]. По собранным сведениям бурханизм, оказавшись под запретом, на протяжении столетия оставался во внутриэтнической жизни алтайцев в форме ритуалов и атрибутов, свернувшихся до этикетных предписаний и моральных ценностей [Тадина, 2011; 2013]. Неслучайно те, кто называются «ак жан-ду», считаются не только последователями бурханизма, но и «правильными» в соблюдении обрядовой символики и предписаний на бытовом уровне.

Бурханисты начала прошлого века оставили на Алтае многочисленные стационарные святилища, которые можно встретить в седловине гор. Эти святилища, по сути, являются храмами под открытым небом, называемыми «*күрее*», что можно перевести как «жертвенники». По заключе-

нию Е.Е. Ямаевой [2010, с. 142] термин «күрее» восходит к слову «күр» – круг, курень. По наблюдениям В.А. Клешева [2004, с. 267] такие жертвенники называют «күре тагыл»: «в старину каменную выкладку в виде куба называли „күре“ рядом с которым всегда находился „тагыл“, обычно кольцевидной формы, с остатками обуглившихся веток вереска и углей от костра». По нашим сведениям в советский период «ритуальная жизнь» святилищ поддерживалась инициативой отдельных людей «как *jan*“ду». Святилище представляет собой некий образец каменной религиозной архитектуры и включает несколько сооружений, предназначенных для молений в честь божеств Алтая. Обычно в него входит несколько каменных алтарей, выложенных из плитняка, называемых «*тагыл*». Возрожденное моление представляет собой сочетание двух ритуалов – шаманского и бурханистского: строение «күре, тагыл и сүме» – бурханистские, а очищение лошадей, гадание на чашке, чтение благословений «алкыш» имеют шаманскую основу [Муйтуева, 2004, с. 65]. Его смысл заключается в почитании божества Алтая как воспетого «защитника» в прошлом, настоящем и будущем, от которого зависит жизнь людей.

В последние годы алтайские буддисты и их сторонники в поисках доказательств буддийского влияния на предков алтайцев стали обращаться к средневековью и древности, например к истории древнетюркского периода. По руническим текстам известно, что буддизм имел поддержку в ставке каганатов. В одном из памятников – Бугутской надписи (VI в.), написанной на согдийском языке письмом буддийских сутр, сообщается, что Таспар-каган пытался внедрить буддизм в качестве государственной религии. Для этого он призвал в каганат индийского проповедника Чинагупту, построил храм и учредил буддийскую общину. При его дворе жили согдийцы-буддисты. В буддизме правители каганата видели религию, способную создать идеологическую общность в разрозненной державе. Однако лишь уйгуры Восточного Туркестана приняли буддизм в качестве государственной религии [Кляшторный, 1992, с. 151–152]. В другом источнике – древнекитайских летописях Таншу сообщается, что в каганате в период правления Бильге-кагана Могиляна (начало VIII в.) буддизм перестал отвечать вызовам времени. Древние тюрки стали отказываться от него: «учение Будды делает людей чело-веколюбивыми, слабыми, а не сильными» [Бичурин, 1950, с. 274]. Западные тюрки попали под арабское влияние и исламизировались, а восточные тюрки оставались между тенгрианством и буддизмом.

В исследованиях Е.Е. Ямаевой сделан вывод о том, что бурханизм зародился еще в древнетюркское время, а основой его религиозного учения стало манихейство. Эта была синкретическая, вернее эклектическая религия, соединявшая в себе черты буддизма, зороастризма и некоторые элементы христианства. Манихейство заменило тенгрианство у уйгуров, правящего племени тюрков – теле (огузов). В этот же период бурханизм испытал влияние буддизма, пришедшего к тюркам через со-

гдийцев, которые, в свою очередь, также адаптировали буддизм на зороастрийской почве, в форме манихейства. Даже ритуальные одежды манихеев были белого цвета, как затем у бурханистов начала прошлого века, которые возродили эту символику. В начале данной статьи говорилось об экспонируемой белой ритуальной одежде столетней давности. К таким выводам Е.Е. Ямаева [2010] пришла на основе сопоставления бурханистской лексики с данными древнетюркского словаря, вследствие того, что по внешним признакам современный бурханизм близок к манихейству – средневековой религии уйгуров. Влияние буддизма (в его ранней форме) на древних тюрков неоспоримо. Нужно отличать тот буддизм от классического, который навязывается алтайцам алтайскими буддистами.

Влияние буддизма на мировоззрение алтайцев происходило в разные периоды. Последняя волна появилась в постсоветский период и наблюдается с 1990-х гг. Период бурханистских событий начала прошлого века известен приездами монгольских лам. Джунгарский период трехвековой давности стал «избитым» в деле поисков аргументов буддистского влияния на алтайцев. Еще А.В. Анохиным в краеведческих лекциях «Верования у алтайцев» (1920-х гг.) было отмечено: «У алтайцев есть представление, что в период Джунгарского царства шаманство подверглось гонению под давлением монгольского ламаизма. Были даже случаи сжигания в юрте шаманов (кам Тостыгош)» [Анохин, 2012, с. 110]. В книге «Алтайский шаманизм» Л.П. Потапов [1991, с. 310–311] напоминает «о страшном гонении на шаманизм алтайцев в период, когда они попали под иго джунгарских (ойратских) ханов. Шаманские моления запрещались и разгонялись, а шаманов даже казнили (по преданию, их сжигали в юртах)». Факты противоборства предков алтайцев с джунгарами, исповадавшими ламаизм, приведены В.А. Муйтуевой. В народной памяти сохранились предания о сожжении джунгарами алтайских камов, записанные ею в конце 1990-х гг. от К.В. Ойноткинова, жителя с. Онгудай. В годы правления хана Галдана (1730–1740-е гг.) была принята попытка искоренить веру предков алтайцев. Для этого в урочище Улала обманным путем были собраны 70 камов. Собравшихся подожгли в айыле, среди них уцелели самые сильные три кама: один остался в образе человека, другой превратился в камень, третий – в птицу. Ими была предсказана расплата ламаистов ценой краха их империи – Джунгарии, как затем и произошло [Муйтуева, 2004, с. 44–45].

В годы возрождения бурханизма появился новый праздник «*Jan-ar*». Его название означает «протяжные песни восхваления Алтая». Песни особого жанра, поющие нараспев и стоя, известны в районах, где был распространен «старый» бурханизм: – Онгудайском, Усть-Канском, части Усть-Коксинского, Чемальского и Шебалинского. Наряду со стихотворной формой «алкыш», торжественное песнопение «*jan-ar кожон*» были составной частью бурханистских молений. По данным В.А. Муйтуевой, горловое пение «*kaii*», как «нравившееся подземному царству», не позво-

лялось на молении. Игра на струнных инструментах – *икили* и *топшууре* допускалась бурханистами, а игра на варгане «*комус*» и дудочке «*шоор*» не воспринималась ими [Муйтуева, 2004, с. 53].

«Старому» бурханизму был присущ поиск своего пути, поэтому одно отрицалось, а другое развивалось. В известном молении в долине Теренг, разогнанном в 1904 г., принимала участие группа молодых девушек, обученная исполнению песен «*жан-ар кожон*». При них была специальная свита, состоявшая из поваров (казанчы) и учителей (бакшы). Привлечение ритуально «чистых» людей, в данном случае девушек-певуний, было бурханистским нововведением. С целью успешного овладения жанром песнопения «*жан-ар кожон*» проводились репетиции, что явилось новшеством для ритуальной жизни того времени. В.А. Клешев связывает появление гимнов-посвящений «*жан-ар*» с возрождением ойротского бурханизма в начале прошлого века. По его данным «песни такого жанра и мотивов исполнялись алтайцами и раньше, но не стоя в ряд, а сидя в айле, верхом на лошади в пути, на свадьбах и т.д.» [Клешев, 2004, с. 267]. В советский период «*жан-ар*» как особая манера пения сохранилась в песнях-восхвалениях родины Алтая. Сегодня ею владеет не каждый, как правило, женщины старшего поколения. Песни «*жан-ар кожон*» можно услышать на празднике и свадьбе, и они стали символом песенного творчества алтайцев.

Библиографический список

- Анохин А.В. Бурханизм в Западном Алтае // Сибирские огни. 1927. №5. С. 162–167.
- Бичурин Н.Я. (Иакинф). Собрание сведений о народах, обитавших в Средней Азии в древние времена. М.; Л., 1950. Т. I. Ч. 1. 382 с.
- Данилин А.Г. Бурханизм на Алтае и его контрреволюционная роль // Советская этнография. 1932. №1. С. 63–91.
- Клешев В.А. Атрибуты и символы алтайского бурханизма // Движение Ак Жанг (Белая вера) – Бурханизм на Алтае: взгляд через столетие. Горно-Алтайск, 2004. С. 265–268.
- Кляшторный С.Г., Султанов Т.И. Казахстан: летопись трех тысячелетий. Алма-Ата, 1992. 378 с.
- Муйтуева В.А. Традиционная религиозно-мифологическая картина мира алтайцев. Горно-Алтайск, 2004. 166 с.
- Потапов Л.П. Алтайский шаманизм. Л., 1991. 321 с.
- Сагалаев А.М. Алтайцы: старая религия и «новая» идеология // Народы Сибири: права и возможности. Новосибирск, 1997. С. 61–71.
- Тадина Н.А. Этническая консолидация и преемственность поколений в осмыслении бурханизма // Этнографическое обозрение. 2005. №4. С. 38–44.
- Тадина Н.А. Бурханизм и этикет у алтайцев // Этнографическое обозрение. 2011. №6. С. 127–140.
- Тадина Н.А. Символика и этические ценности алтайцев в практиках возрожденного бурханизма // Вестник ТГУ. 2013. №4(24). С. 97–100.
- Ямаева Е.Е. Культы и верования бурханизма в контексте религиозного наследия уйгуров-манихеев (по материалам сравнительной лексики древнетюркского словаря) // Научный вестник ГАГУ. 2010. №5. С. 138–150.

N.A. Tadina, A.A. Irkitova, I.G. Cherloyakov, T.S. Yabyshtaev

Gorno-Altai State University, Gorno-Altai, Russia

PRACTICES OF REVIVED BURKHANISM

This article highlights the main issues related to the preservation of Burkhanist foundations among the Altai clan society. The characteristic is given to the ritual practice of veneration of the Altai deity, starting from the historical prayer, dispersed in June 1904, till the calendar prayers of the last twenty years. Attention is drawn to the confrontation of the two positions among the Altai people concerning revived Burkhanism – one as probuddistically directed, the other claiming Burkhanism as a reformed shamanism. The information collected testifies in favor of the latter position on the syncretic direction where the features of shamanism and “old” Burkhanism are combined. The examples are given of the installation of new altars-kurey for prayers in honor of the Altai deity, contests of a lingering janar song, storage of a museum exhibit of burkhanist ritual white clothes at the beginning of the last century.

Key words: Altai people, revived burkhanism, ritual practice, shamanism, Buddhism.

УДК 069(571.150)

Т.В. Тишкина

Алтайский государственный университет, Барнаул, Россия

ГОСУДАРСТВЕННОМУ ХУДОЖЕСТВЕННОМУ МУЗЕЮ АЛТАЙСКОГО КРАЯ 60 ЛЕТ

В 1959 г. в Барнауле был открыт Алтайский краевой музей изобразительных и прикладных искусств. Его постоянная экспозиция первоначально включала 156 произведений искусства. Пополнению фонда музея способствовала передача произведений искусства из музеев Москвы и Ленинграда, Алтайского края. Сотрудники музея осуществляли экспедиции в районы Алтайского края и на территорию Горного Алтая; приобретали произведения искусства у художников и коллекционеров и т.д. Первому десятилетию музея была посвящена выставка «Художники Алтая XX века». С 1993 г. титульное название учреждения – Государственный художественный музей Алтайского края (ГХМАК). Месторасположение музея неоднократно менялось. С декабря 2012 г. он действует в здании по ул. Горького, 16. 60-летию деятельности ГХМАК посвящена выставка «Они были первыми» (30 января – 12 мая 2020 г.). На ней представлены произведения живописи и скульптуры из числа первых поступлений в музей. Сотрудники музея реализуют инновационные проекты краевого, всероссийского и международного уровней. ГХМАК является одним из ведущих музеев Алтайского края.

Ключевые слова: Алтайский край, художественный музей, собрание, коллекция, выставка.

DOI: 10.14258/2411-1503.2020.26.46

Алтайский краевой музей изобразительных и прикладных искусств был открыт 6 февраля 1959 г. в Барнауле. Он размещался на площади 240 кв. м в помещении краевого отделения художественного фонда на

первом этаже жилого дома по пр. Ленина, 58 [Уманский, 1995, с. 5]. Вниманию первых посетителей предлагалась выставка «Шедевры Государственной Третьяковской галереи», на которой авторами выставочной экспозиции выступили научный сотрудник ГТГ Е. Чижова и научный сотрудник Алтайского краевого музея изобразительных и прикладных искусств В.В. Тарасова. Выставка действовала четыре месяца, за это время ее посетило более 20 тыс. человек [Летопись..., 2013, с. 9].

Формированию фонда музея способствовала передача произведений искусства из государственных музеев Москвы и Ленинграда, а также краеведческих музеев Алтайского края. Так, например, из Алтайского краевого краеведческого музея в период становления нового учреждения было предоставлено 2207 произведений изобразительного искусства [Выставка..., 2018, с. 8].

Постоянная экспозиция начала действовать 25 октября 1959 г. Первоначально она включала 156 произведений (живопись, графика, скульптура, декоративно-прикладное искусство). В 1962 г. в фонде музея насчитывалось более 1000 единиц хранения (ед. хр.). Для учреждения были предоставлены помещения (480 кв. м) на первом этаже жилого здания по адресу: ул. Советская, 28 [Летопись..., 2013, с. 15]. В 1960–1970-е гг. определились направления формирования коллекций: русское и советское искусство, творчество алтайских профессиональных художников. Сотрудники музея осуществляли экспедиции в районы Алтайского края и на территорию Горного Алтая, приобретали работы из мастерских ведущих художников, частных коллекций и т.д. Развитие основных тенденций деятельности музея во многом связано с именем Л.И. Снитко. Благодаря ей фонды пополнились произведениями первых алтайских профессиональных художников: Г.И. Гуркина, А.О. Никулина, А.Н. Борисова, Е.Л. Коровой и др.

19 декабря 1969 г. была открыта выставка «Художники Алтая XX века», посвященная первому десятилетию функционирования музея [Гончарик, 2005, с. 15]. Из-за недостатка площадей музей работал по системе выставочного зала, ежегодно реализуя по 7–9 выставочных проектов, представляя посетителям новые поступления, передвижные выставки и т.д. [Коробова, 2007, с. 161]. Результатами научно-исследовательской работы сотрудников музея стали разнообразные публикации в альманахе «Алтай», журналах «Творчество», «Сибирские огни» и др. Издавались книги, буклеты, каталоги выставок, комплекты открыток с репродукциями произведений из фондов музея.

В 1993 г. (затем в 2000 г.) музею были предоставлены помещения на первом и втором этажах в здании по пр. Ленина, 88. В 1993 г. музей получил статус государственного учреждения культуры, стал именоваться «Государственный художественный музей Алтайского края» [Шамина, 1995, с. 7]. К 1999 г. в фондах музея находилось более 12 тыс.

ед. хр. С 1997 г. и по настоящее время музеем руководит И.К. Галкина – искусствовед, заслуженный работник культуры Российской Федерации, специалист по творчеству Г.И. Гуркина. За годы трудовой деятельности (с 1969 г.) она внесла значительный вклад во все направления работы музея [Летопись..., 2013, с. 24, 88].

Формирование многоплановой организационной структуры, привлечение высококвалифицированных специалистов дали музею возможность развиваться одновременно в нескольких направлениях: комплектование фондов, выставочная деятельность, музейная педагогика, информационные технологии, музейный менеджмент и маркетинг и т.д. В начале XXI в. в основу концепции развития Государственного художественного музея Алтайского края (ГХМАК) было положено «...понимание миссии музея как доступного и открытого всем уникального центра эстетического воспитания, способного активно влиять на формирование духовных ориентиров в обществе...» [Красноцветова-Точка, 2005, с. 31]. Сотрудники научно-просветительского отдела пришли к мнению, что «...выставки должны стать адресными» [Сидорова, 2005, с. 245]. Было обращено внимание на создание разнообразных временных экспозиций, рассчитанных на различные категории посетителей (школьников, студентов и др.). В стенах ГХМАК зрители регулярно знакомятся с коллекциями крупнейших отечественных музеев: «Православная Россия: история и образы» (Государственный музей истории религии, 2008 г.), «Царская и императорская охота» (Государственный историко-культурный заповедник «Московский Кремль», 2009 г.), «Казаки в Париже» (Государственный исторический музей, 2012 г.), «О тебе радуется» (Центральный музей древнерусской культуры и искусства им. А. Рублева, 2014 г.) и др. ГХМАК сотрудничает с различными выставочными организациями, частными коллекционерами, художниками.

Музей принял участие в ряде масштабных мероприятий: федеральный выставочный проект «Золотая карта России»; русско-канадский виртуальный проект «Горизонты. Канадская и русская пейзажная живопись (1860–1940)»; всероссийский проект Государственного Русского музея «Прирастая Сибирью»; федеральная программа «Россия» и др. [Галкина, 2005, с. 7–8]. В 2007 г. в ГХМАК был открыт информационно-образовательный центр «Русский музей: виртуальный филиал».

В 2006 г. Государственный художественный музей Алтайского края стал инициатором проведения в Барнауле Международной акции «Музейная ночь». Организатором и идейным вдохновителем мероприятия выступила Т.В. Бондаренко – заместитель директора ГХМАК по научно-просветительской работе [Тепанян, 2010, с. 1]. С 2012 г. музей участвует во Всероссийской акции «Ночь искусств».

До 2012 г. в восьми залах музея постоянно работала экспозиция «Отечественное искусство XVI–XX веков», ежегодно демонстрировались разнообразные выставки. Они знакомили посетителей с творчес-

ством русских мастеров, художников Алтайского края, юных дарований и т.д. Шедевры музея оказались востребованы при реализации различных выставочных проектов: «Алтай в изобразительном искусстве России XX–XXI веков» (Государственный музей А.С. Пушкина, Москва); «Таланты Алтайского края» (Государственная Дума Российской Федерации, Москва) и др. В Государственной Третьяковской галерее представлялись работы Я.И. Аргунова «Женский портрет» (1830 г.), А.К. Саврасова «Могила на Волге. Окрестности Ярославля» (1874 г.) и т.д. Живописное полотно Г. Шегалия «На эскалаторе. Московское метро» экспонировалось на выставке «Россия: самолетом, поездом, автомобилем» (Италия, 2015 г.).

С 3 декабря 2012 г. музей приступил к деятельности в небольших помещениях двухэтажного особняка (площадью 795 кв. м) по ул. Горького, 16 [Летопись..., 2013, с. 122].

Ежегодно в музее отмечается день его рождения. 60-летию истории ГХМАК была посвящена выставка «Они были первыми», представленная посетителям в период с 30 января по 19 мая 2020 г. [<http://www.ghmak.ru>]. На ней демонстрировались 15 произведений живописи и скульптуры, которые в 1959 г. были в числе первых поступлений в музей. Заместитель директора ГХМАК по научной работе Н.В. Царева отметила, что «...многие с тех незапамятных времен почти не выставлялись» [Карпова, Налимов, 2020, с. 19]. Концепция проекта и размеры выставочного помещения потребовали от кураторов выставки (младших научных сотрудников музея О.Е. Тозыяковой и Ю.В. Стороженко) творческого подхода к осуществлению выставочного проекта. Для демонстрации на выставке были отобраны репрезентативные живописные произведения, созданные Ю.И. Пименовым, А.М. Герасимовым, П.П. Кончаловским, Г.Г. Ряжским и другими известными мастерами, творившими в различных жанрах. При размещении разнообразных по размерам полотен был использован прием линейного расположения картин, что не потребовало строгого соблюдения симметрии. При экспонировании небольших работ А.А. Осмеркина «Загорск. Успенский собор» и Б.В. Иогансона «Зимка» была применена развеска в вертикальный ряд, не выходящий за верхний предел экспозиционного пояса.

Заботясь об успехе выставок в стенах ГХМАК, экспозиционеры учитывают помимо количества и содержания произведений искусства «...особенности архитектуры и кубатуры помещения, освещения и окраски стен» [Гончарова, 2005, с. 244]. В результате рассматриваемая выставочная экспозиция не перегружена экспонатами, между полотнами оставлено достаточно пространства. Нейтральный цвет стен экспозиционного помещения зрительно увеличил его размеры и способствовал излучению красок живописных полотен. Масштабная работа А.И. Лактионова «Летом», с учетом ее аттрактивности, была расположена вне выставочного помещения, просматривалась через небольшую анфила-

Студенты исторического факультета АлтГУ на открытии выставки
«Они были первыми» (фото Т.В. Тишкиной)

ду, и на нее прежде всего обращали внимание зрители. Этот прием способствовал формированию у посетителей приподнятого эмоционального состояния, которое сохранялось и при осмотре экспозиции. Выставка «Они были первыми» обладала экспрессивностью, привлекательностью для различных категорий посетителей музея. На наш взгляд, знакомство с лучшими произведениями выдающихся мастеров русского реалистического искусства 1-й половины XX в. необходимо прежде всего для развития художественного вкуса у учащейся молодежи.

Посетители, самостоятельно осматривавшие экспозицию, могли воспользоваться пояснительным текстом и видеоматериалами. Привлечению внимания жителей края к выставке «Они были первыми» способствовали анонсы и публикации в СМИ [Пятнадцать шедевров, 2020, с. 4; Катренко, 2020в, с. 16; Карпова, Налимов, 2020, с. 19; и т.д.].

Государственный художественный музей Алтайского края представлен многочисленными печатными изданиями: альбомами-каталогами, путеводителями, буклетами, открытками, рядом публикаций в научных и популярных изданиях. В память об исследователе, посвятившем свою жизнь искусству, с 2002 г. в музее проводятся искусствоведческие «Снитковские чтения», по итогам которых издаются сборники материалов.

В ГХМАК сформирован квалифицированный коллектив. Сотрудники музея участвуют в различных семинарах, конференциях, стажировках. Как результат – реализация инновационных креативных проектов краевого, всероссийского и международного уровней. На протяжении

нескольких лет сотрудники ГХМАК разрабатывают и представляют циклы публичных лекций «Встречи с прекрасным» [Катренко, 2020а, с. 4]. В апреле 2020 г. в условиях удаленной работы с посетителями они предложили 15 электронных экспозиций и небольшие видеосюжеты из цикла «История одного шедевра» [Катренко, 2020б, с. 15].

Библиографический список

Выставка «200 без 5» / сост. О. Мамонтова, Е. Огнева, Л. Супонина, Н. Царева. Барнаул, 2018. 11 с.

Гончарик Н.П. Роль и значение собирательской деятельности искусствоведов Л.И. Снитко // Первые искусствоведческие Снитковские чтения: сб. материалов науч.-практ. конф. (Барнаул, 2002 г.) и Всерос. конф. (Барнаул, 2004 г.). Барнаул, 2005. С. 12–27.

Гончарова Н.В. Особенности выставок экспозиций детского творчества в государственном художественном музее Алтайского края // Первые искусствоведческие Снитковские чтения: сб. материалов науч.-практ. конф. (Барнаул, 2002 г.) и Всерос. конф. (Барнаул, 2004 г.). Барнаул, 2005. С. 241–244.

Государственный художественный музей Алтайского края: офиц. сайт. URL: www.ghmak.ru

Карпова Л., Налимов Е. Искусство не обманет // Алтайская правда. 2020. №32. С. 19.

Катренко Н. Встречи в музее // Вечерний Барнаул. 2020аб. №3. С. 4.

Катренко Н. Лайки вместо аплодисментов // Вечерний Барнаул. 2020бв. №47. С. 15.

Катренко Н. Первые шедевры // Вечерний Барнаул. 2020ва. №14. С. 16.

Коробова И.В. Развитие системы выставочной деятельности государственного художественного музея Алтайского края // Вторые искусствоведческие Снитковские чтения: сб. материалов науч.-практ. конф. (Барнаул, 2006 г.). Барнаул, 2007. С. 160–168.

Красноцветова-Тощая Л.Г. К вопросу о разработке и основных положениях концепции развития Государственного художественного музея Алтайского края // Первые искусствоведческие Снитковские чтения: сб. материалов науч.-практ. конф. (Барнаул, 2002 г.) и Всерос. конф. (Барнаул, 2004 г.). Барнаул, 2005. С. 31–36.

Летопись художественной жизни Алтайского края. 1958–2012 / авт.-сост. В.В. Глебов, Л.Г. Красноцветова-Тощая. Барнаул, 2013. 196 с.

Пятнадцать шедевров // Алтайская правда. 2020. №16. С. 4.

Сидорова О.В. Досуговая деятельность Алтайского государственного художественного музея Алтайского края // Первые искусствоведческие Снитковские чтения: сб. материалов науч.-практ. конф. (Барнаул, 2002 г.) и Всерос. конф. (Барнаул, 2004 г.). Барнаул, 2005. С. 245–248.

Тепанян К. Какие светлые лица! // Вечерний Барнаул. 2010. №77. С. 1.

Уманский А.П. Первый шаг // Материалы научно-практической конференции, посвященной 35-летию музея. Вт. пол. I тыс. до н.э. – конец II тыс. / сост. И.К. Галкина. Барнаул, 1995. С. 2–6.

Шамина Л.Н. Государственный художественный музей Алтайского края. Перспективы развития // Материалы научно-практической конференции, посвященной 35-летию музея. Вт. пол. I тыс. до н.э. – конец II тыс. / сост. И.К. Галкина. Барнаул, 1995. С. 7–10.

T.V. Tishkina

Altai State University, Barnaul, Russia

THE STATE ART MUSEUM OF THE ALTAI TERRITORY IS 60 YEARS OLD

Altai Regional Museum of Fine and Applied arts was opened in Barnaul in 1959. Its permanent exhibition originally included 156 works of art. The replenishment of the museum's fund was facilitated by the transfer of works of art from museums in Moscow and Leningrad, and the Altai Territory. Employees of the Museum carried out expeditions to the regions of the Altai territory and the territory of the Altai Mountains; acquired works of art from artists and collectors, etc. The exhibition "Artists of the Altai of the 20th Century" was dedicated to the first decade of the Museum.

Since 1993, the title name of the institution is The State Art Museum of the Altai Territory. The location of the museum has been changed several times. Since December 2012, it has been operating in the building at 16 Gorky Street. The exhibition "They Were the First" (January 30 – May 12, 2020) is dedicated to the 60th anniversary of The State Art Museum of the Altai Territory. It presents paintings and sculptures from the first accessions to the Museum. The employees of the Museum implement innovative projects of regional, national and international levels. The State Art Museum of the Altai Territory is one of the leading museums of Altai Territory.

Key words: Barnaul, art museum, collection, exhibition.

УДК 72:373.34

М.А. Целищева

*Алтайская региональная краеведческая общественная организация
«Наследие Алтай», Барнаул, Россия*

«ВЫСШАЯ НАЧАЛЬНАЯ ШКОЛА ИМ. И.С. ТУРГЕНЕВА» – ИСТОРИЯ УЧЕБНОГО ГОРОДСКОГО ЗДАНИЯ НАЧАЛА XX В.

В связи с ростом городского населения из-за строительства Сибирской железной дороги с конца XIX – начала XX в. наблюдалось значительное расширение сети школ в Барнауле. В этот период в городе продолжали строить начальные училища, возникали новые типы учебных заведений. Автор рассматривает историю здания – памятника архитектуры, построенного специально для городского училища в начале XX в. в г. Барнауле. Это было одно из двух зданий городского училища, построенного по одному проекту. А также на основе архивных документов рассказывает о дальнейшей судьбе этого объекта культурного наследия. Здание имеет ценность как образец общественного учебного городского здания начала XX в., выполненного в эклектичных формах с кирпичным декором.

Ключевые слова: городская школа, общественная архитектура, культурное наследие, памятники истории и культуры, объекты культурного наследия.

DOI: 10.14258/2411-1503.2020.26.47

Благодаря строительству Сибирской железной дороги Алтай оказался втянутым в общерусский и мировой рынок. Постоянный рост населения Алтая, и в частности городского, требовал неотложных мер по реше-

нию вопроса народного образования. Проблемы образования постоянно находились в центре внимания местной интеллигенции и городских Дум, созданных в соответствии с городской реформой 1870 г. В конце XIX – начале XX в. наблюдалось значительное расширение сети школ в Барнауле.

В этот период в Барнауле продолжали строить начальные училища, возникали новые типы учебных заведений. Дореволюционная система учреждений народного образования состояла из учебных заведений четырех разрядов: 1-й разряд – высшие учебные заведения; 2-й разряд – средние учебные заведения; 3-й разряд – низшие учебные заведения; 4-й разряд – начальные учебные училища. Гимназии, прогимназии, реальные училища, средние технические училища относились ко 2-му разряду – средним учебным заведениям, давали общее образование (технические училища – специальное) и право на поступление в высшие учебные заведения. В 1912 г. городские училища были преобразованы в высшие начальные училища – мужские, женские и смешанные. Они состояли из четырех классов с годичным курсом каждый. Принимались в них окончившие трехгодичные начальные школы, т.е. прошедшие курс обучения на первой, элементарной ступени школы. Учебные заведения содержались за счет правительства, земств, городских обществ, частных лиц. Состояли в ведении попечителей учебных заведений. Существовала и форма попечительства гласных над отдельными учебными заведениями. Попечители и блюстители были в курсе дел «своего» учебного заведения, принимали участие в заседаниях педагогического совета, вручали учащимся похвальные грамоты и прочие поощрения, информировали городскую Думу о нуждах учебного заведения, нередко давали деньги на ремонт, приобретение книг, мебели, на оказание материальной помощи учащимся, на проведение праздников и торжеств.

Двухэтажное с цокольным этажом здание расположено в нагорной части города, главным фасадом обращено на красную линию улицы Аванесова (ранее ул. Большая Змеевская, с 1912 по 1925 г. – ул. Троицкая). Здание выполнено из керамического кирпича лицевой кладки. В плане – П-образное, имеет коридорную планировочную систему с двумя парадными входами по главному фасаду и одним входом по северному фасаду. Это было одно из двух зданий училищ г. Барнаула, построенных по одному проекту в начале XX в. 11 ноября 1909 г. на очередном заседании Барнаульской городской Думы рассмотрели вопрос «О школьном строительстве для достижения целей всеобщего обучения». По мнению членов Училищной комиссии, число жителей в городе к 1909 г. было 41 630 человек. Исчислив затем прирост населения за 1909–1918 гг., комиссия пришла к выводу, что к 1919 г. общая цифра жителей в Барнауле будет не менее 48 320 человек, а число детей школьного возраста – не менее 3380 человек. Члены комиссии предложили для введения всеобщего обучения открыть в течение 10-летнего периода 24 новых школьных комплекта, 12 из них должны быть открыты в течение ближайших

четырёх лет, начиная с будущего 1910 г., а остальные – в течение трех лет, с 1910 по 1913 г. [ГААК. Ф. 51. Оп. 1. Д. 8. Л. 423–425].

Заслушав доклад Училищной комиссии, Барнаульская городская Дума постановила: признать желательным и возможным введение в г. Барнауле всеобщего обучения в течение десятилетнего периода, начиная с 1910 г. Предложенные к открытию в 1910 г. две школы построить: одну в Нагорной части города, другую – в городской местности под названием «Зайчанской» [Целищева, 2016, с. 143]. В 1909 г. на улице Большой Змеевской началось строительство городского училища. Здание принадлежало Министерству Народного просвещения. В 1912 г. неподалеку от школы была построена Троицкая церковь, в честь которой городская Дума переименовала Змеевскую улицу в Троицкий проспект. По документам справочного бюро за 1919–1920 гг. в нагорном каменном училище по Троицкому проспекту находилось барнаульское Тургеневское высшее начальное училище. 24 января 1920 г. по приказу №1 Алтайского губернского отдела народного образования ввиду существования в городе тифозной эпидемии и крайне антисанитарных условий школьной жизни все учебные заведения в г. Барнауле были закрыты, а занятия в них временно приостановлены [ГААК. Ф. 51. Оп. 2. Д. 153].

Одно время данное здание занимали военные. Еще в 1919 г. часть здания каменного нагорного училища была отведена для 13-го Сибирского стрелкового артдивизиона. В июне 1919 г. городская Управа написала письмо помощнику начальника административной части штабс-капитану Потемкину, в котором сообщила, что в здании необходимо провести поделку амуничников, коновязей, ремонт переборок, отхожих мест и очагов для варки пищи [ГААК. Ф. 51. Оп. 2. Д. 307. Л. 29об.]. Вышел приказ по гарнизону г. Барнаула от 30 января 1920 г. (№36) о том, что председателю чрезвычайной жилищной комиссии необходимо снять с учета помещения, занимаемые военными учреждениями, и помещения, находящиеся в ремонте, передав их на учет председателю чрезвычайной строительной комиссии. В это время в нагорном каменном училище было размещено 1200 военных [ГААК. Ф.Р. 9. Оп. 1. Д. 216. Л. 12]. В сведениях о состоянии городских зданий, занятых воинскими частями в январе – апреле 1920 г., значится и нагорная каменная школа, в которой располагался 1-й Дивизион морских стрелков (занимал 550 кв. саж.), с арендной платой в 33,34 руб. в год [ГААК. Ф.Р. 14. Оп. 1. Д. 4. Л. 90]. Из доклада о работе губернского отдела народного образования за 1919–1920 гг., опубликованного в июне 1920 г., следовало, что среди школьных зданий г. Барнаула, занятых воинскими частями, находится и нагорное каменное училище по Троицкому проспекту [ГААК. Ф.Р. 9. Оп. 1. Д. 221. Л. 57]. В конце 1920 г. здание было муниципализировано. На момент муниципализации нагорной школы на усадьбе находился двухэтажный дом, службы, баня и погреб [ГААК. Ф.Р. 10. Оп. 2. Д. 8. Л. 38об.]. С 1921 г. в здании по адресу: Змеиногорский тракт (быв. на-

горное каменное училище) располагались школа им. III Коминтерна – губернские опытно-показательные школы I и II ступени, а также музей наглядных пособий [ГААК. Ф.Р. 207. Оп. 1. Д. 16. Л. 143]. Здесь работали такие деятели культуры, как А.В. Анохин – этнограф, композитор, краевед, педагог, основоположник профессиональной музыки алтайцев (в 1921–1926 гг.), А.Н. Борисов – художник-педагог (в 1923–1926 гг.) и др. [Материалы Свода, 1990, с. 45]. В государственном архиве Алтайского края сохранился план здания школы, выполненный карандашом в 1922 г. [ГААК. Ф.Р. 141. Оп. 1. Д. 93. Л. 22]. В 1922 г. была подготовлена докладная записка губернского комитета РКП Наркомпроса о состоянии народного образования, в том числе о деятельности школы III Коминтерна [ГААК. Ф.Р. 141. Оп. 1. Д. 71. Л. 24]. В 1923 г. число служащих и рабочих в школе III Коминтерна составляло 33 чел. [ГААК. Ф.Р. 12. Оп. 2. Д. 528. Л. 90об.]. В сентябре 1923 г. на заседании губернского отдела народного образования (ГубОНО) приняли решение провести в 1923/1924 гг. капитальный ремонт в здании школы [ГААК. Ф.Р. 97. Оп. 1. Д. 2. Л. 101]. По данным справочной и адресной книги, составленной на 1925/1926 г., в здании (на Горе) находилась школа III Коминтерна, заведующим работал И.А. Парамонов [Вся Сибирь, 1925, с. 311].

С 1925 г. улица носит имя Н.Г. Аванесова (Николай Герасимович Аванесов – первый секретарь Барнаульского комитета РКП(б)). Новое название улицы было отражено на карте г. Барнаула за 1925 г., но еще некоторое время в официальных документах встречается старое название улицы. В 1926 г. был составлен список национализированных строений по Барнаульскому округу, согласно декрету ВЦИК и СНК от 30 ноября 1925 г., который утвердил Сибирский краевой суд 29 мая 1926 г. В списке значится и трехэтажное каменное здание школы общей площадью 1871,98 кв. м по Троицкому проспекту [ГААК. Ф.Р. 102. Оп. 1. Д. 155].

С 1926 г. в здании бывшей школы III Коминтерна находились советская школа №2 и взрослая школа II ступени [ГААК. Ф.Р. 312. Оп. 3. Д. 349. Л. 1]. Из составленного списка прикрепленных к школам на 1926/1927 учебный год от секции по народному образованию членов Горсовета следовало, что за сов. школой №2 (Гора, здание быв. III Коминтерна) был закреплен Кочнев [ГААК. Ф.Р. 312. Оп. 3. Д. 349. Б./л.]. Из статистических сведений по народному образованию г. Барнаула за 1926 г. мы можем узнать, что в здании школы находилась нагорная детская библиотека окружного отдела народного образования (ОкрОНО), которая занимала помещение общей площадью 66,5 кв. м [ГААК. Ф.Р. 328. Оп. 1. Д. 121. Л. 21]. В этот период по документам у здания школы №2 значится адрес: ул. Аванесова, 116 [ГААК. Ф.Р. 166. Оп. 1. Д. 140. Л. 12]. В 1926 г. был составлен акт осмотра и выявления необходимого ремонта в зданиях школ и детдомов г. Барнаула. В здании школы №2 необходимо было отремонтировать топки калорифера и водосточные трубы, покрасить полы, окна и двери, остеклить три комнаты в подвальном этаже, провести ремонт полов и лестницы, покрасить крышу.

На данный ремонт требовалось выделить из бюджета 3,0 тыс. руб. [ГААК. Ф.Р. 312. Оп. 3. Д. 349. Л. 8]. Из списка неплательщиков за электроэнергию и воду, составленного в июне 1928 г., мы можем узнать, что 2-я советская школа имела задолженность за электроэнергию в сумме 53,09 руб. [ГААК. Ф.Р. 166. Оп. 1. Д. 178. Л. 22]. В 1929 г. был проведен ремонт здания, частично за счет бюджета – 600 руб. и частично за счет самообложения – 235 руб. [ГААК. Ф.Р. 35. Оп. 1. Д. 58. Л. 98].

24 августа 1943 г. на заседании Алтайского краевого Совета депутатов трудящихся рассмотрели вопрос о введении раздельного обучения мальчиков и девочек в 1943/1944 учебном году в средних и неполных средних школах г. Барнаула. В соответствии с Постановлением Совета Народных Комиссаров СССР от 16 июля 1943 г. №789 исполком краевого Совета решил ввести с 1 сентября 1943 г. раздельное обучение мальчиков и девочек в 1–10-х классах средних и неполных средних школах г. Барнаула [Целищева, 2018, с. 367]. А также утвердил список реорганизованных школ, в том числе мужских средних – три, мужских неполных средних – четыре, женских средних школ – четыре, женских неполных средних школ – пять. Обязал барнаульский горисполком до начала учебного года закончить подготовительную работу по размещению школ, распределению педагогов и учащихся. На ул. Аванесова, 110 в здании должно было находиться две школы – женская средняя школа №41, созданная на базе школ №41 и №42, имевшая 18 классов и 541 учащихся, директором была назначена Иванова, завучем – Березикова. И вторая школа – мужская неполная средняя школа №2, созданная на базе школ №41 и №2, имевшая 14 классов и 390 учеников, директором назначалась Лоташинская, а завучем – Воропова. Школы работали в три смены [ГААК. Ф.Р. 312. Оп. 1а. Д. 77. Л. 449]. Еще в 1939 г. исполком Горсовета в связи со 125-летием со дня рождения Т.Г. Шевченко присвоил его имя нагорной школе №41 [ГААК. Ф.Р. 312. Оп. 1а. Д. 75. Л. 102]. В 1948 г. комиссией Управления инвентаризации Горкомхоза был составлен акт о том, что указанные в акте домовладения являются фондом местных Советов и должны состоять в пользовании и на балансе барнаульского городского отдела народного образования (ГОРОНО), в том числе и здание школы по ул. Аванесова, 110 (кв. 617), общей стоимостью (на период цен 1939 г.) 529,0 тыс. руб. [ГААК. Ф.Р. 312. Оп. 1а. Д. 186. Л. 149]. В дальнейшем в здании находилась восьмилетняя школа №48.

В 1994 г. здание поставили на государственную охрану. На момент постановки на гос. учет оно находилось на балансе ЖЭУ, в нем располагалось НИИ Горного природопользования. В 1995 г. здание было повреждено пожаром – сгорели крыша и перекрытия. В 1996–1998 гг. были проведены ремонтно-восстановительные работы: устроены перекрытия, стропильная система и кровля, вставлены новые окна и двери. Сегодня к южному фасаду примыкают современные пристройки из силикатного кирпича, по западному фасаду в уровне цокольного этажа пристроена котельная. В настоящее время в здании располагается институт архитек-

туры и дизайна Алтайского государственного технического университета им. И.И. Ползунова. В 2012 г. приказом Управления Алтайского края по культуре и архивному делу от 26 июля 2012 г. №375 были утверждены предмет охраны, границы территории и правовой режим земельного участка в границах территории объекта культурного наследия.

Здание, расположенное по адресу: г. Барнаул, ул. Аванесова, 132(б), является объектом культурного наследия регионального значения «Высшая начальная школа им. Тургенева И.С.», 1909 г., согласно Постановлению Алтайского краевого Законодательного Собрания от 28. декабря 1994 г. №169. Здание имеет ценность как образец общественного учебного городского здания начала XX в., выполненного в эклектичных формах, с кирпичным декором. Имеет градостроительное значение, находясь на перепаде рельефа. Приказом Министерства культуры Российской Федерации от 16 ноября 2012 г. №1398 объект был включен в единый государственный реестр объектов культурного наследия (памятников истории и культуры) народов Российской Федерации с присвоением ему реестрового номера 221210003050005.

Библиографический список

Вся Сибирь, со включением Уральской области: справочная и адресная книга на 1925/26 г.: с приложением карты Азиатской части СССР и планами городов: Ново-Николаевска, Омска, Томска, Барнаула, Красноярска, Иркутска, Читы, Благовещенска, Владивостока и Свердловска. М., 1925.

Материалы Свода памятников истории и культуры РСФСР. Алтайский край / авт.-сост. Л. С. Рафиенко. М., 1990. 113 с. : ил.

Целищева М.А. Памятник архитектуры «Прогимназия мужская» // Образовательные стратегии и инициативы в этнокультурном развитии регионов Большого Алтая. Барнаул, 2016. С. 143–148.

Целищева М.А. «Средняя школа» 1930-х годов в Барнауле: история памятника архитектуры // Баландинские чтения: сборник статей научных чтений памяти С.Н. Баландина. Новосибирск, 2018. Т. XIII. С. 366–370.

Источники

Государственный архив Алтайского края (ГААК).

М.А. Tselishcheva

*Altai Regional Local History Non-Government Organization
“Altai Heritage”, Barnaul, Russia*

TURGENEV HIGHER ELEMENTARY SCHOOL – THE HISTORY OF THE CITY SCHOOL BUILDING IN THE BEGINNING OF THE 20TH CENTURY

The growth of the urban population due to the construction of the Siberian Railway from the late 19th century to the early 20th century provoked a significant expansion of the network of schools in Barnaul. During this period, elementary schools continued to be built and new types of educational institutions arose in the city. The article deals with the history of the architectural monument which was built in the

beginning of the 20th century specifically for the Barnaul City School. It was one of two buildings of the city school built on one project. On the ground of the archives the author describes further destiny of this object of cultural heritage. The building has value as a sample of a public educational city building of the early 20th century, made in eclectic forms with brick decoration.

Key words: city school, public architecture, cultural heritage, historical and cultural monuments, objects of cultural heritage.

УДК 72(571.150)

М.А. Целищева

*Алтайская региональная краеведческая общественная организация
«Наследие Алтай», Барнаул, Россия*

**ПАМЯТНИК АРХИТЕКТУРЫ 1940-х гг. В БАРНАУЛЕ
«ПОЛИКЛИНИКА» – ИСТОРИЯ ОБЩЕСТВЕННОГО ЗДАНИЯ
В ФОРМАХ СОВЕТСКОГО НЕОКЛАССИЦИЗМА**

Используя привлекаемые впервые архивные материалы и другие источники из государственных архивов Российской Федерации и Алтайского края, автор рассматривает историю строительства в Барнауле в середине XX в. специализированного здания поликлиники санчасти УМВД (Управления Министерства внутренних дел) и рассказывает о дальнейшей судьбе этого объекта культурного наследия. Проектировал здание Сальников, автор проекта – Тарала. Поликлиника обслуживала сотрудников пожарной охраны, милиции и членов их семей. Позже медсанчасть была преобразована в больнично-поликлиническое объединение медицинского отдела УВД, которое входило в число десяти лучших в РСФСР. Здание является памятником архитектуры 1940–1950-х гг., примером общественного здания в формах советского неоклассицизма.

Ключевые слова: поликлиника, медицинское учреждение, общественная архитектура, культурное наследие, памятники истории и культуры, объекты культурного наследия.

DOI: 10.14258/2411-1503.2020.26.48

Трехэтажное с подвалом здание расположено в застройке улицы Анатолия, с отступом от красной линии. Прямоугольная в плане постройка имеет по флангам дворового северо-западного фасада два ризалита лестничных клеток. Кирпичное оштукатуренное здание декорировано с помощью штукатурного и лепного декора преимущественно по главному и боковым фасадам. В уровне второго этажа по центральной оси фасада размещается полуциркульный проем с балконом на удлиненных кронштейнах. В качестве ограждения балкона использованы бетонные балясины. Внутренняя планировка здания – коридорного типа, с двухсторонним расположением помещений.

В июле 1947 г. на совещании технического Совета строительного отдела хозяйственного управления Министерства внутренних дел (ХОЗУ МВД) СССР рассмотрели проектное задание санчасти ХОЗО УМВД по

Алтайскому краю в г. Барнауле, разработанное проектной конторой Управления Министерства внутренних дел по Алтайскому краю, на строительство трехэтажного каменного с подвалом здания. В новом здании должны были быть: фундаменты бутовые, стены в 2,5 и 3 кирпича, перекрытия над подвалом, санузлами и водолечебницей – железобетонные, остальные деревянные. Перегородки в помещениях и стропила деревянные, кровля – этернитовая. В здании предполагалось центральное отопление, холодная и горячая вода, канализация, электроосвещение, естественная вентиляция. Общая полезная площадь составляла 880 кв. м, количество коек – 20 шт. Выделялось по смете на строительство здания 600,0 тыс. руб. [ГАРФ. Ф.Р. 9423. Оп. 27. Д. 397. Л. 1]. Земельный участок под застройку был отведен Управлением главного архитектора г. Барнаула (кв. 78) в размере 4000 кв. м. Центральный вход в здание планировался с ул. Анатолия, вход был решен симметрично к продольной оси здания. В подвале должны были разместиться котельную с бойлерной, угольную и складские помещения. Окна предполагалось выполнить по специальным чертежам, лестницы – по железобетонным косоурам с железобетонными площадками, ступени мозаичные [ГАРФ. Ф.Р. 9423. Оп. 27. Д. 397. Л. 3–4].

Комиссия составила 9 августа 1947 г. акт по осмотру траншеи для закладки фундаментов здания санчасти УМВД по Алтайскому краю по ул. Анатолия, 66. В документе было отмечено, что проектировал здание Сальников, автор проекта – Тарала. В государственном архиве Российской Федерации сохранились чертежи и фасад здания, выполненные в 1947 г. [ГАРФ. Ф.Р. 9423. Оп. 27. Д. 397. Л. 8]. В 1948 г. на строительство санчасти была составлена техническая смета на сумму 539 240 руб. [ГАРФ. Ф.Р. 9423. Оп. 27. Д. 397. Л. 5]. Техническая смета на благоустройство и озеленение участка санчасти, составленная в июле 1950 г., вышла на сумму 38293,23 руб. [ГАРФ. Ф.Р. 9423. Оп. 27. Д. 397. Л. 201]. В здании, построенном в 1952 г., разместилась больница Управления внутренних дел (УВД), основанная в 1938 г. как медсанчасть. Исполком Барнаульского городского Совета депутатов трудящихся утвердил 9 января 1953 г. акт №20 государственной приемочной комиссии о приемке законченной строительством поликлиники санчасти УМВД [ГААК. Ф.Р. 312. Оп. 5. Д. 24. Л. 22–23]. Поликлиника обслуживала сотрудников пожарной охраны, милиции и членов их семей. Первые два этажа в новом здании заняла поликлиника, третий – стационар на 35 коек. В 1975 г. к зданию поликлиники был пристроен трехэтажный кирпичный стационар (соединены переходом, устроенным на дворовом фасаде в уровне второго этажа), где разместились отделения: терапевтическое на 45 коек и неврологическое – на 30. Барнаульский горсовет своим решением от 4 июля 1975 г. №388/3 утвердил акт государственной приемочной комиссии о приемке трехэтажного здания стационара поликлиники УВД по ул. Анатолия, 66 (кв. 107) [ГААК. Ф.Р. 312. Оп. 7. Д. 433. Л. 288; Д. 695. Л. 30]. В дальнейшем медсанчасть была преобразована в больнично-поликлиническое объеди-

нение медицинского отдела УВД. Были созданы кабинеты медицинской статистики, функциональной диагностики, биохимическая и бактериальная лаборатории. В 1970-е гг. больнично-поликлиническое объединение входило в число десяти лучших в РСФСР [Еремин, 2000, с. 51–52].

В 1998 г. здание получили на государственную охрану. На момент постановления на гос. учет оно находилось на балансе Управления внутренних дел Алтайского края, в здании работала поликлиника. В 2006 г. был проведен ремонт кровли. В 2012 г. проведены ремонтные работы в административном здании медсанчасти по адресу: ул. Анатолия, 66. В 2013 г. был объявлен открытый аукцион в электронной форме на право заключения государственного контракта на выполнение работ по реконструкции (сейсмоусилению) административного здания МСЧ ГУВД по Алтайскому краю (г. Барнаул, ул. Анатолия, 66) на сумму 18 163,52 тыс. руб. за счет федерального бюджета. В основном работы проводились по усилению стен подвала, цементной стяжки пола, замене дверей и оконных блоков, вентиляционной системы, приобретения водонагревателей, установки звукоизолирующих панелей и системы конструктивной огнезащиты воздуховодов, канализационной насосной установки. В смету входило приобретение кровельного материала, материала для обертывания труб, пароизоляционного материала, рулонного базальтового огнезащитного материала и др. В 2015 г. при проведении ремонтных работ произошел пожар в пристроенном корпусе. В 2016–2017 гг. были объявлены тендеры на выполнение работ по текущему ремонту помещений в ФКУЗ «МСЧ МВД России по Алтайскому краю» по адресу: г. Барнаул, ул. Анатолия, 66. Территория памятника благоустроена, имеются газоны, дорожки из тротуарной плитки, ограждение металлическое и бетонное. Сохранились первоначальные элементы – подпорные стенки газонов, облицованные отделочным камнем, ограждение (частично). Приказом Управления Алтайского края по культуре и архивному делу от 26 июля 2012 г. №376 были утверждены предмет охраны, границы территории и правовой режим земельного участка в границах территории объекта культурного наследия. В настоящее время здание занимает Федеральное государственное учреждение здравоохранения «Медико-санитарная часть Главного управления внутренних дел по Алтайскому краю», поликлиника рассчитана на 500 посещений в смену, прием ведут опытные врачи 18 специальностей. Объединение располагает современной диагностической и лечебной базой.

Здание, расположенное по адресу: Алтайский край, г. Барнаул, ул. Анатолия 66, является объектом культурного наследия регионального значения «Поликлиника», 1940–1950-е гг., согласно Постановлению Алтайского краевого Законодательного Собрания от 11 марта 1998 г. №83. Является примером общественного здания в формах советского неоклассицизма. Приказом Министерства культуры Российской Федерации от 16 ноября 2012 г. №1410 объект был включен в единый госу-

дарственный реестр объектов культурного наследия (памятников истории и культуры) народов Российской Федерации с присвоением ему реестрового номера 221230002170005.

Библиографический список

Еремин Г.Ф. Больница управления внутренних дел // Барнаул: Энциклопедия. Барнаул, 2000. С. 51–52.

Источники

Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ).
Государственный архив Алтайского края (ГААК).

М.А. Tselishcheva

*Altai Regional Local History Non-Government Organization
“Altai Heritage”, Barnaul, Russia*

BARNAUL ARCHITECTURAL MONUMENT OF THE 1940-s “POLYCLINIC” – HISTORY OF PUBLIC BUILDING IN FORMS OF SOVIET NEOCLASSICISM

Using archival materials and other sources from the state archives of the Russian Federation and the Altai Territory for the first time, the author considers the history of construction in Barnaul in the middle of the 20th century of the specialized building of the clinic of the medical unit of the Ministry of Internal Affairs (Office of the Ministry of the Interior) and considers the further fate of this object of cultural heritage. The building was designed by Salnikov, the author of the project is Tarala. The clinic served firefighters, police and members of their families. Later, the medical unit was transformed into a hospital-polyclinic association of the medical department of the Internal Affairs Directorate, which was one of the ten best in the RSFSR. The building is an architectural monument of the 1940–1950s, an example of a public building in the forms of Soviet neoclassicism.

Key words: polyclinic, healthcare facility, public architecture, cultural heritage, historical and cultural monuments, objects of cultural heritage.

УДК 72(571.150)

М.А. Целищева, М.А. Дышлюк

*Алтайская региональная краеведческая общественная организация
«Наследие Алтай», Барнаул, Россия*

«КУПЕЧЕСКИЙ ОСОБНЯК» В БАРНАУЛЕ – ПАМЯТНИК АРХИТЕКТУРЫ конца XIX в.: ИСТОРИЯ И СОВРЕМЕННОЕ ИСПОЛЬЗОВАНИЕ

В статье представлены сведения, полученные из архивных документов, об истории и первом владельце здания, а также о дальнейшем использовании данного объекта культурного наследия с конца XIX в. по настоящее время. 2 мая

1917 г. в г. Барнауле произошел большой пожар, в котором сгорело много жилых и административных построек, в том числе и здание Торгового дома «Бр. Ворсины». Здание неоднократно перестраивалось. Так, в 1950-е гг. на главном фасаде была заложена балконная дверь, на дворе южном фасаде по уровню первого этажа пробит оконный проем, а по уровню второго этажа – дверной проем. К восточному дворовому фасаду выполнена двухэтажная кирпичная пристройка. Разобрана лестница, ведущая на второй этаж. Здание является памятником архитектуры конца XIX в., примером городского особняка, выполненного в формах эклектики, играет важную градостроительную роль.

Ключевые слова: культурное наследие, памятники истории и культуры, объекты культурного наследия.

DOI: 10.14258/2411-1503.2020.26.49

Двухэтажное с подвалом здание, выполненное из красного кирпича лицевой кладки, сложное в плане, расположено в старой части города, главным юго-западным фасадом обращено на красную линию улицы М. Горького (до 1928 г. – пер. Мостовой). По северо-восточному фасаду первоначально был пристроенный двухэтажный объем веранды, кирпичный в уровне первого этажа. В настоящее время по северо-восточному фасаду здания располагается поздняя пристройка лестничной клетки, построенная вместо разобранный веранды, по юго-восточному фасаду устроен пожарный выход со второго этажа с устройством наружной металлической лестницы. Капитальная внутренняя стена делит интерьер на равные части, разделенные, в свою очередь, на отдельные помещения. Восточный угол занимает вестибюль с лестницей, здесь же расположен вход в подвал. План второго этажа почти полностью повторяет план первого. Исключением является юго-западная его часть, где находится большой зал, ориентированный окнами на улицу.

Здание было построено в конце XIX в. в переулке Мостовом и принадлежало купцам Ворсиным. Братья Александр Федорович и Иван Федорович Ворсины происходили из мещанского сословия, позже стали купцами второй гильдии. В 1894 г. Торговый дом «Бр. Ворсины и Олюнин» имел винокурный и пивоваренный заводы, где производил пиво и мед, занимался выделкой и продажей спирта, столового вина, водки и наливки [Швецов, 1896, с. 154–155]. Продукция продавалась в Барнауле, Бийске, Кузнецке, Бердском, Салаире. В декабре 1899 г. Торговый дом указал, что имеет водочный завод V разряда, винокурный завод под Б. Гляденом и пивоваренный завод на берегу Пруда [ГААК. Ф. 52. Оп. 2. Д. 5. Л. 2об.]. В 1900 г. Т/Д «Бр. Ворсины и Олюнина», в который теперь входили А.Ф. и И.Ф. Ворсины и мещанки Раисы Павловны Олюниной наследники, в г. Барнауле держал ренсковый погреб [ГААК. Ф. 52. Оп. 2. Д. 2. Л. 11об.]. В 1904 г. Т/Д «Бр. Ворсины и Олюнина» имел в г. Барнауле восемь пивных лавок, из них четыре располагались в собственных домах [ГААК. Ф. 52. Оп. 2. Д. 8. Л. 8об.]. В 1905 г. Торговый дом имел в городе три оптовых склада пива и 11 пивных лавок

[ГААК. Ф. 52. Оп. 2. Д. 10. Л. 10]. В 1907 г. Т/Д «Бр. Ворсины и Олюнина» имел трактир на ул. Томской, оптовый склад пива в своем доме по ул. Б. Тобольской и 11 пивных лавок [ГААК. Ф. 52. Оп. 2. Д. 14. Л. 8]. Одновременно у Ворсиных был зарегистрирован Торговый дом «Бр. Ворсины». Так, в декабре 1907 г. Т/Д «Бр. Ворсины» выбрал торговые свидетельства на 1908 г., где указал, что имеет в г. Барнауле один оптовый склад пива и десять пивных лавок [ГААК. Ф. 52. Оп. 2. Д. 15. Л. 10–11]. В 1908 г. был составлен список пивоваренных заводов, сведения о которых были получены отделом промышленности от Томского губернского статистического комитета, где под №1 значится пивоваренный завод Торгового дома «Бр. Ворсины» (г. Барнаул) [ГАТО. Ф. 234. Оп. 1. Д. 444]. В 1909 г. Т/Д «Бр. Ворсины и Олюнина», куда входили полные товарищи – барнаульские 2-й гильдии купцы Александр и Иван Федоровичи Ворсины и жена барнаульского мещанина Р. Олюнина, имел в Барнауле пиво-медоваренный завод [ГААК. Ф. 52. Оп. 2. Д. 18. Л. 77об.]. А Торговый дом «Бр. Ворсины» в 1909 г. держал в Барнауле пять пивных лавок [ГААК. Ф. 52. Оп. 2. Д. 17. Л. 11]. В 1910 г. дополнительно была создана Компания «Бр. Ворсины и И.К. Платонов» [ГААК. Ф. 52. Оп. 1. Д. 5. Л. 64]. В 1916 г. был составлен список лиц, владеющих в г. Барнауле недвижимым имуществом, оценочный сбор которого был не ниже 45,0 тыс. руб. В данном списке значится и Т/Д «Бр. Ворсины А. и И.Ф.» с оценкой 108 982 руб. (пивоваренный завод) [ГААК. Ф. 219. Оп. 1. Д. 50. Л. 103].

Ворсины, будучи крупными промышленниками, активно занимались политической и общественной деятельностью, а также благотворительностью. Александр Ворсин в 1902–1917 гг. являлся гласным Барнаульской городской Думы. Был членом попечительского совета женской гимназии и 15-го мужского училища, членом учетно-ссудного комитета по торгово-промышленным кредитам барнаульского отделения Госбанка, а также членом учетно-ссудного комитета городского общественного банка им. Бодунова. Проживал в своем доме по ул. Петропавловской, 30. Его брат Иван Ворсин тоже был гласным городской Думы, председательствовал в попечительском совете женской гимназии, состоял в комиссии по соединению с сетью российских железных дорог [Скубневский, 1996, с. 46]. Являлся почетным потомственным гражданином г. Барнаула [ГААК. Ф. 52. Оп. 1. Д. 1902. Л. 35]. В 1910 г. он был утвержден на четырехлетие в должности члена 1-го барнаульского раскладочного Присутствия от уездных плательщиков [ГААК. Ф. 52. Оп. 1. Д. 5. Л. 17]. В 1911 г. был председателем Совета старшин барнаульского общественного Собрания. Проживал в своем доме на углу ул. Гоголевской и пер. Соборного, а каменное здание по Томской улице сдавал в аренду содержателю типографии В.А. Шпунтовичу [ГААК. Ф. 52. Оп. 1. Д. 14. Л. 125, 126об.; Д. 18. Л. 11]. В 1909 г. недвижимое имущество А.Ф.

Ворсина было оценено в сумму 38 759 руб., а его брата И.Ф. Ворсина – в 40 214 руб. [ГААК. Ф. 52. Оп. 2. Д. 22. Л. 163, 170].

С 1900 г. помещения в здании по пер. Мостовому Ворсины сдавали под квартиры. Так, по сведениям, поданным Торговым домом «Братья Ворсины» в городскую Управу 20 декабря 1900 г., в здании по пер. Мостовому / ул. Б. Тобольской, 7 (с 1910 г. – ул. Л. Толстого) было три квартиры, в том числе одну из них занимал барнаульский мещанин К.А. Людьков [ГААК. Ф. 52. Оп. 1. Д. 1902. Л. 41]. В 1904 г. по адресу: ул. Б. Тобольская и пер. Мостовой у Торгового дома также находился оптовый склад пива [ГААК. Ф. 52. Оп. 2. Д. 8. Л. 8об.]. В 1906 г. часть здания переделали под гостиницу. По данным городской Управы от 29 декабря 1906 г. (№1828) златоустовский мещанин П.Е. Звездин в доме Ворсиных держал буфет при гостинице «Россия» [ГААК. Ф. 52. Оп. 2. Д. 1. Л. 17]. На карте г. Барнаула за 1907 г. гостиница «Россия» по пер. Мостовому была обозначена. Помимо гостиницы в здании также находилось квартиры, которые Ворсины сдавали в аренду. Так, Т/Д «Бр. Ворсины» 30 декабря 1909 г. сообщил в городскую Управу, что в здании по пер. Мостовому и ул. Б. Тобольской, 7 находятся три квартиры, одну из которых по-прежнему занимает К.А. Людьков [ГААК. Ф. 52. Оп. 1. Д. 1902. Л. 41]. Позже в здании находилась гостиница «Золотой Якорь», а гостиница «Россия» в 1910 г. была открыта в доме Краморенко по адресу: ул. Б. Тобольская, 10. В декабре 1909 г. барнаульская городская Управа разрешила (№574) крестьянину барнаульского уезда д. Покровка Кузьме Александровичу Людькову открыть в 1910 г. гостиницу с продажей крепких напитков в 3-м участке г. Барнаула по Мостовому пер. в доме Т/Д «Бр. Ворсины» [ГААК. Ф. 219. Оп. 1. Д. 10. Л. 144]. В мае 1910 г. барнаульская городская Управа разрешила Т/Д «Бр. Ворсины» произвести постройки (ЕК) в 3-м участке по ул. Б. Тобольской, 7. Скорее всего, это были вспомогательные службы, так как в июне городская Управа разрешила (№339 от 25.06.1910) братьям Ворсиным открыть пивную лавку навывнос в своем доме на ул. Б. Тобольской [ГААК. Ф. 219. Оп. 1. Д. 11. Л. 90, 115]. В 1911 г. купцу А.Ф. Ворсину было 64 года, а его брату И.Ф. Ворсину – 61 год [ГААК. Ф. 219. Оп. 1. Д. 86. Л. 4]. В 1912 г. Торговый дом имел свои заводы в Барнауле и в Камне, которые производили пиво, искусственную минеральную и фруктово-ягодную воду. Центральный оптовый склад находился в здании по адресу: угол Мостового переуллка и ул. Л. Толстого, Ворсины занимались также скупкой хлеба [По Оби, 1912, с. 7]. Из списка лиц, пожелавших сдать свои дома под квартиры железнодорожных служащих в 1912 г., мы можем узнать, что Т/Д «Бр. Ворсины» предложил свой дом – два этажа, две квартиры – шесть комнат, за плату в 2400 руб. в год [ГААК. Ф. 51. Оп. 1. Д. 11. Л. 68]. Но сдать дом под квартиры железнодорожным служащим из-за высокой арендной платы не удалось, и вновь в здании разместилась гостиница. Так, в 1913 г. в газете «Жизнь Алтая» было

опубликовано объявление о том, что 27 октября 1913 г. состоится открытие семейного ресторана 1 разряда «Декаданс», Мостовой пер., 7 (бывш. «Золотой Якорь»), «единственное место в Барнауле, где можно провести время, выпить и закусить. Залы и кабинеты художественно отремонтированы, кухня – опытный кулинар, буфет, бильярд, пианино, метрдотель Я.А. Винокуров». В другом номере газеты сообщили, что «вновь отремонтирована гостиница „Декаданс“ (пер. Мостовой, д. Ворсиных) – уютно обставлены номера для гг. проезжающих, в наличии были номера, которые сдавались помесечно. Зал ресторана открыт для публики. Предлагались завтраки, обеды, ужины, пельмени» [Жизнь Алтай, 1913, Л. 1].

В декабре 1913 г. на очередном собрании Барнаульской городской Думы был рассмотрен вопрос (№309) по жалобе Т/Д «Бр. Ворсины» на неправильную оценку имущества на трехлетие с 1914 г., находящегося по ул. Л. Толстого, 7. Так, частная оценочная комиссия произвела оценку недвижимого имущества братьев Ворсиных по ул. Л. Толстого, 7 следующим образом: двухэтажный каменный дом, сданный в аренду под ресторан по договору аренды, был оценен в 1680 руб. (там же находилась жилая квартира), дом деревянный, занимаемый под контору, – 900 руб., склад каменный для хранения пива – 2340 руб., склад с пивной лавкой – 900 руб., конюшни, кладовая каменная и сторожка дворника – без оценки. Всего имущество оценили в сумму 5820 руб. Торговый дом такую оценку нашел неправильной, считая, что оценка имущества не может превышать суммы оценки на трехлетие с 1911 г., и просил городскую Думу оценку на трехлетие с 1914 г. признать неправильной и понизить ее. В итоге городская Дума единогласно постановила жалобу Т/Д «Бр. Ворсины» оставить без удовлетворения [ГААК. Ф. 51. Оп. 1. Д. 13. Л. 297–298]. В списках торгово-промышленных предприятий 1-го участка Барнаульского уезда, подлежащих ревизии по гербовому сбору в 1914 г., указана И.В. Таловская, хозяйка ресторана «Декаданс», расположенного в доме Ворсиных по Мостовому переулку [ГААК. Ф. 52. Оп. 1. Д. 20. Л. 184]. 28 октября 1913 г. владельцы десяти заведений трактирного промысла, производящие продажу крепких напитков в г. Барнауле, распределили между собой назначенную городской Думой годовую сумму сбора в 6000 руб. Ресторан И.В. Таловской в 1914 г. должен был заплатить 850 руб., это вторая из крупных сумм трактирного сбора, а первую – 1200 руб. в год предложено заплатить ресторану, расположенному в д. Мальковой на углу Московского проспекта и Гоголевской улицы [ГААК. Ф. 51. Оп. 1. Д. 13. Л. 261об.].

В 1914 г. вышло постановление Барнаульской городской Думы от 26 ноября 1914 г. №236 «Об утверждении раскладки трактирного сбора на 1915 г.», где в разделе «меблированные комнаты, столовые, чайные и т.д.» было указано, что И.В. Таловской необходимо было

в 1915 г. заплатить 95 руб. трактирного сбора [ГААК. Ф. 51. Оп. 1. Д. 16. Л. 154–155]. Скорее всего, такая низкая годовая оплата была обусловлена тем, что в связи с началом Первой мировой войны на территории страны в 1914 г. был введен сухой закон [Целищева, 2017, с. 68]. Это подтверждает и архивный документ, из которого следует, что братья Ворсины в 1914 г. объявили о закрытии в г. Барнауле продажи вина [ГААК. Ф. 51. Оп. 1. Д. 16. Л. 143]. Но они продолжали торговать хлебным квасом, искусственной минеральной и фруктово-ягодной водой. В 1915 г. и 1916 г. по данному адресу продолжала размещаться контора завода фруктовых вод Т/Д «Бр. Ворсины». В январе 1916 г. теперь уже при «Северной гостинице» (пер. Мостовой, 7) была открыта польская кофейня-столовая Куцевича, где ежедневно отпускаясь завтраки, обеды и ужины, приготовленные из первосортной провизии лучшим поваром. При кафе-столовой были организованы два биллиардных стола. Здесь же Ворсины торговали фруктовыми водами, в том числе из вишни, а также продавали лимонад, сельтерскую, солодовый напиток и хлебный квас [Жизнь Алтая, 1916, Л. 4]. В заявлении по квартирному налогу на 1916 г. Ворсины указали, что в здании по ул. Л. Толстого, 7 расположены столовая, кофейня и меблированные комнаты М.М. Куцевича, а также квартира в подвале [ГААК. Ф. 52. Оп. 1. Д. 1940. Л. 39]. По данным податного инспектора в 1916 г. в доме проживал И.П. Катренко, а также И.П. Александров арендовал у Ворсиных дом под гостиницу [ГААК. Ф. 52. Оп. 1. Д. 61. Л. 66, 69]. В 1917 г. Ворсины сообщили, что в здании находится только две квартиры и контора [ГААК. Ф. 52. Оп. 1. Д. 91. Л. 92]. Из оценочной ведомости, составленной городской Управой на 1917–1919 гг., следует, что недвижимое имущество по ул. Л. Толстого, 7 числится за Т/Д «Бр. Ворсины», оно было оценено в 90 525 руб., а сумма налога составила 434,52 руб. [ГААК. Ф. 51. Оп. 2. Д. 151. Л. 105; Д. 62. Л. 60б.].

2 мая 1917 г. в г. Барнауле произошел большой пожар, в котором сгорело много жилых и административных построек. В составленных списках построек г. Барнаула, пострадавших в пожаре, числится и здание Торгового дома «Бр. Ворсины» (окладный лист №3038) [ГААК. Ф. 51. Оп. 2. Д. 322. Л. 54об.]. Но помещения от пожара не сильно пострадали, так как позже в заявлении И.П. Катренко, поданном в декабре 1918 г., сообщалось, что он желает открыть с 1 января 1919 г. в здании Т/Д «Бр. Ворсины» по ул. Л. Толстого, угол пер. Мостового, 7 выносную пивную лавку с продажей пива, портера и меда навынос. 20 декабря 1918 г. городская Дума постановила (№1899) разрешить Катренко пивную лавку [ГААК. Ф. 51. Оп. 1. Д. 214а. Л. 13–14]. В 1919 г. был составлен список лиц, уплативших контрибуцию советскими деньгами, из лиц состоятельного класса и имевших торговые предприятия. Т/Д «Бр. Ворсины» заплатили 14 000 руб. [ГААК. Ф. 52. Оп. 1. Д. 161. Л. 4]. В этот период за торговым домом числилось следующее недвижимое

имущество по ул. Л. Толстого, 7 – каменный двухэтажный дом и склад [ГААК. Ф. 52. Оп. 1. Д. 190. Л. 13об.]. В дальнейшем здание перешло губернскому Союзу (Губсоюз) и было оценено в 1923/1924 гг. в сумму 16 730 руб. [ГААК. Ф.Р. 166. Оп. 1. Д. 167. Л. 58]. В 1940-х гг. у здания появился новый адрес: ул. М. Горького, 16.

В декабре 1944 г. Горжилуправление сообщило заведующему особым сектором крайкома ВКП(б), что дом по ул. М. Горького, 16 принадлежит Управлению промкооперации и в данное время занят крайисполкомом под советские курсы [ГААК. Ф.Р. 312. Оп. 1а. Д. 94. Л. 160]. В 1948 г. в здании находился «Алткойпромтехснаб», подчиненный Управлению промкооперации, основная деятельность которого заключалась в снабжении системы промкооперации сырьем, материалом, оборудованием, топливом [ГААК. Ф.Р. 784. Оп. 2. Д. 118. Л. 31]. Здание неоднократно перестраивалось. Так, в 1950-е гг. на главном фасаде была заложена балконная дверь, на дворе южном фасаде по уровню первого этажа пробит оконный проем, а по уровню второго этажа – дверной проем. К восточному дворовому фасаду выполнена двухэтажная кирпичная пристройка, была разобрана лестница, ведущая на второй этаж. В 1961 г. исполком Барнаульского городского Совета депутатов трудящихся принял Решение от 9 ноября 1961 г. №256 о передаче здания по ул. М. Горького, 16 на баланс детским яслям №12 Горздравотдела [ГААК. Ф.Р. 312. Оп. 6. Д. 19. Л. 62]. В 1980-х гг. в здании находился детский сад-ясли «Елочка». В 1989 г. здание было поставлено на государственную охрану как памятник архитектуры. В этот момент оно находилось на балансе отдела народного образования Центрального района. В 1997–2000 гг. был проведен капитальный ремонт, по северо-восточному фасаду выполнена одноэтажная пристройка столовой из керамического кирпича, произведен ремонт с полной заменой кровли на оцинкованную. С 2000 г. здание занимало муниципальное образовательное учреждение для детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей «Детский дом №4» г. Барнаула. С 2012 г. помещения занимает Государственный художественный музей Алтайского края. В 2012 г. Приказом Управления Алтайского края по культуре и архивному делу от 26 июля 2012 г. №374 были утверждены предмет охраны, границы территории и правовой режим земельного участка в границах территории объекта культурного наследия.

Здание, расположенное по адресу: Алтайский край, г. Барнаул, ул. М. Горького, 16, является объектом культурного наследия регионального значения «Купеческий особняк», конец XIX в., согласно Решению исполнительного комитета Алтайского краевого Совета народных депутатов от 24 марта 1989 г. №108. Является примером городского особняка, выполненного в формах эклектики, играет важную градостроительную роль. Приказом Министерства культуры Российской Федерации от 16 ноября 2012 г. №1410 объект был включен в Единый государствен-

ный реестр объектов культурного наследия (памятников истории и культуры) народов Российской Федерации с присвоением ему реестрового номера 221210002800005.

Библиографический список

Жизнь Алтая. 1913. №236. 25 октября.

Жизнь Алтая. 1915. №148. 8 июля.

Жизнь Алтая. 1916. №17. 22 января.

Жизнь Алтая. 1916. №143. 1 июля.

Материалы по исследованию арендного хозяйства в Алтайском округе / Статистическое отделение Главного управления Алтайского округа. Частная обрабатывающая промышленность в Алтайском округе / сост. С.П. Швецов. Барнаул, 1896. Т. I. С. 154–155.

По Оби и г. Барнаул, 1912–1913 гг. : справочник. Барнаул, 1912. С. 7.

Скубневский В.А., Старцев А.В., Гончаров Ю.М. Предприниматели Алтая, 1861–1917: энцикл. предпринимательства. Барнаул : Демидовский фонд, 1996. С. 45–46.

Целищева М.А. Казенная винная монополия в Сибири: история памятника промышленной архитектуры «Бийский №4 казенный винный склад» и современное его использование // Промышленное наследие Алтая и его сохранение для будущих поколений. Барнаул, 2017. С. 61–73.

Источники

Государственный архив Алтайского края (ГААК).

Государственный архив Томской области (ГАТО).

M.A. Tselishcheva, M.A. Dyshlyuk

*Altai Regional Local History Non-Government Organization
“Altai Heritage”, Barnaul, Russia*

“MERCHANT MANSION” IN BARNAUL – A MONUMENT OF ARCHITECTURE OF THE END OF THE 19TH CENTURY: HISTORY AND MODERN USE

On the ground of the archival documents, the article provides information on the history and first owner of the building, and about the further use of this object cultural heritage from the end of the 19th century to the present days. On May 2, 1917 in Barnaul there was a large fire, in which many residential and administrative buildings burned down, including the building of the Vorsin Brothers Trading House. The building was repeatedly reconstructed. Thus, in the 1950^s on the main facade there was a balcony door, on the south facade from the yard on the entry level there was a window opening, and on the level of the second floor – a door opening. A two-story brick annex was made to the east yard facade. The staircase leading to the second floor was dismantled. The building is a monument of architecture of the late 19th century, an example of an urban mansion made in the forms of eclectic and plays an important urban planning role.

Key words: cultural heritage, historical and cultural monuments, objects of cultural heritage.

УДК 392

Т.С. Ябыштаев

Горно-Алтайский государственный университет,
Горно-Алтайск, Россия

ПРОБЛЕМА СОБЛЮДЕНИЯ РОДОВЫХ ТРАДИЦИЙ У АЛТАЙЦЕВ В СОВРЕМЕННЫХ УСЛОВИЯХ

На основе полевых материалов, собранных в Республике Алтай в 2019 г., автором освещены проблемы соблюдения обычаев алтайцев в современных условиях трансформации обрядовой культуры. Результаты исследования данной темы были получены при применении метода непосредственного этнографического наблюдения и полуструктурированного интервью зайсанов (глав сёоков-родов) и членов Совета зайсаната на алтайском и русском языках. Проанализированы пути решения актуальных вопросов, предлагаемые Советом зайсанов, о соблюдении экзогамного обычая, сокращении списка родственников невесты для сватовства. Обращено внимание на проблему трансформации обычаев алтайцев о запрете посещения могил родственников, сохранении табу упоминания о потустороннем мире. Заключено, что для развития ритуальной жизни алтайцев зайсанатом предложено создание «Алтайского культурного и духовного центра» в г. Горно-Алтайске, столице Республики Алтай.

Ключевые слова: алтайцы, сёок-род, зайсан, родовые традиции, трансформация.

DOI: 10.14258/2411-1503.2020.26.50

В г. Горно-Алтайске периодически проводятся заседания общественной организации «Совет зайсанов», созданной в начале 1990-х гг. В Совет входят 15 зайсанов (глав родов), избранные на родовых праздниках алтайцев. Основным методом исследования явилось включенное наблюдение по изучаемому вопросу на совещаниях зайсанов, прошедших в 2012–2019 гг. Применялся также метод полуструктурированного интервью участников на алтайском языке. В данной работе предлагается рассмотреть рекомендации родовых глав по вопросу о возможностях соблюдения родовых традиций в современных условиях.

В связи со сложившейся социально-экономической ситуацией актуальным становится возрождение обычая родовой взаимопомощи. Зайсаном сёока сагал А.И. Саниным было предложено открыть банковский счет, на который желающие могли бы вносить денежные средства для помощи многодетным семьям, проведения алтайской свадьбы, обучения студентов в других регионах и для решения сложных жизненных ситуаций. В архивных номерах газеты «Алтайдын чолмоны» имеются сведения о случаях родовой помощи в постсоветский период [Садыков, 1993]. В 1993 г. к зайсану майманов А.К. Бардину обратилась женщина из сёока тодош, которая была замужем за представителем сёока майман, по вопросу помощи им как погорельцам. Зайсан обратился к соплеменникам о помощи пострадавшей семье. Из сёока майман и тодош, муниципальных районов республики поддержали семью, перечислив деньги

и передав вещи. Другой пример возрождения обычая родовой взаимопомощи. По инициативе зайсана сёока иркит В.Д. Кудирмекова желающие из многочисленных сёоков возводят традиционные жилища айылы, называемые «юрты сёоков-родов» (*сёбктордин айылдары*) на территории проведения республиканского мероприятия «Эл Ойын» (Народные игры). Прибывшие на праздник родственники и другие могут отдохнуть и переночевать в таком общем айыле. По примеру зайсана сёока иркит В.Д. Кудирмекова в предстоящий праздник «Эл Ойын» в июле 2020 г. в долине Ойбок Усть-Канского района зайсаны сёоков установят свои юрты сёоков [Ябыштаев, 2019].

Следующей проблемой является соблюдение родовой экзогамии, выступающей основой обычая *алышпас* (не вступать в брак). Например, парень из сёока кыпчак не может жениться на девушке из своего сёока и родственных сёоков-родов – мундус и кергил. По народным представлениям соблюдение экзогамного обычая сохраняет поколение здоровых потомков и способствует увеличению сёока-рода. В случае нарушения говорят «брат и сестра женились» (*ака-эжеси алышкан*), что означает факт кровосмешения. Аномальным становится соблюдение обычая авункулата, потому что дядя по матери фактически приходится братом, ведь он из одного сёока со своими племянниками, потомками брака, заключенного с нарушением экзогамии. Кроме того, теряется ритуальная значимость свадебных и послесвадебных обычаев взаимного посещения сторон жениха и невесты, если они из одного или родственных сёоков.

Проблема соблюдения обычая *алышпас* активно обсуждается молодыми алтайцами. Дискуссии разворачиваются в социальных сетях и форумах Интернета. Противники следования правилу родовой экзогамии приводят примеры благополучного брака, заключенного внутри сёока. Например, в социальной сети «ВКонтакте» девушка из сёока кыпчак пишет: «*Мои родители оба кыпчаки, я и сестренка совершенно здоровые, счастливые люди. Я вышла замуж за кыпчака. Люди, это же в наше время абсурд*» [Молодые с одного рода...]. Высказывается мнение о допустимости брака внутри крупного сёока, так как жених и невеста, относящиеся к одному сёоку, тем более многочисленному, проживают в разных районах и поэтому генетически и родственно отдалены друг от друга (*ыражып калган*). Другие, допускающие нарушение экзогамии брака, объясняют «правилом седьмого колена» – когда у родственников отца юноши и отца девушки до седьмого поколения нет родства, то такой брак считают возможным [Тюхтенева, 2015].

По мнению зайсана сёока чапты Н.Е. Мендина, «*сёок – это генофонд алтайского народа, и случаи нарушения обычая „алышпас“ грозят генетическому здоровью этноса*» [ПМА-1]. Им было предложено к фамилии приписывать название сёока, например, Кыпчак-Ябыштаев. Такая составная фамилия будет указывать родовую принадлежность и поможет избежать нарушения родовой экзогамии. Следует отметить, что частично

эта идея реализуется в социальных сетях Интернета. Встречаются аккаунты (личные страницы) с указанием имени и названия сёка, например Алтайнай Майман или Владимир Тодош [Ябыштаев, 2019].

Очередным важным вопросом внутриэтнической жизни алтайцев остается запрет посещения кладбища. Начиная с конца 1980-х гг. алтайцы, живущие в смешанных селах и городе, под влиянием традиций местных русских ухаживают за могилами умерших родственников, особенно в дни поминок и «родительский день» (православный праздник «Радоница»). Алтайцами этот день называется *длгөндөрдин байрамы*, что переводится как «праздник умерших». У алтайцев не принято посещать кладбища, что считается дурным знаком (*ыра*) – к несчастью. Посещение кладбища городские алтайцы объясняют необходимостью ухаживать из-за опасения засорения могилы и/или повреждения оградки.

По материалам этнографа В.А. Клешева в старину поминки отводили на третий и седьмой день, при этом не проводили на сороковой день и годовщину [Клешев, 2011, с. 120–121]. Существуют представления о том, что посещающего могилки преследуют «духи кладбищ» (*көрмөсидачы*). Исходя из народных поверий, этнограф В.А. Муйтуева отмечала, что останки оберегает «сторож могилы» (*сөбк сакычы*), который может поймать душу человека и навлечь недуг и/или смерть [Муйтуева, 2004]. Для соблюдения границы между земным и потусторонним мирами зайсанат предлагает внедрить в практику традицию кремации и/или организовать «алтайские кладбища» на общественные пожертвования.

Другой проблемой остается проведение алтайской свадьбы (*алтай той*) с непосильными расходами для стороны жениха, когда составляется список родственников невесты, включающий до 50 домов, которые следует посетить и совершить сватовство путем сватовских подношений. Родители жениха или сам жених и его близкие родственники вынуждены отправиться на заработки в северные регионы страны с хорошо оплачиваемой работой. Большие расходы на сватовство считаются бессмысленными и не имеющими отношения к традициям алтайской свадьбы. С другой стороны, в сватовстве перечисленных в списке родственников невесты видится своеобразное испытание новых сватов. Во время больших собраний алтайцев, таких как собрание-курултай, родовые праздники, заседание Совета зайсанов, предлагается не включать в список родственников невесты ее младшую родню, которую согласно народной традиции сватать не обязательно. К младшим родственникам относятся племянники (*jeндери*), дети сестер (*бөлдөри*) и холостые старшие братья [Тадина, 2013].

Совет зайсанов предлагает сократить количество семей-домов в списке (не более 20–30) и равномерно распределить финансовые расходы между родственниками. Предлагается утвердить список со стороны невесты (*куда түжүретен*), который следует просватать стороной жениха. Ритуал сватовства следует проводить сначала у родителей невесты (*ада-энези*) или тех, кто воспитал невесту (*чыдаткан улусы*). Затем ее

старших родственников, к которым относятся бабушка и дедушка (*карган адазы, карган энези*), родные братья отца невесты (*ака-карындаштары*), семейные старшие братья (*айылду-журту жаан акалары*), семью родного дяди по матери (*таай*), семью дяди по матери отца (*тӱс таай*) [ПМА-2].

В последние два десятилетия городские алтайцы стараются провести алтайскую свадьбу с соблюдением ключевых обрядов. Основной смысл свадьбы заключен в двух ритуалах, связанных с преображением невесты: смены ее девичьей прически на две косы с пробором (*чач ӧрӧри*) и приобщения к родовому огню жениха (*баишаады*), которые принято проводить в традиционном жилище – айыл. После ритуала заплетения волос невесты родственницами за белым свадебным занавесом (*кӧжӧгӧ*) совершается ритуал его открывания, символизирующий переход новобрачной в статус замужней женщины (*келин*). Занавес относится к табуированным предметам, поэтому не принято касаться его руками. Старший родственник жениха (у алтай-кижи его дядя по матери, у теленгитов – его старший брат) открывает занавес при помощи «мужского» предмета: рукоятки плетки, приклада ружья, ножен или двух веточек можжевельника (*арчын*). Открывший занавес относится к тем старшим родственникам, по отношению к которым невеста должна соблюдать взаимный обычай избегания (*кайындаш/келиндеи*).

Проведение очередного ритуала *баишаады*, означающего поклонение родовому огню жениха, проблемно в городских условиях. Семья, живущая в благоустроенной квартире, ограничивается ритуалом на кухне у электрической или газовой плитки. Бывают случаи, когда родители жениха решаются провести этот ритуал во дворе многоэтажного дома, найдя укромное место; обычно их стесняет невольное присутствие посторонних, их любопытство и непонимание. Если родители жениха живут в частном доме, свадебный ритуал разжигания родового очага совершается в айыле, находящемся во дворе дома. Если его нет, то ставят символический айыл, натянув ленты в форме конусообразного шатра, в центре которого устанавливают очаг. Некоторые предприниматели сдают айылы в аренду на время свадьбы. В г. Горно-Алтайске известен ресторан «Меркит», названный по сёоку владельца, предоставляющий услуги аренды для проведения свадебного церемониала.

В силу ритуальной важности проведения свадебных обрядов Совет зайсанов планирует построить «Алтайский культурный и духовный центр». По замыслу центр должен состоять из комплекса юрт, где семьи алтайцев будут проводить обряды, связанные с ритуальной жизнью: алтайская свадьба, праздник нового года *Чага байрам*, весеннего равноденствия *Лылгайак*, юбилеи выдающихся личностей сёоков и памятные исторические события алтайцев. Планируется совершать общественные моления *Алтай кӧдӱрери* (Возвышения Алтая) два раза в год: весенние (*јажыл бӱӱр*) и осенние (*сары бӱӱр*). Строительство этнокультурного комплекса предполагается на горе Айан в городском микрорайоне Байат [Ябыштаев, 2018].

Источники

ПМА-1 – Полевые материалы автора. Республика Алтай, г. Горно-Алтайск. Информант: Мендин Николай Екченевич, 1941 г.р., сөөк чапты (07.06.2019).

ПМА-2 – Полевые материалы автора. Республика Алтай, г. Горно-Алтайск. Заседание общественной организации «Совет зайсанов» (20.09.2019).

Библиографический список

Клешев В.А. Народная религия алтайцев: вчера, сегодня. Горно-Алтайск, 2011. 245 с.

Молодые с одного рода, говорят, не могут создавать семью // Сообщество Алтай сёёктёр. URL: https://vk.com/topic-7525637_15895123 (дата обращения: 10.03.2020)

Муйтуева В.А. Традиционная религиозно-мифологическая картина мира алтайцев. Горно-Алтайск, 2004. 166 с.

Садыков У. Лайзан јаны – албатынын јаны // Алтайдын чолмоны. 1993. №12. С. 1.

Тадина Н.А. О родовом очаге в контексте свадьбы у городских алтайцев // X конгресс этнографов и антропологов России. М., 2013. С. 193.

Тюхтенева С.П. Личность и общество у алтайцев: от родовой принадлежности до общеалтайской идентичности // Вестник Калмыцкого института гуманитарных исследований РАН. 2015. №4. С. 72–81.

Ябыштаев Т.С. О Городском курултае алтайцев // Древние и традиционные культуры Сибири и Дальнего Востока: проблемы, гипотезы, факты. Омск, 2018. С. 273–274.

Ябыштаев Т.С. Об актуализации родовой идентичности у алтайцев // Материалы Первого Международного алтаистического форума «Тюрко-монгольский мир Большого Алтая: историко-культурное наследие и современность». Барнаул, 2019. С. 181–183.

T.S. Yabyshataev

Gorno-Altai State University, Gorno-Altai, Russia

THE PROBLEM OF KEEPING GENERAL TRADITIONS WITH THE ALTAI PEOPLE IN MODERN CONDITIONS

Based on field materials collected in the Altai Republic in 2019, the author highlights the problems of observing the customs of Altai people in modern conditions when the ritual culture is transformed. The results of the topic under study were obtained by applying the method of direct ethnographic observation and a semi-structured interview with zaisans (heads of breeders) and members of the Zaisanat Council in Altai and Russian. Also, the analysis is given to the ways to address pressing issues proposed by the Zaisan Council, such as observing an exogamous custom and reducing the list of bride's relatives for matchmaking. Attention is drawn to the problem of transforming the customs of the Altai people concerning the ban on visiting the relatives' graves, preserving the taboo of mentioning the other world. It was concluded that to develop the ritual life of the Altai people, the zaisanat proposed the creation of an "Altai Cultural and Spiritual Center" in Gorno-Altai, the capital of the Altai Republic.

Key words: Altai people, Syok-clan, Zaysan, clan traditions, transformation.

Список сокращений

- АГУ (АлтГУ) – Алтайский государственный университет.
АлтГПУ – Алтайский государственный педагогический университет.
АН СССР – Академия наук Советского Союза.
БГПУ – Барнаульский государственный педагогический университет.
БСЭ – Большая Советская Энциклопедия.
ВГУ – Воронежский государственный университет.
ВСНХ – Высший совет народного хозяйства.
ВЭГУ – Восточная экономико-юридическая гуманитарная академия.
ГААК – Государственный архив Алтайского края.
ГАГУ – Горно-Алтайский государственный университет.
ГАНИИЯЛ – Горно-Алтайский научно-исследовательский институт истории, языка и литературы.
ГАРКМ – Горно-Алтайский республиканский краеведческий музей им. А.В. Анохина.
ДонНУ – Донецкий национальный университет.
ИА – Институт археологии.
ИАЭТ – Институт археологии и этнографии.
ИИ АН РТ – Институт истории им. Ш. Марджани АН Республики Татарстан.
ИИМК – Институт истории материальной культуры.
КемГУ – Кемеровский государственный университет.
ККАЭЭ – Камская археолого-этнографическая экспедиция.
КСИА – Краткие сообщения Института археологии.
МАЭ – Музей антропологии и этнографии.
МАЭА – Музей археологии и этнографии Алтая.
МНР – Монгольская Народная Республика.
НГУ – Новосибирский государственный университет.
НПЦ – научно-производственный центр.
НСО – Новосибирская область.
НФИ – Новокузнецкий институт (филиал).
ПСЗРИ – Полное собрание законов Российской империи.
РАН – Российская академия наук.
РГО – Российское географическое общество.
РК – Республика Казахстан.
РНФ – Российский научный фонд.
РФФИ – Российский фонд фундаментальных исследований.
РЭМ – Российский этнографический музей.
СА – Советская археология.
СамГУ – Самарский государственный университет.
СНЦ – Самарский научный центр.
СО – Сибирское отделение.
ТГУ (ТомГУ) – Томский государственный университет.
ТНИИЯЛИ – Тувинский научно-исследовательский институт языка, литературы и истории.
ТХАЭЭ – Труды Хорезмской археолого-этнографической экспедиции.
УрО – Уральское отделение.
УФИЦ – Уфимский федеральный исследовательский центр.
ЮУрГУ – Южноуральский государственный университет.

Научное издание

**СОХРАНЕНИЕ И ИЗУЧЕНИЕ
КУЛЬТУРНОГО НАСЛЕДИЯ АЛТАЙСКОГО КРАЯ**

СБОРНИК НАУЧНЫХ СТАТЕЙ

Выпуск XXVI

Редактор: Н.Ю. Ляшко

Подготовка оригинал-макета: М.Ю. Кузеванова

Редактор англоязычных аннотаций: Е.А. Россинская

Дизайн-обложки: О.В. Майер

*Для оформления обложки использован фотоснимок А.А. Тишкина,
на котором изображен крупный курган памятника Бугры
(Рубцовский район Алтайского края),
на титуле – портрет С.И. Руденко в 1954 г.
(Нижнетагильский музей изобразительных искусств,
художник Г.С. Верейский, бумага, автолитография:
<https://goskatalog.ru/portal/#/collections?id=12771080>)*

Подписано в печать 13.05.2020. Печать трафаретная.

Бумага офсетная. Формат 60х84/16. Усл. печ. л. .

Тираж 150 экз. Заказ .

Издательство Алтайского государственного университета:

656049, Барнаул, ул. Димитрова, 66

Отпечатано в типографии Алтайского государственного университета:

656049, Барнаул, ул. Димитрова, 66

Дата выхода 15.05.2020.